

СБОРНИК ТРУДОВ

КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОПЛИВНО-
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ»

ПОСВЯЩЕННОЙ
150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ И.М. ГУБКИНА

150 ЛЕТ

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет)
имени И.М. Губкина»**

СБОРНИК ТРУДОВ

КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**«Правовое регулирование деятельности
топливно-энергетического комплекса в
современных условиях»**

22 октября 2021 г.

**Москва
2021**

Сборник докладов конференции молодых ученых «Правовое регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса в современных условиях», посвященной 150-летию со дня рождения академика И.М. Губкина – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2021 – 406 с.

ISBN 978-5-91961-418-0

В сборнике представлены доклады конференции молодых ученых «Правовое регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса в современных условиях», посвященной 150-летию со дня рождения академика И.М. Губкина и организованной юридическими факультетами РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина и Санкт-Петербургского государственного университета.

Ответственный редактор:
профессор В.Г. Мартынов

Редакционная комиссия:
профессор С.Н. Рожнов, доцент С.А. Белов,
доцент К.С. Семенович, С.И. Конев, Т.Н. Лаврентьева.

ISBN 978-5-91961-418-0

© Коллектив авторов, 2021
© РГУ нефти и газа (НИУ)
имени И.М. Губкина,
2021

Государственное регулирование цен на газ и тарифов на услуги по его транспортировке
Абдулкаюмов Ильдус Наилевич
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Энергетическое право имеет большое значение для каждой из развитых стран и Россия в этом списке не исключение. Энергетические правоотношения складываются в связи с необходимостью юридического обеспечения решения задач, возникающих перед участниками этих правоотношений по формированию и функционированию рынка энергетики.

Главными задачами, стоящими перед энергетическим законодательством, являются решения наиболее острых и требующих внимания проблем, связанных с правовым регулированием энергетических отношений. При этом влияние энергетического права в развитых государствах может и должно отражаться не только содержанием в определенных нормативно правовых актах, но и в главном законе страны, например, как это сделано в России, где упоминание энергетической системы, включающей в себя в том числе и газовую отрасль, имеется в Конституции Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Газоснабжение, газовая отрасль, государственное регулирование, природный газ, транспортировка газа, энергетическое право, оптовые цены, розничные цены, тарифы.

ABSTRACT

Energy law is of great importance for each of the developed countries and Russia is no exception in this list. Energy legal relations are formed in connection with the need for legal support for solving the tasks that arise before the participants of these legal relations on the formation and functioning of the energy market.

The main tasks facing the energy legislation are to solve the most acute and demanding problems related to the legal regulation of energy relations. At the same time, the influence of energy law in developed countries can and should be reflected not only the content in certain regulatory legal acts, but also in the main law of the country, for example, as it is done in Russia, where the mention of the energy system, including the gas industry, is in the Constitution of the Russian Federation.

KEYWORDS

Gas supply, gas industry, government regulation, natural gas, gas transportation, energy law, wholesale prices, retail prices, tariffs.

Газоснабжение представляет из себя организованную подачу и распределение газового топлива для нужд народного хозяйства. Для газоснабжения используются газы природные горючие, а также искусственные газы, получаемые при термической переработке твердых и жидких видов топлива в газогенераторах и термических печах.

Природный газ является наиболее совершенным и экономичным видом топлива, ценным сырьём для химической промышленности. С обнаружением в советские годы больших ресурсов природного газа получение искусственных газов, как менее экономичное и связанное с трудоёмкими процессами, утрачивает своё значение.

Основы государственного регулирования газоснабжения в Российской Федерации закреплены во второй главе Федерального закона от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации». В статье 4 данного закона установлены принципы государственной политики в области газоснабжения в Российской Федерации, к которым относятся [5]:

- определение основ ценовой политики в отношении газа;
- осуществление государственного регулирования использования стратегических запасов газа, федерального государственного надзора в области промышленной безопасности систем газоснабжения, государственного экологического надзора в области газоснабжения, а также федерального государственного контроля (надзора) за установлением и (или) применением регулируемых государством цен (тарифов) в области газоснабжения;
- устанавливает принципы формирования цен на газ и тарифов на услуги по его транспортировке по газотранспортным и газораспределительным сетям, порядок компенсации убытков, понесенных газораспределительными организациями при поставках газа населению в соответствии с льготами, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Установленные в газовой отрасли цены и тарифы классифицируются на следующие группы:

- в зависимости от рынка реализации газа – оптовые и розничные цены;
- в зависимости от разновидности газа – цены на природный и сжиженный газ;
- в зависимости от объекта системы газоснабжения – тарифы на услуги по транспортировке газа по магистральным газопроводам и транспортировке газа по газораспределительным сетям.

Основная нагрузка в нормативно-правовом регулировании возложена на Правительство Российской Федерации, а также на Федеральную службу по тарифам. Учитывая специфику регулирования цен на газ и услуги по его транспортировке, данные правоотношения нуждаются в законодательном регулировании, которые осуществляются Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2000 № 1021 «О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке и платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации» (далее – Постановление Правительства РФ о регулировании цен на газ).

Согласно п. 1 Постановления Правительства РФ о регулировании цен на газ, положения, разработанные в соответствии с Федеральным законом «О газоснабжении в Российской Федерации», определяют принципы формирования цен на газ, добываемый на территории Российской Федерации, и тарифов на услуги по его транспортировке на территории Российской Федерации по магистральным газопроводам и

газораспределительным сетям, цен на сжиженный газ, реализуемый населению для бытовых нужд, а также порядок определения размера платы за технологическое присоединение и стандартизированных тарифных ставок, определяющих ее величину[2].

В свою очередь Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» устанавливает принципы формирования цен на газ и тарифов на услуги по его транспортировке по газотранспортным и газораспределительным сетям, порядок компенсации убытков, понесенных газораспределительными организациями при поставках газа населению в соответствии с льготами, предусмотренными законодательством Российской Федерации [3].

Централизованное ценовое и налоговое регулирование являются важнейшим инструментом реализации государственной политики в газовой отрасли. Поэтому необходимо отметить три важных обстоятельства, которые необходимо учитывать при определении целей государственной политики в данной сфере.

Во-первых, природный газ, месторождения которого находятся на территории Российской Федерации, является общенациональным достоянием и находится в собственности Российской Федерации. Как и любое другое полезное ископаемое, газ становится собственностью пользователя недр только после его добычи. Выручка, генерируемая продажей природного газа должна, помимо оператора месторождения, также поступать в казну государства как собственника газовых месторождений. Кроме этого, национальные потребители страны вправе использовать свое естественное преимущество при потреблении газа по сравнению с потребителями иностранных государств.

Инструментами обеспечения реализации указанных прав и интересов теоретически должна являться налоговая и тарифная политика, влияющая на формирование цены газа.

Во-вторых, сложившаяся монопольная структура отрасли обуславливает необходимость специального ценового и налогового регулирования газовой отрасли в целях защиты потребителей от возможных злоупотреблений, обусловленных актуальным монопольным положением одного доминирующего хозяйственного субъекта, а именно ПАО «Газпром» на всех стадиях производственного процесса. Также данное положение нашло свое закрепление в Федеральном законе от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях».

В настоящее время ценовое регулирование в газовой отрасли основывается на федеральных законах «О естественных монополиях» и «О газоснабжении в Российской Федерации».

В соответствии с Федеральным законом «О естественных монополиях» транспортировка газа по трубопроводам отнесена к сферам деятельности субъектов естественных монополий и подлежит государственному регулированию, одним из направлений которого является ценовое регулирование. В соответствии с Законом «О газоснабжении» по решению Правительства Российской Федерации регулирование тарифов на услуги по транспортировке газа может быть заменено государственным регулированием цен на газ для конечных потребителей, использующих его в качестве топлива

и (или) сырья, а также тарифов на услуги по транспортировке газа для независимых организаций в порядке, установленном Правительством Российской Федерации [4].

Государственное регулирование цен на газ, размера платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые потребителям газа его поставщиками, и тарифов на услуги по его транспортировке, а также платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям и (или) стандартизированных тарифных ставок, определяющих ее величину, осуществляется путем установления фиксированных цен (тарифов).

Государственному регулированию на территории Российской Федерации подлежат:

- 1) оптовые цены на газ;
- 2) тарифы на услуги по транспортировке газа по магистральным газопроводам для независимых организаций; тарифы на услуги по транспортировке газа по газопроводам, принадлежащим независимым газотранспортным организациям;
- 3) тарифы на услуги по транспортировке газа по газораспределительным сетям;
- 4) размер платы за снабженческо-сбытовые услуги, оказываемые конечным потребителям поставщиками газа (при регулировании оптовых цен на газ);
- 5) розничные цены на газ, реализуемый населению;
- 6) специальные надбавки к тарифам на услуги по транспортировке газа по газораспределительным сетям, предназначенные для финансирования программ газификации.
- 7) оптовые цены на сжиженный газ;
- 8) розничные цены на сжиженный газ, реализуемый населению, а также жилищно-эксплуатационным организациям, организациям, управляющим многоквартирными домами, жилищно-строительным кооперативам и товариществам собственников жилья для бытовых нужд населения (кроме газа для арендаторов нежилых помещений в жилых домах и газа для заправки автотранспортных средств) [5].

В принципе, регулирование транспортного тарифа в большей степени выгодно производителю газа, поскольку тариф представляет собой надбавку к формируемой вне сферы государственного регулирования цене газа. Регулирование отпускных цен, с одной стороны, более трудоемко, нежели тарифное регулирование, и требует значительно более развитого экономического инструментария, что, с другой стороны, компенсируется возможностью учета интересов потребителей услуг системы газоснабжения и принуждением производителя газа и его транспортера формировать свои издержки в соответствии с заранее объявленным единым экономическим индикатором. Последние обстоятельства объясняют также и то, почему регулирование цены представляет собой более ответственную меру государственного регулирования экономики, нежели тарифное регулирование.

В настоящее время Федеральная служба по тарифам России регулируются следующие виды деятельности в сфере транспортировки газа:

- тарифы на услуги по транспортировке газа по магистральным газопроводам для независимых организаций;
- тарифы на услуги по транспортировке газа по газораспределительным сетям;

– размер платы за услуги снабжения и сбыта, оказываемые конечным потребителям поставщиками газа (при поставке газа по регулируемым оптовым ценам на газ).

Газовой отрасль играет большую роль в формировании бюджета нашей страны. Таким образом, Российская Федерация устанавливает цены на газ и тарифы на услуги по его транспортировке. Страна выступает как регулятор цен, которые в свою очередь отражают состояние экономики. В то же время сами цены сильно влияют на структуру хозяйства, условия капиталовложений, устойчивость национальной валюты, социальную сферу жизни. Существует не мало нормативно правовых актов регулирующих эту сферу.

Для обеспечения возможности практической реализации принятых законов очень важно, чтобы они были вовремя подкреплены принятыми на их основе подзаконными актами, точно определяющими и уточняющими в соответствии с конкретными условиями отрасли и экономической обстановкой в стране.

Также следует отметить, что необходимо воздействовать на цены для государственного регулирования экономики, бороться с инфляцией, стремиться к улучшению конкурентоспособности на мировых рынках и смягчению социальной напряженности. Государственные мероприятия по регулированию цен обязаны носить законодательный и административный характер.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О газоснабжении в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
3. Постановление Правительства РФ от 29.12.2000 № 1021 (ред. от 13.09.2021) «О государственном регулировании цен на газ, тарифов на услуги по его транспортировке и платы за технологическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям на территории Российской Федерации» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 17.08.1995 N 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
5. Романова В.В. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник / под ред. доктора юридических наук В.В. Романовой. М.: Издательство «Юрист», 2014. — 656 с.

Правовое обеспечение экологической безопасности при пользовании недрами
континентального шельфа российской федерации
Акобян Арам Тигранович
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Техногенное воздействие на шельф резко возросло в последние десятилетия в результате разведки и освоения новых месторождений газа и нефти, а также из-за явно обострившегося интереса к ее минеральным ресурсам. Освоение природных ресурсов Российского шельфа требует особого внимания к предотвращению возможных чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и экологического характера. В настоящее время роль и значение континентального шельфа России и ее Арктики еще более возрастает. Это связано с сохраняющейся высокой ролью континентального шельфа и формированием новых внешних вызовов, среди которых незавершенность международного права по разграничению континентального шельфа России в Арктике с соседними государствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Континентальный шельф, экология, экологическая безопасность, поиск и добыча углеводородного сырья

ABSTRACT

The technogenic impact on the shelf has increased dramatically in recent decades as a result of exploration and development of new gas and oil fields, as well as due to the clearly heightened interest in its mineral resources. The development of the natural resources of the Russian shelf requires special attention to the prevention of possible natural, man-made and environmental emergencies. Currently, the role and importance of the continental shelf of Russia and its Arctic is increasing even more. This is due to the continuing high role of the continental shelf and the formation of new external challenges, including the incompleteness of international law on the delimitation of Russia's continental shelf in the Arctic with neighboring states.

KEYWORDS

Continental shelf, ecology, environmental safety, search and production of hydrocarbons

Согласно официальным данным [1] в акваториях континентального шельфа Российской Федерации сосредоточено 41 месторождение; запасы по сумме всех категорий ($AB_1C_1+B_2C_2$) составляют: нефти – 627,6 млн. т, газа – 12153,8 млрд. м³ и конденсата – 152,1 млн. т:

Запасы арктического шельфа распределенного фонда недр составляют 81% от величины запасов по всему шельфу Российской Федерации (Рис. 1). В нераспределенном фонде недр его доля чуть ниже - 68 %. При этом газовая составляющая преобладает в обоих случаях.

В период с 2011-2020 гг. арктических акваториях континентального шельфа Российской Федерации открыто 10 месторождений углеводородного сырья, среди них:

В 2020 г. - в *Карском море* 3 месторождения – крупное **газовое месторождение 75 лет Победы**, уникальные газоконденсатное **Им. Маршала Рокоссовского** и газовое месторождение **Им. Маршала Жукова**. Прирост *предварительно* составил запасов газа кат. C₁+C₂ 1516,2 млрд. м³, конденсата – 52,5 млн. т.

В 2019 г. - в *Карском море* - 3 месторождения – уникальное газоконденсатное месторождение **им. В.А.Динкова**, крупное газовое месторождение **Нярмейское**, по результатам бурения на суше - прибрежно-морское крупное газоконденсатное месторождение **Няхартинское**. Прирост составил: запасов газа кат. C₁+C₂ 532,26 млрд. м³, конденсата – 3,8 млн. т.

Таким образом, за указанный период прирост *запасов УВС* в результате поискового бурения составил - 2974,5 млн. т н.э., разведочного - 1025,5 млн. т н.э. Суммарный прирост запасов составил – **4000,0** млн. т н.э. (в основном газ, свыше 93%).

Современный лицензионный фонд арктических морей включает **85** лицензий, в том числе **23** транзитных лицензий (суша-акватория) (серии НРМ, СЛХ) в территориальном море и внутренних морских водах. С последними связаны изменения в лицензионном состоянии в арктических акваториях в 2020-2021 гг.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.09.2020 № 1424 [2] в декабре 2020 г. —январе 2021 г. и июне—июле 2021г. поступили на рассмотрение участки на предоставление права пользования недрами для *геологического изучения* в целях поиска и оценки месторождений углеводородного сырья на участках недр федерального значения внутренних морских вод и территориального моря:

- **Байдарацкий, Усть-Обский Восточно-Белоостровский, Восточно-Сеяхинский, Восточно-Тасийский**, расположенные в акватории Обской и Байдарацкой губ Карского моря – заявитель ООО «Ямалшельф»;

- **Усть-Енисейский**, расположенный в Енисейском заливе Карского моря – заявитель ПАО «Газпром нефть».

Вышеуказанные данные свидетельствуют об значительном интересе пользователей недр к изучению, разведке и добыче углеводородного сырья на континентальном шельфе Российской Федерации.

Кроме того, в настоящее время континентальный шельф России показывает главенствующую роль в проведении геологоразведочных работ как за счет федерального бюджета, так и за счет частных или привлеченных средств пользователей недр. Ниже приведены соответствующие графики (Рис. 1, 2).

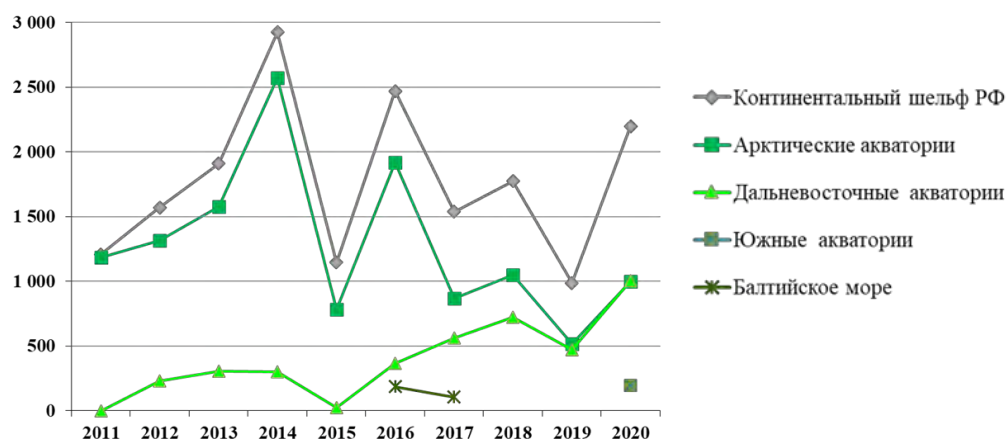

Рисунок 1. Затраты средств федерального бюджета на геологоразведочные работы 2011 – 2020 гг., млн. руб.

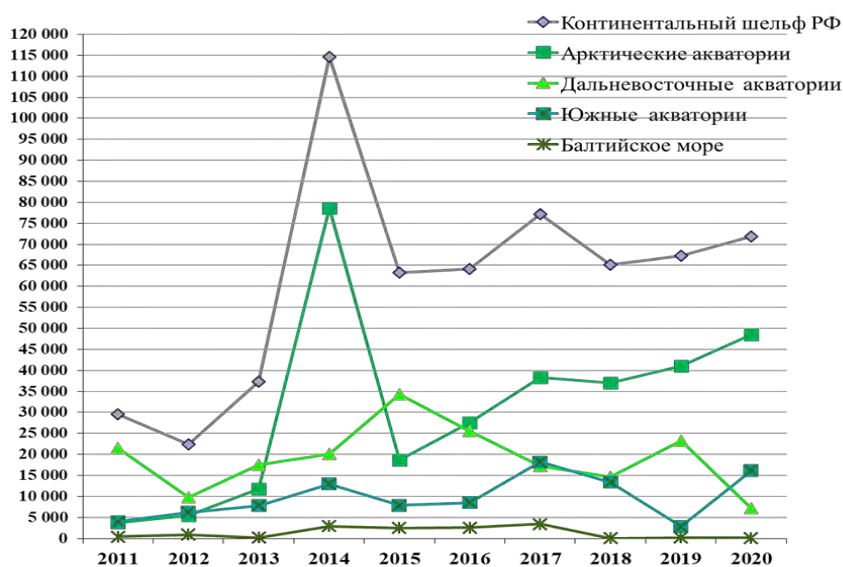

Рисунок 2. Затраты пользователей недр на геологоразведочные работы 2011 – 2020 гг., млн. руб.

Исходя из графиков можно сказать, что идет постепенное увеличение роста финансирования геологоразведочных работ как за счет федерального бюджета, так и за счет пользователей недр, что в свою очередь приводит к техногенному, экологическому воздействию на континентальный шельф Российской Федерации.

Возникает проблема экологической безопасности.

Существует несколько определений экологической безопасности, среди которых трудно выбрать наиболее правильное или вполне адекватное представлению о безопасности в целом и об экологической безопасности в частности.

Проанализировав определения «экологическая безопасность» предлагаю свое определение: *экологическая безопасность – это один из элементов международной и национальной безопасности, характеризующий сохранение качества окружающей среды на уровне, при котором не происходит деградация либо уничтожение как*

отдельных компонентов, так и окружающей среды в целом, вызванное негативным воздействием как самой хозяйственной деятельности человека, так и её результатами.

Отсюда вытекает, что обеспечение экологической безопасности – это реализация мероприятий по сохранению того качества окружающей среды, на котором не происходит деградация либо уничтожение как отдельных компонентов, так и окружающей среды в целом.

Субъектами обеспечения экологической безопасности является государство, граждане, юридические лица.

Предметом обеспечения экологической безопасности являются общественные отношения, складывающиеся между субъектами хозяйственной деятельности по поводу сохранения качества окружающей среды на том уровне, на котором не происходит деградация либо уничтожение, как отдельных компонентов, так и окружающей среды в целом.

Что касается нормативно-правового регулирования обеспечения экологической безопасности, то видится необходимым, во-первых, осветить ретроспективу развития правового регулирования данной области, во-вторых, провести анализ опыта зарубежных стран в вопросах обеспечения экологической безопасности на национальном уровне в целях выявления положений, которые могли бы найти применение в отечественном праве.

В настоящее время продолжается тенденции активного поиска и разработки новых месторождений нефти, в том числе вовлечения шельфовых запасов углеводородного сырья, о чем, вместе с тем, было отмечено на Парламентских слушаниях 28 октября 2020 года [3].

Вместе с тем, использование нефти в энергетических целях является одним из главных источников выбросов парниковых газов, которые, в свою очередь приводят к изменению климата. Согласно данным Национального доклада о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом, средняя скорость роста среднегодовой температуры воздуха на территории Российской Федерации в 2,5 раза больше скорости глобальной температуры и в 1,5 раза больше скорости приземного воздуха над сушей Земного шара[4].

При этом Российская Федерация занимает 4 место в списке стран по выбросам углекислого газа в секторе энергетики[5]., что составляет порядка 4,5 процентов выбросов в энергетическом секторе мира.

Согласно докладу Межправительственной группы экспертов по изменению климата (далее – МГЭИК), опубликованному в 2020 году, официально заявленные цели стран по снижению выбросов парниковых газов до 2030 года приведут к глобальному потеплению на 3 °С по сравнению с доиндустриальным уровнем. [6].

По оценкам МГЭИК, для того чтобы с высокой степенью вероятности избежать повышения средней приповерхностной температуры планеты более чем на 1,5 °С, необходимо исключить увеличение или значительное увеличение выбросов от сжигания углеводородного сырья, в том числе от сжигания нефти: в интегральной оценке для различных сценариев использования нефти в качестве источника энергии снижение объемов сжигания нефти к 2030 году в мире должно составить 34,3 % от уровня 2010

года. Расчеты других организаций на основе данных МГЭИК демонстрируют, что разработка новых месторождений нефти несовместима с удержанием глобального потепления в пределах 1,5 °C [7].

С точки зрения глобальной динамики потребления нефти, масштабное инвестирование в открытие новых месторождений несет также значительные экономические риски, так как в ближайшие десятилетия возможно прохождение пика потребления нефти в мире по социально-экономическим причинам. Так, в соответствии с рядом сценариев таких нефтяных компаний, как Shell и BP, пик потребления нефти может быть пройден в 2030 или 2035 годах – при том, что, как показывает мировой опыт, инвестиционные циклы в проектах по добыче нефти гораздо дольше [8].

Однако, актуальные прогнозы ключевых игроков нефтегазовой отрасли и многих международных организаций сходятся в том, что эпоха нефти и газа далека от завершения и главенствующая роль этих источников энергии в мировом энергетическом балансе сохранится и в дальнейшем. Мощным фактором, стимулирующим потребность в энергоносителях и, прежде всего, эффективных и доступных, является то, что население Земли – порядка 7,6 миллиардов человек на данный момент – будет неуклонно расти и, согласно прогнозу ООН, к 2030 году 8,6 миллиарда человек, а к 2050 году 9,6 миллиарда человек [9].

В связи с тем, что углеводородное сырье является невозобновляемым источником энергии, спрос на нефть и газ как минимум не будет падать, а предложение не будет расти. В этой связи ключевыми задачами, решаемыми компаниями нефтегазовой отрасли, являются повышение отдачи эксплуатируемых месторождений, а также поиск альтернативных для восполнения запасов углеводородного сырья.

Геологической службой США (United States Geological Survey, USGS) был произведен вероятностный геологический анализ, в качестве пороговой цифры которого был принят 10% и более шанс обнаружения относительно крупных запасов нефти и газа (более 50 млн. т.н.э.). Всего специалистами Геологической службы США было обнаружено более 400 месторождений нефти и газа различной степени перспективности на шельфовых территориях. В соответствии с опубликованным в 2018 году докладом, суммарный объем неразведанных запасов нефти, сосредоточенной в шельфе и в Арктическом регионе, может составлять порядка 13-15% от общемировых, а аналогичный показатель по природному газу может составить до 30%. «Обширные континентальные шельфы могут представлять собой крупнейший в географическом смысле перспективный район для разработки оставшихся на Земле углеводородов», - сообщают авторы доклада [10].

При этом основные месторождения (около 80%), согласно оценке данной организации, расположены на относительно мелководных шельфовых участках – на глубинах менее 500 метров.

Крупнейшие запасы арктической нефти сосредоточены в американском сегменте Арктики. Вместе с тем Российская Федерация согласно вышеуказанному отчету располагает более чем 15 млрд б.н.э., из которых 9,4 млрд – в южной части Баренцева моря и еще 5,3 млрд – в Енисей-Хатангском бассейне. При учете ресурсов жидких фракций природного газа (NGL) нефтяная доля России существенно вырастает – до 41% суммарного объема арктических запасов [11].

В отношении российских запасов природного газа в Арктике оценка еще более оптимистична: порядка 70% от общего объема неразведанных газовых запасов.

Таким образом, в долгосрочной перспективе континентальный шельф Российской Федерации обладает уникальным нефтегазоносным потенциалом, который неизбежно будет привлекать внимание и инвестиции со стороны ведущих мировых держав, а кроме того, будет стимулировать технологическое развитие, без которого столь ценные в современном мире углеводородные запасы не могут быть добыты.

В 2020 году Международное энергетическое агентство (International Energy Agency, IEA) в своем ежегодном прогнозе энергетического развития World Energy Outlook (WEO)- 2020, традиционно экстраполируя прошлый опыт и актуальные тренды к будущему, представило четыре сценария мирового энергетического развития на горизонте до 2040 года. В первом сценарии – наиболее консервативном – Current Policy Scenario (CPS) авторы берут за основу допущения о неизменности текущей мировой энергетической политики и отсутствии каких-либо глобальных потрясений и порывов. Во втором сценарии New Policy Scenario (NPS) допускается, что будут реализованы все наиболее значимые официально объявленные политические цели и задачи в области энергетики. Третий сценарий Sustainable Development Scenario (SDS) базируется на условии полного исполнения целей, зафиксированных в 2015 году Парижском соглашении в рамках Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, направленного на снижение темпов глобального потепления. Возможный взрывной рост электрической энергии заложен в основу четвертого сценария - Future is Electric Scenario - FiES.

Сценарии New Policy Scenario (NPS) и Sustainable Development Scenario (SDS) при этом позиционируются авторами как наиболее вероятные пути развития, а потому были более детально сопоставлены авторами отчета. Существенный вклад в формирование актуального и перспективного мирового энергобаланса вносит регулирование выбросов в атмосферу вредных веществ, стимулирующее топливную диверсификацию и усиление роли возобновляемых источников энергии и природного газа как наиболее экологичного углеводородного топлива [12]. Учитывая данное обстоятельство, оба сценария подразумевают рост общей потребности в энергии и при этом сходятся в прогнозе увеличения доли возобновляемых источников энергии, а также сохранения и даже увеличения доли природного газа в мировом энергетическом балансе: 22% в 2017 году, 25% к 2040 году. В отношении же нефти данные сценарии указывают на снижение ее доли в мировом энергетическом балансе с 32% в 2017 году до тем не менее весьма существенных 28% и 23% в 2040 году для New Policy Scenario (NPS) и Sustainable Development Scenario (SDS) соответственно.

На мой взгляд, в ближайшее время необходимо разработать нормативно-правовую базу, отвечающую требованиям экологической безопасности, при проведении работ по разведке и добыче углеводородного сырья на шельфе Российской Федерации с установлением системы мер допустимого негативного воздействия антропогенных и природных факторов на окружающую среду и самого человека.

В этой связи, предлагаю Правительство Российской Федерации в рамках своих полномочий:

1) пересмотреть федеральную политику недропользования и изменить стратегию использования минерально-сырьевой базы Российской Федерации, исключив из нее цели по расширению географии добычи углеводородного сырья и вовлечению в эксплуатацию трудноизвлекаемых запасов нефти;

2) до принятия стратегии использования минерально-сырьевой базы, отвечающей вызовам, связанным с изменением климата, для обеспечения национальной безопасности и охраны окружающей среды ввести запреты на использование:

- новых месторождений нефти;

- месторождений трудноизвлекаемых полезных ископаемых, добываемых из низкопроницаемых формаций на основе технологий гидроразрыва;

3) пересмотреть федеральную энергетическую политику в пользу масштабного внедрения энергосберегающих технологий и использования возобновляемых источников энергии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Информация о состоянии минерально-сырьевой базы углеводородного сырья, лицензионного фонда недр, геологоразведочных работах за счет средств федерального бюджета и компаний-недропользователей к доклад Заместителя Министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации Д.Д. Тетенькина в 15-м Международном Форуме по освоению ресурсов нефти и газа Российской Арктики и континентального шельфа – RAO/CIS Offshore 2021 // <https://vniio.ru/123212>
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.09.2020 № 1424 «Об утверждении Положения о рассмотрении заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения в целях поиска и оценки месторождений углеводородного сырья на участке недр федерального значения внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации, 21.09.2020, № 38, ст. 5898
3. Парламентские слушания 28 октября 2020 года «О ходе подготовки проекта стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации до 2035 года» / Интернет-источник: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/109343/>;
4. Национальный доклад о кадастре антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом, разработан и представлен в соответствии с обязательствами Российской Федерации по Рамочной Конвенции ООН об изменении климата и Киотскому протоколу к Рамочной Конвенции ООН об изменении климата. Часть I. М.: 2019 // Интернет-источник: <http://www.igce.ru/category/informacionnye-produkty-obzory-dokladi-i-dr>
5. BP Statistical Review of World Energy 2020 68th edition // Интернет-источник: <https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/energyecjnmics/statistical-review>
6. Pathway reflecting current nationally states mitigation ambition until 2030 are broadly consistent with cost-effective pathway that result in a global warming of about 3 °C by

- 2100, with warning continuing afterwards. Интернет-источник: https://report.jpcc.ch_sr15/pdfs/r15_spm_final.pdf
7. Overexposed. How the IPCC's 1,5 °C Report Demonstrates the Risks of Overinvestment in Oil and Gas. Global Witness, 2020 // Интернет-источник: <https://www.globalwitness.org/en/campaigns-oil-gas-and-mining>
 8. Интернет-источник: <https://www.shell.com/business-customers/trading-and-supply/trading/shell-energy-europe.html#iframe=L3dIYmFwcHMvc2h1bGxfZW5lcmd5X2V1cm9wZS9oZWfkZXItdGFrZW92ZXItbmF2aWdhZGlubi8>
 9. Официальный сайт Организации Объединенных Наций (ООН) <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/world-population-prospects-2017.html>
 10. Gautier, D., Moore T., 2017, Introduction to the 2008 Circum-Arctic Resource Appraisal (CARA) professional paper, chap. A Circum-Arctic Resource Appraisal: U.S. Geological Survey Professional Paper 1824, 2008
 11. Швец Н.Н., Береснева П.В. Нефтегазовые ресурсы Арктики: правовой статус, оценка запасов. Вестник МГИМО-Университета. 2017
 12. Зенгина Т.Ю. Ресурсовользование: учебное пособие. – Москва-Ухта: ИУИБ, 2016

Проблемы формирования углеродного рынка в Российской Федерации

Афонин Алексей Николаевич¹, Недорезков Сергей Вячеславович²

¹Доцент, ²Студент

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Одним из ближайших вызовов для всей российской экономики является ожидаемое внедрение в Европейском союзе трансграничного углеродного регулирования и внедрение налогового сбора, при расчете которого будет учитываться углеродный след продукции, т.е. объем выбросов CO₂ при производстве товаров. Несмотря на то, что поначалу налог коснется металлов, удобрений, электроэнергии и цемента, но в будущем может затронуть и нефтепродукты.

Сгладить негативный эффект введения трансуглеродного сбора получится, если в России заработает признанная на международном уровне система учета и обращения углеродных единиц. Принятый Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» заложил основу для формирования рынка углеродных единиц. При этом, анализ положений данного закона, приведенный в статье, указывает на имеющиеся пробелы и противоречивость отдельных норм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Углеродный налог, зеленые финансовые инструменты, биржевые климатические инструменты, углеродные единицы, зеленые облигации, система торговли квотами на выбросы.

ABSTRACT

One of the immediate challenges for the entire Russian economy is the expected introduction of cross-border carbon regulation in the European Union and the introduction of a tax levy, the calculation of which will take into account the carbon footprint of products, i.e. the amount of CO₂ emissions from the production of goods. Despite the fact that at first the tax will affect metals, fertilizers, electricity and cement, but in the future it may also affect petroleum products.

It will be possible to smooth out the negative effect of the introduction of the trans carbon levy if an internationally recognized system of accounting and circulation of carbon units works in Russia. The adopted Federal Law "On Limiting Greenhouse Gas Emissions" laid the foundation for the formation of a market for carbon units. At the same time, the analysis of the provisions of this law, given in the article, indicates the existing gaps and inconsistency of individual norms.

KEYWORDS

Carbon tax, green financial instruments, climate exchange instruments, carbon units, green bonds, emissions trading system.

Многие страны вводят мониторинг выбросов углекислого газа, систему их учета, формируют рынок климатических инструментов, базовым активом которого становится

углеродная единица, эквивалентная одной тонне углекислого газа. Выделяют два основных инструмента регулирования выбросов – экономические и административные. Экономические инструменты не предполагают прямых ограничений или запретов и направлены на создание дополнительных экономических стимулов (например субсидии на сокращение выбросов, налог на выбросы, система торговли квотами). К административным инструментам регулирования выбросов относят количественное ограничение на выбросы, техническое регулирование, нормы расходования ресурсов, т.е. инструменты напрямую ограничивающие вредное воздействие [1].

Страны идут по пути сочетания этих двух подходов при углеродном регулировании. Создание цивилизованных рынков углеродных единиц рассматривается как один из действенных механизмов по сокращению выбросов парниковых газов и значительным фактором низкоуглеродного развития мировой экономики, но формированию глобального международного рынка мешает отсутствие единых стандартов.

Российская Федерация заинтересована в формировании рынка углеродных единиц, необходимость создания которого вызвана планируемым введением Евросоюзом трансграничного углеродного регулирования, предполагающего введение импортных пошлин на товары, при производстве которых произошла значительная эмиссия соединений углерода. Как следствие, нефтегазовая отрасль может серьезно пострадать от вводимых ограничений. Сгладить негативное воздействие трансуглеродного сбора получится, если в России заработает своя система учета выбросов и обращения углеродными единицами, разработанная согласно с мировыми требованиями. Необходимо, чтобы российские углеродные единицы признавались на международном рынке, а отечественная торговая система была интегрирована с системами других стран, все это позволит минимизировать убытки вызванные введением трансуглеродного сбора.

Несмотря на существующее мнение о невыполнимости в полной мере и политизированности вводимого Европейским союзом углеродного регулирования, топ-менеджеры крупнейших российских нефтегазовых компаний видят большой потенциал в проектах по декарбонизации и формировании рынка биржевых климатических инструментов [2,3,4].

В перечень таких инструментов можно включить углеродные единицы, зеленые облигации и зеленые сертификаты, подтверждающие получение энергии от возобновляемых источников.

По своей сути, климатические инструменты это созданные посредством юридической фикции абстрактные правовые категории, которые появились в ходе развития общественных отношений в сфере охраны окружающей среды. Обращение климатических инструментов по правилам совершения и отражения приближено к финансовым инструментам и их обороту присущи риски характерные для инструментов финансового рынка (налоговые, операционные и инвестиционные риски) [5].

В Российской Федерации только начинает формироваться правовая база, регулирующая рынок климатических инструментов. Так, 2 июля 2021 года принят Федеральный закон № 296-ФЗ от 02.07.2021 «Об ограничении выбросов парниковых газов», вступающий в силу по истечении 180 дней со дня его опубликования [6]. Данный

закон определяет углеродную единицу как верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа. В то же время Директива Европейского союза 2003/87/ЕС более широко определяет углеродную единицу как одну метрическую тонну CO₂ или количество любого другого парникового газа, перечисленного в Приложении II, с эквивалентным потенциалом глобального потепления [7]. Данные различия могут препятствовать интеграции российской и европейской систем по обращению углеродных единиц.

Установлено, что углеродные единицы должны учитываться в специальном информационном ресурсе – реестре углеродных единиц, который ведет юридическое лицо, уполномоченное Правительством Российской Федерации. Закон максимально расширил субъектный состав участников обращения углеродных единиц, ими могут быть юридические лица или индивидуальные предприниматели, а так же физические лица (статьи 2 и 10,11 закона).

На мой взгляд, в Федеральном законе «Об ограничении выбросов парниковых газов» имеются определенные противоречия. К примеру, статья 2 определяет, что под обращением углеродных единиц понимается совокупность операций, проводимых при их передаче. При этом в пункте 2 статьи 11 закона указано, что обращение углеродных единиц включает в себя совокупность операций, которые регистрируются в реестре углеродных единиц путем внесения в него соответствующих записей. Видно, что статья 2 закона слишком ограничительно толкует понятие обращения углеродных единиц. Можно прийти к абсурдному выводу, что передача углеродных единиц считается их обращением, а получение - нет. Формирование рынка углеродных единиц подразумевает не только простейшие операции купли – продажи, но также залоговые операции, конструирование инструментов на их основе. В связи с чем, норма пункта 2 статьи 11 закона является более правильной.

Могут возникнуть проблемы с применением пунктов 6 и 8 статьи 10 Федерального закона «Об ограничении выбросов парниковых газов», согласно

которым оператор обязуется проводить операции по счету в реестре углеродных единиц в соответствии с распоряжением владельца счета; передача углеродных единиц иному лицу, осуществляется на основании распоряжения владельца счета. По моему мнению закон должен предусматривать случаи совершения операций по счету без согласия его владельца, например при обращении взыскания на углеродные единицы судебным приставом – исполнителем.

Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» потребует внесения изменений в целый ряд законодательных актов различных отраслей права, далеких от экологического права. В частности, по своему смыслу операции с углеродными единицами должны попадать под сферу действия законодательства о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма.

В связи, с чем необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [8]. В частности, необходимо добавить оператора углеродных единиц в перечень организаций,

осуществляющих операции с денежными средствами и иным имуществом (статья 5 указанного закона).

В Российской Федерации накапливается определенный опыт обращения экологических инструментов схожих с углеродными единицами. Таким инструментом являются сертификаты I-REC, подтверждающие факт производства электроэнергии за счет возобновляемых источников, один такой сертификат соответствует 1 МВт*ч. Сертификаты I-REC выпускаются по заявкам производителей электроэнергии и в дальнейшем реализуются организациям, которые получают возможность делать заявления о том, что они частично или полностью перешли на потребление возобновляемой электроэнергии [9].

В будущем планируется внести изменения в Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», законодательно закрепив понятие «зеленых сертификатов» на электроэнергию и правила их обращения [10].

Заинтересованность к формирующемуся рынку климатических инструментов проявляют не только компании из топливно-энергетического комплекса, но также и крупнейшие банки. В рамках эксперимента по Сахалинской области ПАО Газпромбанк предлагает создать IT-платформу для торговых и обменных операций углеродными единицами [11,12]. Московская биржа и банк ВТБ в июне 2021 года подписали соглашение о совместной работе по формированию рынка торговли углеродными единицами [13].

Также появляются и симбиозы климатических инструментов, в июне 2021 года ПАО «Сбербанк» выпустил инвестиционные облигации, дополнительный доход по которым привязан к динамике рыночной стоимости базового актива — фьючерсов на квоты на выбросы углекислого газа [14].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Макаров И.А. Степанов И.А. Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2017. № 6. С. 3-21.
2. Дворкович: Решение Евросоюза об углеродном налоге — политизированное. — Текст: электронный // Нефть и Капитал: [сайт]. — URL: <https://oilcapital.ru/news/markets/10-09-2021/dvorkovich-reshenie-evrosoyuza-ob-uglerodnom-naloge-politizirovannoe> (дата обращения: 21.09.2021).
3. Российские выбросы ждут признания. — Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4955553> (дата обращения: 22.09.2021).
4. Сергей Вакуленко «Энергопереход создает для нефтяных компаний не только новые риски, но и возможности» / Вакуленко Сергей. — Текст : непосредственный // Сибирская нефть. — 2021. — № 178. — С. 16-17.
5. Лукашенко И.В. Риски использования углеродной единицы как инструмента финансового рынка // Экономика и управление. 2013. № 4. С.50-55.
6. Федеральный закон № 296-ФЗ от 02.07.2021 «Об ограничении выбросов парниковых газов». URL:

- <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020031> (дата обращения 15.09.2021)
7. EU Emissions Trading System (EU ETS). — Текст : электронный // European Commission, official website : [сайт]. — URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/ets_en (дата обращения: 18.09.2021).
 8. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102072376> (дата обращения 18.09.2021).
 9. Сертификаты I-REC . — Текст : электронный // Цель номер семь: ЦНС : [сайт]. — URL: <https://www.gns.center/i-rec> (дата обращения: 08.07.2021).
 10. Проект Федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением зеленых сертификатов. URL: <https://regulation.gov.ru/Files/GetFile?fileid=551ddd28-9d97-46e5-a345-da9b257de9bb> (дата обращения 18.09.2021).
 11. Проект Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования выбросов и поглощения парниковых газов в Сахалинской области» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=206617#01879343027326863> (дата обращения 15.09.2021)
 12. Национальный рынок углеродных единиц защитит экспортеров. — Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4936775> (дата обращения: 21.09.2021).
 13. Московская биржа и ВТБ договорились о разработке принципов торговли углеродными единицами. — Текст : электронный // Московская Биржа : [сайт]. — URL: <https://www.moex.com/n34433> (дата обращения: 20.09.2021).
 14. Сбер выпустил первые в России облигации с привязкой к квотам на выбросы CO2. — Текст : электронный // SberPress : [сайт]. — URL: <https://press.sber.ru/publications/sber-vypustil-pervye-v-rossii-obligatsii-s-priviazkoi-k-kvotam-na-vybrosy-co2> (дата обращения: 20.09.2021).

Международно-правовое и внутригосударственное регулирование добычи и
транспортирования нефти
Афони́на Екатерина Алексе́евна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

АННОТАЦИЯ

Актуальность данной темы обуславливается зависимостью экономики России от поступлений в бюджет денежных средств от реализации природных энергоресурсов, таких как нефть и газ. Правовой механизм, регулирующий столь важную отрасль экономики, нуждается в анализе и совершенствовании. Иностранные инвестиции, столь необходимые российской экономике, сталкиваются с неопределенными правилами осуществления пользования недрами, что отталкивает их от вложения денег в разрабатываемые проекты. Оценка нормативно-правовых документов в нефтегазовой сфере позволяет выявить недоработки действующего законодательства, которые препятствуют развитию эффективных отношений государства и недропользователя.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Нефть, добыча, транспортировка, законодательство, экономика, международное право.

ABSTRACT

The relevance of this topic is due to the dependence of the Russian economy on budget revenues from the sale of natural energy resources, such as oil and gas. The legal mechanism regulating such an important branch of the economy needs to be analyzed and improved. Foreign investments, which are so necessary for the Russian economy, face uncertain rules for the use of mineral resources, which pushes them away from investing money in projects under development. The assessment of regulatory documents in the oil and gas sector makes it possible to identify shortcomings in the current legislation that hinder the development of effective relations between the state and the subsoil user.

KEYWORDS

Oil, production, transportation, legislation, economics, international law.

Поступления от нефтегазовой отрасли составляет основную часть бюджета Российской Федерации, поэтому государственное регулирование в данной сфере отношений играет в жизни страны важную роль. Государственное регулирование направлено на создание благоприятных экономических, организационных и правовых условий для деятельности некоммерческих и коммерческих организаций, и не предполагает вмешательства государственных органов в хозяйственную и производственную деятельность организаций.

Благосостояние населения напрямую зависит от мер, которые предпринимает государство, в лице его компетентных органов для решения вопросов добычи нефти и газа, а также реализацию данных отношений и их контроля.

Поскольку нефть и газ относятся к разряду невозобновляемых природных ресурсов, то их охрана и рациональное использование должно быть приоритетным для государственного регулирования.

Если говорить отдельно о нефтяной отрасли, то на сегодняшний день, регулирование общественных отношений в нефтяной отрасли осуществляется различными источниками права, среди которых следует отметить Гражданский кодекс Российской Федерации, Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс Российской Федерации^[1], Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 года №2395-1 «О недрах»^[2], Федеральный закон от 30 декабря 1995 года №225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»^[3] и другие подзаконные нормативные акты.

Давайте рассмотрим федеральный закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах». Данный закон регулирует отношения, возникающие в области геологического изучения, использования и охраны недр, использования отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств, специфических минеральных ресурсов (рапы лиманов и озер, торфа, сапропеля и других), подземных вод, включая попутные воды (воды, извлеченные из недр вместе с углеводородным сырьем), и вод, использованных пользователями недр для собственных производственных и технологических нужд. Закон содержит правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр, обеспечивает защиту интересов государства и граждан Российской Федерации, а также прав пользователей недр.

Регулирование законодательства о недрах в ряде зарубежных стран осуществляет ряд специальных нормативно-правовых актов, среди которых и Конституции государств, и отраслевые законы, и прецеденты, если говорить об англосаксонской правовой семье. В совокупности они составляют систему правового регулирования в разных странах. Данная система зависит не только от ее составляющих, но также и от государственного устройства той или иной страны. Ведь, если рассматривать страны с федеративным устройством, то в них законодательные акты субъектов федерации используются наряду с федеральными законами. Эта система более сложна, чем просто единые правовые акты в унитарном государстве.

Во многих государствах законодательство о недрах можно разделить на два вида:

- 1) законодательство в сфере добычи твердых ископаемых;
- 2) законодательство в сфере добычи нефти и газа.

Причина данного деления, на выше упомянутые виды, связана с тем, что история добычи твердых ископаемых насчитывает гораздо более длительный период, чем история добычи нефти и газа. Однако в работах российских ученых редко встретишь

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020)

² О недрах: федеральный закон от 21.02.1992 No 2395-1. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. N 505-ФЗ 52.

³ О соглашениях о разделе продукции: федеральный закон от 30.12.1995 No225-ФЗ: официальный текст по состоянию на 19.07.2011 // Российская газета. - 11.01.1996. -No 5.

деление на вышеупомянутые виды, и добычу полезных ископаемых они определяют, как единую систему горного законодательства.

Собственность на землю, в зарубежных странах и в России, всегда играла важнейшую роль в добыче твердых полезных ископаемых, как в средние века, так и в настоящее время. Однако, в связи с тем, что углеводородные полезные ископаемые в настоящее время играют ключевую роль во многих странах и их экономиках, государственное регулирование системы взаимоотношений в сфере добычи нефти и газа становится обязательным для большинства стран мира. Отдельно стоит упомянуть о регулировании отношений в сфере добычи полезных ископаемых на континентальном шельфе разных стран. Во всех странах регулирование данной сферы всегда жестче, в связи с огромной опасностью, которой подвергается окружающая среда, в случае возникновения аварийных ситуаций.

Наряду с достаточно жесткими экологическими требованиями при добыче углеводородов на континентальном шельфе, законодательство часто прописывает требования к участникам данных правоотношений. Это связано с тем, что разработка и добыча нефти и газа на континентальном шельфе всегда занимает много лет, и требует огромных капиталовложений, и срок окупаемости также велик. Все это часто приводит к необходимости привлечения иностранных инвестиций, и столкновение интересов инвестиционных компаний и государства, собственника недр, приводит к разногласиям по ряду вопросов. К числу данных вопросов можно отнести и пределы вмешательства государства в сферу недропользования, что зависит от установленных в конкретном государстве пределов такого вмешательства, так и вопросы оперативности и бюрократичности органов государственной власти. Подходы к решению данных проблем во всех странах разные. Многие эксперты различают два подхода к праву собственности на недра: собственность государства и собственника владельца земельного участка.

Первый подход, как я рассказывала в истории возникновения правовых отношений в нефтегазовой сфере, применялся в Древней Греции, Египте и Карфагенской республике.

Второй подход более интересен и вытекает из установки, что полезные ископаемые – это плоды земли, а земля принадлежала собственнику земельного участка, что означало, что право собственности на недра, конкретного земельного участка, закреплялись за его владельцем. Такой

подход применялся в Англии, и соответственно в ее колониях. Однако из этого правила имелись исключения – золото и серебро. Это связано с тем, что монеты чеканились из этих драгоценных металлов, и корона не могла позволить, что бы кто-то посягал на ее монетную регалию. Данный подход отражался в земельных отношениях, ведь собственник земельного участка мог продать новому владельцу только его поверхность, без права добычи полезных ископаемых, которые находились глубже поверхностного слоя. В итоге, владелец всегда мог решить, что он продает в своем земельном участке и в каком объеме. Данный принцип также перенесся и лег в основу законодательства США.

В своих статьях, Павлов И.И, ссылается на известного представителя промышленного рода, а также археолога любителя, Семен Семенович Абаменек-

Лазарев, который предложил интересную классификацию принципов прав собственности на недра:

- 1) принцип акцессии, заключается в том, что недра принадлежат собственнику земли;
- 2) принцип доманиальной системы заключается в государственной собственности на недра;
- 3) горная регалия;
- 4) горная свобода (недра никому не принадлежат, и каждый может начать разработку и добычу)^[4].

Во многом различия в законодательстве о недрах обуславливаются принадлежностью к различным правовым семьям: романо-германской или, как ее еще называют континентальной, и англосаксонской.

Если в последней на систему законодательства о недрах влияет нормативно-правовые акты в виде кодексов, то в англосаксонской семье прецедент играет решающую роль.

Характерным отличием правового регулирования отношений в нефтяной отрасли является отсутствие специального законодательного акта, который бы регулировал данные отношения. В газовой отрасли существует специализированный закон, однако он содержит существенные пробелы и не охватывает весь необходимый объем отношений, возникающих при добыче, транспортировке газа в Российской Федерации.

Сложность правового регулирования в сфере недропользования связана с рядом специфических особенностей: невозобновляемый характер природных ресурсов, государственная собственность на недра, публичная значимость участка, используемого для добычи полезных ископаемых, неотделимость участка недр от окружающей среды, повышенные экологические риски добычи, хранения и транспортировки полезных ископаемых, а касательно данной работы, то нефти и газа, опасность работ.

История возникновения правовых отношений в нефтегазовой сфере насчитывает богатую историю. В частности, собственность на полезные ископаемые не всегда принадлежала государству, и только с осознанием их ценности государство установило данное правило. В дальнейшем, с развитием отношений между государством и его подданными, правитель устанавливал налоги на добычу полезных ископаемых. Возникновение данных правоотношений послужило началу горного права. В России с целью регулирования и развития добычи полезных ископаемых был учрежден приказ каменных дел, который, в последствии, стал приказом рудокопных дел, а еще позже Берг-коллегией. Промышленная революция в мире в XIX веке и, в след за ней, увеличение использования машин, а соответственно потребность в энергоресурсах, запустила активную добычу нефти во всем мире. Россия обязана ряду новшеств в нефтяной сфере братьям Нобелям, которые построили первый в России нефтепровод, разработали вагоны- цистерны для перевозки нефтепродуктов по железной дороге, а также построили первый в мире теплоход. Дополнительным толчком к дальнейшему освоению нефтяных и газовых месторождений послужила Вторая мировая война, в ходе

⁴ Павлов И.И. Правовой режим пользования участками недр для геологического изучения и добычи нефти и газа на основе принципа горной свободы / И.И. Павлов // Экологическое право. - 2018. - No 5.

которой шла серьезная борьба за нефтяные месторождения, с целью обеспечения собственных армий в топливе.

Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства позволяет увидеть отличия и схожие черты правового регулирования в сфере недропользования. Так было выявлено, что зарубежные страны, особенно это касается стран-поставщиков энергоресурсов, имеют утвержденные соответствующими органами отраслевые законы, что невыгодно отличает Россию, где данного закона пока нет.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// Собрание законодательства Российской Федерации - 04.08.2014. - № 31. - Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1 - 453) (с изменениями на 12 мая 2020 года) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020)
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) 31 июля 1998 года N 146-ФЗ (с изменениями на 1 апреля 2020 года)
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) (с изменениями на 8 июня 2020 года)
6. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07.03.2001 N 24-ФЗ (ред. от 08.06.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.06.2020)
7. Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 18.03.2020)
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) (статьи 1110 - 1224) (с изменениями на 18 марта 2019 года)
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (с изменениями на 8 июня 2020 года)
9. Градостроительный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 24 апреля 2020 года)
10. О недрах: федеральный закон от 21.02.1992 № 2395-1. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. N 505-ФЗ 52.
11. О континентальном шельфе Российской Федерации: федеральный закон 30.11.1995 №187-ФЗ: официальный текст по состоянию на 02.05.2015 // Российская газета. - 07.12.1995.- № 237.
12. О соглашениях о разделе продукции: федеральный закон от 30.12.1995 №225-ФЗ: официальный текст по состоянию на 19.07.2011 // Российская газета. - 11.01.1996. -№ 5.
13. Анисимов А.П. Правовые проблемы охраны окружающей среды на объектах нефтегазодобывающих производств / А.П. Анисимов, С.В. Нарушкевич // Вестник Волгоградского филиала Московского университета потребительской кооперации. - 2019. - № 10. – С. 20-25.

14. Волков А.М. Публичное администрирование недропользование по законодательству стран Западной Европы / А.М. Волков // Административное право и процесс. – 2019. - No 12. – с. 9-18.
15. Дудиков М.В. Проблемы правового регулирования прекращения права пользования недрами по обстоятельствам, не связанным с использованием недрами / М.В. Дудиков // Юрист. – 2008. - No2. – с.4-9.
16. Калинин И.Б. Эволюция правового регулирования использования природных ресурсов в России / И.Б. Калинин // Российская юстиция. - 2019.- No 3. - с. 69 - 72.

Правовые проблемы осуществления геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых, содержащихся в отходах недропользования
Бесланеева Марьят Сергеевна
ФГКУ «Росгеолэкспертиза», начальник отдела обеспечения предоставления недр в пользование и мониторинга исполнения условий лицензий

АННОТАЦИЯ

В работе представлен краткий анализ правового регулирования отношений, связанных с осуществлением геологического изучения, разведки, добычи, учета полезных ископаемых, содержащихся в отходах недропользования. Выявлены правовые проблемы, препятствующие эффективному изучению и использованию отходов недропользования. По результатам анализа определены направления совершенствования порядка вовлечения в производство отходов недропользования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовое регулирование, недра, отходы недропользования, отходы добычи и связанных с ней перерабатывающих производств, полезные ископаемые, предоставление права пользования недрами, геологическое изучение недр, разведка и добыча полезных ископаемых.

ABSTRACT

In the article presents a brief analysis of the legal regulation of relations related to the implementation of geological exploration, exploration, production, accounting of minerals contained in subsurface use waste. Legal problems hindering the effective study and use of subsurface use waste have been identified. Based on the results of the analysis, the directions for improving the procedure for involving subsurface use waste in production were determined. presents a brief analysis of the legal regulation of relations related to the implementation of geological exploration, exploration, production, accounting of minerals contained in subsurface use waste. Legal problems hindering the effective study and use of subsurface use waste have been identified. Based on the results of the analysis, the directions for improving the procedure for involving subsurface use waste in production were determined.

KEYWORDS

Legal regulation, subsoil, waste of subsurface use, waste of mining and related processing industries, minerals, granting of the right to use the subsoil, geological study of the subsoil, exploration and extraction of minerals.

Одним из аспектов развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации в соответствии со Стратегией развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2018 года № 2914-р [1], является создание мотивационных условий переработки отходов горнопромышленного производства. Такое внимание отходам горнопромышленного производства можно объяснить высоким уровнем их негативного воздействия на окружающую среду, изъятием больших площадей земель, занятых

данными отходами, и в то же время перспективами получения положительного экономического эффекта от их вовлечения в производство.

Как известно, сегодня наблюдается истощение традиционных (природных) месторождений полезных ископаемых, что приводит к необходимости поддержания рентабельной производственной деятельности в горнопромышленном комплексе с учетом минимизации негативного воздействия на окружающую среду. Одним из способов решения обозначенной проблемы может стать создание правовых условий для эффективного использования отходов недропользования в целях добычи содержащихся в них полезных ископаемых и полезных компонентов.

Преамбулой Закона Российской Федерации от 29.02.1992 № 2395-1 «О недрах» [2] (далее – Закон Российской Федерации «О недрах») определено, что отношения, возникающие в области геологического изучения, использования и охраны недр, использования отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств, регулируются данным законом. При этом Законом Российской Федерации «О недрах» предусмотрен единый подход к предоставлению права пользования недрами в отношении традиционных участков недр и отходов недропользования, в том числе представленных техногенными месторождениями.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 6 Закона Российской Федерации «О недрах» недра предоставляются в пользование для разведки и добычи полезных ископаемых, в том числе использования отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств.

Основанием возникновения права пользования участками недрами, за исключением участков недр федерального значения, в указанном случае в соответствии с п. 4 ст. 10.1 Закона Российской Федерации «О недрах» является решение конкурсной или аукционной комиссии. Право пользования участками недр федерального значения, в свою очередь, в силу п. 1 ст. 10.1 Российской Федерации «О недрах» предоставляется Правительством Российской Федерации.

Кроме того, необходимо отметить, что право использования отходов, образующихся в ходе осуществления деятельности данного пользователя недр, если иное не оговорено в лицензии или в соглашении о разделе продукции, закреплено и п. 3 ч. 1 ст. 22 Закона Российской Федерации «О недрах».

В данном случае государство как собственник недр осуществляет одно из важнейших правомочий – распоряжение недрами. При этом распоряжаясь недрами путем предоставления их в пользование, а также непосредственно в процессе эксплуатации недр, как верно заметил Храмов Д.Г., государство остается единым и единственным субъектом распоряжения недрами, что следует из невозможности нахождения недр в гражданском обороте, закрепленной в ч. 2 ст. 1.2 Закона Российской Федерации «О недрах» [3]. Обозначенное имеет принципиальное значение при определении применимости положений Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [4] и Закона Российской Федерации «О недрах» к разрешению проблемы, связанной с определением собственника отходов недропользования.

В связи с этим, использование отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств является видом пользования недрами, а

специфическим объектом недропользования является место размещения таких отходов, иными словами участок недр, модифицированный под воздействием деятельности по пользованию недрами.

С учетом указанного важно отметить, что реализация прав применительно к отходам недропользования обусловлена публично-правовым характером отношений недропользования, выражающимся в лицензионной форме пользования недрами. В соответствии с ч. ч. 1, 3 ст. 11 Закона Российской Федерации «О недрах» предоставление недр в пользование, в том числе предоставление их в пользование органами государственной власти субъектов Российской Федерации, оформляется специальным государственным разрешением в виде лицензии, удостоверяющим право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах в соответствии с указанной в ней целью в течение установленного срока при соблюдении владельцем заранее оговоренных условий. Согласно ч. 4 ст. 11 Закона Российской Федерации «О недрах» лицензия, в том числе удостоверяет право использования отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств.

Принимая во внимание вышеизложенное, установление лицензионного порядка использования отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств связано с общим подходом к установлению правомочий в отношении недр в рамках права собственности на недра.

Следствием указанного является необходимость учета при пользовании недрами в целях геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых и полезных компонентов, содержащихся в отходах недропользования, следующих концептуальных условий регулирования и осуществления пользования недрами:

- публично-правовой характер регулирования отношений недропользования;
- применение различных процедур предоставления в пользование участков недр в зависимости от степени их геологической изученности;
- предоставление права пользования участком недр на определенный срок;
- платность пользования недрами;
- стадийность проведения геологоразведочных работ и разработки месторождений полезных ископаемых;
- установление требований к проектированию и проведению работ;
- осуществление государственного учета в сфере пользования недрами, в том числе учета минерально-сырьевой базы.

При этом действующее законодательство о недрах предусматривает единые процедуры предоставления права пользования недрами как для традиционных участков недр, так и отходов недропользования, учета их особенностей, например, локализацию в основном на поверхности земли, зачастую отсутствие необходимости соблюдения всех этапов и стадий проведения геологоразведочных работ.

В настоящее время предоставление права пользования недрами в целях вовлечения отходов недропользования в производство, в качестве самостоятельных объектов лицензирования, может осуществляться следующим образом:

1) выдача лицензии на право пользования недрами для геологического изучения, включающего поиски и оценку месторождений полезных ископаемых, установление факта открытия месторождения полезных ископаемых и последующее получение

лицензии на разведку и добычу полезных ископаемых на основании факта открытия месторождения;

2) выдача лицензии по результатам аукциона или конкурса на право пользования недрами с целью разведки и добычи полезных ископаемых или геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых, осуществляемых по совмещенной лицензии.

Проблема реализации указанного первого механизма получения прав на отходы недропользования сопряжено с необходимостью получения прав на участки недр, в отношении которых отсутствуют сведения о запасах полезных ископаемых (в некоторых случаях и о ресурсах полезных ископаемых), необходимостью соблюдения стадийности освоения участка недр с первоначальной постановкой поисковых и оценочных работ последующей экспертизой запасов полезных ископаемых на общих основаниях.

Так, в настоящее время получение права пользования недрами для геологического изучения недр возможно в соответствии с требованиями Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения недр (за исключением недр на участках недр федерального значения и участках недр местного значения) утвержден приказом Минприроды России от 10.11.2016 № 583[5] (далее – Порядок № 583). При этом предусмотренные Порядком № 583 способы получения права пользования недрами исключают возможность предоставления права пользования недрами при наличии в границах испрашиваемого участка недр запасов полезных ископаемых.

Также отметим, что геологическое изучение участка недр направлено на обнаружение новых геологических объектов — месторождений полезных ископаемых, и реализации дальнейшего преимущественного права получения участка недр, содержащего данное месторождение для разведки и добычи полезных ископаемых. Вместе с тем применительно к отходам недропользования «выявление нового объекта», являющееся одним из ключевых аспектов квалификации установления факта открытия месторождения [6], не в полной мере коррелируется с сущностью отходов недропользования, так как они образуются в связи с осуществляемой деятельностью по пользованию недрами, их локализация и примерное содержание в них полезных ископаемых и полезных компонентов заранее известно на этапе разработки первоначального участка недр.

В частности, специфика образования отходов недропользования заключается в накоплении технологических потерь, складировании не вовлекаемых в отработку забалансовых запасов полезных ископаемых, образованием отвалов вскрышных пород. При этом осуществление учета образования таких отходов и представления пользователями недр соответствующей геологической информации о них предусмотрено положениями п.п. 3-5, 7 ч. 2 ст. 22, п. 6 ч. 1 ст. 23, п. 3 ст. 23.3 Закона Российской Федерации «О недрах».

Таким образом, сведения об отходах недропользования, о содержащихся в них полезных ископаемых и полезных компонентах формируются при пользовании недрами и фактически для их дальнейшего освоения, проведение работ поисково-оценочной стадии зачастую не требуется.

В свою очередь, в настоящее время дифференциация порядка предоставления права пользования недрами должна осуществляться, в том числе исходя из геологической изученности участка недр, на основе классификации запасов полезных ископаемых и полезных компонентов, содержащихся в отходах недропользования, с учетом которой проводится государственная экспертиза запасов полезных ископаемых. При этом важно отметить, что применяемая к полезным ископаемым, содержащимся в отходах недропользования, Классификация запасов и прогнозных ресурсов твердых полезных ископаемых, утвержденная приказом МПР России от 11.12.2006, № 278 [7], не учитывает специфику образования отходов недропользования и свойств, содержащихся в них полезных ископаемых и полезных компонентов, например, по нашему мнению, в отношении отходов недропользования, представленных техногенными месторождениями, выделение категорий забалансовых запасов не требуется в силу генезиса таких объектов, места их образования. Указанное имеет важное значение также для реализации обозначенного состязательного механизма предоставления права пользования недрами.

Еще одним проблемным аспектом предоставления права пользования недрами для разведки и добычи полезных ископаемых в отношении отходов недропользования является формирование участка недр.

Согласно ст. 7 Закона Российской Федерации «О недрах» участок недр для добычи полезных ископаемых предоставляется в виде горного отвода - геометризованного блока недр. В соответствии с п. 9 Требований к содержанию проекта горного отвода, форме горноотводного акта, графических приложений к горноотводному акту и ведению реестра документов, удостоверяющих уточненные границы горного отвода, утвержденных приказом Ростехнадзора от 09.12.2020 № 508 [8], пространственное положение горного отвода определяется от земной поверхности или дна водоемов (для участков недр, полностью или частично расположенных под водными объектами) до нижней границы ведения работ, связанных с использованием недрами, и (или) эксплуатационных объектов с учетом технологических особенностей систем и способов ведения горных работ, эксплуатации горных выработок и их влияния на недра и окружающую среду. В границы горного отвода включаются участки недр с запасами, числящимися на государственном балансе запасов полезных ископаемых на учете пользователя недр, отработка которых предусмотрена проектной документацией, и горные выработки, объекты и сооружения, связанные с использованием недрами, предусмотренные проектной документацией.

Вместе с тем отходы недропользования зачастую представляют собой часть недр, фактически перенесенную на поверхность и складированную в хвостохранилищах или спецотвалах и прочих объектах, в связи с чем установление горного отвода в традиционном понимании в отношении таких объектов невозможно.

Таким образом, рассмотренные отдельные проблемы геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых, содержащихся в отходах недропользования, свидетельствуют о неразвитости правового регулирования в данной сфере и создают различные административные барьеры, препятствующие рентабельному вовлечению отходов недропользования в производство.

С учетом вышеуказанного, на наш взгляд, для повышения заинтересованности бизнеса в освоении отходов недропользования, необходимо совершенствование правового регулирования в области недропользования в части определения сущности таких отходов для формирования их в качестве самостоятельных объектов лицензирования, упрощения порядка предоставления права пользования недрами, снижения административной нагрузки на пользователей недр с учетом пересмотра стадийности проведения работ в отношении полезных ископаемых, содержащихся в отходах недропользования, и связанных с этим требований по проектированию работ и экспертизе запасов полезных ископаемых.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2018 № 2914-р «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года»
 2. Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»
 3. Храмов Д.Г. Право пользования недрами в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. – М., 2004. 194 с.
 4. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // Российская газета, № 121, 30.06.1998.
 5. Приказ Минприроды России от 10.11.2016 № 583 «Об утверждении Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения недр (за исключением недр на участках недр федерального значения и участках недр местного значения)» / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2016.
 6. Приказ МПР России от 11.11.2004 № 689 «Об утверждении Инструкции о порядке установления факта открытия месторождений полезных ископаемых» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 51, 20.12.2004.
- Приказ МПР РФ от 11.12.2006 № 278 «Об утверждении Классификации запасов и прогнозных ресурсов твердых полезных ископаемых» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 5, 29.01.2007.

Микрогенерация: некоторые проблемы правового регулирования

Бикмаев Булат Римович.

НИУ «Высшая Школа Экономики»

АННОТАЦИЯ

Микрогенерация является перспективным направлением развития электроэнергетики, получившим широкое распространение за рубежом. Для российского законодательства микрогенерация явление новое. Лишь в конце 2019 года были приняты изменения в Федеральный закон «Об электроэнергетике», закрепившие понятие «объект микрогенерации» и предоставившие возможность реализовывать выработанную такими объектами электроэнергию. Настоящая работа посвящена анализу законодательного регулирования микрогенерации. По результатам работы автор выявляет некоторые проблемные аспекты и приходит к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего микрогенерацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Электроэнергетика, микрогенерация, объекты микрогенерации, возобновляемые источники энергии, децентрализованное энергообеспечение, альтернативные источники энергии, гарантирующий поставщик электрической энергии.

ABSTRACT

Microgeneration is a promising direction for the development of the electric power industry, which has become widespread abroad. Microgeneration is a new phenomenon for Russian legislation. Only at the end of 2019, amendments were adopted to the Federal Law "On Electric Power Industry", which consolidated the concept of "microgeneration facility" and provided an opportunity to sell electricity generated by such facilities. This work is devoted to the analysis of the legislative regulation of microgeneration. Based on the results of the work, the author identifies some problematic aspects and comes to the conclusion that it is necessary to further improve the legislation regulating microgeneration.

KEYWORDS

Electric power industry, microgeneration, microgeneration facilities, renewable energy sources, decentralized energy supply, alternative energy sources, guaranteeing supplier of electric energy.

Большая часть выработки электроэнергии в Российской Федерации является централизованной. Слабое развитие децентрализованного энергообеспечения может объясняться, во-первых, относительно низкими регулируемыми ценами на электроэнергию для населения, а во-вторых, отсутствием острой необходимости и выгод от перехода на автономные источники энергоснабжения [1]. По словам заместителя директора Ассоциации НП «Сообщество потребителей энергии» Валерия Дзюбенко, сегодня микрогенерация является одним из недостающих элементов российской энергосистемы, получившим широкое распространение за рубежом [2]. В

последние годы предприняты меры, призванные увеличить долю децентрализованной выработки электроэнергии. В 2017 году утвержден план мероприятий по стимулированию развития генерирующих объектов на основе возобновляемых источников энергии с установленной мощностью до 15 кВт., а в конце 2019 года в рамках исполнения вышеуказанного плана внесены изменения в федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 №35-ФЗ, направленные на регулирование микрогенерации. Однако, несмотря на благие намерения законодателя, правовое регулирование процесса микрогенерации не безупречно.

По своей сути микрогенерация – это производство электроэнергии объектами небольшой мощности. Такое производство обычно осуществляется в непосредственной близости от места потребления электроэнергии. Микрогенерация открывает следующие возможности: использование местных энергоресурсов и повышение за счет этого эффективности выработки энергии, снижение затрат на передачу электроэнергии, активизация графика нагрузки на мощности в зависимости от потребностей, использование умных тарифов, получение дополнительного заработка от продажи электроэнергии [3]. Кроме того, в объем понятия «объекты микрогенерации» входят и объекты, работающие на возобновляемых источниках энергии (далее – ВИЭ), например, солнечные панели и ветреные электростанции, устанавливаемые рядом с индивидуальными жилыми домами. В связи с этим регулирование микрогенерации можно рассматривать как одну из мер по развитию альтернативных источников энергии.

С точки зрения Федерального закона «Об электроэнергетике» объект микрогенерации обладает следующими признаками:

1. объект микрогенерации – объект по производству электрической энергии, который может функционировать в том числе на основе использования возобновляемых источников энергии;

2. энергопринимающие устройства такого объекта технологически присоединены к объектам электросетевого хозяйства с уровнем напряжения до 1000 вольт;

3. объект микрогенерации должен принадлежать на праве собственности или ином законном основании потребителю электрической энергии;

4. цель использования – удовлетворение собственных и (или) производственных нужд, но в определенных случаях допускается продажа выработанной энергии.

Определение объекта микрогенерации, закрепленное законом является достаточно понятным. Вызывает вопрос лишь необходимость отдельного упоминания объектов, работающих на ВИЭ, в тексте определения. Чиришьян А. Р. отмечает, что, если в законе речь идет об объектах микрогенерации не только как объектах с использованием возобновляемых источников энергии, но и как о любых иных генерирующих электроэнергию объектах, теряется основной смысл изменений в рамках развития микрогенерации как одного из этапов по развитию новых технологий, связанных с использованием возобновляемых источников энергии [4]. С одной стороны, с данным выводом можно согласиться, поскольку льготы, которые получают обладатели объектов, работающих на ВИЭ, получают и обладатели объектов микрогенерации, работающих на горячем топливе. С другой стороны, отсутствует

необходимость ограничения объектов микрогенерации только объектами на ВИЭ, поскольку последние значительно дешевле в производстве электроэнергии. Использование объектов микрогенерации, работающих не на ВИЭ экономически не выгодно. Кроме того, из текста закона невозможно сделать вывод о том, что исключительной целью регулирования использования объектов микрогенерации является распространение объектов, производящих электроэнергию за счет ВИЭ. Микрогенерация сама по себе имеет некоторые преимущества и может использоваться, в частности, для повышения стабильности энергообеспечения.

Продажа электроэнергии, произведенной на объекте, осуществляется при условии непревышения объема отдаваемой в электрическую сеть энергии 15 кВт. Также не допускается использование оборудования, предназначенного для обслуживания более одного помещения в здании. Цель названных ограничений – допустить продажу «излишков» выработанной энергии, что является одним из способом стимулирования развития электроэнергии на основе ВИЭ. Доходы, полученные при реализации излишков, освобождены от обложения налогом на доходы физических лиц в соответствии с п. 28.1 ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации. Однако, ограничения являются довольно формальными и не позволяют учитывать фактические обстоятельства. В частности, запрет на использование оборудования, обслуживающего более одного помещения в здании, исключает из возможных пользователей объектами микрогенерации жителей многоквартирных домов. «Максимально допустимая мощность установок — 15 кВт; небольшому бизнесу этого хватит» - прокомментировал ограничение первый заместитель главы комитета Государственной думы Российской Федерации по энергетике Сергей Есяков [5].

Произведенная энергия может быть реализована гарантирующему поставщику. При этом заключение договора обязательно для гарантирующего поставщика с любым к нему обратившимся. Однако, гарантирующий поставщик при заключении договора с потребителем электроэнергии обладает большими переговорными возможностями, может навязывать выгодные для себя условия договора. Одним из таких условий является условие о цене приобретения электроэнергии. Цена приобретения гарантирующим поставщиком не может быть выше оптовой, что прямо установлено законом. В то же время нижний предел цены не урегулирован, цена приобретения устанавливается гарантирующим поставщиком самостоятельно. При таких условиях установка объекта микрогенерации не представляется выгодной в виду долгой окупаемости, что негативно сказывается на распространении объектов микрогенерации, в том числе работающих на ВИЭ. Вероятно, применение правил о договоре присоединения может помочь законному владельцу объекта микрогенерации. При этом суд должен выяснить, было ли присоединение к предложенным условиям вынужденным, учесть уровень профессионализма сторон, определить наличие у присоединившейся стороны реальной возможности вести переговоры или заключить договор на иных условиях с третьими лицами [6]. Стоит заметить, что законодательно не ограничивается возможность заключения договора с иными энергоснабжающими организациями.

Относительно природы договора с гарантирующим поставщиком заслуживает внимания точка зрения Камышанского В.П., который указывает: «...при определении

цены электрической энергии, выработанной на объектах микрогенерации, работающих на возобновляемых источниках энергии, более уместен как минимум не институт договора купли-продажи, а институт мены электрической энергией между собственником объекта микрогенерации и гарантирующим поставщиком» [7]. С данным выводом можно согласиться, если рассматривать цель продажи излишне выработанной энергии как способ снижения собственных затрат на приобретение электроэнергии.

Одним из вопросов, оставленных без внимания, является вопрос о качестве оборудования, вырабатывающего электроэнергию. В ФЗ «Об электроэнергетике» установлено: «Электрическая энергия, произведенная на объектах микрогенерации и не потребленная их собственниками и иными законными владельцами в целях удовлетворения собственных бытовых и (или) производственных нужд, реализуется на розничных рынках в порядке, установленном основными положениями функционирования розничных рынков». При допуске на рынок электроэнергии необходим ценз – оборудование, соответствующее определенным характеристикам для предотвращения подачи некачественной энергии. Кроме того, при выдаче энергии физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем необходимо учитывать, что такое лицо несет гражданско-правовую ответственность, в отличие от предпринимателя, при наличии вины.

Также еще только предстоит оптимизировать регулирование отношений по продаже энергии физическими лицами, не являющимися предпринимателями в широком смысле данного понятия. Как отмечает Камышанский В. П. на продавца электроэнергии, которая вырабатывается объектом микрогенерации распространяются требования, установленные основными положениями функционирования розничных рынков без каких-либо изъятий и упрощений [7, 16]. Применение к не предпринимателю норм закона, разработанных для регулирования отношений с «профессионалами», в области электроэнергетики не представляется разумным.

Кроме того, при введении законодательного регулирования микрогенерации не были учтены такие важные инструменты, которые во всем мире являются мощным стимулом для развития частных ВИЭ: бонусные тарифы, гранты, субсидии [8].

Подводя итог, можно утверждать, что принятие изменений в федеральный закон «Об электроэнергетике» - важный шаг в развитии микрогенерации и альтернативных источников энергии. Однако, на сегодняшний день наблюдается излишний формализм в части установления критериев определения объектов микрогенерации, нуждается в совершенствовании порядок образования цен на реализуемую электроэнергию, не установлены требования к оборудованию, используемому в качестве объектов микрогенерации. Кроме того, следует продолжать совершенствование законодательства в части регулирования отношений с физическими лицами «не профессионалами» и, возможно, рассмотреть вопрос о принятии новых мер стимулирования развития микрогенерации: установление специальных тарифов, предоставление грантов, субсидий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Микрогенерация на основе ВИЭ. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации // Энергетический бюллетень. №49. июнь 2017.
 2. Дубинкин Е. Уйти или остаться? Стоит ли ожидать взрывного роста микрогенерации в России? // Газета «Энергетика и промышленность России». № 7 (411). апрель 2021. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/411/7568731.htm> (дата обращения: 26.08.2021).
 3. Стрикалова Е. В., Меладзе В. Р. Перспективы микрогенерации в России // Техника и технологии: пути инновационного развития. Том 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43133451> (дата обращения: 28.08.2021).
 4. Чиришьян А. Р. Правовые проблемы развития микрогенерации с использованием возобновляемых источников энергии // Власть закона №3 (39). 2019. URL: <https://kubsau.ru/upload/iblock/fe2/fe2d7d549fc4500282a7366adef7cf4e.pdf#page=228> (дата обращения 24.08.2021).
 5. «Переход к децентрализованной энергетике — мировой тренд» // Business guide Энергетика. Приложение №236 от 21.12.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3835637> (дата обращения: 25.08.2021).
 6. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС КонсультантПлюс.
 7. Камышанский В. П. О микрогенерации в Российском энергетическом праве: надежды и разочарования. Власть закона №2 (42). 2020. URL: <https://anoniapsp.ru/storage/pdf/6edf2bf143fc7a9498614848c5d595aa.pdf#page=13> (дата обращения: 27.08.2021).
- Ратнер С. В., Аксюк Т. Д. Зарубежный опыт стимулирования микрогенерации на основе возобновляемых источников энергии: организационно-экономические аспекты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Том 10, №4. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-stimulirovaniya-mikrogeneratsii-na-osnove-vozobnovlyaemyh-istochnikov-energii-organizatsionno-ekonomicheskie/viewer> (дата обращения: 28.08.2021).

Правовое обеспечение безопасности объектов ТЭК
Бойченко Лада-Екатерина Вадимовна
Студент
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Топливо-энергетический комплекс Российской Федерации составляет одну из основных отраслей, создающих экономику. Обеспечение правовой безопасности всех объектов ТЭК предусматривается всеми законодательствами, а также отдельными нормативно-правовыми актами. Политика государства направлена на защищённость не только функционирующих предприятий, но и тех, кто в этом задействован. Наблюдаются и некоторые изъяны в законодательстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Топливо-энергетический комплекс, правовая безопасность, обеспечение, нормативно-правовой акт, кодекс, энергетика.

ABSTRACT

The fuel and energy complex of the Russian Federation is one of the main industries that create the economy. Ensuring the legal security of all fuel and energy facilities is provided for by all legislations, as well as by separate regulatory legal acts. The state policy is aimed at protecting not only functioning enterprises, but also those involved in it. There are also some flaws in the legislation.

KEYWORDS

Fuel and energy complex, legal security, provision, regulatory legal act, code, energy.

Российская Федерация является одной из ведущих держав в области энергетики. На территории Российской Федерации сосредоточено 12,9 % мировых разведанных запасов нефти, 12% запасов угля и 36,4 % газа. Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) объединяет отрасли, связанные с добычей и производством первичных энергетических ресурсов, переработкой первичных ресурсов в другие виды топлива, преобразованием первичных ресурсов в другие виды энергии (электрическая, тепловая энергия и др.), распределением и транспортировкой потребителю. ТЭК представляет собой фундамент российской экономики, обеспечивающий деятельность всех сфер народного хозяйства. Около 50 % бюджета российского государства формируются топливно-энергетическим сектором, 40% экспорта энергоресурсов обеспечивают основной приток доходов в государственный бюджет и основную долю валютных поступлений. На сегодняшний день, Россия занимает второе место в мире (после США) по производству энергоресурсов и третье место в мире (после США и Китая) по внутреннему энергопотреблению.

Актуальность обеспечения безопасности объектов ТЭК обусловлена экономической значимостью этой отрасли.

Правовое обеспечение безопасности топливно-энергетического комплекса является важной государственной задачей, поскольку затрагивает все аспекты жизни государства, включая социально-экономическую и политическую стабильность общества., отсюда следует, что нехватка правовой безопасности и антитеррористической защищённости всех объектов ТЭК может поставить под вопрос деятельность экономики страны в целом.

Объекты ТЭК с высокой вероятностью могут являться потенциальными объектами террористических посягательств и относятся к критически важным объектам жизнеобеспечения и инфраструктуры. Особая роль в обеспечении безопасности отводится эффективной реализации и соблюдению административных, гражданско-правовых и уголовно-правовых мер, прописанным в соответствующих законодательствах. Безопасность объектов ТЭК - это широкое понятие, которое может рассматриваться с разных позиций и включает в себя широчайший спектр рисков, начиная от элементарных производственных, вплоть до фискальных и таможенных.

В данной работе рассмотрена одна из них, вытекающая из ст. 1079 Гражданского Кодекса РФ «Ответственность за вред, причинённый деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих», а именно: объект, который обеспечивает надёжность и безопасность лиц при его использовании, особенно стоит выделить объекты производства энергии, которые вырабатываются технически сложными станциями и сами по себе являются источниками повышенной опасности. Подобное значение и обуславливает важность наиболее полного обеспечения правовой безопасности.

Рассмотрим ряд нормативных актов, охватывающих производство и обеспечивающих защищённость Топливо- энергетического комплекса Российской Федерации.

Статья 133.1 Гражданского Кодекса РФ, которая даёт понять, что ТЭК относится к единому недвижимому комплексу, объединяющего в себя здания, сооружения единого назначения. Из этого следует, что любые посягательства будут расцениваться с позиции причинения вреда не отдельному объекту, а комплексу в целом.

21 июля 2011 года был принят и вступил в силу Федеральный закон N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», ставший правовой основой создания системы обеспечения безопасности. Ст.6 N 256-ФЗ описывает обеспечение безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, которая гласит, что безопасность осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, уполномоченными органами в соответствии с законодательством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти (ст.6 п.4).

Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. N 488-ФЗ "О промышленной политике в Российской Федерации" (изм. от 20 июля 2020 года.), в предмет регулирования которого вошли субъекты осуществляющие деятельность в сфере промышленности, организации, входящие в состав инфраструктуры поддержки указанной деятельности. (ст.1 Предмет регулирования настоящего Федерального закона).

Постановление Правительства РФ от 22.12.2011 N 1107 «О порядке формирования и ведения реестра объектов топливно-энергетического комплекса».

Постановление Правительства РФ от 2 октября 2013 г. N 861 "Об утверждении Правил информирования субъектами топливно-энергетического комплекса об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства на объектах топливно-энергетического комплекса". Данный акт устанавливает порядок информирования субъектами ТЭК об угрозах совершения актов незаконного вмешательства. (п.1), обязывает предоставлять информацию о любых незаконных посягательствах или попытках в соответствующие органы власти (п.2).

Постановление Правительства РФ от 5 мая 2012 г. N 460 "Об утверждении Правил актуализации паспорта безопасности объекта топливно-энергетического комплекса", направленное на установление порядка внесения изменений в паспорт объектов ТЭК.

Постановление Правительства РФ от 5 мая 2012 г. N 459 "Об утверждении Положения об исходных данных для проведения категорирования объекта топливно-энергетического комплекса, порядке его проведения и критериях категорирования", устанавливающее требования к обеспечению защищённости от террористических действий, а также описывает и распределяет по категориям опасности элементы ТЭК.

На данный период времени, в основе функционирования Топливо-энергетического комплекса лежат вышеперечисленные нормативно правовые акты, которые по своему назначению обязаны обеспечить полноценную правовую безопасность не только элементам данной экосистемы, но также и лицам, задействованным в обеспечении её работоспособности.

Необходимо отметить что Российское законодательство достаточно комплексно обеспечивает неприкосновенность стратегически важных объектов, путём издания соответствующих законов и тщательно прописываемых пунктов, но нельзя обойти вниманием и изъяны правовой системы.

Анализ приведённых нормативных актов не позволяет настаивать на достаточности определения таких понятий как «субъект ТЭК» и «объект ТЭК». Поскольку в Законе о безопасности объектов топливно-энергетического комплекса не предусмотрена обязанность собственников и других владельцев объектов ТЭК обращаться в исполнительные органы субъекта Российской Федерации о внесении таких объектов в реестр объектов топливно-энергетического комплекса, то до такого предлагаемого законодательного решения органы исполнительной власти обязаны контролировать состояние антитеррористической защищённости, ориентируясь на свои общие полномочия, что может привести к серьёзным последствиям. Этот аспект должен быть законодательно доработан, находиться под постоянным контролем государства и совершенствоваться соответственно меняющимся вызовам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 21.06.2011 N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно - энергетического комплекса».
3. Федеральный закон от 31.12.2014 г. N 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

4. Постановление Правительства РФ от 22.12.2011 N 1107 «О порядке формирования и ведения реестра объектов топливно-энергетического комплекса».
5. Постановление Правительства РФ от 5 мая 2012 г. N 460 "Об утверждении Правил актуализации паспорта безопасности объекта топливно-энергетического комплекса."
6. Постановление Правительства РФ от 5 мая 2012 г. N 459 "Об утверждении Положения об исходных данных для проведения категорирования объекта топливно-энергетического комплекса, порядке его проведения и критериях категорирования.»
7. Постановление Правительства РФ от 2 октября 2013 г. N 861 "Об утверждении Правил информирования субъектами топливно-энергетического комплекса об угрозах совершения и о совершении актов незаконного вмешательства на объектах топливно-энергетического комплекса.»
8. Андреев В.К. Вещь как объект гражданских прав. Избранное. М., 2017.

Налогообложение в сфере ТЭК – основные задачи совершенствования
Борзенкова Екатерина Юрьевна
Студент
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Изложена основная проблематика налогового обложения в сфере топливно-энергетического комплекса на современном этапе развития, указаны недостатки применения налога на добычу полезных ископаемых, изложены основные перспективы налога на дополнительный доход, ярко выражена необходимость стимулирующих мер в нефтяной и газовой отраслях, обоснованы преимущества налога на дополнительный доход, указаны главные задачи совершенствования налогообложения в данной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налог на добычу полезных ископаемых, налог на дополнительный доход, налоговые льготы, топливно-энергетический комплекс.

ABSTRACT

The main problems of taxation in the field of fuel and energy complex at the present stage of development are outlined, the disadvantages of the application of the mineral extraction tax are indicated, the main prospects for the additional income tax are outlined, the need for incentive measures in the oil and gas industries is clearly expressed, the advantages of the additional income tax are justified, the main tasks of improving taxation in this area are indicated.

KEYWORDS

Mineral extraction tax, additional income tax, tax benefits, fuel and energy complex.

Одной из важнейших частей налоговой системы Российской Федерации является налогообложение в сфере ТЭК. Основными налоговыми платежами для предприятий ТЭКа являются НДС и НДД.

Налогоплательщиками налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья признаются организации, являющиеся пользователями недр на участках недр, права пользования которыми предоставлены им на основании лицензий, выданных в соответствии с законодательством Российской Федерации о недрах и осуществляющие следующие виды деятельности:

- 1) деятельность по разработке технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, поиску и оценке месторождений углеводородного сырья, разведке, добыче углеводородного сырья на участке недр;
- 2) деятельность по транспортировке углеводородного сырья;
- 3) деятельность по подготовке углеводородного;
- 4) деятельность по хранению углеводородного сырья;

5) деятельность по созданию объектов утилизации (переработки) попутного газа.⁵

Возникший из-за пандемии COVID-19 и падения цен на нефть существенный дефицит бюджета подтолкнул правительство к пересмотру налоговых льгот для добычи нефти.

Был отменен целый ряд стимулов, а взамен предоставлена возможность перейти на новый налоговый режим – НДД, действующий с 2019 года для пилотных проектов. В результате периметр его применения уже со следующего года увеличился в 5 раз до 230 млн. т., или до 48% от общей добычи нефти в стране.

Из отрасли за 5 лет будет изъято 650 млрд. руб. денежного потока, что может сказаться на инвестиционной активности. Чтобы уменьшить негативные последствия для сектора, необходимо закрепить текущий уровень фискальных условий, а после кризиса – рассмотреть вопрос введения дополнительных стимулов.

Пандемия вызвала падение цен на нефть и локдаун всей мировой экономики. В нефтедобывающей отрасли были пересмотрены параметры налога на дополнительный доход для пилотных проектов, отменена налоговая льгота по выработанности с возможностью перехода на НДД, аннулирована льготная экспортная пошлина для ряда проектов, полностью упразднены налоговые стимулы для высоковязкой и сверхвязкой нефти.

НДД имеет ряд явно выраженных преимуществ по сравнению с действующей налоговой системой. В отличие от налога на добычу НДД основан на показателе дополнительного дохода (по сути — прибыли), объективно отражающем реальную экономическую эффективность разработки конкретного месторождения (лицензионного участка). Новый налог учитывает изменение горно-геологических условий добычи в процессе эксплуатации месторождения: по мере истощения месторождения снижается доход и размер налога. НДД стимулирует инвестиции в освоение новых месторождений, поскольку налог не взимается вплоть до полной окупаемости понесенных затрат, а последующее налогообложение соответствует показателям доходности. В случае высокомаржинальных проектов применение НДД обеспечивает прогрессивное изъятие ресурсной ренты в пользу государства; одновременно создаются условия для реализации высокзатратных проектов.⁶ Кроме того, за счет снижения налоговой нагрузки до момента окупаемости проектов высвобождаются дополнительные средства. Таким образом, НДД стимулирует инвестирование в новые эффективные технологии нефтедобычи, что в конечном итоге приведет к увеличению текущего коэффициента извлечения нефти (КИН). По оценкам Минэнерго России, введение НДД позволит увеличить КИН с 27,2 до 35%, а добычу нефти — на 10–12 млн т/год.

Стоит также отметить, что режим НДД в принятой конфигурации не предполагает стимулирование разработки запасов газа и сохраняет налоговую нагрузку по добыче этой категории запасов. То есть применение НДД для участков

⁵ [Статья 333.43. Налогоплательщики. Понятия и термины, используемые при налогообложении дополнительного дохода от добычи углеводородного сырья/"Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021)]// СПС КонсультантПлюс//

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/3cf83f9994bba543578fff7d2d797839ce4b6b0b/

⁶[Козлова Д., Ежов С. Налоги в нефтедобыче: реформа 2020 // VYGON Consulting 2020]

с преимущественно газовыми запасами может повлечь ухудшение экономической эффективности разработки. Поэтому, принимая во внимание возможность перехода нефтяного проекта со временем в газовую фазу, в новой налоговой системе предусмотрена возможность отказа от дальнейшего применения НДС в случае превышения доли остаточных запасов природного газа 50% относительно суммарных запасов углеводородов.⁷

Первые итоги внедрения НДС можно будет подводить только через несколько лет. Сегодня же нефтяники надеются, что НДС в пилотном режиме оправдает все возложенные на него цели и ожидания и получит возможность распространения на всю нефтяную отрасль. А также позволит за счет мультипликативного эффекта на смежные отрасли экономики (такие, как производство материалов и оборудования, сервисные услуги и пр.) обеспечить устойчивое функционирование экономики страны в целом в долгосрочной перспективе.

Необходимо согласовать единую методику оценки эффективности НДС и других налоговых изменений для снятия разногласий по анализу эффектов для бюджета между отраслью и Минфином России.

Резкое сокращение доходов бюджета из-за карантинных мероприятий в связи с пандемией COVID-19 и обвала мировых нефтяных цен в 2020 г. активизировало действия государства по изысканию резервов дополнительных доходов, что коснулось как только что принятого законодательства о НДС, так и давно обсуждаемых планов реформирования льгот по НДС и таможенной пошлине.

НДС же был введен с 2002 года и заменил три существовавших налога на добычу полезных ископаемых (роялти), отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы, а также акцизы на нефть и газовый конденсат.

Налогоплательщиками НДС признаются пользователи недр — организации (российские и иностранные) и индивидуальные предприниматели, признаваемые пользователями недр в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Примечательно, что изначально законом № 126-ФЗ, которым в Налоговый Кодекс была введена глава 26 «НДС», налоговая ставка для нефти была установлена в размере 16,5%. Однако тем же законом была введена временная специфическая ставка, что было вызвано в том числе не решенной на тот момент проблемой трансфертных цен на нефть. Первоначально специфическая ставка была введена на период с 1 января 2002 г. по 31 декабря 2004 г. в дальнейшем срок действия специфической ставки был продлен до 31 декабря 2006 г., а принятый 27 июля 2006 г. закон № 151-ФЗ предусматривал уже только специфическую ставку.

Закрепление специфической ставки было также обусловлено тем, что формула НДС обеспечивала прогрессивный рост ставки налога при росте цены. В результате при высоких ценах налог составлял 30–40% от цены нефти вместо 16,5%, и более речи о возврате к адвалорной ставке не велось.⁸

В 2002–2003 гг. ставка НДС была сравнительно низкой, и в условиях растущих цен на нефть налоговая нагрузка не была слишком обременительной для действующих

⁷ [Епрынцева Е., Палеес И. Налоговое время Журнал «Сибирская нефть» №153 (июль-август 2018)]

⁸ [Козлова Д., Ежов С. Налоги в нефтедобыче: реформа 2020 // VYGON Consulting 2020]

месторождений. Однако в дальнейшем ставка начала расти, и объективно это стало препятствовать как вводу новых, так и эксплуатации действующих месторождений с высокими затратами.

Льготы позволили продолжить наращивать добычу вплоть до 2019 г., несмотря на рост общей налоговой нагрузки на отрасль. С учетом нормализации при цене нефти 60 долл.(2000 г.)/барр. доля валовых налогов на добычу (НДПИ и экспортной пошлины) для нельготируемых запасов выросла с 39% от выручки в 2002 г. до 61% в 2018 г.⁹

Налоговые изменения 2020 г. носили форс-мажорный характер из-за кризиса, связанного с мировой пандемией COVID-19. в условиях обвала цен на нефть и значительно увеличившейся социальной нагрузки бюджета в 2021–2023 гг., необходимо было найти дополнительные источники финансирования. Справедливости ради стоит отметить, что пострадала не только нефтегазовая отрасль, но и другие.

На современном этапе все внимание органов законодательной и исполнительной власти РФ сосредоточено на разработке и принятии срочных антикризисных мер в сфере налогообложения в первую очередь в нефтяной отрасли, для которой мировой финансовый кризис проявился в резком падении мировых цен на нефть.

Таким образом, для сокращения негативного эффекта от повышения налоговой нагрузки на нефтедобывающую отрасль необходимы следующие шаги:

ЛИТЕРАТУРА:

1. Законодательное закрепление стабильных налоговых условий в нефтедобывающей отрасли.
2. Утверждение методики оценки эффективности налоговых стимулов в сфере добычи нефти.
3. Введение дополнительных стимулирующих мер в нефтедобывающей отрасли.

⁹ [Соловьева Е.А., Жуков А.М. Основные задачи совершенствования налоговой системы в сфере ТЭК // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес» 2009]

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // СПС КонсультантПлюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/3cf83f9994bba543578fff7d2d797839ce4b6b0b/.
5. Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации. minenergo.gov.ru.
6. Епрынцева Е., Палеес И. Налоговое время Журнал «Сибирская нефть» №153 (июль-август 2018).
7. Козлова Д., Ежов С. Налоги в нефтедобыче: реформа 2020 // VYGON Consulting 2020.
8. Соловьева Е.А., Жуков А.М. Основные задачи совершенствования налоговой системы в сфере ТЭК // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес» 2009.
9. Соловьева Е.А. Методические основы и принципы формирования стимулирующего налогообложения при недропользовании // Записки Горного института. СПб, 2008.

Право собственности на нефть, протекающей в трубопроводе на территории
Российской Федерации
Бушан Ольга Сергеевна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Топливо-энергетический комплекс, объединяя нефтегазовые и смежные отрасли промышленности, является основой экономики Российской Федерации и ведущей отраслью в системе хозяйственных отношений нашей страны. Нефтегазовая отрасль представляет собой одну из наиболее значимых составляющих благосостояния России, а потому должна иметь чёткий механизм правового регулирования. Законодатель определил правовой статус недр, однако проблемы правового режима нефти как добытого полезного ископаемого остаются актуальными, а статус нефти как объекта права собственности остаётся неопределённым. В законодательстве нет конкретного понимания, кому принадлежит нефть в процессе транспортировки по системе магистрального нефтепровода. С правовой точки зрения необходимо обоснование правового статуса нефти во избежание возникновения спорных ситуаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Топливо-энергетический комплекс, правовой статус, право собственности, нефть, полезные ископаемые, магистральный нефтепровод.

ABSTRACT

The fuel and energy complex, combining oil and gas and related industries, is the basis of the economy of the Russian Federation and the leading industry in the system of economic relations of our country. The oil and gas industry is one of the most significant components of Russia's well-being, and therefore should have a clear mechanism of legal regulation. The legislator has determined the legal status of the subsoil, but the problems of the legal regime of oil as an extracted mineral remain relevant, and the status of oil as an object of ownership remains uncertain. The legislation does not have a specific understanding of who owns the oil in the process of transportation through the trunk pipeline system. From a legal point of view, it is necessary to substantiate the legal status of oil in order to avoid controversial situations.

KEYWORDS

Fuel and energy complex, legal status, ownership, oil, minerals, oil trunk pipeline.

В соответствии со ст. 9 Конституции РФ, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности.

Недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью [1]. Нефть является полезным

ископаемым, ресурсом, который находится в собственности государства, которое может на свое усмотрение ими распоряжаться и допускать к их добыче компании.

Нефть не является ограниченной в обороте [2], а ст. 1.2 ФЗ «О недрах» допускает по условиям лицензии её нахождение в федеральной государственной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной, частной и в иных формах собственности.

Добыча природных ресурсов допускается только с разрешения государства. Ресурсы недр после их извлечения подпадают под гражданско-правовой режим института собственности. Нефть как объект права собственности имеет двойственный характер: с одной стороны – это объект исключительной государственной собственности, недвижимость (до момента добычи); с другой стороны – это объекты, относящиеся к движимым вещам (с момента добычи). Добытые полезные ископаемые теряют неразрывную связь с землей и могут свободно перемещаться без ущерба их назначению.

В настоящее время законодательство не содержит нормы, согласно которым государственная собственность изменяется в иные формы собственности. Согласно п. 7 ч. 1 ст. 12 Закона «О недрах», право собственности на добытые полезные ископаемые должно быть установлено в лицензии на пользование недрами. Существует лишь нормативно неустановленное правило в судебной практике о том, что добытые из недр полезные ископаемые переходят в собственность недропользователя.

Если рассматривать иной способ приобретения добывающей компанией права собственности на нефть, отличный от приобретения права собственности путём соответствующего указания в лицензии, то в Законе «О соглашениях о разделе продукции» содержатся положения, определяющие доли добытой продукции по формам собственности. В условиях соглашения о разделе продукции вся добытая продукция до её раздела между государством и хозяйствующим субъектом – инвестором является государственной собственностью. Право собственности к хозяйствующим субъектам на часть добытого полезного ископаемого переходит в пункте раздела, которым признается место коммерческого учета продукции. При добыче нефти место коммерческого учета продукции определяется в случае транспортировки её трубопроводным транспортом как место, в которое нефть по трубопроводу поступает на контрольно-измерительную станцию и в котором осуществляется измерение ее количества и определение качества, подсчет в качестве произведенной продукции и передача в систему магистрального трубопровода [3]. Все технологические операции, которые владелец лицензии или его оператор осуществляет до пункта раздела, т.е. извлечение полезного ископаемого и др., он осуществляет в качестве подрядчика государства.

Основным способом транспортировки нефти с места добычи является транспортировка при помощи магистральных трубопроводов. Компания, в собственности которой находится магистральный нефтепровод, предоставляет нефтедобывающим компаниям услуги по транспортировке сырья путём заключения договора об оказании услуг по транспортировке нефти (далее – Договор). Предметом договора являются услуги, а именно порядок приема, транспортировки и сдачи нефти грузоотправителя.

Важным обстоятельством является определение собственника нефти с момента её отправления и до прибытия в пункт назначения. С целью определения субъекта права собственности на нефть, протекающую в магистральном трубопроводе, следует обратиться к терминологии.

Нефть грузоотправителя – это нефть, сдаваемая грузоотправителем в систему магистральных нефтепроводов для транспортировки в соответствии с условиями Договора. В данном случае происходит идентификация нефти как груза, её отделение от любой другой нефти, принадлежащей другим грузоотправителям, при приеме нефти от отправителя в пункте отправления.

Партия нефти – это количество нефти, оформленное одним маршрутным поручением [4], то есть не индивидуально определенная нефть, а определенное количество однородной нефтяной смеси.

Попадая в систему нефтепроводов, нефть грузоотправителя смешивается с технологической нефтью, нефтью других грузоотправителей и таким образом теряет свою индивидуализацию (обезличивается). Таким образом, объектом действий обеих сторон по сдаче-приему нефти в пункте назначения является нефть родовая, а не индивидуально определенная.

В силу этого в пункте назначения грузополучателю в действительности выдается не сданная грузоотправителем нефть, а нефть того же количества за вычетом технологических потерь и определенного договором качества. В системе магистральных нефтепроводов нефть перемещается в общем потоке, и выделить нефть конкретного грузоотправителя невозможно.

В соответствии с п. 1 ст. 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

Объектами вещных прав, в частности права собственности, признаются только индивидуально-определенные вещи [5]. Основанием прекращения права собственности в данном случае является утрата индивидуализирующих признаков, что влечет исчезновение объекта прав. При утрате грузоотправителем права собственности на нефть, которая была им сдана, он не может истребовать конкретно её обратно. В Договоре об оказании услуг по транспортировке нефти также отсутствует право грузоотправителя истребовать нефть.

Так, согласно Постановлению Арбитражного суда Центрального округа от 17.07.2017 N Ф10-2732/2017 по делу N А35-8293/2016 истцу было отказано в истребовании из незаконного владения продовольственной пшеницы. Установив, что истребуемое истцом имущество не обладает индивидуально-определенными признаками, в связи с чем, спорное имущество не отвечает признакам, допустимым для его истребования у ответчика в порядке статьи 301 ГК РФ, суд отказал в удовлетворении его исковых требований. В данном деле было указано, что на хранящееся с обезличением имущество не может быть установлено право собственности, поскольку вещь смешалась с вещами того же рода и потеряла свою индивидуальную определенность, а значит собственник лишился соответствующего права.

В соответствии со ст. 218 ГК РФ право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретается этим лицом.

В силу особенностей процесса транспортировки нефть, находящаяся в системе нефтепроводов, постоянно изменяется. Смешение нефти различных грузоотправителей и технологической нефти можно рассматривать в качестве юридического факта, влекущего гибель прежней вещи, но одновременно и создание новой. Нефть сама по себе является родовой вещью, однако при помещении её в резервуар (трубопровод) – она приобретает признаки имущественной обособленности, становясь составной частью действующего магистрального нефтепровода. Можно предположить, что в данной ситуации право собственности на новую вещь возникает у транспортирующей компании. Грузоотправитель получает право требовать от транспортирующей компании выдачи ему нефти той же ценности.

В таком случае право пользоваться, владеть и распоряжаться появляется у оператора, владеющего трубопроводом, в котором находится нефть (ст. 209 ГК РФ).

Следует предположить, что владение нефтью состоит в фактическом обладании трубопроводом, составной частью которого она является. Трубопровод и протекающая в нём нефть в совокупности составляют сложную вещь, т.е. единство разнородных вещей. Если различные вещи соединены таким образом, который предполагает их использование по общему назначению (сложная вещь), то действие сделки, совершенной по поводу сложной вещи, распространяется на все входящие в нее вещи, поскольку условиями сделки не предусмотрено иное [6].

Однако согласно судебной практике ст. 134 ГК РФ не предусматривает такого последствия образования сложной вещи, как утрата права собственности на составную вещь. То есть прежний собственник нефти не может лишиться права собственности на неё лишь на основании образования сложной вещи. Согласно Апелляционному определению СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 24 июля 2013 г. по делу N 33-7456/2013, судебная коллегия полагает ошибочным суждение суда о том, что после присоединения выстроенного участка газопровода к существующему утрачиваются правовые основания владения данным участком, поскольку названная часть газопровода прекратила свое существование в качестве самостоятельного объекта в связи с включением в состав сложной вещи [7].

При этом рассматриваемый случай предполагает лишение права собственности грузоотправителя из-за преобразования индивидуальной вещи в родовую.

Пользование выражается в осуществлении транспортирующей компанией приема, перекачки, перевалки, налива и слива нефти.

Согласно п.п. 6.3.2 - 6.3.6 Договора, транспортирующая компания обязуется обеспечить прием нефти; формировать грузопотоки, контролировать режимы приема, перекачки, перевалки, налива и слива нефти, а также обеспечивать учет нефти в пунктах отправления, пунктах назначения и местах перевалки на другие виды транспорта; обеспечить транспортировку соответствующей партии нефти грузоотправителя, фактически сданной грузоотправителем в соответствии с Договором, от пункта отправления до пункта назначения.

Исходя из положений ст. 211 ГК РФ, риск случайной гибели или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законом или договором. Согласно п. 2.1.5. Договора, ответственность за сохранность количества нефти, а также риск случайной гибели нефти лежит на транспортирующей компании с момента подписания акта приема-сдачи нефти в пункте отправления до момента подписания акта приема-сдачи нефти в пункте назначения. Аналогия между положением Договора и нормой Кодекса даёт основание полагать, что именно транспортирующая компания выступает в роли собственника нефти, находящейся в его трубопроводе.

Однако условиями договора может быть установлено иное лицо, которое будет нести риск случайной гибели или случайного повреждения имущества. Переход риска от одного лица другому может быть связан с иным моментом, не связанным с переходом права собственности. Законом или договором, обычаями делового оборота может предусматриваться переход риска от продавца к покупателю до момента приобретения покупателем права собственности на товар. При этом риск случайной гибели или случайного повреждения лежит на покупателе с момента фактической передачи ему товара [8].

Хотелось бы отметить, что в соответствии с п. 2.1.1. Договора, прием нефти грузоотправителя в пункте отправления осуществляется транспортирующей компанией с оформлением актов приема-сдачи нефти и паспортов качества нефти. Паспорт качества нефти представляет собой документ, в котором указываются результаты измерений показателей качества нефти, а его оформление является обязательной процедурой при осуществлении приёма, транспортировки и сдачи нефти. Соответствующую аналогию можно провести при использовании карточки складского учета, представляющей собой унифицированный документ, служащий для учета движения материалов на складе. В соответствии с делом N А72-4637/2013 истец заявил требование об обязанности передать движимое имущество в натуре, которое находится здании, переданном в муниципальную собственность. Судом было отказано в удовлетворении требования поскольку истец не доказал своих прав на имущество, так как оно носит обезличенный характер и не обладает индивидуально-определенными признаками. Наличие карточек складского учета материалов в отсутствие идентификации самим предприятием истребуемого имущества, находящегося в помещении ответчика, не позволяет сделать вывод о том, что спорное имущество отделено от других однородных вещей, не смешалось с другими вещами того же рода и качества, и не может служить достаточным доказательством принадлежности истребуемого имущества истцу [9]. Следовательно, паспорт качества нефти не является средством идентификации нефти конкретного грузоотправителя, что является подтверждением обезличения вещи.

Количество нефти (нефтепродуктов), сдаваемое оператором в пункте назначения или перевалки на другой вид транспорта, должно быть равно количеству нефти (нефтепродуктов), принятому от заявителя в пункте отправления, за вычетом количества фактических технологических потерь в пределах норм технологических потерь нефти (нефтепродуктов) при транспортировке по магистральным трубопроводам, утвержденных в установленном порядке Министерством энергетики Российской Федерации [10].

После принятия грузополучателем нефти в пункте назначения в должном количестве и качестве согласно Договору и паспорту качества ответственность за сохранность количества нефти, а также риск случайной гибели переходят от транспортирующей компании к грузополучателю после подписания акта приема-сдачи нефти в пункте назначения (п. 2.3.4. Договора), а соответственно у грузополучателя возникает право собственности, так как переданная нефть приобретает индивидуальный характер.

Исходя из смысла п. 2 ст. 209 ГК РФ законной возможностью определять судьбу имущества, то есть решать, что с ним делать, является право распоряжения имуществом. В частности, распоряжение имуществом может выражаться в возможности его отчуждения. Обеспечение сдачи транспортирующей компанией нефти в пункте назначения свидетельствует о наличии права распоряжения, а как следствие подтверждение права собственности на неё.

Таким образом, в отношении права собственности на нефть, транспортируемую по магистральному нефтепроводу, более обоснованной с точки зрения действующего законодательства и судебной практики является позиция об утрате грузоотправителем права собственности на нефть при сдаче её в систему магистральных нефтепроводов, и признание её элементом трубопроводной инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ст. 1.2 Закона РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 11.06.2021) "О недрах" // "Российская газета" от 5 мая 1992 г. N 102.
2. Указ Президента РФ от 22.02.1992 N 179 (ред. от 17.03.2020) "О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена" // "Российская газета", 1992 г., N 61.
3. Ст. 346.34 "Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021).
4. Типовая форма Договора об оказании услуг по транспортировке нефти на 2021 год: термины и определения [Электронный ресурс]: URL: <https://www.transneft.ru/customers/contract-work/dogovornaya-rabota-2021/> (дата обращения 07.10.2021 г.).
5. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
6. Ст. 134 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // "Российская газета" от 8 декабря 1994 г. N 238-239.
7. Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 24 июля 2013 г. по делу N 33-7456/2013 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/110166341/> (дата обращения 07.10.2021 г.).
8. Ст. 491 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // "Российская газета" от 8 декабря 1994 г. N 238-239.
9. Постановление ФАС Поволжского округа от 25.02.2014 по делу N А72-4637/2013 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/39074133/> (дата обращения 07.10.2021 г.).

10. Постановление Правительства РФ от 29.03.2011 N 218 "Об обеспечении недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ от 4 апреля 2011 г. N 14 ст. 1943.

Предложения по порядку лицензирования отходов добычи через процедуру
«формирование перечней объектов, предлагаемых для геологического изучения»

Вербенко Ксения Сергеевна

¹Студент, ²Главный специалист отдела

¹РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, ²ФГКУ «Росгеолэкспертиза»

АННОТАЦИЯ

Горнодобывающие и перерабатывающие производства всегда сопровождались образованием большого количества отходов. При этом отходы добывающих и перерабатывающих производств можно рассматривать как своеобразных ресурс для извлечения полезных ископаемых. В свою очередь ввиду наличия проблем правового характера, связанных с использованием отходов добычи и переработки, автором выдвинуты предложения, касающиеся возможности предоставления отходов добычи для проведения работ по геологическому изучению в том числе в целях решения актуальной проблемы, касающейся воспроизводства минерально-сырьевой базы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Лицензирование, геологическое изучение, отходы добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств.

ABSTRACT

Mining and processing industries have always been accompanied by the formation of a large amount of waste. At the same time, waste from mining and processing industries can be considered as a kind of resource for extracting minerals. In turn, due to the existence of legal problems related to the use of mining and processing waste, the author put forward proposals concerning the possibility of providing mining waste for geological exploration, including in order to solve the urgent problem concerning the reproduction of the mineral resource base.

KEYWORDS

Licensing, geological study, waste from mining and related processing industries.

Один из ключевых механизмов лицензирования недропользования для геологического изучения с целью поисков и оценки месторождений полезных ископаемых установлен в главе III Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения недр (за исключением недр на участках недр федерального значения и участках недр местного значения), утвержденного приказом Минприроды России от 10.11.2016 № 583 (далее — Порядок № 583), - получение права пользования участками недр, включенными в перечни объектов, предлагаемых для предоставления в пользование в целях геологического изучения за счет собственных (в том числе привлеченных) средств заявителя [1].

При этом включение участков недр в такие перечни является обособленной административной процедурой, регламентированной главой I Порядка № 583, включая п. 1.12 указанного нормативно-правового акта.

В настоящее время, основной особенностью рассматриваемого механизма лицензирования, обособляющей его от смежного «заявительного принципа», установленного главой IV Порядка № 583, является степень геологической изученности такого участка недр, а именно – наличие в его границах ресурсов высоких категорий твердых полезных ископаемых P_1 и P_2 .

Вместе с тем специфика правового режима отходов добычи полезных ископаемых и связанных с ней перерабатывающих производств (далее – отходы добычи) не позволяет эффективно применять главу III Порядка № 583 и, как следствие, требует корректировки законодательства.

Первой проблемой является неразграниченность сфер действия законодательства о недрах и законодательства об отходах производства и потребления в отношении отходов добычи, которые возможно квалифицировать в качестве отходов добычи либо отходов, связанных с добычей, но не являющихся прямым результатом этого процесса [2].

Помимо внесения изменений в Закон РФ «О недрах» [3], позволяющих дифференцировать такие отходы, в их развитие следует сформировать соответствующую подзаконную нормативно-правовую базу, обеспечивающую эффективное правоприменение.

Подзаконной нормативно-правовой базой в рассматриваемом случае, в первую очередь, является Порядок № 583.

Фактически единая процедура предоставления участков недр посредством перечней объектов, предлагаемых для предоставления в пользование в целях геологического изучения за счет собственных (в том числе привлеченных) средств заявителя (далее – перечни ГИН), состоит из двух «подпроцедур»: формирование перечня ГИН и предоставление участка недр, включенного в перечень ГИН. При этом адаптация специфики лицензирования отходов добычи должна происходить, первоначально, для первой «подпроцедуры» формирования перечня ГИН, так как именно в этот момент определяется возможность лицензирования объекта безотносительно конкретного претендента на него.

Порядок № 583 в настоящее время в рамках формирования перечня ГИН требует от заявителя только заявку, карту-схему участка недр, которая должна содержать границы участка недр, предлагаемого к включению в перечень (с указанием географических координат угловых точек и площади участка), легенду карты-схемы и геологическое обоснование указанных границ участка недр; сведения о местоположении (районе) участка недр, предлагаемого к включению в Перечень, и виде полезного ископаемого, на которое будут проводиться работы на участке недр; согласие пользователей недр, указанные в абзаце втором пункта 1.11 Порядка № 583.

Такой комплект заявочных материалов снижает бюрократические издержки заявителя при прохождении процедуры лицензирования недропользования.

При этом в рамках их рассмотрения лицензирующие органы проводят анализ наличия или отсутствия запасов полезных ископаемых в границах испрашиваемого

участка, «буферных зон» флангов смежных участков недр, содержащих разведываемое и (или) разрабатываемое месторождение полезных ископаемых, особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения, участков недр распределенного фонда либо обладающих статусом предполагаемых для предоставления в пользование, земельных участков из состава земель обороны, безопасности.

В целях предоставления в пользование отходов добычи лицензирующим органам целесообразно осуществлять правовой анализ источника, способа и истории происхождения отходов, степень их интеграции в природную среду, определение возможного собственника таких отходов и земельного участка, на котором они расположены.

В рамках такого анализа лицензирующим органам следует направлять запросы в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (в части определения собственника земельного участка, на котором расположены отходы, так как они могут являться его неотъемлемой частью и принадлежать соответствующему лицу), в Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (так как отходы могут быть в собственности государства в качестве объекта гражданских прав и гражданского оборота), в Федеральную службу по надзору в сфере природопользования (так как отходы могут являться отходами производства и потребления и имеют соответствующие признаки, обусловленные их расположением на специализированных объектах для обращения с ними) и иными государственными и муниципальными органами власти, которые могут представить прямые или косвенные доказательства того, что отходы возможно квалифицировать в качестве объекта недропользования.

Также отходы, в отношении которых следует проводить указанный анализ, могут быть имуществом предприятия-банкрота и являться частью конкурсной массы в рамках процедуры банкротства, что затрудняет возможность их лицензирования в соответствии с законодательством о недрах, поэтому лицензирующему органу целесообразно осуществлять их поиск в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве. Кроме того, в рамках рассматриваемого анализа лицензирующему органу также следует осуществлять соответствующие запросы в фонд геологической информации о недрах, а также возможным собственникам (пользователям) отходов.

Указанные мероприятия позволят предотвратить конфликтные ситуации, связанные с превышением полномочий лицензирующего органа в части предоставления в пользование отходов производства и потребления, являющихся объектами гражданских прав и гражданского оборота, в качестве объекта недропользования, а также отходов добычи, относимых к действующим лицензиям на пользование недрами, в условиях которых отмечена возможность недропользователя по их использованию. Приведенные предложения могут быть актуальны не только в рамках предоставления участков недр посредством перечней ГИН, но и посредством иных механизмов, предусмотренных Порядком № 583, а также конкурсов и аукционов.

Второй существенной проблемой лицензирования отходов горнодобывающих производств является определение содержания в них запасов полезных ископаемых. Следует отметить, что в перечни ГИН подлежат включению лишь те объекты, которые

не содержат такие запасы, но могут содержать прогнозные ресурсы, вне зависимости от их категории.

При предоставлении в пользование участков недр государство имеет две задачи, на которые может расставить правовые акценты: повышение геологической изученности конкретной территории за счет частных средств либо получение частных средств непосредственно в бюджет за счет предоставления участка недр с высокой степенью геологической изученности.

Зачастую генезис образования отходов добычи позволяет определить качественно-количественный состав полезных ископаемых в них камерально. Это значит, что посредством применения Порядка № 583 недропользователь может с минимальными затратами, без проведения работ непосредственно на участке недр впоследствии получить право разведки и добычи полезных ископаемых.

Во избежание потерь государственного бюджета в подобных ситуациях, перед включением участка недр в перечень ГИН лицензирующему органу следует проводить анализ геологической информации объекта «образователя» таких отходов, так как по своему содержанию отходы добычи – это в большей части смесь вскрыши, горной массы и потерь добычи с объекта «образователя». В данном случае возможно подсчитать запасы в отходах путем простого математического подсчета потерь, отраженных в государственном балансе запасов полезных ископаемых.

При этом согласно положениям ч. 6 ст. 29 Закона РФ «О недрах» в отношении участков недр, которые не предоставлены в пользования, государственная экспертиза запасов полезных ископаемых, геологической информации об участках недр проводится по заявлению государственных учреждений, находящихся в ведении федерального органа управления государственным фондом недр или его территориального органа.

В связи с этим, законодатель предоставил возможность проводить экспертизу запасов полезных ископаемых в отношении объектов нераспределенного фонда недр, что позволяет подготовить их для лицензирования посредством конкурса или аукциона.

В главе I Порядка № 583 следует проработать механизм анализа возможности экспертизы запасов полезных ископаемых за счет государственных средств до включения участка недр в Перечень ГИН, в связи с чем целесообразно направлять соответствующий запрос в фонд геологической информации. В случае если ответ на такой запрос будет свидетельствовать о невозможности проведения указанной экспертизы, следует продолжать процедуру лицензирования посредством Перечней ГИН без ее проведения, отказавшись от возможного конкурса или аукциона на право пользования недрами.

Указанная необходимость также может быть актуальна для применения ее в рамках главы IV Порядка № 583, однако в таком случае дополнительно необходим анализ возможности апробации прогнозных ресурсов категорий P₁ и P₂.

Учитывая вышеизложенное, целесообразно выделить правовой механизм лицензирования отходов добычи для целей их геологического изучения в самостоятельную главу Порядка № 583, так как специфика, отличающая их от традиционных участков недр, довольно существенная. Причем в самостоятельную главу их следует выделить не только из процедуры лицензирования посредством перечней ГИН, но и из «заявительного принципа».

При этом, принимая во внимание опыт отмены процедуры перечней ГИН для Дальневосточного федерального округа, Арктической зоны России и Иркутской области, целесообразно перенять его также для лицензирования отходов д. Связано это с тем, что помимо существенных экономических выгод, разработка отходов во многих случаях является мерой по ликвидации накопленного вреда на территориях, их содержащих. Публичная функция такой хозяйственной деятельности может стать бюрократическим послаблением законодательства для активизации бизнес сообщества в рассматриваемой сфере.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Приказ Минприроды России от 10.11.2016 №583 «Об утверждении Порядка рассмотрения заявок на получение права пользования недрами для геологического изучения недр (за исключением недр на участках недр федерального значения и участках недр местного значения)» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2016.
2. Шамордин Р.О., Миркеримова Н.Ф. О критериях разграничения предметов правового регулирования законодательства об отходах производства и потребления и законодательства о недрах // Научно-технический журнал «Минеральные ресурсы России. Экономика и управление» № 2 /2019 (165). С. 65-69.
3. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ, 06.03.1995, № 10, ст. 823.

Предоставление права пользования недрами для целей разработки газовых
месторождений
Виноградов Евгений Александрович
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ:

В соответствии с современными тенденциями развития газодобывающей промышленности закономерен вывод, что объем добычи данного вида углеводородов ежегодно будет увеличиваться, в связи с чем важно детально разобрать правовое регулирование данного процесса. В работе автором рассмотрены основные правовые аспекты недропользования с целью разработки газовых месторождений и определен вектор правового регулирования всех видов недропользования, что является базисом возникающих правоотношений и позволяет, верно, выстроить процесс получения и использования рассматриваемого права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Недропользование; месторождение; лицензия на пользование недрами; разработка газовых месторождений; горный отвод; технический план работ по разработке газовых месторождений.

ABSTRACT

In accordance with the current trends in the development of the gas industry, it is natural to conclude that the volume of production of this type of hydrocarbons will increase annually, and therefore it is important to analyze in detail the legal regulation of this process. In the work, the author considers the main legal aspects of subsurface use for the purpose of developing gas fields and defines the vector of legal regulation of all types of subsurface use, which is the basis of emerging legal relations and allows, correctly, to build the process of obtaining and using the right in question.

KEYWORDS

Subsoil use; deposit; license for the use of subsoil; development of gas fields; mining; technical plan of work for the development of gas fields.

В современном мире газ – это один из самых ценных энергоносителей, при этом Россия является самым крупным поставщиком данного вида топлива в мире. Ежегодно в нашей стране добывается примерно 499 миллиардов кубометров природного газа, что формирует приблизительно 20% бюджета. Однако объем неосвоенных газовых месторождений в нашей стране все равно остается достаточно высоким. На данный момент приоритетной задачей в области газодобывающей промышленности является сохранение и разработка новых месторождений, так только в 2020 году было открыто три новых месторождения газа. Именно поэтому изучение правовых основ разработки газовых месторождений представляется приоритетной задачей исследований в области энергетического права. В данной работе я предлагаю более детально рассмотреть один

из самых важных аспектов данного процесса – это предоставление права пользования недрами для разработки месторождений газа.

Понятие пользования недрами не имеет однозначной и закреплённой формулировки в законодательстве Российской Федерации, однако из смысла ст.1.2 и ст.6 Федерального закона № 2395-1 «О недрах» от 21.02.1992 (далее ФЗ) [1,ст.6] года можно сделать закономерный вывод, что пользование недрами – это система правоотношений, возникающих при предоставлении субъекту участка недр в пользование и представляющая собой совокупность прав и обязанностей владельца недр, то есть государства, и лица кому участок недр был передан.[1] При этом ФЗ четко регламентирует виды пользования недрами. Так ст.6 ФЗ допускает следующие разновидности недропользования:

- региональное геологическое изучение
- геологическое изучение недр
- разведка и добыча полезных ископаемых
- строительство и эксплуатация подземных сооружений не связанных с добычей полезных ископаемых
- сбора различных материалов для формирования коллекций
- образование особо охраняемых геологических объектов

В рамках данной работы особое значение представляет для нас такой вид недропользования как пользование в целях разведки и добычи полезных ископаемых. Так разработка месторождений, согласно ст.11.1 Налогового кодекса Российской Федерации, представляет собой технологический процесс извлечения из недр углеводородного сырья и доведения его до состояния, по своему качеству соответствующего национальному или международному стандарту [2]. Однако если обратиться к национальному стандарту Российской Федерации о правилах разработки газовых, газоконденсатных, нефтегазовых и нефтегазоконденсатных месторождений (ГОСТ Р 55415-2013), далее ГОСТ, то можно найти более точное определение. Так п. 3.9 ГОСТа устанавливает, что разработка газового месторождения – это управление извлечением из продуктивных отложений газа (конденсата, нефти, сопутствующих компонентов) в целях их добычи посредством реализации системы разработки, определенной техническим проектом разработки. [3]. Оба данных определения важны для более детального понимания рассматриваемого процесса, так как Налоговый кодекс Российской Федерации устанавливает обобщенное понятие, в то время как ГОСТ раскрывает его более полно, что необходимо для ограничения правоприменения недропользования.

При этом стоит отметить, что право пользование недрами не наделяет недропользователя неограниченным кругом возможностей по использованию участка недр. Наоборот, такое право всегда ограничивает список деятельности, допустимой на выделенном участке недр. Это в первую очередь выражается в установлении целей пользования недрами. В рассматриваемой работе такой целью будет являться разработка месторождений, то есть осуществление работ по подготовке газового месторождения к добыче, непосредственной добыче газа и поддержанию месторождения, обеспечению безопасности такой добычи для недр и экологии и проведение ликвидационных

мероприятий по окончанию разработки. Кроме того, важно, что разрешение в случае разработки месторождения дается только на определенный вид полезных ископаемых, то есть использовать участок недр, выданных с целью разработки газовых месторождений, например, для добычи нефти будет являться противоправным.

Также важно упомянуть и о порядке предоставления права пользования недрами. Предоставление права недропользования осуществляется государственной системой лицензирования в соответствии с единым порядком выдачи лицензий. Лицензия представляет собой документ, удостоверяющий право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах и в соответствии с указанной целью в течение установленного срока при соблюдении заранее оговоренных условий. Лицензия необходима для получения любого из видов права недропользования.

Законодатель, в качестве основного способа получения лицензии устанавливает такую форму как аукцион и конкурс. При этом в данном случае для определения победителя не применимы общепринятые критерии. В данном случае, при предоставлении лицензии учитываются такие факторы, как научно-технический уровень предполагаемого использования и изучения недр, степень извлечения природного газа, уровень безопасности представленного комплекса работ для недр, степень социально-экономического развития территорий, на которых происходит разработка газового месторождения, а также предполагаемый уровень обеспечиваемой охраны окружающей среды. Все приведённые критерии отражаются в проекте разработки, который и предоставляется лицензирующему органу. В дальнейшем вся деятельность недропользователя может проходить исключительно в соответствии с данным техническим проектом.

Однако стоит отметить, что законодатель также допускает выдачу лицензии без проведения конкурса или аукциона на определенных территориях, исчерпывающий список которых определен в распоряжении Правительства Российской Федерации от 15 июня 2009 г. N 787-р «об утверждении перечня участков недр федерального значения, которые предоставляются в пользование без проведения аукциона».

При выдаче лицензии на пользование недрами с целью разработки газового месторождения пространство, на которую она распространяется, определяется в виде горного отвода, который представляет из себя геометризованный контур местонахождения и объема полезных ископаемых. Любая деятельность в рамках недропользования разрешена исключительно в пределах установленного лицензией горного отвода, при этом важно понимать, что горный отвод не эквивалентен понятию земельного участка, и лицу осуществляющую деятельность по разработке месторождения также необходимо получить право землепользования для получения физического доступа к горному отводу.

Однако для получения права пользования недрами недостаточно исключительно одной лицензии, также необходимо заключить договор недропользования в целях разработки газового месторождения между владельцем лицензии и государственным органом, который имеет право представлять интересы государства на выделенной лицензией территории. Такой договор может содержать отдельные условия осуществления разработки газового месторождения, например, условие о разделе полученной продукции и т.п.

Также стоит отметить, что само по себе недропользование является платным, то есть владелец лицензии должен с установленной периодичностью осуществлять выплату платежей за пользование недрами, размер которых определяется в зависимости от цели пользования государственным органом в каждом отдельном случае в установленном ФЗ ценовом диапазоне.

Как уже было отмечено выше, при получении права недропользования допустимы только те виды деятельности, которые соответствуют заявленной при лицензировании цели. В данной работе рассматривается такая цель как разработка газовых месторождений, поэтому на наш взгляд представляется особенно важным более детально изучить процесс разработки газовых месторождений и его правовое регулирование, чтобы как можно более точно ограничить право недропользования в конкретном случае.

В свою очередь, ГОСТ указывает на то, что существуют три стадии процесса разработки газового месторождения, а именно: начало разработки, промышленная разработка и завершение разработки [4].

На начальной стадии разработки должны проводиться работы по бурению скважин и ввода их в эксплуатацию, а также по обеспечению скважин необходимым инженерно-техническим оборудованием. Также на начальном этапе при необходимости может быть проведен пробный запуск разведочных скважин, равно как и основных, пробный запуск последних происходит в виде эксплуатации отдельных залежей или участков, сроком не более чем 3 года. По окончании начальной стадии разработки недропользователь должен подготовить следующий пакет документов: рабочий проект на бурение скважины и геолого-технический наряд; акты о начале и окончании бурения скважины; акт об измерении альтитуды устья обсадной колонны и стола ротора; материалы всех ГИС и заключения по ним; замеры длин труб (мера труб), информацию о диаметре, толщине стенки и марке стали по интервалам, необходимые характеристики для неметаллических колонн; акты на цементирование обсадных колонн, лабораторные анализы качества цемента и результаты измерения плотности цементного раствора в процессе цементирования, данные о выходе цемента на устье или высоте подъема цемента (диаграмму цементомера), мера труб, компоновка колонн, данные об удельном весе бурового раствора в скважине перед цементированием; акты испытания на герметичность всех обсадных колонн, а также устьевого и при необходимости внутрискважинного оборудования; планы работ по опробованию или освоению объекта; акты на перфорацию обсадной колонны, с указанием интервала перфорации, типа и способа перфорации, количества отверстий; акты опробования или освоения каждого ЭО, с приложением данных исследования скважин; заключения (акты) на испытания пластов в процессе бурения; мера и тип насосно-компрессорных труб с указанием оборудования низа, глубины установки пусковых клапанов с приложением полной схемы внутрискважинного оборудования; геологический журнал с описанием всего процесса бурения и освоения скважины; документация о результатах геолого-технического контроля в процессе бурения; паспорт скважины с данными о процессе бурения, нефтегазоводопроявлениях и поглощениях, о конструкции скважины; акты о натяжении колонн (если натяжение предусмотрено проектом); акты об оборудовании

устья скважины; акты о сдаче подрядчиком заказчику геологической и технической документации по скважине.

Основной этап начинается с момента сдачи скважин в эксплуатацию и характеризуется активной добычей нефти, уровни которой должны соответствовать заявленным в техническом проекте. Данный процесс должен соответствовать нормам ФЗ « Об охране окружающей среды»[4] и ФЗ « о недрах», а также ГОСТу. По итогу годовой добыче возможно внесение изменений в технический проект с корректировкой условий эксплуатации и объема добычи.

Завершающий этап представляет собой процесс проведения ликвидационных работ и начинается либо к моменту окончания лицензии на пользование недрами, если такая имела срок, либо при наличии одного из оснований, представленных в пункте 7.8.1 ГОСТа включая, но не ограничиваясь, следующие основания: реализованы основные проектные решения, произведена добыча большей части залежей газа, снижение уровня добычи, несмотря на принимаемые меры.

Подводя итог, закономерен вывод, что предоставление права недропользования и объем этих прав определяется целью пользования недрами, равно как и технологическим планом, предоставленным при лицензировании. При этом важно отметить, что в России достаточно высокий уровень регламентации рассмотренных процессов в связи с особым значением их объекта. Поэтому разобранные в работе аспекты, представляются важными для получения права недропользования с целью разработки газовых месторождений, ввиду сложившейся системы правоприменения. При использовании недр с целью разработки газовых месторождений недропользователю необходимо учитывать предъявленные ГОСТом требования, а также принимать все меры по защите недр и окружающей среды, так как в противном случае такое право у пользователя недрами может быть отозвано.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 11.06.2021) "О недрах"// "Российская газета", N 52, 15.03.1995.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021)// "Российская газета", N 148-149, 06.08.1998.
3. ГОСТ Р 55415-2013 Месторождения газовые, газоконденсатные, нефтегазовые и нефтегазоконденсатные. Правила разработки // М.: Стандартинформ, 2014 год
4. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "Об охране окружающей среды"// "Российская газета", N 6, 12.01.2002

Интернет вещей в нефтегазовой отрасли: правовое регулирование
Войтинская Вероника Владимировна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена исследованию промышленного интернета вещей. Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли привела к внедрению технологий искусственного интеллекта в производство и созданию цифровых месторождений. В результате исследования были выявлены законодательные пробелы в области правового регулирования технологий искусственного интеллекта.

ABSTRACT

This work is devoted to the study of the industrial Internet of things. The digital transformation of the oil and gas industry led to the introduction of artificial intelligence technologies into production and the creation of digital fields. As a result of the study, legislative gaps in the regulation of artificial intelligence technologies were identified.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Искусственный интеллект, интернет вещей, цифровые месторождения, цифровая трансформация.

KEYWORDS

Artificial intelligence, Internet of things, digital fields, Digital transformation.

Искусственный интеллект, по мнению многих ученых, в настоящее время выступает в качестве ключевого технологического тренда. Высокоразвитые страны, занимающие особое положение на международной арене, ведут активную деятельность по развитию и внедрению информационных технологий в различные отрасли. Многие государства в качестве основного направления своей политики выбирают именно развитие цифровой экономики. Российская Федерация не является исключением и также активно занимается развитием сектора цифровой экономики. Ведущие нефтегазовые компании России в рамках цифровой трансформации нефтегазовой отрасли уже много лет реализуют множество цифровых проектов посредством внедрения цифровых технологий в производство. Перед компаниями стоит вызов эффективно работать с огромным массивом данных из разнообразных распределенных источников для создания оперативной аналитики и повышения бизнес-ценности, одновременно с улучшением окупаемости инвестиций.

Интернет вещей представляет собой сеть, объединяющую множество устройств, способных обмениваться информацией и на основе этой информации выполнять различные действия. Функционал данной технологии не ограничен лишь сбором данных с распределенного оборудования в единый центр, вследствие чего информация анализируется и используется для принятия решения; интернет вещей также

представляет возможность обмена информацией между устройствами, что позволяет в процессе работы вносить какие-либо изменения¹⁰.

За последние годы произошел активный рост сегмента промышленного интернета вещей, где в единое информационное пространство объединяются отдельные установки и целые производственные объекты: интернет вещей помогает компаниям по всему миру осуществлять контроль за логистикой, перемещением грузов, состоянием технического оборудования, а также отслеживать потребление энергетических и иных ресурсов.

Феномен цифровой трансформации нефтегазовой отрасли включает в себя внедрение технологий интернета-вещей в нефтегазовое производство. Так, стоит отметить цифровые месторождения и нефтеперерабатывающие заводы, в основе которых – интеллектуальные скважины, которые оснащены различными датчиками, и главной задачей которых является сбор, передача и анализ данных о добыче нефти или газа и о коллекторских свойствах пласта. Именно с помощью технологии интеллектуальных скважин, операторы могут анализировать поступающие данные и принимать решения на основе передающейся в единый центр информации о производстве в режиме реального времени в целях оптимизации деятельности по добыче углеводородов. Главная цель цифровых месторождений - оптимизация нефтегазового производства, а также повышение производственной эффективности посредством интеграции рабочих процессов. Цифровой нефтеперерабатывающий завод оснащен огромным количеством датчиков и приборов, а поставки топлива в режиме реального времени отслеживаются системами спутниковой навигации¹¹.

«Цифровизация» нефтегазового производства имеет огромные преимущества. Благодаря технологиям искусственного интеллекта, нефтегазовым компаниям удается оптимизировать производство, используя масштабируемые периферийные вычисления на своих скважинах и производственных мощностях, компании получают расширенную аналитику состояния ресурсов. С помощью возможности осуществлять контроль на производстве в режиме реального времени, а также автоматизации рабочих процессов, многим компаниям удалось значительно снизить незапланированные расходы и повысить производительность труда. Промышленный интернет вещей позволил осуществить интеграцию данных между подразделениями и отраслями, что обеспечило более эффективное взаимодействие и коммуникацию специалистов, которые могут в режиме реального времени анализировать поступающие данные и принимать соответствующие технические решения. Стоит также отметить, что благодаря внедрению технологий искусственного интеллекта в нефтегазовую отрасль, люди начали работать в удаленном режиме: так, удалось снизить количество посещений рабочих площадок. Основной задачей всех нефтегазовых компаний является повышение безопасности на производстве, а возможность перевода сотрудников на удаленную

¹⁰ Умников А.Е., Самсонов Н.Д. Правовое будущее развития и функционирования Интернета вещей в России / Постулат. - №12. – 2017 г. – С. 112 – 118.

¹¹ Фаталиев Т.Х., Мехтиев Ш.А. Перспективы применения интернета вещей в нефтегазовом комплексе / Журнал «Телекоммуникации». - №9. – 2018 г. – С. 36-42.

работу с помощью автоматизации производства помогает компаниям функционировать с максимальной безопасностью¹².

Стоит отметить, что технология интернета вещей за последние годы претерпела множество изменений: активное развитие данной технологии, привело к образованию сложной системы элементов и взаимодействий, правовое регулирование которых невозможно осуществить без надлежащей нормативной базы. Тем не менее, технологии искусственного интеллекта получили достаточно широкое распространение в юридической практике. Феномен цифровой трансформации довольно сильно повлиял на юриспруденцию: так, за последние годы, была сформирована отдельная отрасль бизнеса - Legal Tech, которая базируется на информационно-технологическом обслуживании профессиональной юридической деятельности. Главной задачей Legal Tech является оценка перспектив судебного процесса, за счет имеющейся судебной практики, посредством поиска и анализа прецедентов. Legal Tech сервисы активно пользуются технологиями искусственного интеллекта: с каждым днем создается все больше онлайн-сервисов по оказанию юридических услуг и консультаций без активного участия юристов.

Касательно правового урегулирования данного вопроса, стоит отметить, что Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Принятие данной стратегии ознаменовало реализацию первой модели регулирования искусственного интеллекта, в условиях отсутствия нормативных актов, регламентирующих технологии искусственного интеллекта¹³. Указ Президента №490 лишь закрепляет основные понятия в области применения искусственного интеллекта. Соответственно, надлежащее регулирование данного вопроса, на сегодняшний день, отсутствует.

Преимущество технологий IoT заключается в возможности их применения в режиме реального времени (т.е. онлайн). Беспроводные методы передачи данных открывают возможность их неправомерного использования, вследствие чего назревает необходимость в физической защите данных и использования методов криптографии. Поскольку технологии IoT представляют возможность обмена информацией между устройствами, в случае взаимодействия вещей, необходимо согласие субъекта права на то, чтобы собирать, хранить, обрабатывать, передавать информацию о нем, что осложняет ситуацию с правовым урегулированием в сфере защиты информации¹⁴.

Вопрос привлечения к ответственности также не урегулирован с точки зрения права. Российское законодательство лишь частично закрепляет ответственность за преступления в сфере информационных технологий. Так, в Уголовном кодексе РФ содержится лишь 3 статьи, которые охватывают три состава: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение

¹² Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли: барьеры и пути их преодоления / Газовая промышленность. - №7 (803). – 2020 г. – С. 34-38.

¹³ Незнамов А.В. Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - №12. – 2019 г. - С. 82-88.

¹⁴ Исаков В.Б., Сарьян В.К., Фокина А.А. Правовые аспекты внедрения интернета вещей / ИТ-стандарт. - № 4 (5). - 2015 г. – С. 9-16.

вредоносных программ для ЭВМ (ст. 273 УК РФ) и нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274 УК РФ). Административное законодательство также лишь фрагментарно регулирует данный вопрос.

Стандартизация и лицензирование технологии IoT также является острым вопросом в области технологий искусственного интеллекта. Подключаемые к сети вещи, определенно должны соответствовать определенным стандартам, которые должны содержать принципы агрегации, хранения, анализа и передачи больших массивов разнородных данных для функционирования системы.

Таким образом, исходя из сложной системы интернета вещей, необходима разработка нормативной базы, как на государственном уровне, так и на международном. Внедрение технологий искусственного интеллекта в нефтегазовую отрасль является важным шагом в построении цифровой экономики в России и требует обязательного правового урегулирования, в целях предотвращения преступных деяний в данной сфере.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Незнамов А.В. Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года / Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - №12. – 2019 г. - С. 82-88.
 2. Фаталиев Т.Х., Мехтиев Ш.А. Перспективы применения интернета вещей в нефтегазовом комплексе / Журнал «Телекоммуникации». - №9. – 2018 г. – С. 36-42.
 3. Исаков В.Б., Сарьян В.К., Фокина А.А. Правовые аспекты внедрения интернета вещей / ИТ-стандарт. - № 4 (5). - 2015 г. – С. 9-16.
 4. Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли: барьеры и пути их преодоления / Газовая промышленность. - №7 (803). – 2020 г. – С. 34-38.
- Умников А.Е., Самсонов Н.Д. Правовое будущее развития и функционирования Интернета вещей в России / Постулат. - №12. – 2017 г. – С. 112 – 118.

Проблемы исполнения контрактов - ЕРС инжиниринга объектов нефтегазовой отрасли
Володин Дмитрий Алексеевич
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор анализирует наиболее частые споры при подписании контрактов – ЕРС на выполнение работ по проектированию объектов нефтегазовой отрасли. Особое внимание уделяется правовому регулированию исполнения контрактов по форме ЕРС инжиниринговых услуг нефтегазовой отрасли, а также анализируются споры и конфликты, связанные с данными видами контрактов. Выявляются типичные, системные виды конфликтов между участниками контракта – ЕРС. Данное исследование в дальнейшем позволит не исключить, но по крайней мере минимизировать их количество, а также сократить задержки реализации проектов и снизить их бюджет

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инвестиционный проект, инжиниринг, нефтегазовая отрасль, объект капитального строительства.

ABSTRACT

In this article, the author analyzes the most frequent disputes when signing contracts - EPC for the execution of works on the design of oil and gas industry facilities. Particular attention is paid to the legal regulation of the execution of contracts in the form of EPC engineering services in the oil and gas industry, and disputes and conflicts related to these types of contracts are analyzed. Typical, systemic types of conflicts between the parties to the EPC contract are identified. This study in the future will not exclude, but at least minimize their number, as well as reduce delays in the implementation of projects and reduce their budget

KEYWORDS

Investment project, engineering, oil and gas industry, capital construction object.

Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1546-р от 11.06.2020 утверждена «дорожная карта» в области инжиниринга и промышленного дизайна. Целью «дорожной карты» является сокращение отставания Российской Федерации от развитых стран в части ЕРС(М) -компетенций для выполнения высокотехнологичных проектов в отраслях металлургии, химии и иных отраслях обрабатывающей промышленности, освоения месторождений шельфа и Восточной Сибири, разработки нефтегазовых комплексов, создания новых отечественных технологий в области сжижения природного газа.

В 2021 году вступили в силу изменения в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ, которые вводят в оборот понятие контракта на создание объекта капитального строительства под ключ. Об исполнении контракта «под ключ» говорится в статье 110.2 Федерального закона N 44-ФЗ. С 15 февраля 2020 года приказом Минстроя России от 23.12.2019 № 841/пр действует

Порядок обоснования начальной (максимальной) цены контракта в отношении подрядных работ и услуг по исполнению функций технического заказчика, в т. ч. по составлению проекта сметы контракта. Приказом Минстроя России от 14.01.2020 № 9/пр «Об утверждении Типовых условий контрактов на выполнение работ по строительству (реконструкции) объекта капитального строительства и информационной карты типовых условий контракта» установлен исчерпывающий перечень обязательных типовых условий, которые должны включаться в контракты, предметом которых является выполнение работ по строительству (реконструкции) объекта капитального строительства. Результатом исполнения контракта «под ключ» должен стать завершённый объект - здание или сооружение, которые введены в эксплуатацию. Данные изменения законодательства на наш взгляд хорошо иллюстрируют ведение в нормативно-правовые акты принципов контрактов – ЕРС и в целом указывают на актуальность исследования подобного вида договора.

Инжиниринг

В послевоенные года XX века произошёл важный этап развития рынка инжиниринговых услуг. По окончании войны промышленники Европы начали работы по восстановлению разрушенных объектов и модернизации уцелевших заводов. Собственники промышленных объектов выступали как спонсоры для строительства объектов социального назначения. Ввиду того, что у промышленников не было опыта строительства подобных объектов возникла необходимость в инжиниринговых услугах с реализацией проектов «под ключ». В большинстве случаев в рамках инжиниринговых договоров реализовывались задачи по проектированию, поставки оборудования и строительству объектов, в том числе оказывались услуги по эксплуатации объекта и обучению персонала.

Увеличение масштабов добычи нефти и газа, внедрение новейших отраслевых технологий, а также назревшая потребность в модернизации производственных фондов вызывают целый ряд новых масштабных проектов в сфере капитального строительства по разработке месторождений, развитию нефтегазотранспортной инфраструктуры, возведению перерабатывающих и химических заводов. В связи с этим ведущие компании нефтегазового комплекса, стремящиеся к достижению максимальной эффективности, вынуждены пересматривать и оптимизировать сложившиеся подходы к реализации капитальных проектов.

Концепция ЕРС-контрактов инжиниринговых услуг для нефтегазовой отрасли

Если говорить о существующих на сегодняшний день формах инжиниринговых контрактов следует выделить следующие разновидности:

- TDBB (traditional design-bid-build) – последовательное выполнение проекта,
- PCM (project, construction, management) – договор на управление строительством;
- ЕРС (engineering, procurement, construction) – договор на оказание инжиниринговых услуг, а также услуг, связанных с поставкой и строительством объектов;

- EPCM (engineering, procurement, construction, management) – аналогично EPC-контрактам, при этом подрядчик оказывает заказчику дополнительные услуги, связанные с управлением проектом.

Контракты EPC являются договорными моделями, в рамках которых подрядчик выполняет полный перечень работ (полный цикл), начиная от проектирования и заканчивая поставками оборудования, материалов, а также реализацией строительно-монтажных работ.

Однако довольно часто встречаются случаи, когда заказчик берет на себя ответственность только по определенному виду работ.

Модель реализации EPC – контракта подразумевает наличие определенных качеств и опыта генерального подрядчика в интеграции и оптимизации различных строительных и закупочных работ, необходимых в рамках исполнения одного проекта. Генеральный подрядчик (EPC-подрядчик), выполняющий за твердую цену основной объем работ инвестиционно строительного проекта и принимающий на себя все риски его осуществления с момента проектирования и до момента передачи готового объекта заказчику (включая выполнение гарантийных обязательств), несет всю финансовую ответственность перед Заказчиком.

В настоящее время понятие «EPC-контракт» и его виды не закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации. Контракт может включать в себя условия разных видов соглашений (в зависимости от типа): возмездного оказания услуг, строительного подряда, услуг по инжинирингу, поставки. Таким образом, EPC-контракт в России представляет собой смешанный договор. Соответственно, при рассмотрении споров судами будут учитываться соблюдение условий по каждому виду договора.

Споры и конфликты, связанные с объемом работ

В каждом проекте возникают споры и конфликты, касающиеся того, что именно включено в предмет договора. Можно выделить несколько оснований возникновения дополнительных работ:

1. Непредвиденные работы могут возникнуть в связи с недостатками проектирования. В случае если разработкой проектной и рабочей документации занимались разные субподрядчики не представляется возможным предоставить перечень будущего оборудования для поставки на объект. В такой ситуации логичным решением (для Заказчика) является возложение в договоре на Подрядчика риска того, что при заключении договора или при разработке проектной документации не будут учтены некоторые работы, которые необходимы для завершения объекта и которые могли быть предвидены квалифицированным и опытным подрядчиком.

2. Наиболее частые конфликты из -за непредвиденных объемов работ возникают вследствие того, что на стадии заключения договора не были заранее согласовано между сторонами выполнение работ по прохождению согласования проектной документации в государственных органах. Данная категория споров наиболее часто встречается в отношениях с иностранными контрагентами. Выполнение работ «под ключ» не всегда включает в себя приведение технической документации в соответствии с требованиями законодательства о промышленной и пожарной безопасности, технических регламентов. Данный конфликт может быть разрешен путем указания работ по отдельным видам работ в смете контракта-EPC. Если после

заключения договора ЕРС вводятся в действие новые либо изменяются действующие обязательные технические правила, то, обычно, договор ЕРС будет содержать условие о том, что вызванные данным обстоятельством работы считаются дополнительными и подрядчик имеет право на увеличение цены.

Возникновение дополнительных работ может быть обусловлено изменением самой концепции инвестиционного проекта. В данном случае в контракте должны быть предусмотрены сроки подготовки и согласования дополнительного соглашения с приложениями в новой редакции, в том числе с возможностью взыскания убытков со стороны подрядчика в связи с изменением объема работы.

Споры и конфликты, связанные с выбором и привлечением субподрядчиков

Если ЕРС – подрядчик является крупной международной компании, у заказчика будет минимум прав по влиянию на выбор субподрядчиков: ЕРС-подрядчик гарантировал твердую цену и срок, и поэтому ему должно быть предоставлено право самостоятельно определять своих контрагентов. В данной ситуации может возникнуть целая группа конфликтов:

1. Несвоевременное утверждение субподрядчиков заказчиком;
2. Заказчик часто стремится навязать ЕРС - подрядчику определенного субподрядчика. При этом ЕРС-подрядчику следует иметь в виду, что он будет полностью ответственен за действия нанятого им субподрядчика, даже если последний был выбран под давление со стороны Заказчика;
3. Экономия со стороны ЕРС -подрядчика. Генеральный подрядчик стремится получить прибыль от проекта путем экономии и поиском субподрядчиков, которые готовы выполнить работы дешевле, чем конкуренты. Порой это приводит к ухудшению качества проекта. Проблема может быть частично решена путем согласования списка заранее одобренных поставщиков и субподрядчиков (pre-approved suppliers list) в составе договора ЕРС: по каждой позиции важных элементов может быть приведено несколько кандидатур, и ЕРС-подрядчик может заключить договор с любой из них.

Конфликты и споры, связанные с использованием средств защиты

Анализ практики показывает, что довольно часто одна или обе стороны используют защитные правовые инструменты выходя за рамки досудебного претензионного порядка, что в свою очередь приносит большие проблемы. В данной категории можно выделить следующие случаи:

1. Банковские гарантии являются неотъемлемым элементом большинства ЕРС контрактов и призваны обеспечить покрытие конкретных финансовых рисков Заказчика. Следует обращать внимание на предмет договора, который обеспечивается гарантией исполнения обязательств. Исполнением обязательств может быть не только законченный строительством «под ключ» объект или совокупность выполненных работ без завершения строительства, но это может быть и система показателей производительности технологической установки и её ресурсопотребления. В настоящее время в российском инжиниринге подобный венчурный инструмент используется избыточно и применяется, как только у Заказчика появляется формальный повод.
2. Высокие штрафные санкции со стороны заказчика или оператора, администрации объекта. Штраф Подрядчика оформляется путем уведомления и в

некоторых случаях штраф засчитывается из суммы оплаты работ. Данные завышенные меры ответственности не являются соразмерны риску подрядчика.

Однако, большинство Заказчиков настаивает на одностороннем порядке применения штрафных санкций, что автоматически увеличивает риски Подрядчика по недофинансированию производственной деятельности по проекту. Это означает, что Заказчик может посчитать случившимся то или иное нарушение условий договора и применить санкцию по собственному усмотрению. К примеру, нарушение сроков выполнения работ, нарушение правил промышленной безопасности, охраны труда или за нанесение экологического ущерба окружающей среде или за недостижение выходных показателей мощности или производительности.

3. Часто возникают споры, связанные с языком разрабатываемой документации. ЕРС – подрядчику необходимо отнестись внимательно к выбору языка на котором будут представлять документы. Кроме того, необходимо установить приоритет текстов по отношению к друг другу и срок для перевода иностранных текстов.

Кроме вышеуказанных споров и конфликтов при реализации проекта в нефтегазовой отрасли ЕРС – подрядчик сталкивается со следующими дополнительными вопросами:

- доступ Подрядчика к исходному сырью и к приемному судну для своевременного завершения строительства;
- одновременное строительство, ввод в эксплуатацию и испытания объекта капитального строительства;
- требования к спецификациям исходного сырья, продуктов и побочных продуктов, в том числе выбросы парниковых газов;
- взаимодействие с соответствующими государственными органами и администрацией объекта.

Существует множество подходов по разрешению конфликтов между сторонами, которые могут быть приняты в зависимости от характера и местоположения проекта и конкретных условий контракта.

Однако на наш взгляд наиболее предпочтительнее придерживаться следующих общих принципов. Они включают в себя:

- создание поэтапного процесса разрешения споров, который предусматривает внутренние обсуждения и переговоры, направленные на разрешение конфликта до начала судебного взыскания убытков друг с друга;
- обязать Подрядчика продолжать выполнение работ до разрешения спора;
- обеспечить объединение любого конфликта со спорной ситуацией, которые стала его причиной в связи с строительством объекта;
- полномочия по консолидации конфликта должны быть переданы на разрешение Генерального подрядчика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-

- ФЗ [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
2. Об утверждении Порядка определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальной цены единицы товара, работы, услуги при осуществлении закупок в сфере градостроительной деятельности (за исключением территориального планирования) и Методики составления сметы контракта, предметом которого являются строительство, реконструкция объектов капитального строительства. Приказ от 23.12.2019 № 842/пр [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/24f/Prikaz-ot-23.12.19--841-pr.pdf>
 3. Об утверждении Типовых условий контрактов на выполнение работ по строительству (реконструкции) объекта капитального строительства и информационной карты типовых условий контракта. Приказ от 14.01.2020 № 9/пр [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/413/14.01.2020_9_pr.pdf
 4. Карачурина, Г.Г. Практика применения ЕРС(М)-контрактов крупнейшими игроками международного рынка нефтегазовых инжиниринговых услуг / Г.Г. Карачурина, П.С. Тупкина // Экономист года 2020. Сборник статей Международного профессионально-исследовательского конкурса. – 2020. – С. 166-174.
 5. Damian McNair. EPC Contracts in the oil and gas sector // Investing in Infrastructure. International Best Legal Practice in Project and Construction Agreements – January, 2016.
 6. Лазник, А.А. Исследование форм инжиниринговых контрактов, заключаемых на мировом рынке / А.А. Лазник // Вестник Университета ФГБОУ ВО «ГУУ» – 2017. – № 6 – С. 77-82.
 7. Монченко, О.В. ЕРС И ЕРСМ: Выбор оптимальной контрактной формы / О.В. Моченко // Право и Экономика. – 2021. – № 7 (401) – С. 52-56.
 8. Афанасьев, В.Я. Зарубежный опыт и перспективы развития рынка ерс(м)-услуг в нефтегазовой отрасли России / В.Я. Афанасьев, А.А Каверин, Ю.Н. Линник, В.Ю. Линник, А.А. Лазник // Вестник Университета ФГБОУ ВО «ГУУ». – 2015. - № 5 – С. 10-15

Некоторые проблемы поддержки нефтегазового комплекса России
Вольных Алина Артёмовна
Санкт-Петербургский Государственный Университет

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется нефтегазовый комплекс Российской Федерации в его актуальном состоянии, предполагающем восстановление и расширение в кризисных условиях, формулируется ряд недостатков, присущих его правовому регулированию и экономической поддержке со стороны государства, а также отмечается несоответствие декларируемых стратегических целей развития нефтегазовой отрасли реальной государственной политике и указывается на необходимость принятия некоторых желательных мер в рассматриваемой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Нефтегазовый комплекс, топливно-энергетический комплекс, протекционизм, государственная поддержка, эгоцентризм, энергетическая стратегия, налоговые льготы, инновационная экономика, институциональная экономика.

ABSTRACT

The article analyzes the oil and gas complex of the Russian Federation in its current state, assuming restoration and expansion in crisis conditions, formulates a number of shortcomings inherent in its legal regulation and economic support from the state, and also notes the inconsistency of the declared strategic goals of the development of the oil and gas industry with real state policy and indicates the need to take some desirable measures in this area.

KEYWORDS

Oil and gas complex, fuel and energy complex, protectionism, state support, egocentrism, energy strategy, tax incentives, innovative economy, institutional economy.

Нефтегазовый комплекс имеет стратегическое значение для развития экономики Российской Федерации и установления и поддержания надлежащего уровня национального благосостояния, поскольку обеспечивает фундаментальный для федерального бюджета экспортный доход. С января 2020-го года по январь 2021-го экспорт нефти оценивается в 251 096.70 тыс. т. – изменение по отношению к аналогичному предыдущему периоду составило +13.71 % [12]. Развитие нефте- и газодобывающей отраслей создает условия для притока иностранных инвестиций повышения уровня занятости жителей российского государства. Так как в ближайшее время не ожидается ни сокращение темпов добычи нефти и природного газа, ни реструктуризация отечественной экономики в пользу альтернативной регенеративной энергетики, сохраняет актуальность вопрос безопасности функционирования нефтегазового комплекса – особенно с учетом политики экономических санкций, взаимно проводимой Россией и западными странами.

Необходимость протекционистской политики накладывает на государство ряд экономических обязательств по поощрению компаний, осуществляющих деятельность в рассматриваемых отраслях. Так, Министерством энергетики Российской Федерации в 2009 году была разработана Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [9]. Некоторые авторы, анализируя ее действие вопреки упомянутой выше тенденции, приходили к достаточно смелым прогнозам о снижении к 2035 году себестоимости альтернативных источников энергии, что позволило бы «заменить традиционные виды топлива (в неопределенном объеме – А.В.), употребляемые в промышленности и домашнем хозяйстве» [14, с. 622].

Воплощение Стратегии, однако, не оказалось успешным. Согласно Докладу о ее реализации, составленному по итогам 2018 года, ежегодный мониторинг показал, что количественные показатели топливно-энергетического комплекса находятся в диапазоне первого этапа Стратегии (завершение которого предполагалось в 2015 (!) году) – «сформировались тенденции, противоположные тем, которые необходимы для реализации ЭС-2030» [3]. Со ссылкой на «начавшийся в 2014 году геополитический кризис» и Доктрину энергетической безопасности Российской Федерации [8] составители Доклада указывают на разработку проекта новой энергетической стратегии.

В июне 2020 года Правительством Российской Федерации утверждена Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года [10]. Принимая во внимание, что Россия является одновременно производителем, потребителем и экспортером углеродных энергетических ресурсов, ЭС-2035 уже не отсылает к санкциям и импортозамещению и концентрируется на мировом топливно-энергетическом балансе, противодействии изменениям климата, декларируя своей целью, «с одной стороны, максимальное содействие социально-экономическому развитию страны, а с другой стороны, – укрепление и сохранение позиций Российской Федерации в мировой энергетике». Ускоренный переход к достижению указанной цели («модернизационный рывок») предполагает структурную диверсификацию, в ходе которой планируются расширение децентрализованного энергоснабжения и неуглеродной энергетики, наукоемкий экспорт энергетических ресурсов, интеллектуализация и диджитализация топливно-энергетического комплекса, оптимизация инфраструктура с формированием минерально-сырьевых центров в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Арктической зоне Российской Федерации, а также адаптация энергетических комплексов к изменениям климата.

Несмотря на благородные эгоцентрические стремления, реальные шаги Правительства Российской Федерации носят несколько прямолинейный характер. В июле 2020 года Правительством был внесен в Государственную Думу Российской Федерации готовившийся почти два года законопроект о поддержке нефтегазохимических заводов. Принятие этого законопроекта давно ждал ПАО «СИБУР Холдинг», одна из крупнейших интегрированных нефтегазохимических компаний России, и его акционеры – Леонид Михельсон и Геннадий Тимченко). Как сообщает Алина Фадеева, автор медиахолдинга «РБК», от принятия закона «зависит конфигурация нового крупного проекта компании – Амурского газохимического комплекса (Амурский ГХК) <...> второй крупный претендент на льготы – «Балтийский химический комплекс» (БХК), принадлежащий экс-партнеру Аркадия Ротенберга Артему Оболенскому...» [6].

Закон вступил в силу 1 января 2021 года [7]. Используемые в качестве сырья этан и сжиженный углеводородный газ производители теперь будут получать налоговый вычет по акцизу («обратный» акциз). Согласно финансово-экономическому обоснованию, приложенному к законопроекту «максимальные расходы федерального бюджета на возмещение нефтеперерабатывающим предприятиям «обратного» акциза на нефтяное сырье, направленное на переработку, <...> в 2020 году составят порядка 10 млрд. рублей, в 2021 году – 23 млрд. рублей, в 2022 году – 32 млрд. рублей, в 2023 году – 42 млрд. рублей и в 2024 году – 54 млрд. рублей» [13].

Компаративистские исследования налоговых режимов нефтяных отраслей России и западных государств – Норвегии, Великобритании, Канады и др. – показывают, что страны, применяющие роялти – плату собственнику природных ресурсов за их использование, устанавливают адвалорные ставки, в соответствии с которыми плата определяется как процент от стоимости добываемой нефти, в то время как российский налог на добычу полезных ископаемых рассчитывается сообразно фиксированной ставке с учетом поправочных коэффициентов [2, с. 269-279]. Адвалорные ставки присутствуют в структуре НДС, однако, устанавливаются только в отношении добычи углеводородного сырья на новых морских месторождениях (см.: подпункт 2 пункта 2 статьи 338 Налогового кодекса Российской Федерации [5]).

Поправочные коэффициенты представляются селективным, ручным и, более того, произвольным механизмом регулирования – адвалорные ставки, напротив, показывают себя в качестве гибкого налогового инструмента, обеспечивают дифференциацию налоговой нагрузки благодаря принятию во внимание финансовых результатов компании в целом и учету затрат на добычу нефти на конкретном месторождении в частности. Повышение адаптивности налоговой системы, таким образом, способствует привлечению дополнительных инвестиций.

10 сентября 2021 года председатель правления ПАО «Газпром» Алексей Миллер заявил, что строительство газопровода «Северный поток – 2» полностью завершено [1]. В ближайшее десятилетие Российскую Федерацию ожидают новые проекты, связанные с добычей и экспортом нефти и газа. Их безопасности и эффективности следует обеспечивать не посредством нестабильного подзаконного нормотворчества и точечных налоговых льгот – результатов лоббизма в законодательной деятельности. Инновационный тип экономического развития предполагает наличие действующих институтов – правил или совокупностей правил игры, имеющих внешний механизм принуждения индивидов к исполнению и понимаемых в качестве средств минимизации трансакционных издержек для обеспечения эффективной аллокации ресурсов [11].

Создание подобных условий невозможно без антимонопольного регулирования вертикально интегрированных компаний и обеспечения недискриминационного доступа к инфраструктуре, кредитного и страхового регулирования, бюджетного финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и последующего внедрения в технологические процессы их результатов [4, с. 122], а также развития таких институциональных направлений как разработка передовых методов управления и инвестирование в профессиональную подготовку кадров и противодействие коррупции, подкрепленное транспарентностью финансовой

документации компаний нефтегазового комплекса России и политической волей государственной власти и гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексей Миллер: строительство газопровода «Северный поток – 2» полностью завершено [Электронный ресурс] // Газпром: сайт. 2021. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2021/september/article537301/> (дата обращения: 03.10.2021).
2. Государственное антикризисное управление в нефтяной отрасли: монография / А. З. Бобылева [и др.]; под ред. А. З. Бобылевой, О. А. Львовой. М.: Издательство Юрайт, 2018. 326 с. (Серия: Актуальные монографии) ISBN 978-5-534-06501-5.
3. Доклад о реализации Энергетической стратегии России на период до 2030 года по итогам 2018 года [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации: официальный сайт. 2021. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/15357> (дата обращения: 03.10.2021).
4. Жукаускас, В. В., Шелкоплясова, Н. И., Бабаян, Г. Д. Нормативно-правовое регулирование нефтяной отрасли РФ в рамках обеспечения политики экономической безопасности // Вести научных достижений. Экономика и право. 2020. № 3. С. 120-123. eISSN: 2686-9837.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) (ред. от 01 октября 2021 г.): федеральный закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 07 августа 2000 г. № 32. ст. 3340.
6. Нефтехимические компании получают господдержку в размере более ₽90 млрд [Электронный ресурс] // РБК: сайт. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/business/07/07/2020/5f04625e9a79477a5583afaa> (дата обращения: 03.10.2021).
7. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части введения обратного акциза на этан, сжиженные углеводородные газы и инвестиционного коэффициента, применяемого при определении размера обратного акциза на нефтяное сырье: федеральный закон от 15 октября 2020 г. № 321-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 октября 2020 г. № 42 (часть II). ст. 6508.
8. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 мая 2019 г. № 20. ст. 2421.
9. Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715-р. Доступ из СПС «Кодекс».
10. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 июня 2020 г. № 24. ст. 3847.
11. Познер, Ричард. А. Экономический анализ права: в 2 т. Т. 1 / Ричард А. Познер; пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. 544 с. ISBN 5-902402-01-8.

12. Статистика [Электронный ресурс] // Министерство энергетики Российской Федерации: официальный сайт. 2021. URL: <https://minenergo.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 03.10.2021).
13. Финансово-экономическое обоснование к проекту федерального закона федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части введения обратного акциза на этан, сжиженные углеводородные газы и инвестиционного коэффициента, применяемого при определении размера обратного акциза на нефтяное сырье» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. 2021. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/984546-7> (дата обращения: 03.10.2021).
14. Черняев, М. В., Корневская, А. В. Инструменты поддержки нефтегазового комплекса России в условиях санкционных ограничений запада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: экономика. 2018. Т. 26. № 4. С. 620-629. ISSN 2313-2329.

Правовая реформа по обеспечению свободного доступа к газотранспортной системе
Китая
Гао Юй
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Результаты прогнозов Международного энергетического агентства (IEA) показывают, что тенденция быстрого роста импорта и потребления природного газа в Китае сохранится до 2040 года. В этом контексте реформа рынка природного газа в Китае идет полным ходом. Актуальным и важным является вопрос о том, что вертикально-интегрированная нефтегазовая компания, как хозяйствующий субъект, часто злоупотребляет своим доминирующим положением на рынке. Такие действия (бездействие) приводят к недопущению, ограничению, устранению конкуренции между нефтегазодобывающими компаниями, а также между нефтегазовыми сбытовыми компаниями. Поэтому в Китае в 2020 году проведена реформа в нефтегазовой отрасли, в результате чего нефтегазовая транспортная система получила самостоятельность от вертикально-интегрированной нефтегазовой компании, чтобы обеспечить свободный доступ других субъектов к газотранспортной системе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Реформа нефтегазовой системы; газопроводная сеть; трубопроводная сетевая компания; вертикально-интегрированная нефтегазовая компания; третий энергетический пакет; доступ третьей стороны; естественная монополия; маркетизация.

ABSTRACT

The results of the forecasts of the International Energy Agency (IEA) show that the trend of rapid growth in imports and consumption of natural gas in China will continue until 2040. In this context, the reform of the natural gas market in China is in full swing. An urgent and important issue is that a vertically integrated oil and gas company, as an economic entity, often abuses its dominant position in the market. Such actions (inaction) lead to the prevention, restriction, elimination of competition between oil and gas producing companies, as well as between oil and gas marketing companies. Therefore, in China, in 2020, a reform was carried out in the oil and gas industry, as a result of which the oil and gas transport system gained independence from a vertically integrated oil and gas company in order to ensure free access of other entities to the gas transportation system.

KEYWORDS

Reform of the oil and gas system; gas pipeline network; pipeline network company; vertically integrated oil and gas company; third energy package; third party access; natural monopoly; marketization.

В соответствии с «Решением об углублении реформы нефтегазовой системы в КНР» (2017г.), китайским правительством уже реализованы следующие меры: обеспечение независимости функционирования общекитайской нефтегазовой сети от

крупных государственных нефтегазовых предприятий, и также совершенствование механизма справедливого доступа к сети газопроводов для доступа третьих лиц (third-party access).

До данной реформы нефтегазовой системы (01 октября 2020г.), в Китае сеть трубопроводов природного газа в основном эксплуатировалась тремя государственными вертикально-интегрированными нефтегазовыми компаниями:

«Петрочайна», «Синопек» и «CNOOC». На долю каждой из данных трех компаний приходилось 71%, 6%, 5% национального магистрального газопровода, соответственно.[1] Местная сетевая компания и другие компании эксплуатируют оставшуюся часть сети газопроводов природного газа.

В таком случае каждая компания несет ответственность за строительство и эксплуатацию используемых ими газопроводов, а также за получение и использование информации о предложении и спросе на трубопроводы природного газа. В каждой компании была сформирована своя независимая система управления, эксплуатации и технического обслуживания.[2] Это приводило к тому, что механизма справедливого доступа к сети нефтегазопроводов не существовало, поэтому эти три государственные вертикально-нефтегазовые компании не были обязаны предоставлять свои газопроводы для использования другим китайским независимым нефтегазовым компаниям.

Особенно, эта проблема обострялась в связи с информационным дефицитом данных о спросе и предложении в трубопроводных мощностях, невозможностью сформировать единую национальную платформу для публикации информации о трубопроводных мощностях природного газа, а также отсутствием центра торговли трубопроводными мощностями в Китае в то время.

В целях организации справедливого доступа третьих сторон к трубопроводной сети нефти и газа, необходимо, чтобы газотранспортная инфраструктура была отделена от вышеперечисленных трех государственных вертикально-интегрированных нефтегазовых компаний, а также учредить независимое юридическое лицо, занимающееся исключительно строительством и эксплуатацией трубопроводов.[3]

9 декабря 2019 года такое независимое юридическое лицо, именуемое китайская национальная нефтегазовая трубопроводная корпорация (далее:компания «PipeChina»), являющееся полностью государственной компанией, было создано. Тогда у компании «PipeChina» был только один акционер - ККУ Госсовета КНР (т.е. правительство КНР).

Для предотвращения формирования новой административной монополии и стимулирования будущих инвестиций, китайское правительство требует от трех крупнейших госнефтегазовых компаний продажи всех своих нефтегазотранспортных активов компании «PipeChina». В настоящее время, три крупнейших госнефтегазовые компании владеют акциями компаний «PipeChina»: 29,90% (компания «Петрочайна»), 14% (компания «Синопек») и 2.9% (компания «CNOOC»).[4] Доля участия ККУ Госсовета КНР изменена со 100% до 4,46%.[5]

Так, по Закону о компаниях, компания «PipeChina» преобразовалась из полностью государственной компании в государственную компанию с децентрализацией доли государственных акционеров. На сегодняшний день, компания «PipeChina» осуществляет единое координирование, единую эксплуатацию и единое управление общекаитайской инфраструктурой нефтегазопроводов. Кроме того, компания

«PipeChina» действует независимо и ведет независимый учет таких операций как: транспортировка, хранение, газификация, погрузка-разгрузка и другие.

Кроме создания организационных законодательных механизмов, соответствующие законодательные положения о справедливом доступе к сети газопроводов для третьей стороны (third-party access) также были приняты. Согласно ст.12 Правил развития и реформирования энергетики (2019) № 916, компания по эксплуатации объекта нефтегазопроводной сети должна недискриминационно и справедливо предоставлять услуги по транспортировке, хранению, газификации, погрузке, разгрузке и перевалке нефти и газа пользователям, которые соответствуют условиям открытости и доступности.

Очевидно, в дореформенный период, компания «Петрочайна» обладала 71% общеитайского национального магистрального газопровода, в связи с чем у нее было абсолютное монопольное положение на газотранспортном рынке. Хотя после реформы компания «Петрочайна» все еще является самым крупным акционером, но в соответствии с Законом о компаниях, компания «PipeChina» не дочерняя компания и не филиал компании «Петрочайна». Также компания

«Петрочайна» владеет акциями компании «PipeChina» не более 30%. Компания «PipeChina» имеет статус независимого юридического лица, обладает независимой финансовой системой и ведет независимую коммерческую деятельность.

Для наглядности, проведем сравнение с законодательством Евросоюза о либерализации газового и электрического рынков - «третий энергетический пакет» (2009г.), по которому транспортировка также отделена от вертикально-интегрированных нефтегазовых компаний Евросоюза. Три модели разделения выглядели следующим образом, первая модель: оператор с разделением собственности; вторая модель: независимый системой оператор; Третья модель: независимый оператор передачи. С первой модели по третью, степень независимости предприятий газопроводной сети от вертикально-интегрированных нефтегазовых компаний последовательно снижается.

Исходя из национальных особенностей и со ссылкой на опыт реформы ЕС, мы видим, что китайское правительство применило самую строгую антимонопольную меру к трем государственным вертикальным нефтегазовым компаниям. То есть, в этих трех компаниях осуществлено полное отделение конкурентных видов деятельности (добыча и продажа) от естественно-монопольного (транспортировка) блока.

На данный момент в Китае уже сформирована модель «X+1+N+X». Буква «X» означает многосубъектная конкуренция в области разведки и добычи; Номер «1» означает один субъект естественной монополии в магистральной транспортной сети; буква «N» означает многосубъекты в сети отвода провинции; буква «X» означает многосубъектная конкуренция в продажах природного газа. Другими словами, в нефтегазотранспортной области будет сформирована «единая национальная магистральная нефтегазовая система». И регулирование нефтегазовой разведки, добычи и нефтегазового сбыта уже перешли в конкурентный режим (придание рыночного характера), в котором частные, а также иностранные инвестиции могут быть свободно допущены на эти китайские рынки.

Китай и ЕС имеют похожие цели реформирования данной области. Таким образом, для обеспечения своей энергетической безопасности, Китай и ЕС стремятся

внедрить рыночные механизмы в нефтегазовые интегрированные компании, разделив их деятельность на деятельность, осуществляемую естественными монополиями (общественное благосостояние) и конкурентными компаниями, чтобы все нефтегазовые добывающие компании и нефтегазовые сбытовые компании могли свободно и справедливо осуществлять деятельность на конкурентных рынках нефтегазового топлива.

В России газовая отрасль вбирает в себя значительную долю всех нарушений антимонопольного законодательства, и ФАС России уделяет повышенное внимание рынку газовой энергии.[6]

В отношении реформы по отделению нефтегазовой транспортной системы от вертикально-интегрированных компаний, существуют разные научные позиции. Одна сторона поддерживает такую реформу. Например, профессор Варламова А.Н. считает, что дочерние компании ПАО «Газпром», эксплуатирующие магистральные газопроводы, не являются самостоятельными юридическими лицами и не отвечают самостоятельно перед иными участниками рынка газа. Поэтому, организация, оказывающая услуги, должна быть независима от тех организаций, которые намереваются пользоваться ее услугами, и от их аффилированных лиц.[7]

Другая же сторона считает, что такое отделение не имеет ключевого значения для обеспечения свободного доступа к газотранспортной системе. Например, Волков А.К. пришел к выводу, что не существует необходимости реформ законодательства России в «европейском» направлении, так как на практике ни российское, ни европейское действующее регулирование не гарантируют свободный доступ к газотранспортной системе.[8]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Chen Rui, Sun Wenyu, Wu Minjie Influence of the establishment of the National Oil & Gas Pipeline Network Corporation on the competition pattern of natural gas market in China // Natural Gas Industry. 2020. № 3. P. 140. Wang Liang, Jiao Zhongliang, Gao Peng «Specialized management + regional operation and maintenance» of China's natural gas pipeline network—Research on the operation mechanism of natural gas pipeline network in China // International Petroleum Economics. 2019. № 10. P 35.
2. Wang Mingyuan Research on the operation access system of natural gas transmission and distribution network in China // Tsinghua Law Review. 2008. No.6. P 139.
3. <https://finance.sina.com.cn/money/future/roll/2020-07-25/doc-iivhuipn5072130.shtml> (дата обращения: 30.09.2021)
4. Объявление Петрочайна об иностранных инвестициях и продаже трубопроводного бизнеса и активов. Announcement Number: Lin 2020-032. P4. (дата обращения: 30.09.2021)
5. Князева И. В Антимонопольное регулирование экономического поведения субъектов на рынках газа: тенденции и практика правоприменения // Journal of Modern Competition. 2015. Vol. 9. No. 4. С.30.
6. Варламова А.Н. Правовое обеспечение развития конкуренции: учебное пособие. М.: Статут, 2010. С.193-199.
7. Волков А.К. Правовое регулирование обеспечения свободного доступа к

газотранспортной системе в Российской Федерации и Европейском союзе // Правоведение. 2017. №5. С.101.

Правовые аспекты развития атомной энергетики
Геттих Нелли Павловна,
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В работе автором рассматриваются некоторые аспекты атомного законодательства, обеспечивающие экологическую безопасность. В статье продемонстрирована необходимость создания и модернизации существующего законодательства с целью развитие атомной промышленности с условием обеспечения радиационной безопасности. Показана необходимость изменения парадигмы при регулировании вопросов защиты человека и окружающей среды от радиационного воздействия, для внедрения которой также необходимы новые методологические подходы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Атомная энергетика, радиационная безопасность, экологическое право, экологическая безопасность, атомное законодательство, нормирование, окружающая среда.

ABSTRACT

In the work, the author examines some aspects of nuclear legislation that ensure environmental safety. The article demonstrates the need to create and modernize existing legislation in order to develop the nuclear industry with the condition of ensuring radiation safety. The necessity of changing the paradigm in regulating the issues of human and environmental protection from radiation exposure is shown, for the implementation of which new methodological approaches are also needed.

KEYWORDS

Nuclear energy, radiation safety, environmental law, environmental safety, nuclear legislation, rationing, environment.

По состоянию на 2021 атомная энергетика, как альтернатива топливно-энергетическому комплексу на углеводородах, составляет 20% выработки электроэнергии в России [3]. При этом современная мировая тенденция к энергетической независимости, невозобновляемость и ограниченность ископаемого органического топлива, а также множество последствий, негативно отражающихся на окружающей среде и здоровье человека при его использовании, дают основания для развития гражданской атомной промышленности. Только за последние 5 лет в России введено в эксплуатацию 8 энергоблоков на 11 существующих атомных электростанциях (АЭС), к 2030 году планируется строительство еще 10 объектов атомной энергетики [1], не считая многочисленных проекты за рубежом.

Однако дальнейшее совершенствование атомной энергетики требует оптимизации технологического процесса и усовершенствование в регулировании основных принципов безопасности производства. К одному из этих принципов

относится защита населения и окружающей среды от радиационного воздействия. Атомная энергетика в мировом сообществе считается наиболее приемлемой относительно поступления загрязняющих веществ в виде получения энергии, однако накопленный мировой опыт о влиянии работы АЭС на природную среду в условиях нормальной эксплуатации имеет неоднозначный характер. Так, например, А. В. Яблоков не поддерживает утверждения о безопасности и «чистоте» атомных электростанций, приводя доводы о том, что выбросы из вентиляционных труб являются менее контролируемыми по сравнению с другими отходами, оспаривается безопасность малых доз в работах Бурлаковой Е. Б. [2]. Вместе с этим происходят различного рода инциденты, в том числе связанные с выбросами и сбросами радиоактивного материала. В связи с чем, несмотря на достаточно строгий контроль на всех этапах проектирования, строительства и эксплуатации, некоторое количество радионуклидов попадает в окружающую среду вместе с газообразными отходами во время штатной работы [4], постепенно накапливается в компонентах природной среды, формируя дополнительные дозовые нагрузки на население.

Увеличение количества объектов атомной промышленности и одновременно существование неоднозначности по поводу воздействия АЭС на окружающую среду обуславливает необходимость исследований в области радиационной безопасности и создания новых подходов к эколого-правовому регулированию ее деятельности, как правовой основы развития отрасли.

Так, нормативно-правовую базу, регулиующую атомную энергетику, можно разделить следующими образом: 1) международные договоры Российской Федерации, федеральные законы и подзаконные акты; 2) нормы, правила, стандарты, руководства, направленные на реализацию положений документом высшего уровня и созданные с учетом международных рекомендаций; 3) ведомственные документы, цель которых заключается в конкретизации показателей с целью содействия соблюдения требований норм и правил в области использования атомной энергии.

Защита от радиационного воздействия обеспечивается следующими актами: Нормы радиационной безопасности. НРБ-99/2009; Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности. ОСПОРБ99/2010. Анализируя вышеуказанные эколого-правовые требования, можно выделить первостепенную цель при проектировании и эксплуатации объектов атомной энергетики, которая заключается в обеспечении безопасности жизнедеятельности посредством недопущения превышения дозы радиационного облучения населения выше установленных норм в следствии штатной работы объекта или в случае из-за любого запланированного радиоактивного выброса или сброса.

Стоит отметить, что в основу данных документов заложен антропоцентрический принцип нормирования и в качестве экологических норм используются санитарно-гигиенические нормы радиационной безопасности. Однако защита здоровья граждан подразумевает не только предупреждение их облучения, но и обеспечение оптимальной радиационной обстановки среды проживания. При этом стоит учитывать, что экологическое нормирование может оказаться более требовательным, чем гигиеническое, так как дозы облучения человека и биологических объектов в одном и том же месте воздействия могут существенно различаться. В данном случае в качестве

базы для такого вида нормирования могут служить данные экологических мониторингов и аудитов. Таким образом, для обеспечения радиационной безопасности помимо существующих принципов радиационно-гигиенического нормирования необходимо создать дополнительные нормы, основанные на экоцентрическом подходе, с целью охраны природной среды от радиационного воздействия. При этом создание таких экологических норм требует разработку новых методик.

Вместе с этим данная задача косвенно определяется в ФЗ «Об охране окружающей среды», в котором указано:

– Нормативы качества окружающей среды устанавливаются для оценки состояния окружающей среды в целях сохранения естественных экологических систем, генетического фонда растений, животных и других организмов (статья 21 пункт 1);

– К нормативам качества окружающей среды относятся: • нормативы, установленные в соответствии с химическими показателями состояния окружающей среды, в том числе нормативы предельно допустимых концентраций химических веществ, включая радиоактивные вещества (статья 21 пункт 2);

– В целях предотвращения негативного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности для юридических и физических лиц — природопользователей устанавливаются следующие нормативы допустимого воздействия на окружающую среду: нормативы допустимых выбросов и сбросов веществ и микроорганизмов; нормативы образования отходов производства и потребления и лимиты на их размещение; нормативы допустимых физических воздействий (количество тепла, уровни шума, вибрации, ионизирующего излучения, напряженности электромагнитных полей и иных физических воздействий); нормативы допустимого изъятия компонентов природной среды; нормативы допустимой антропогенной нагрузки на окружающую среду; нормативы иного допустимого воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, устанавливаемые законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации в целях охраны окружающей среды (статья 22 пункт 1).

Таким образом, законодатель формулирует требование к созданию нормативов, регулирующих воздействие радиоактивных веществ на экосистему и их предельное содержание в компонентах окружающей среды, однако встает вопрос о том, какие подходы и критерии следует применять при их разработке.

Выводы:

1. Обеспечение безопасности от радиационного воздействия в большей мере осуществляется на подзаконных актах, однако наблюдается увеличение законов в данной области;

2. Действующие нормативно-правовые акты в области атомной энергетики направлены на предотвращение облучения персонала и населения, однако не регулируется влияние объектов атомной промышленности на экосистемы;

3. Развитие атомной энергетики определяет необходимость в совершенствовании атомной законодательной базы, посредством устранения недочетов и разработки новых норм;

4. Необходимо создание не только новых нормативно-правовых актов, направленных на регулирование радиационного воздействия, но и методических указаний для научно-исследовательских работ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области энергетики : Распоряжение N 1634-р : текст с изменениями и дополнениями на 28 декабря 2020 года : [утверждено Правительством Российской Федерации от 1 августа 2016 года] // Справочно-правовая система «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/>
2. Яблоков А.В. Мифы об экологически чистой атомной энергетике / А.В.Яблоков. — Москва. — учебно-методический коллектор «Психология». — 2001. — 136 с. — ISBN 5-93692-028-3. — Текст: электронный. — URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2767/bcode/452508>
3. <https://www.rosatom.ru/production/generation/>
4. Radioactive airborne effluents and the environmental impact assessment of CAP1400 nuclear power plant under normal operation / QiongZhang, RuiPing, Guo, ChunMing Zhang, XiaoQiuChen, BoWang // Nuclear Engineering and Design. — 2014. — №280. — P.579 – 585. — URL: <https://www.sciencedirect.com/>

Проблемы совершенствования нормативно правовой базы в области обеспечения безопасности транспорта природного газа

Гуськов Михаил Анатольевич, Круглов Владимир Васильевич,

Молодова Анастасия Николаевна

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены предпосылки и реализация «регуляторной гильотины» в сфере промышленной безопасности. Создается новая система нормативного регулирования, сформированная по принципам, изложенным в ключевых федеральных законах. Рассмотрены частные нововведения в отдельных отраслях области промышленной безопасности и оценена их целесообразность. Проанализирована эффективность реформирования нормативно-правовой базы и выявлены присущие на данный момент недостатки полученной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Регуляторная гильотина, промышленная безопасность, обязательные требования, нормативно-правовые акты, аудит промышленной безопасности, профессиональное образование.

ABSTRACT

The prerequisites and implementation of the «regulatory guillotine» in the field of industrial safety are considered. A new regulatory system is being created, formed according to the principles set out in key federal laws. Private innovations in certain branches of the field of industrial safety are considered and their expediency is evaluated. The effectiveness of reforming the regulatory framework is analyzed and the inherent shortcomings of the resulting system are identified.

KEYWORDS

Regulatory guillotine, industrial safety, mandatory requirements, regulatory legal acts, industrial safety audit, professional education

По решению Правительства Российской Федерации в 2020-2021 году вступил в силу процесс тотального реформирования нормативно-правовой базы [1]. Целью реализации «регуляторной гильотины» является тотальный пересмотр обязательных требований, в соответствии с которым нормативные акты и содержащиеся в них обязательные требования должны быть пересмотрены с широким участием предпринимательского и экспертного сообществ [4].

Основная идея «регуляторной гильотины» заключается в возможности быстрого пересмотра и отмены значительного числа нормативных актов в целях выявления норм, противоречащих законодательству (или друг другу), а также экономически неэффективных, неработающих и нецелесообразных правил, в результате реализации которых невозможно достигнуть положительных результатов, тем более если это влечет за собой существенные необоснованные расходы, связанные с предотвращением рисков.

В результате проведенных мероприятий произошло формирование современной, отвечающей требованиям технологического развития, эффективной системы регулирования, основанной на выявлении наиболее значимых общественных рисков и их снижении до приемлемого уровня.

Отдельно хотелось бы остановиться на введении такого понятия, как аудит промышленной безопасности. Ранее нечто похожее проводилось частными компаниями, но качество оказываемых услуг было крайне низким, а заключения не имели юридической силы. Было необходимо узаконить процесс, чтобы Ростехнадзор мог принимать аудит промышленной безопасности как юридический документ. Это поможет заменить ежегодные отчеты о производственном контроле, контроль которых вызывает большие затруднения, а также при этом практически полностью отпадет необходимость в плановых проверках.

Так же были приняты изменения, касающиеся дополнительного профессионального образования в области промышленной безопасности [2]. Появилась новая вводная – один раз в пять лет ряду сотрудников, определяемых специальным перечнем, необходимо получать дополнительное профессиональное образование. Это позволит повысить уровень подготовки работников предприятий, что в дальнейшем значительно снизит риски производственных инцидентов на предприятиях [3].

Однако сформировавшаяся система все еще далека от идеала. Не смотря на отмену множества утративших актуальность НПА, введение определенного срока действия каждого отдельного правового акта, а также их регулярного пересмотра в области промышленной безопасности все еще имеет место множество правовых коллизий, связанных с недостаточностью четкого формулирования нормативно-правовых отношений.

Полученная в результате проведения «регуляторной гильотины» система нормативно-правовой базы в области промышленной безопасности требует длительного корректирования и доработки с целью минимизации возможных рисков. В ряде вопросов все еще присутствует некоторая неопределенность, что в дальнейшем может привести к проблемам в сфере производственных отношений на предприятиях. Необходимо более детально проработать все частные случаи, не охваченные нововведенными нормативно-правовыми актами во избежание правовых коллизий в области промышленной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов и отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, об отмене некоторых нормативных правовых актов и отдельных положений нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного надзора в области промышленной безопасности и государственного горного надзора, и признании не действующей на территории Российской Федерации Инструкции по наблюдениям за деформациями бортов, откосов уступов и отвалов на карьерах и разработке мероприятий по обеспечению

их устойчиво: Постановление Правительства РФ от 06.08.2020 № 1192 (ред. от 30.12.2020).

2. О подготовке и об аттестации в области промышленной безопасности, по вопросам безопасности гидротехнических сооружений, безопасности в сфере электроэнергетики: Постановление Правительства РФ от 25.10.2019 № 1365 (ред. от 06.08.2020).
3. Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ в области промышленной безопасности: Приказ Ростехнадзора от 13.04.2020 г. № 155.

Молодова А.Н., Гуськов М.А. Проблема нормативно-правового обеспечения охраны труда и промышленной безопасности на континентальном шельфе Российской Федерации // «Освоение ресурсов нефти и газа российского шельфа: Арктика и Дальний Восток (ROOGD-2020)». Тезисы VIII Международной научно-технической конференции. Москва, 2020. С. 75.

Проблемы совершенствования нормативно правовой базы в области обеспечения безопасности транспорта природного газа

Гуськов Михаил Анатольевич, Круглов Владимир Васильевич,

Молодова Анастасия Николаевна

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены предпосылки и реализация «регуляторной гильотины» в сфере промышленной безопасности. Создается новая система нормативного регулирования, сформированная по принципам, изложенным в ключевых федеральных законах. Рассмотрены частные нововведения в отдельных отраслях области промышленной безопасности и оценена их целесообразность. Проанализирована эффективность реформирования нормативно-правовой базы и выявлены присущие на данный момент недостатки полученной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Регуляторная гильотина, промышленная безопасность, обязательные требования, нормативно-правовые акты, аудит промышленной безопасности, профессиональное образование.

ABSTRACT

The prerequisites and implementation of the «regulatory guillotine» in the field of industrial safety are considered. A new regulatory system is being created, formed according to the principles set out in key federal laws. Private innovations in certain branches of the field of industrial safety are considered and their expediency is evaluated. The effectiveness of reforming the regulatory framework is analyzed and the inherent shortcomings of the resulting system are identified.

KEYWORDS

Regulatory guillotine, industrial safety, mandatory requirements, regulatory legal acts, industrial safety audit, professional education

По решению Правительства Российской Федерации в 2020-2021 году вступил в силу процесс тотального реформирования нормативно-правовой базы [1]. Целью реализации «регуляторной гильотины» является тотальный пересмотр обязательных требований, в соответствии с которым нормативные акты и содержащиеся в них обязательные требования должны быть пересмотрены с широким участием предпринимательского и экспертного сообществ [4].

Основная идея «регуляторной гильотины» заключается в возможности быстрого пересмотра и отмены значительного числа нормативных актов в целях выявления норм, противоречащих законодательству (или друг другу), а также экономически неэффективных, неработающих и нецелесообразных правил, в результате реализации которых невозможно достигнуть положительных результатов, тем более если это влечет за собой существенные необоснованные расходы, связанные с предотвращением рисков.

В результате проведенных мероприятий произошло формирование современной, отвечающей требованиям технологического развития, эффективной системы регулирования, основанной на выявлении наиболее значимых общественных рисков и их снижении до приемлемого уровня.

Отдельно хотелось бы остановиться на введении такого понятия, как аудит промышленной безопасности. Ранее нечто похожее проводилось частными компаниями, но качество оказываемых услуг было крайне низким, а заключения не имели юридической силы. Было необходимо узаконить процесс, чтобы Ростехнадзор мог принимать аудит промышленной безопасности как юридический документ. Это поможет заменить ежегодные отчеты о производственном контроле, контроль которых вызывает большие затруднения, а также при этом практически полностью отпадет необходимость в плановых проверках.

Так же были приняты изменения, касающиеся дополнительного профессионального образования в области промышленной безопасности [2]. Появилась новая вводная – один раз в пять лет ряду сотрудников, определяемых специальным перечнем, необходимо получать дополнительное профессиональное образование. Это позволит повысить уровень подготовки работников предприятий, что в дальнейшем значительно снизит риски производственных инцидентов на предприятиях [3].

Однако сформировавшаяся система все еще далека от идеала. Не смотря на отмену множества утративших актуальность НПА, введение определенного срока действия каждого отдельного правового акта, а также их регулярного пересмотра в области промышленной безопасности все еще имеет место множество правовых коллизий, связанных с недостаточностью четкого формулирования нормативно-правовых отношений.

Полученная в результате проведения «регуляторной гильотины» система нормативно-правовой базы в области промышленной безопасности требует длительного корректирования и доработки с целью минимизации возможных рисков. В ряде вопросов все еще присутствует некоторая неопределенность, что в дальнейшем может привести к проблемам в сфере производственных отношений на предприятиях. Необходимо более детально проработать все частные случаи, не охваченные нововведенными нормативно-правовыми актами во избежание правовых коллизий в области промышленной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА:

4. О признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов и отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, об отмене некоторых нормативных правовых актов и отдельных положений нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении федерального государственного надзора в области промышленной безопасности и государственного горного надзора, и признании не действующей на территории Российской Федерации Инструкции по наблюдениям за деформациями бортов, откосов уступов и отвалов на карьерах и разработке мероприятий по обеспечению

их устойчиво: Постановление Правительства РФ от 06.08.2020 № 1192 (ред. от 30.12.2020).

5. О подготовке и об аттестации в области промышленной безопасности, по вопросам безопасности гидротехнических сооружений, безопасности в сфере электроэнергетики: Постановление Правительства РФ от 25.10.2019 № 1365 (ред. от 06.08.2020).
6. Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ в области промышленной безопасности: Приказ Ростехнадзора от 13.04.2020 г. № 155.

Молодова А.Н., Гуськов М.А. Проблема нормативно-правового обеспечения охраны труда и промышленной безопасности на континентальном шельфе Российской Федерации // «Освоение ресурсов нефти и газа российского шельфа: Арктика и Дальний Восток (ROOGD-2020)». Тезисы VIII Международной научно-технической конференции. Москва, 2020. С. 75.

Уголовно-правовые аспекты обеспечения безопасности топливно-энергетического
комплекса России

Гутникова Юлия Михайловна, Клюкач Ксения Георгиевна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Как в национальном законодательстве, так и в международном праве вопросы обеспечения безопасности объектов ТЭК имеют ряд особенностей. В первую очередь, необходимо отметить межотраслевой характер ответственности за совершение преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса. Помимо этого, необходимо отметить отсутствие родового объекта «преступления в сфере энергетики» как в национальном законодательстве, так и в международном праве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Топливо-энергетический комплекс, ТЭК, правовое регулирование, уголовное право, нефтегазовая отрасль, безопасность

ABSTRACT

Both in national legislation and in international law, the issues of ensuring the safety of fuel and energy facilities have a number of features. First of all, it is necessary to note the intersectoral nature of responsibility for committing crimes in the fuel and energy complex. In addition, it should be noted that there is no generic object of «crimes in the field of energy» in both national legislation and international law.

KEYWORDS

Fuel and energy complex, fuel and energy complex, legal regulation, criminal law, oil and gas industry, security.

В современном уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует родовый объект, устанавливающий преступления энергетики, что, несомненно, является одной из проблем уголовно-правового регулирования обеспечения безопасности ТЭК, препятствуя комплексному и системному рассмотрению преступлений в сфере энергетики.

С точки зрения законодателя, преступления в сфере ТЭК относятся к посягательствам на общественную безопасность и, следовательно, регулируются главой 24 Уголовного Кодекса Российской Федерации как преступления против общественной безопасности [1]. Данный подход обусловлен очевидным влиянием нормального функционирования объектов ТЭК на обеспечение безопасности государства в целом, а также, по мнению профессора А.В.Бриллиантова на “защищенность личности, общества и государства при проведении различных работ” [2].

Таким образом, преступления в сфере ТЭК можно рассматривать как противоправные виновно совершенные наказуемые общественно опасные деяния, в ходе которых происходит посягательство на право собственности на энергетические

ресурсы, экономическую деятельность в сфере ТЭК, а также энергетическую и экологическую общественную безопасность [3].

Одним из основных преступлений, ставящих под угрозу объекты топливно-энергетического комплекса (далее - ТЭК), является нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК, регламентированное статьей 217.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации [1]. Рассмотрим подробнее состав преступления. Необходимо обратить особое внимание на то, что данное преступление может как иметь состав реальной опасности (то есть создавать возможность наступления смерти человека), так и иметь альтернативный, материальный состав, предполагающий причинение крупного ущерба как следствие аварии либо инцидента на объекте топливно-энергетического комплекса. Также важно отметить, что нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК предлагает специальный субъект. Данное преступление может быть совершено исключительно физическим лицом, обладающим специальными знаниями в области промышленной безопасности, а также участвующим в проведении экспертизы. Иными словами, состав преступления предполагает специальный субъект - эксперта в области промышленной безопасности. Также следует отметить то, что во всех уголовно-правовых системах, кроме социалистического и постсоциалистического (окончания поправьте), отсутствует материальный признак преступления - общественная опасность. [5] Таким образом, в такого рода уголовно-правовых системах, преступления в сфере энергетики - не посягательства на общество, общественный порядок или общественную безопасность, а нарушение закона, регулирующего отношения соответствующего типа. Потому энергетические преступления в англо-американском и романо-германском типе правовых систем являются посягательствами не на общественные отношения, а на правило поведения, защищающие то или иное благо.

Помимо этого, при анализе составов преступлений в сфере энергетики представляется возможным выделить основные типы общественных отношений и благ в области энергетики, которые защищаются нормами уголовных законодательств различных государств. Однако, исходя из описанного выше сущностного различия между социалистическими и постсоциалистическими уголовно-правовыми системами, с одной стороны, и всеми остальными - с другой, становится очевидным, что данный перечень не является универсальным. [4] В первых двух типах защите подлежат общественные отношения, которые и формируют объект преступного посягательства; в прочих - защищаются нормы права, а именно, их надлежащая реализация. Так, защищаемые блага в сфере энергетики следующие:

1. для российской правовой системы - общественные отношения в сферах: собственности на энергетические ресурсы; энергетической общественной безопасности; экологической общественной безопасности, связанной с деятельностью ТЭК.

2. для других типов уголовно-правовых систем - реализация норм, защищающих: право собственности на энергетические ресурсы; экономическую деятельность на рынке энергетики; экологическую безопасность в связи с деятельностью ТЭК; а также регулирующих деятельность ТЭК.

Таким образом, на основе сравнительно-правового анализа невозможно прийти к единому определению понятия “преступления в сфере энергетики”. Учитывая отсутствие материального признака преступления в некоторых типах уголовно-правовых систем, можно вывести два определения преступлений в сфере энергетики. В соответствии с формальным определением преступление в сфере энергетики - нарушающее законодательство, регулирующее деятельность ТЭК, защищающее экологическую безопасность в связи с деятельностью ТЭК, право собственности на энергетические ресурсы, экономическую деятельность на рынке энергетики, виновно совершенное деяние, подлежащее наказанию соответственно с уголовным, административным и (или) экологическим законодательством.

С учетом вышесказанного, можно разделить все преступления в сфере энергетики на три группы:

1. посягательства на право собственности на энергетические ресурсы и преступные деяния в сфере экономической деятельности на энергетическом рынке, или экономические преступления в сфере энергетики;

2. посягательства на энергетическую общественную безопасность, или преступления против энергетической общественной безопасности;

3. посягательства на экологическую общественную безопасность в связи с деятельностью ТЭК, или экологические преступления в сфере энергетики.

Примером экономических преступлений в сфере энергетики является предусмотренная п. “б” ч. 3 ст.158 УК РФ кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Данный состав является квалифицированным и специальным, что указывает на важность защиты в уголовно-правовой системе России права собственности на энергоресурсы.

Говоря о преступлениях против энергетической общественной безопасности, стоит учитывать, что в России есть такой вид правонарушений в области энергетики, за которые установлена административная ответственность (ст. 9.6 – 9.17 КоАП РФ). Отметим, что в КоАП РФ содержится описание наибольшего количества составов энергетических правонарушений, чем в кодексах остальных стран СНГ, что свидетельствует о повышенном внимании к публично-правовой защите энергетических отношений в рамках правовой системы РФ.

Стоит однако учесть, что в главе «Преступления против общественной безопасности» содержатся такие особенные составы преступлений, как нарушение правил безопасности на объектах ядерной энергии (ст. 215 УК РФ), приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов (ст. 215.3 УК РФ); нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК (ст. 217.1 УК РФ). Таким образом, энергетическая безопасность ассоциируется в российской уголовно-правовой системе напрямую с безопасностью всего общества в целом. То есть в данном случае видовым объектом преступлений против энергетической безопасности является общественная безопасность.

К экологическим преступлениям в сфере энергетики относят: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ), нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247 УК РФ), нарушение

законодательства РФ о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне РФ (ст. 253 УК РФ) и др. Однако данные составы применяются не только к деятельности в энергетической сфере – что значит, что нет в российском законодательстве отсутствуют квалифицированные составы, криминализировавшие экологические преступления, непосредственно связанные с ТЭК.

Итак, проанализировав уголовно-правовые системы на предмет наличия в них преступлений в сфере энергетики, мы можем сделать следующие выводы:

1) Ни в одном из законодательств нет отдельного раздела, устанавливающего ответственность за преступления в сфере энергетики.

2) В уголовных кодексах большинства стран есть особые составы, где криминализованы именно преступления, связанные с энергетикой, что говорит о признании роли энергетической отрасли государством.

3) В социалистическом и постсоциалистическом типах уголовно-правовых систем энергетическая безопасность ассоциируется с общественной безопасностью, что подчеркивает важность энергетических отношений в данных правовых системах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев Владимир Константинович Правовые проблемы безопасности объектов топливно-энергетического комплекса // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-bezopasnosti-obektov-toplivno-energeticheskogo-kompleksa> (дата обращения: 20.09.2021).
2. Спицына Татьяна Александровна Безопасность объектов топливно-энергетического комплекса в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник СГЮА. 2017. №6 (119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-obektov-toplivno-energeticheskogo-kompleksa-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.09.2021).
3. Зайцев О.А., Нудель С.Л. Реализация Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года и ее роль в обеспечении национальной безопасности: уголовно-правовой аспект // Журнал российского права. 2021. N 8. С. 86 - 103.
4. Татаринов М.К. Разрешение коллизий юрисдикций в отношении преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. N 1. С. 12 - 15.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 816 с.

Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии

Данилов Иван Сергеевич

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Развитие использования возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) является необходимым для обеспечения устойчивого развития как России, так и мира в целом. В связи с этим как на российском, так и на мировом уровне правовое закрепление получают меры поддержки использования таких источников. Однако по поводу конкретных правовых форм поддержки ВИЭ в науке ведутся оживленные дискуссии. В связи с этим существующее регулирование ВИЭ требует критического анализа и совершенствования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Энергетика, возобновляемые источники энергии, атомная энергетика, топливно-энергетический комплекс, гидроэнергетика, ветряная энергетика.

ABSTRACT

The development of the use of renewable energy sources (hereinafter referred to as RES) is necessary to ensure the sustainable development of both Russia and the world as a whole. In this regard, measures to support the use of such sources are being legally consolidated both at the Russian and global levels. However, there are lively discussions about specific legal forms of support for renewable energy in science. In this regard, the existing regulation of renewable energy requires critical analysis and improvement.

KEYWORDS

Energy, renewable energy sources, nuclear power, fuel and energy complex, hydropower, wind energy.

Возобновляемая энергетика является одним из самых перспективных направлений развития науки и техники XXI века. Такая ситуация обусловлена ускоряющимся изменением климата, во многом обусловленным использованием традиционных источников энергии. В связи с этим мировое сообщество уделяет огромное внимание поддержке использования возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). В 1997 году был принят Киотский протокол [1], а в 2015 году – Парижское соглашение по климату [2], в которых содержались обязательства государств способствовать использованию ВИЭ.

Россия является активной участницей вышеупомянутых актов и закрепила в своем законодательстве набор мер, направленных на поддержку использования ВИЭ. Ядром нормативного регулирования ВИЭ в России является Федеральный закон «Об электроэнергетике». В ст. 3 вышеупомянутого закона закреплено определение ВИЭ как «энергия солнца, энергия ветра, энергия вод (в том числе энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях, энергия приливов, энергия волн водных объектов, в

том числе водоемов, рек, морей, океанов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива, биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках».

Данное определение стало объектом критики со стороны ученых. Так, О.А. Симиволоков обращает внимание на то, что оно закрепляет закрытый перечень ВИЭ [3]. Существует мнение, что такой подход тормозит развитие ВИЭ, поскольку он не позволяет своевременно учитывать изменения, связанные с инновационным развитием экономики [4]. Представляется разумным поддержать позицию ученых, предлагающих сделать данный перечень открытым [5]. В качестве одного из возможных вариантов можно использовать предложенное И.А. Игнатъевой определение ВИЭ как «источников непрерывно возобновляемых в биосфере Земли видов энергии (солнечная, ветровая, океаническая энергия, геотермальные источники, энергия приливов, гидроэнергия рек, энергия биомассы и др.)» [4].

Другой вопрос связан с конкретными мерами поддержки ВИЭ. А.Е. Копылов обращает внимание на то, что при существующем регулировании использования ВИЭ в итоге за их поддержку платит потребитель электроэнергии [6]. О.А. Симиволоков обращает внимание на то, что существующие меры поддержки ВИЭ являются неэффективными [7]. Он предлагает делать больший упор на повышение конкурентоспособности ВИЭ, а не на прямые меры поддержки. Одним из возможных путей он называет предоставление потребителям электроэнергии возможности продавать излишки этой энергии. Такой подход следует признать правильным в долгосрочной перспективе. Однако, в связи с тем, что в настоящий момент доля ВИЭ в экономике России все еще является крайне небольшой [8], стоит сохранять прямые государственные меры поддержки.

Подводя итог, в настоящий момент правовое регулирование ВИЭ в России требует совершенствования. Скорейшее решение данной задачи будет способствовать обеспечению устойчивого развития экономики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (подписан в г. Киото 11.12.1997)
2. Парижское соглашение (заключено в г. Париже 12.12.2015) // СПС Консультант Плюс, 2021.
3. Симиволоков О.А. Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал российского права. 2020. N 9. С. 53 - 67.
4. Игнатъева И.А. Использование земель и земельных участков с объектами электроэнергетики: право и практика: учеб. пособие. М., 2019

5. Попондопуло В.Ф., Городов О.А., Петров Д.А. Возобновляемые источники энергии в электроэнергетике // Энергетическое право. 2011. N 1. С. 23 - 29.
 6. Копылов А.Е. Экономика ВИЭ. М., 2016.
 7. Символоков О.А. Государственная инвестиционная политика в сфере энергетики: состояние, проблемы, направления развития // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов: сб. матер. к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / Л.В. Андреева, Л.В. Андриченко, В.Р. Байрашеви др. М., 2019. С. 245.
- Россия увеличит долю возобновляемых источников энергии в 10 раз [Электронный ресурс]// URL: <https://tass.ru/ekonomika/11787295> (датаобращения - 10.10.2021).

Цифровизация процедур контроля и надзора в топливно-энергетического комплекса
Дерябин Кирилл Викторович
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В XXI веке стремительно развивается процесс цифровизации. Большинство компаний стараются включить в организацию своей работы цифровые технологии, которые должны значительно упростить работу предприятий. С этим связано устойчивые тенденции развития цифровизации в современном мире. Деятельность контрольно-надзорных органов не осталась в стороне и тоже включают IT-технологии в свою повседневную работу. В нашем исследовании пойдет речь о цифровизации контроля и надзора в ТЭК.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Контроль и надзор, топливно-энергетический комплекс, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии

ABSTRACT

In the XXI century, the process of digitalization is rapidly developing. Most companies are trying to include digital technologies in the organization of their work, which should greatly simplify the work of enterprises. This is due to the steady trends in the development of digitalization in the modern world. The activities of the supervisory authorities have not been left aside and also include IT technologies in their daily work. In our study, we will talk about the digitalization of control and supervision in the fuel and energy sector.

KEYWORDS

Control and supervision, fuel and energy complex, digitalization, information and communication technologies

Для начала работы, необходимо дать термин наиболее важному элементу нашей работы, а именно цифровизация.

В приказе Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 дается следующее понятие: «Цифровизация (Цифровое развитие) - процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий»¹⁵.

Переход к цифровизации является необходимой частью модернизации всех ныне существующих институтов, сфера контроля и надзора не стала исключением. Ключевым

¹⁵[Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 N 428 "Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"].

направлением цифровизации контроля и надзора является электронное взаимодействие между государственным органом и подконтрольным субъектом.

Все реформы, происходящие в процессе цифровизации государственных институтов, достигаются посредством внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Тема цифровизации государственных институтов в последнее время актуальна. Данная тематика все чаще прослеживается в научных исследованиях юридического характера. Замечается устойчивая тенденция увеличения интереса к цифровизации контроля и надзора.

Определенный подход к использованию цифровых технологий для реформирования деятельности государственного контроля и надзора, именно это является цифровизацией контроля и надзора. Заключается этот подход в том, что государственные органы, проводящие контроль и надзор, взаимодействуют с подконтрольным лицом в электронной форме, например, получения результатов проверки, мониторинг нарушений, отслеживания нужной информации, направление необходимых сведений и т.д.

Все эти действия носят процедурный характер, в связи с этим, цифровизируется только лишь административные процедуры контроля и надзора. Чем выше уровень цифровизации тем больше вариантов процедурной реализации контрольно – надзорной деятельности государственных органов. Таким образом, можно проводить контроль без взаимодействия с индивидуальными предпринимателями и точно также без юридических лиц. Данная функция носит дистанционные способы государственного контроля и надзора.

В научной литературе зачастую используется понятие цифровизации и автоматизации касательно контроля и надзора. Точно также органы исполнительной власти в своей документации ставят в один ряд эти два понятия. Основываясь на вышесказанном, можно отметить, что понятие автоматизации входит в понятие цифровизации, но оно включает в себя не только автоматизацию, но и другие, не менее важные элементы, например, систему межведомственного электронного взаимодействия между контролирующими государственными органами.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что процесс цифровизации контроля и надзора выдвигает высокие требования к информационной безопасности, к использованию и хранению данных.

Логично, что цифровизация сводит к нулю человеческий фактор и тем самым может снизить коррупционные риски. Приведенный факт имеет как плюсы так и минусы.

Плюс – это однозначное упрощение работы системы контроля и надзора, более «прозрачная» система данных и отслеживания процессов контроля и надзора.

Одним из весомых минусов, мы считаем, является то, что в этой деятельности, человек заменен роботом, искусственным интеллектом (далее – ИИ), ИКТ. Это подразумевает то, что ИИ не может учесть все многообразие контрольно-надзорного взаимодействия и точно также не может учесть человеческий фактор, который зачастую способен, на различного рода, «обманы» ИИ.

Теперь касательно цифровизации контроля и надзора в деятельности топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК).

Теоретической базой последует презентация Заместителя Министра Энергетики Российской Федерации Сорокина П.Ю. и современную практику внедрения IT-продуктов в работу ТЭК.

Целью данного курса было создание условий для цифровой трансформации ТЭК. Ожидаемые результаты:

1. Снижение импортозависимости отраслей ТЭК
2. Рост конкурентоспособности отечественных компаний
3. Увеличение инвестиций в цифровые технологии и затрат на IT-услуги
4. Повышение эффективности государственного и корпоративного управления

Касательно цифровизации контроля и надзора были разработаны следующие цели:

1. Регламент обмена отраслевой информации, установление требований к технологическим данным
2. ИИ для выбора схемы разработки
3. Решение по интерпретации результатов
4. Создание облачных сервисов

Следующим этапом было разделение курса на следующие направления: регулирование, безопасность, инфраструктура.

Регулирование включает в себя: регламент обмена отраслевой информацией, установление требований к технологическим данным.

Безопасность: разработку стандартов безопасности обмена данными.

Инфраструктура: векторные измерения на оборудование, интеллектуальные системы учета.

Также была создана ассоциация «НП «Цифровая энергетика».

Стоит отметить, что 1 июля 2021 года в силу вступил Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации".

В частности, дистанционное взаимодействие включает в себя:

- дистанционную форму выездных проверок (в том числе посредством аудио- или видеосвязи);
- дистанционную форму контрольной закупки, которая может проводиться с использованием почтовой связи, интернета, а также сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов;
- электронный формат подачи жалобы на решение, действия (бездействие) контрольных (надзорных) органов, должностных лиц.

В качестве примера можно привести встречу по вопросам цифровизации деятельности ТЭК Генерального директора ГУП «ТЭК СПб» Ивана Болтенкова и советника президента ПАО «Ростелеком» Антона Мау.

На встрече речь шла о внедрении цифровых технологий в работу ТЭК. Одним из перспективных направлений сотрудничества может стать создание облачного сервиса с техподдержкой 24/7, специализирующегося на хранении больших объемов данных в

электронном виде. Использование платформы приведет к сокращению бумажного документооборота, а в перспективе – к полному переходу на электронный формат работы. Также была предложена Опция распознавания по голосу или лицу может в 6-7 раз ускорить обслуживание абонентов, а также быстро идентифицировать их при звонках в колл-центр и повысить безопасность внутри предприятия.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что цифровизация как таковая стремительно развивается в деятельности различных структур и организаций. Сам процесс несет в себе как плюсы, так и минусы, но в целом данное «явление» хорошо приживается.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации".
2. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 N 428 "Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации".
3. Агагомедова С.А. Государственный контроль и надзор в условиях цифровизации экономики // Вестник Нижегородского университета. 2020 г. - №3, с 79-85.
4. Конев С.И. Контроль и надзор за соблюдением законодательства в области данных о личности в условиях роботизации // Государственная служба и кадры.
5. Презентация Заместителя Министра Энергетики Российской Федерации Сорокина П.Ю. «Цифровая трансформация ТЭК России».

Национальная политика российской федерации в климатической сфере в эпоху
цифровизации

Дощатов Антон Александрович

Уральского государственного юридического университета

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям реализации национальной политики РФ в климатической сфере с применением информационных технологий. Также в работе уделяется внимание положениями Федерального закона «Об ограничении выбросов парниковых газов».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Климатическая доктрина РФ, экологическая безопасность, Энергетическая стратегия РФ, цифровизация.

ABSTRACT

The article is devoted to the peculiarities of the implementation of the national policy of the Russian Federation in the climate sphere with the use of information technologies. The work also pays attention to the provisions of the Federal Law «On Limiting Greenhouse Gas Emissions».

KEYWORDS

UN Framework Convention on Climate Change, Climate Doctrine of the Russian Federation, environmental security, Energy Strategy of the Russian Federation, digitalization.

Изменение климата является одной из важнейших международных проблем XXI века, которая выходит за рамки научной проблемы и представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, охватывающую экологические, экономические и социальные аспекты устойчивого развития Российской Федерации. Говоря о национальной политике Российская Федерация в климатической сфере, следует сказать о том, что Россия поддерживает международные усилия, направленные на противодействие изменению климата, и готова к сотрудничеству в данной области со всеми государствами, но считает недопустимым рассмотрение вопросов изменения климата и охраны окружающей среды с предвзятой точки зрения, ущемление интересов государств-производителей энергоресурсов и намеренное игнорирование таких аспектов устойчивого развития, как обеспечение всеобщего доступа к энергии и развитие чистых углеводородных энергетических технологий. Принятое в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата Парижское соглашение ставит целью укрепление глобального реагирования на угрозу изменения климата в контексте устойчивого развития и усилий по искоренению нищеты. Данное соглашение отмечает неизбежность глобальных климатических изменений и подчеркивает необходимость борьбы с ними посредством приспособления экономики к меняющимся условиям и увеличения внимания к этой проблеме. Однако развитая и приспособленная к новым климатическим

условиям «зеленая экономика» не должна причинять ущерб производству продовольствия

В апреле 2016 года Российская Федерация подписала Парижское соглашение (Распоряжение Правительства РФ от 14.04.2016 № 670 - р) [1], но присоединилась к нему в сентябре 2019 года (Постановление Правительства РФ от 21.09.2019 № 1228) [2]. В Парижское соглашение, в том числе по настоянию Российской Федерации, включены статьи, закрепляющие адекватный учет лесного фактора и значение глобальной адаптации. В ноябре 2020 года Российская Федерация заявила о своем первом определяемом на национальном уровне вкладе в рамках реализации Парижского соглашения.

Обращает внимания тот факт, что национальная климатическая политика Российской Федерации развивалась медленно на международном фоне. Ее развитие вошло в активную фазу с принятием в конце 2009 года Климатической доктрины Российской Федерации (Распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 №861 - рп) [3], Комплексный план реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года (Распоряжение Правительства РФ от 25.04.2011 № 730 - р) [4]. В настоящее время в рамках реализации национального проекта «Экология» запланированы мероприятия, направленных на достижение целей по сокращению выбросов парниковых газов и адаптации к климатическим изменениям.

Последствия изменения климата отнесены к вызовам в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176) [5], а наращивание международных усилий по реализации климатической политики и ускоренному переходу к «зеленой экономике» — к вызовам Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации. Направление по охране окружающей среды и противодействию изменениям климата вошло в Энергетическую стратегию Российской Федерации на период до 2035 года (Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523 - р) [6].

Говоря о проблемах климатических изменений в нашей стране, то они носят междисциплинарный характер, поэтому разработка и реализация климатической политики в России находится в ведении нескольких федеральных органов исполнительной власти (Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Министерство экономического развития РФ), а для ее координации создаются межведомственные комиссии (группы): Правительственная комиссия по вопросам природопользования и охраны окружающей среды (руководитель - заместитель Председателя Правительства РФ, куратор национального проекта «Экология»); Межведомственная рабочая группа при Администрации Президента РФ по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития (руководитель - специальный представитель Президента РФ по вопросам климата). Главной задачей деятельности данных координационных (совещательных) органов является управлением действиями федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и иных органов и организаций по вопросам реализации национального плана мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года.

Среди основных мер, направленных на сокращение выбросов парниковых газов следует обратить внимание на две инициативы: эксперимент по установлению специального регулирования в Сахалинской области в целях создания необходимых условий для внедрения технологий, направленных на сокращение выбросов парниковых газов, отработки методики формирования системы верификации, учета выбросов и поглощения парниковых газов (соответствующая дорожная карта утверждена в январе 2021 года заместителем Председателя Правительства Российской Федерации, куратором национального проекта «Экология») и разработка национальной таксономии устойчивого финансирования (Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2020 № 3024-р) [7].

В июле 2021 года Государственной Думой Федерального Собрания РФ был принят Федеральный закон от 02.07.2021 №296 - ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», который был внесен Минэкономразвития РФ в апреле 2021 года [8]. Принятие данного Федерального закона, с одной стороны, является логическим результатом многолетней дискуссии, длившаяся 5 лет о необходимости законодательного регулирования выбросов парниковых газов на территории РФ. Действие Федерального закона распространяется на регулируемые организации, которые соответствуют количественному и качественному критериям и осуществляют свою хозяйственную деятельность на территории Российской Федерации, её континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне или в российском секторе Каспийского моря. Регулируемая организация должна ежегодно отчитываться о количестве выбросов парниковых газов. Отчёт предоставляется в Федеральную службу по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), которая вносит данные в реестр выбросов парниковых газов. Срок предоставления отчёта – до 1 июля года, следующего за отчётным. В отчёте указываются масса выбросов и сведения, на основании которых сделан расчёт. За непредставление отчётов, а также предоставление недостоверной информации будет установлена административная ответственность.

В июле 2021 года Министерство экономического развития РФ внесло законопроект об экспериментальном углеродном регулировании. Проект подготовлен в рамках «дорожной карты» по проведению эксперимента в Сахалинской области. Цель эксперимента состоит в достижении углеродной нейтральности на территории Сахалинской области. Достичь этой цели региону позволят специальные меры углеродного регулирования - инвентаризация и система квотирования выбросов парниковых газов, а также торговля квотами. "Квотирование будет распространяться на крупнейшие эмитенты. При этом порог регулируемых организаций составит на первом этапе 50 тыс. тонн эквивалента CO₂ в год, что в три раза ниже общероссийского критерия, предусмотренного Федеральным законом от 02.07.2021 №296 - ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов». Все страны принимают меры по углеродному регулированию, при этом многие выступают с инициативой введения дополнительного трансграничного налога для продукции тех государств, где не выстроена система контроля за углеродными выбросами. Само углеродное регулирование при этом даже в развитых странах находится в стадии становления, единых стандартов пока нет. Очень важно не только вовремя присоединиться к этому процессу, но и создать собственную систему регулирования, учитывающую интересы нашей страны. Если эта система будет

учитывать также и международные тренды, мы можем получить позитивную реакцию международного сообщества на нее. На полуострове Сахалин низкая плотность населения, большая площадь лесов, достаточно развита индустрия добычи углеводородов - выбор пилотного региона выглядит логично и грамотно.

Представляется важным выявить меры, по внедрению которых в Российской Федерации можно ожидать относительный консенсус и которые могут быть реализованы в первую очередь. В число таких мер можно включить: совершенствование учета и защиты лесного фонда (Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 03.11.2020 №475 – СФ); внедрение национальной системы отчетности и мониторинга выбросов парниковых газов (Министерством экономического развития Российской Федерации подготовлен соответствующий законопроект). Концепция формирования информационной системы отчетности утверждена, и разработан ряд методических указаний и рекомендаций на уровне Министерства природных ресурсов и экологии РФ и Министерства экономического развития РФ, но требуется законодательное оформление процесса ее формирования – один из примеров цифровизации государственного управления в сфере регулирования выбросов парниковых газов.

В заключении хотелось бы отметить следующее. В экономических системах, где ведущую роль играют традиционные энергоресурсы, нужно согласовывать средние и долгосрочные ориентиры для национальной климатической политики, которые должны обозначить направления перехода на низко - углеродный путь развития — в русле международных тенденций. На это направлен проект Стратегии социально - экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, подготовленный Министерством экономического развития Российской Федерации. Предпочтительно также определить условия, при которых в Российской Федерации возможно введение углеродного ценообразования в эпоху цифровизации. Проект Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов предполагает формирование комплексной национальной системы мониторинга и прогнозирования выбросов парниковых газов. В дополнение можно рассмотреть организацию мониторинга вызовов развития климатического регулирования в мире для экономики Российской Федерации и проведение комплексной оценки их влияния.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Об одобрении представленного МИДом России и Минприроды России Парижского соглашения, принятого 12 декабря 2015 года. Распоряжение Правительства РФ от 14.04.2016 №670 – р // Собрание законодательства РФ. 2016. №17. 25 апреля. Ст.2427.
2. О принятии Парижского соглашения. Постановление Правительства РФ от 21.09.2019 №1228 // Собрание законодательства РФ. 2019. №39. 30 сентября. Ст.5430.
3. О Климатической доктрине Российской Федерации. Распоряжение Президента РФ от 17.12.2009 №861 – рп // Собрание законодательства РФ. 2009. №51. 21 декабря. Ст.6305.
4. Об утверждении комплексного плана реализации Климатической доктрины

- Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 25.04.2011 №730 – р // Собрание законодательства РФ. 2011. №18. 2 мая. Ст.2680.
5. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 // Собрание законодательства РФ. 2017. №17. 24 апреля. Ст.2546.
 6. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 №1523 – р // Собрание законодательства РФ. 2020. №24. 15 июня. Ст.3487.
 7. О координирующей роли Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2020 №3024 – р // Собрание законодательства РФ. 2020. №47. 23 ноября. Ст.7623.
 8. Об ограничении выбросов парниковых газов. Федеральный закон от 02.07.2021 №296 – ФЗ // Российская газета. 2021. №147 – 148. 7 июля.

Подходы к определению понятия и классификации объектов горного имущества

Дудченко Кирилл Александрович

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

На уровне нормативных правовых актов в настоящее время не установлено понятие и классификация горного имущества. Многие теоретики и практики в своих работах рассматривают с разных ракурсов дефиницию термина «горное имущество» и определяют способ классификации таких объектов, в связи с чем в работе рассматриваются некоторые из предложенных форм толкования термина и классификации его объектов, а также, по мнению автора статьи, определяется наиболее всецело раскрывающее понятие объектов горного имущества и наиболее популярная классификация таких объектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовой режим, определение горного имущества, классификация объектов горного имущества, движимое и недвижимое имущество.

ABSTRACT

At the level of regulatory legal acts, the concept and classification of mining property is currently not established. Many theorists and practitioners in their works consider the definition of the term «mining property» from different angles and determine the method of classification of such objects, in connection with which some of the proposed forms of interpretation of the term and classification of its objects are considered in the work, and also, according to the author of the article, the most fully revealing concept of mining property objects and the most popular classification of such objects is determined.

KEYWORDS

Legal regime, definition of mining property, classification of mining property, movable and immovable property.

На текущий момент в законодательстве Российской Федерации отсутствует нормативное определение термина «горное имущество», такой ситуации сопутствует, в том числе и то, что среди теоретиков и практиков до сих пор ведутся споры о том, как необходимо трактовать дефиницию горного имущества и что относить к таким объектам. В этой связи, необходимо детально рассмотреть самые распространенные определения горного имущества.

При этом, попытки установить на законодательном уровне такое определение предпринимались, о чем свидетельствуют некоторые акты, принимаемые как на международном уровне, так и на федеральном уровне законодательства Российской Федерации.

Например, одной из доступных дефиниций «горного имущества» является определение, закрепленное в статье 295 Модельного кодекса о недрах и

недропользовании для государств – участников СНГ¹⁶, в котором горное имущество, понимается как, созданное или приобретенное пользователем недр имущество, непосредственно обеспечивающее процесс недропользования, которое не может быть отделено от участка недр без нанесения несоразмерного ущерба недрам (горные выработки, буровые скважины, элементы их крепления и обсадки, система водоотлива и приустьевое наземное оборудование горных выработок, стволы, подъездные пути, маркшейдерские знаки и другое имущество). Такое определение не является всеобъемлющим, поскольку предусматривает лишь то имущество, которое может навредить участку недр, однако к горному имуществу может относиться и специализированная техника, которая приобретается недропользователем, но не наносит ущерба, поскольку не является стационарным объектом, то бишь движимое имущество.

Применительно к вопросу понятия горного имущества, возможно выделить ряд авторов и предлагаемые ими определения. Так, например, по мнению Климента Николаевича Трубецкого, закрепленного в его работе¹⁷ установлено, что под горным имуществом понимаются недвижимые объекты и частично движимые объекты предприятия недропользователя, которые, по своей сути, не могут быть отделены от используемого для работ участка недр без нанесения ему несоразмерного ущерба, как, например, наличие на участке пробуренных скважин, горных выработок, систем водоотлива и т.п.

А.Ф. Стругов под объектами горного имущества понимал, такое имущество недропользователя, которое он либо создает (самостоятельно, договор подряда), либо приобретает для использования в деятельности, предусмотренной лицензией на недропользование. Причем такое имущество может быть, как связанным, так и не связанным.

Дина Наильевна Шмилева, в своей публикации¹⁸ под объектами горного имущества недропользователя понимает такое имущество, которое будет необходимо в процессе недропользования, в частности, для проведения всего цикла работ по разведке, разработке и добыче полезных ископаемых, с учетом обеспечения их безопасности, включая в такое имущество и скважины, и технологические комплексы обустройства месторождений (система пожаротушения, система подачи технологической воды и т.д.).

¹⁶ «Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств-участников СНГ» (Принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 Постановлением 20-8 на 20-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).

¹⁷ Горное законодательство России: вчера, сегодня, завтра / К. Н. Трубецкой, Г. Л. Краснянский, А. Н. Курский, Е. И. Панфилов. – Москва : Издательство Академии горных наук, 2000. – с.59.

¹⁸ Шмелева, Д. Н. Правовой режим сооружений обустройства месторождений нефти и газа : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шмелева Дина Наильевна. – Тюмень, 2004. – с.4

Анализируя публикацию Фроловой Н.В.¹⁹ возможно прийти к выводу о том, что под горным имуществом возможно понимать, в самом общем виде, создаваемое лично, либо с помощью труда третьих лиц, а также приобретаемое недропользователем, в границах предоставленного ему земельного участка (горный/геологический отвод) движимого и недвижимого имущества, необходимого для проведения всего цикла работ по разведке, разработке и добыче полезных ископаемых и обеспечения их безопасности в соответствии с условиями лицензионного соглашения, при этом можно отметить что это такое имущество, без которого не может осуществляться эксплуатация месторождений и их нельзя признавать освоенными.

Анализируя представленные подходы авторов к пониманию объектов горного имущества, можно прийти к выводу об отсутствии единообразия в понимании такого термина. При этом, часть определений не охватывает в полной мере все группы имущественных объектов, располагаемых на участке недр, поскольку определяет горное имущество через призму неотделимости от участка недр, что на практике не допустимо, поскольку категории используемых имущественных объектов на территории участка недр разнovidна.

Наиболее полным, по мнению автора, представляется применять на практике определение, данное Павлом Петровичем Гончаровым, который в своей монографии²⁰, разъясняет свое виденье дефиниции термина, под которым понимается расположенное в недрах земли или на земной поверхности движимое и недвижимое имущество, предназначенное для геологического изучения недр, разведки и (или) добычи полезных ископаемых, иного использования недр, обеспечения охраны недр и (или) безопасности горных работ. Такой широкий формат описания горного имущества позволяет предопределять всевозможные категории (связанное, не связанное, движимое и недвижимое) объектов к разряду горного имущества.

Рассмотрев подходы авторов к определению «горного имущества» и выделив наиболее логичное и всеобъемлющее понятие, необходимо определить, какие же объекты могут относиться к указываемой категории. Такое определение осуществляется путем использования предлагаемых учеными способов классификации объектов.

Одним из самых ранних и, на сегодняшний момент, наиболее известным вариантом классификации объектов горного имущества является их разделение на связанное и несвязанное горное имущество, предложенное А.Ф. Струговым.

Под связанным горным имуществом по классификации Стругова понимается имущество, которое невозможно отделить от недр таким образом, чтобы не нанести существенный ущерб самим недрам.²¹ К такому имуществу, как пример, возможно относить карьеры, разрезы, коллекторы, нагнетательные и добывающие скважины, штреки и т.д.

¹⁹ - Фролова, Н. В. К вопросу о проблемах правового режима горного имущества / Н. В. Фролова // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1(6). – С. 152153

²⁰ Гончаров П.П. Правовое регулирование создания недвижимого горного имущества в сфере геологического изучения недр, разведки и добычи углеводородного сырья: монография. – Москва: Проспект, 2018. С.18

²¹ См.3 С.6

Несвязанное горное имущество понимается как вспомогательное оборудование для осуществления цели, указанной в лицензии на недропользования, к которому, в частности, могут относиться нефтегазохранилища, насосные установки, трубопроводы, линии электропередач, железнодорожные пути и различная специализированная техника.²² К связанному и несвязанному горному имуществу будут относиться исключительно те имущественные объекты, которые расположены непосредственно на участке, где проводятся работы

Следующим способом, который по мнению автора, является понятийно простым и сопоставимым с другими отраслями права, является определение объектов горного имущества через привязку их к классификации, установленной в статье 130 Гражданского кодекса Российской Федерации, где определяются движимые и недвижимые вещи. Выделяются две основные группы: недвижимое горное имущество и движимое.

Под недвижимым горным имуществом понимаются объекты, расположенные на земной поверхности или в недрах. Категория недвижимого горного имущества подразделяется на объекты обустройства месторождений и скважины различных категорий. Под объектами обустройства месторождений понимают все подземные объекты, для строительства и эксплуатации которых требуется получение лицензии на пользование недрами (например, подземные объекты обустройства, построенные самовольно), иные же объекты капитального строительства следует причислять к объектам обустройства, только если они отражены в проектной документации (необходимы для недропользования).²³ Также в объекты обустройства месторождений включается большой спектр наземных объектов, создаваемых на участке недр для материально-технического обеспечения процесса недропользования (добычи).

В частности, применительно к нефтегазовой отрасли, под объектом обустройства нефтяных и газовых месторождений понимается наземные объекты технологического комплекса добычи, сбора, транспорта и подготовки нефти и газа, включая участок комплексной подготовки нефти, а также связанные с ним объекты (цех по подготовке и перекачке нефти, пункт сбора и т.д.), участок закачки и участок установки подготовки газа, трубопроводы, а также вспомогательные объекты (объекты систем пожаротушения, водоснабжения и т.д.), согласно приказу МЧС России от 17.06.2015 №302 «Об утверждении свода правил «Обустройство нефтяных и газовых месторождений. Требования пожарной безопасности».

К скважинам различных категорий относят скважины, располагающиеся в двух средах (подземные и наземные), частично затрагивающие сами недра.²⁴ Такими скважинами могут быть вертикальные и горизонтальные, эксплуатационные, нагнетательные, разведочные, структурно-поисковые, специального назначения

²² Мельгунов, В. Д. Понятие и особенности правового режима горного имущества / В. Д. Мельгунов, Р. Н. Басыров // Нефть, газ и право. – 2010. – № 5(95). – С.17

²³ Басыров, Р. Н. Правовое регулирование обустройства участков недр : специальность 12.00.06 "Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Басыров Равиль Наилевич. – Москва, 2016. – 22 с.

²⁴ Гончаров, П. П. О понятии и классификации горного имущества / П. П. Гончаров // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2016. – № 3. – С.59.

(исследование строения земной коры, наблюдения за пластовым давлением, тушения пожаров и т.д.).²⁵ Помимо этого, расположение скважины в двух средах вызвано специфическим устройством скважины. Так, скважина состоит из устья (входное отверстие ствола скважины), забоя (конечная отметка скважины) и ствола (внутреннее пространство скважины от устья до забоя). На поверхности располагается устье, включающее в себя обсадную колонну и кондуктор, что является составными элементами скважины и приравнивается к недвижимому имуществу. Иные элементы устья, состоящее из головки обсадных и насосно-компрессорной колонн, а также фонтанную арматуру, манометры и сальник, соотносятся с термином движимого имущества. Помимо таких объектов движимого имущества, на участке недр располагается специализированная техника, используемая при разведке и разработке месторождений на участке недр, а также прокладываются автомобильные дороги и подъездные железнодорожные пути, необходимые для полноты осуществления деятельности по недропользованию, а также иные объекты, характерные для движимого имущества.

Эти две классификации являются основными, используемыми большинством правоведов в сфере горного права, для определения объектов как горного имущества, при этом наиболее простой в понимании и применении на практике выступает классификация, характеризующаяся делением имущества на движимые и недвижимые объекты, по правилам, установленным гражданским законодательством.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Басыров, Р. Н. Правовое регулирование обустройства участков недр : специальность 12.00.06 "Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Басыров Равиль Наилевич. – Москва, 2016. – 31 с.
2. Гончаров, П. П. О понятии и классификации горного имущества / П. П. Гончаров // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2016. – № 3. – С.55-63.
3. Гончаров П.П. Правовое регулирование создания недвижимого горного имущества в сфере геологического изучения недр, разведки и добычи углеводородного сырья: монография. – Москва: Проспект, 2018. С.304.
4. Горное законодательство России: вчера, сегодня, завтра / К. Н. Трубецкой, Г. Л. Краснянский, А. Н. Курский, Е. И. Панфилов. – Москва : Издательство Академии горных наук, 2000. – с.247.
5. Мельгунов, В. Д. Понятие и особенности правового режима горного имущества / В. Д. Мельгунов, Р. Н. Басыров // Нефть, газ и право. – 2010. – № 5(95). – С.17-20.
6. «Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств-участников СНГ» (Принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 Постановлением 20-8 на 20-ом

²⁵ Технология бурения нефтяных и газовых скважин: учебник для студентов вузов. – В 5 т. Т. 1 / под общ. ред. В.П. Овчинникова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 68 с.

- пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ).
7. Технология бурения нефтяных и газовых скважин: учебник для студентов вузов. – В 5 т. Т. 1 / под общ. ред. В.П. Овчинникова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 322 с.
 8. Фролова, Н. В. К вопросу о проблемах правового режима горного имущества / Н. В. Фролова // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1(6). – С. 152-159.
 9. Шмелева, Д. Н. Правовой режим сооружений обустройства месторождений нефти и газа : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шмелева Дина Наильевна. – Тюмень, 2004. – с.24.

Интеллектуальная собственность в проектах цифровой трансформации
Елисеев Виталий Игоревич.
ООО «Газпромнефть-Экспертные решения»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются гражданско-правовые аспекты проектов цифровизации и цифровой трансформации, реализация которых имеет существенное значение для компаний нефтегазовой отрасли. Выявлены основные объекты интеллектуальных прав, создаваемые в ходе цифровой трансформации, и особенности их правового режима. В статье также анализируются основные договорные модели, которые применяются в цифровых проектах, и связанные с каждой из моделей правовые риски.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровая трансформация, цифровизация, интеллектуальная собственность, авторское право.

ABSTRACT

The article discusses the civil aspects of digitalization and digital transformation projects, the implementation of which is essential for oil and gas companies. The main objects of intellectual rights created in the course of digital transformation and the peculiarities of their legal regime are revealed. The article also analyzes the main contractual models that are used in digital projects, and the legal risks associated with each of the models.

KEYWORDS

Digital transformation, digitalization, intellectual property, copyright.

Одним из векторов развития различных отраслей экономики, включая нефтегазовую, является цифровизация и цифровая трансформация. Запрос на цифровизацию в первую очередь предопределен объективными причинами и потребностью повысить эффективность организационных и технологических процессов, что предполагает внедрение цифровых решений. Вместе с тем влияние на процессы цифровизации оказывает также политика государства.

В паспорте национального проекта «Цифровая экономика» [1] понятие цифровой трансформации используется применительно к цифровой трансформации университетов, государственных корпораций и компаний с государственным участием, поддержке компаний-разработчиков российских технологий для приоритетных отраслей экономики и социальной сферы. В рамках реализации национального проекта приняты, в частности, Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием [2], которые устанавливают подходы к содержанию стратегий цифровой трансформации.

Помимо рекомендаций, ориентированных на субъектов хозяйственной деятельности, Правительством РФ принято Положение о ведомственных программах цифровой трансформации [3], предусматривающее требования к реализации проектов цифровой трансформации органами государственной власти. На основе указанного

положения утверждены ведомственные программы цифровой трансформации Минэнерго, Минэкономразвития, Роснедр, Минприроды и других министерств, федеральных агентств и служб.

Проанализировав правовые акты, регулирующие отношения, связанные с цифровой трансформацией, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, цифровая трансформация обычно характеризуется тремя признаками: а) изменение существующего порядка деятельности субъекта; б) в целях повышения эффективности деятельности и достижения положительных эффектов; в) за счет внедрения цифровых решений, информационных технологий и работы с данными в электронной форме. В зависимости от вида субъекта (частный или публичный) могут отличаться изменяемые виды деятельности (например, бизнес-процессы или процессы оказания государственных услуг) и цели изменений, но остаются одинаковыми средства – внедрение цифровых решений и информационных технологий.

Во-вторых, понятие цифровой трансформации описывает организационные и технологические процессы, управленческие решения. Положения о цифровой трансформации, как правило, либо лишены конкретного правового содержания, либо не выходят за рамки административно-правовых отношений. Однако реализация проектов цифровой трансформации происходит в фактических отношениях между различными организационно независимыми лицами и не подчиненными друг другу лицами (пользователи-предприятия промышленного сектора, подрядчики, внедряющие ИТ-решения, разработчики ИТ-решений), поэтому регулируются в том числе гражданским правом.

В-третьих, связанная с цифровой трансформацией терминология, как правило, относится к терминологии в области менеджмента. Например, термины «цифровые решения» и «информационных технологии» часто упоминаются в качестве средств цифровой трансформации, но могут означать совершенно разные объекты, если рассматривать их с точки зрения гражданского права. Последнее влечет необходимость использования разных договорных моделей и возникновение разных прав и обязанностей у лиц, вовлеченных в процесс разработки и внедрения цифровых решений и информационных технологий.

Таким образом, эффективное выполнение управленческих решений в области цифровой трансформации требует понимания особенностей правового регулирования гражданско-правовых отношений между субъектами, деятельность которых связана с реализацией цифровых проектов. Рассмотрим основные гражданско-правовые аспекты цифровизации.

Центральное место в гражданско-правовом регулировании отношений, направленных на реализацию проектов цифровой трансформации, занимают нормы об интеллектуальной собственности. Причина этого в том, что средства цифровизации процессов (цифровые решения, информационные технологии), как правило, относятся к результатам интеллектуальной деятельности (далее – РИД), охраняемым в качестве объектов интеллектуальных прав.

Цифровизация какого-либо процесса обычно предполагает разработку и программную реализацию алгоритмов обработки информации. При этом информация может быть совершенно разной. Например, в цифровой форме может реализовываться

биржевая торговля нефтью [4]. В этом случае алгоритм может получать на вход заявки трейдеров, обрабатывать их с применением правил биржевой торговли и в итоге выводить информацию о заключенных сделках. Автоматизированные системы управления технологическими процессами получают на вход массив данных о состоянии оборудования и командах оператора, по результатам обработки которых обеспечивают выполнение целевых технологических процессов. Независимо от характера информации на входе и на выходе, программная реализация алгоритмов их обработки подпадает под определение программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). Программы для ЭВМ являются основным объектом гражданских прав в цифровых проектах.

Другой неотъемлемой частью цифровизации любого процесса является информация. Информация не охраняется в качестве объекта интеллектуальных прав. Однако для обработки с помощью программ и удобной работы с ней человека информация в электронном виде определенным образом систематизируется. Результат подбора и систематизации информационных материалов способен охраняться в качестве базы данных. При этом база данных может охраняться в качестве объекта авторских прав как составное произведение в части творческого подбора и систематизации материалов, а в качестве объекта смежных прав – в части защиты содержания базы данных, то есть использования содержащейся в базе данных информации.

Программы и базы данных являются основными объектами интеллектуальных прав, используемыми в проектах цифровой трансформации. Вместе с тем могут создаваться другие охраняемые РИД. Внешний вид интерфейсов взаимодействия пользователей с цифровыми решениями, как правило, охраняется в качестве произведения дизайна (объект авторских прав) и дополнительно может получать охрану в качестве промышленного образца (объект патентных прав). На алгоритм как таковой без привязки к конкретной форме его программной реализации при ряде условий может быть выдан патент на изобретение.

Таким образом, цифровые решения и информационные технологии состоят из различных объектов интеллектуальных прав. Их корректная квалификация важна для понимания правового режима создаваемых в цифровых проектах результатов. Наиболее важны при этом следующие правила.

Во-первых, на каждый РИД возникает исключительное право, являющееся по действующему законодательству единым, но состоящим из правомочий, соответствующих способам использования РИД. [5] Это, в частности, исключает отчуждение отдельных полномочий правообладателя, что влияет на возможные способы коммерциализации РИД и договоры на их создание. Содержание исключительного права состоит в возможности только правообладателя использовать РИД и обязанности всех остальных лиц воздерживаться от использования РИД без разрешения правообладателя. Соответственно, для правомерного использования любого РИД в рамках цифровизации требуется либо исключительное право, либо разрешение правообладателя в форме лицензионного договора.

Во-вторых, часть четвертая ГК РФ особым образом регулирует отношения, связанных с созданием РИД по договору. Не во всех случаях исключительное право на РИД признается за заказчиком, финансирующим разработку. Некорректно составленные

условия договора создают риск ограниченного использования РИД и невозможности его коммерциализации.

В-третьих, объекты авторских и смежных прав, к которым относятся основные РИД в области цифровизации – программы и базы данных, охраняются в силу создания и не подлежат обязательной регистрации. Допускается добровольная регистрация программ и баз данных в Роспатенте, которая создает презумпцию, что указанное в государственном реестре лицо является правообладателем. От регистрации в Роспатенте следует отличать регистрацию в Едином реестре российских программ для ЭВМ и баз данных, который ведет Минцифры. Регистрация в реестре Минцифры не влияет на гражданско-правовую охрану, но влечет налоговые последствия и важно для субъектов, реализующих программы импортозамещения.

Специфика объектов интеллектуальных прав, возникающих в ходе цифровой трансформации, определяет особенности договорных отношений по их созданию и использованию. В проектах цифровой трансформации важен выбор договорной модели, корректно отражающей коммерческие условия разработки и использования цифровых решений. На практике наиболее распространены следующие модели.

1) Разработка по заказу

Модель предполагает создание новых программ, баз данных и прочих РИД по договору подряда, который заключают лицо, внедряющее в собственной деятельности цифровое решение, и ИТ-разработчик. Модель применяется для цифровизации нетиповых процессов под потребности отдельного заказчика и создания цифровых решений, не имеющих аналогов на рынке.

В договорах подряда важно в явном виде урегулировать, какая из сторон – заказчик или подрядчик – является правообладателем созданных РИД и приобретает ли другая сторона право использования РИД на условиях лицензии. Применительно к программам и базам данных диспозитивные нормы ст. 1296 и 1297 ГК РФ дают ответ в зависимости от того, предусматривалось ли прямо условиями договора создание РИД, при этом сохраняют за второй стороной право использовать РИД на условиях неисключительной лицензии. Но часто толкование договора не позволяет сделать однозначный вывод о наличии или отсутствии явно выраженной воли сторон на создание РИД, что создает неопределенность в вопросе правообладателя.

2) Лицензирование

Модель предполагает использование существующих программ, баз данных или других РИД на основании лицензионного договора между лицом, внедряющим в собственной деятельности цифровое решение, и ИТ-разработчиком (правообладателем). Модель применяется для цифровизации типовых процессов с помощью существующих на рынке цифровых решений.

Наиболее важными условиями лицензионных договоров, заключаемых в цифровых проектах, являются способы, срок, территория использования РИД, наличие обновлений. Распространено также заключение смешанных договоров, которые включают предоставление лицензии и оказание услуг технической поддержки.

3) Смешанная модель

В проектах цифровизации разработка по заказу и лицензирование нередко применяются параллельно. На рынке может существовать базовое решение, которое

способно отвечать запросам заказчика при условии доработки и настройки под особенности его деятельности. В этих случаях в части использования базовой программы заключается лицензионный договор, а в части доработки – договор подряда. Что важно учесть в данном случае?

Применительно к программам для ЭВМ законодательство проводит границу между двумя видами изменений оригинальной программы. При адаптации, т.е. изменениях исключительно в целях функционирования программы на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя, не возникает нового объекта интеллектуальных прав, при этом адаптация по умолчанию разрешена (п. 1 ст. 1280 ГК РФ). При модификации, т.е. любых иных изменениях, возникает новый производный объект, у которого может быть новый правообладатель, но осуществление прав на который зависит от соблюдения прав на оригинальную программу. Модификация по умолчанию запрещена.

В смешанной модели важно заранее определить характер изменений оригинальной программы, определить пределы прав заказчика на оригинальный РИД, правообладателя модификации в случае её создания и условия использования модификации с соблюдением прав на оригинальную программу. Если эти условия не будут проработаны в договорах, возникают риски нарушения исключительного права на оригинальные РИД и неопределенности в отношениях между заказчиком, лицензиаром и подрядчиком.

Благодаря разнообразию процессов, потребность цифровизации которых возникает, встречаются также другие договорные модели регулирования отношений между лицами, использующими цифровые решения в своей деятельности, и ИТ-разработчиками. Тем не менее, при использовании любой договорной модели необходимо учитывать специфику правового режима объектов интеллектуальных прав.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1) Цифровая трансформация описывает организационные изменения деятельности различных субъектов, но реализация этих изменений невозможна полностью вне рамок отношений, регулируемых гражданским правом. В цифровых проектах необходимо правильно квалифицировать используемые результаты интеллектуальной деятельности и учитывать особенности их гражданско-правового режима.

2) Отношения между ИТ-разработчиками и компаниями, внедряющими цифровые решения, могут выстраиваться по различным договорным моделям. Основными договорными моделями являются разработка по заказу, лицензирование и их сочетание. При этом каждая из моделей предусматривает различное распределение прав на РИД, права, обязанности, риски и ответственность сторон.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7
2. Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием, одобренные на заседании президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию,

использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 6 ноября 2020 г.

3. Постановление Правительства РФ от 10 октября 2020 г. № 1646
4. Вильданова М.М., Урманов Л.В. Цифровые технологии в энергетике // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2019. № 4. С. 30-35.
5. Право интеллектуальной собственности. Т.2: Авторское право / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М., 2017. С. 175 – 176 (автор главы – Е.С. Гринь).

Трансграничный углеродный налог
Земцова Софья Николаевна, Зыкова Валерия Викторовна
Студент
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Предложенный Европейским Союзом экологический план Green Deal по введению трансграничного углеродного налога в рамках Зеленой политики, которая направлена на очистку не только Европы, но и планеты в целом, на предотвращение изменений климата и остановку техногенных последствий, выражающихся в глобальном потеплении, затронет все страны-импортеры продукции, которая содержит в себе углеродный след. В число таких стран-импортеров входит и Российская Федерация, именно поэтому возникает необходимость анализа дальнейших перспектив принятия трансграничного углеродного налога Российской Федерацией и его дальнейшего влияния на топливно-энергетический комплекс в целом, а также возможность введения собственного национального углеродного сбора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налог, налоговая политика, экспорт, импорт, углеродный налог, топливно-энергетический комплекс, Европейский Союз, Российская Федерация, климат, зеленая энергетика.

ABSTRACT

The European Union's Green Deal environmental plan for the introduction of a cross-border carbon tax within the framework of the Green Policy, which aims to clean up not only Europe, but the planet as a whole, to prevent climate change and stop the man-made consequences, expressed in global warming, will affect all importing countries products that contain a carbon footprint. The Russian Federation is also among such importing countries, which is why it becomes necessary to analyze further prospects for the adoption of a cross-border carbon tax by the Russian Federation and its further impact on the fuel and energy complex as a whole, as well as the possibility of introducing its own national carbon tax.

KEYWORDS

Tax, tax policy, export, import, carbon tax, fuel and energy complex, European Union, Russian Federation, climate, green energy.

С 31 октября по 12 ноября 2021 года в Шотландском конгресс-центре в Глазго состоится 26-я сессия Конференции ООН по изменению климата. Уже сейчас можно наблюдать дискуссии на одну из основных тем мероприятия – трансграничный углеродный налог.

Европейский Союз с 2026 года начнет облагать специальным трансграничным углеродным налогом импортные товары из стран-загрязнителей. К таким странам относится большая часть развивающихся стран, включая также Российскую Федерацию.

Еврокомиссия приняла решение о введении экологического сбора, предложенный экологическим планом EU Green Deal, целью которого является полная ликвидация углеродных выбросов в Евросоюзе к 2050 году и снижение выбросов углекислого газа к началу 2030 года на 55% к уровню который наблюдался на момент 1990 года. Главным механизмом реализации этого плана послужит трансграничный углеродный налог, который именуют механизмом трансграничной корректировки углеродных выбросов (СВАМ) [1].

Согласно экологическому плану EU Green Deal, на протяжении трёх лет, а именно с 2023 по 2025 год будет действовать некий переходный период, во время которого импортеры должны будут каждый квартал сообщать о фактических выбросах, связанных с ввозимыми в Европейский Союз товарами, и любых платежах за углеродные выбросы за рубежом. Платить же сам трансграничный углеродный налог импортеры начнут лишь с 2026 года, когда механизм трансграничного углеродного регулирования полностью вступит в силу. При этом перечень объектов налогообложения к 2026 году может быть расширен, так как исчерпывающего перечня на данный момент нет. В него могут быть добавлены такие объекты, как, например: целлюлозно-бумажная продукция, нефтепродукты, продукция нефтехимии, известь, калийные удобрения.

Углеродный сбор в данном случае – это условное обозначение механизма: по сути, импортерам в ЕС нужно будет приобретать СВАМ-сертификаты и обменивать их на право ввезти продукцию. Цена на выбросы, содержащиеся во ввозимой продукции, будет определяться исходя из стоимости CO₂ на аукционах в европейской системе торговли квотами (EU ETS). Сейчас это примерно 60 евро за тонну углерода [2].

Выбирая наилучший механизм налогообложения импортных продуктов, Европейская комиссия может опираться на один из трёх вариантов. Первым вариантом является прямое налогообложение на границе, то есть введение разграничивающего налога в прямой зависимости от промышленной принадлежности импортной продукции и ее степени углеродоемкости. Под вторым вариантом подразумевается внесение перечня импортеров в ныне существующую систему Европейского Союза по торговле квотами на выбросы (Emissions Trading System; EU ETS) и продажу им квот так же как и европейским производителям. Третьим вариантом является введение углеродного НДС для всех производителей продукции с содержанием углерода, как внешних, так и внутренних [3]. Между тем, не стоит забывать о том, что налог должен соответствовать правилам Всемирной торговой организации (ВТО) и международным обязательствам Европейского Союза.

Отчет конференции ООН по торговле и развитие содержит предупреждение о том, что страны с низким уровнем доходов, и в которых промышленность остается углеродоемкой, могут столкнуться с сокращением экспорта. Выше было упомянуто, что среди стран, которые столкнутся с проблемами в связи с введением углеродного налога, присутствует и Российская Федерация. Какие трудности и перспективы несет такой налог Российской Федерации?

Прежде всего, углеродный налог не подходит Российской Федерации в области декарбонизации. Экосистемы нашей страны поглощают углерод в больших объемах, что существенно превышает промышленные выбросы, тем самым играя роль «легких» всего Евразийского континента. Директор Института проблем экологии и эволюции им. А. Н.

Северцова Вячеслав Рожнов считает, что в связи с этим должен быть вынесен вопрос о компенсации Российской Федерации издержек, которые связаны с сохранением и развитием таких природных экосистем [4].

Кроме того, такой налог ударит по экономике Российской Федерации, т.к. она является одной из самых уязвимых стран к введению углеродного регулирования. Это обусловлено тем, что углеродный налог отразится на главных отраслях экономики: черная и цветная металлургия, добыча угля и нефти, цементная промышленность и другие. Евросоюз является крупнейшим внешнеэкономическим партнером Российской Федерации. По данным Федеральной таможенной службы, 41,7% всего российского товарооборота приходится на страны Европы. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) приводит данные о том, что Россия стала второй среди крупнейших импортеров по объему углеродоемких товаров в ЕС в 2019, уступив в том лишь Китаю.

Главной целью трансграничного налога является защита планеты от глобального потепления. Однако, как сказал Владимир Чижов (постоянный представитель при ЕС), «это могут быть добрые намерения, которые прокладывают дорогу в ад... прежде всего под ударом оказываются собственные европейские компании, и не только те, которые вывели свои производственные мощности в страны третьего мира и Китай» [5]. Сегодня европейские компании получают бесплатные квоты на выбросы, однако по мере введения трансграничного углеродного регулирования (ТУР) эти льготы будут отменены. Результатом введения углеродных сборов могут стать очередные экономические потрясения, такие как перераспределение капитала в пользу нескольких десятков финансовых корпораций, что повлечет очередную волну кризиса, более затяжную и глубокую.

Минэкономразвития дала оценку о том, как введение ТУР затронет экспортируемую из России в ЕС продукцию в районе \$7,6 млрд в год. Летом 2020 г. консалтинговая компания BCG (Boston Consulting Group) оценила потенциальные потери российских экспортеров от углеродного налога в \$3–4,8 млрд в год [6]. В августе 2021 г. – уже после публикации проекта ТУН – BCG пересмотрела свои прогнозы.

По новым оценкам компании BCG, годовые издержки импортеров российской продукции от европейского СВМ к 2030 г. могут достигнуть \$3,5–6,3 млрд. Середина оценочного диапазона – \$4,9 млрд [7].

В 2020 году Минэкономразвития разработало Стратегию долгосрочного развития России до 2050 года, учитывая Парижское соглашение, которая предполагает два основных плана развития низкоуглеродной промышленности: базовый, который является основным, и интенсивный. Базовый план не предполагает достижения углеродной нейтральности, однако подразумевает снижение углеродоемкости российского ВВП на 9% к 2030 году и на 48% к 2050 году в сравнении с 2020 годом [8]. В данном плане заложено создание правовой основы для технологического изменения экономики, введение национального регулирования выбросов от парниковых газов, создание системы климатического мониторинга, для предотвращения возникновения антропогенных катастроф. Кроме того, в правительстве обсуждается законопроект об углеродном регулировании, который предполагает, в том числе финансирование для

внедрения низкоуглеродных технологий в России, а также верифицируемой углеродной отчетности для компаний.

После того как ЕС объявила о планах по введению ТУР у стран, поставляющих углеродную продукцию в Европу, появилась мотивация создать собственную национальную систему регулирования углеродных выбросов. Прежде всего, это обусловлено тем, что текущий проект закона СВМ позволяет производить зачет обязательств по уплате трансграничного углеродного налога, в случае если есть доказательства, что углеродный налог уже был уплачен.

Введение собственного углеродного сбора поможет несколько снизить платежи по ТУР в отношении российских товаров, в то же время введение данной системы квот, схожей с EU ETS, может позволить освободить российские товары от ТУР.

Основной целью введения данного трансграничного углеродного налога является борьба с экологическими нарушениями, а именно климатическими изменениями. Сбор, предложенный, экологическим планом EU Green Deal направлен на полную ликвидацию углеродных выбросов в Евросоюзе к 2050 году и снижение к 2030 г. выбросов углекислого газа.

Не так просто предположить, а уж тем более рассчитать, какой из вариантов по оплате трансграничного налога экспортерами будет оптимальным для них. Так как на сегодняшний день, кроме предложения о введении данного налога, проекта документа обязывающего уплачивать данный сбор, нет. Анализировать точные последствия предложенного экологического плана EU Green Deal на данный момент не просто, так как предугадать, как в действительности будут реализованы декларируемые положения плана, на сегодняшний день не представляется возможным. Помимо этого, актуальным остается вопрос о введении аналогичного налога в рамках нашего государства. Также необходимо отметить, что имеется острая необходимость в консолидации всех ведомств и министерств в представлении государственных интересов в целях минимизации экономических негативных последствий для Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. European Green Deal: Commission proposes transformation of EU economy and society to meet climate ambitions [Электронный ресурс]: URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_3541 (дата обращения 04.10.2021 г.)
2. Daily Carbon Prices [Электронный ресурс]: URL: <https://ember-climate.org/data/carbon-price-viewer/> (дата обращения 04.10.2021 г.)
3. Как новый углеродный налог Евросоюза ударит по российскому экспорту [Электронный ресурс]: URL: <https://thebell.io/kak-novyj-uglerodnyj-nalog-evrosoyuza-udarit-po-rossijskomu-eksportu> (дата обращения 04.10.2021 г.)
4. В правительстве готовят российский вариант углеродного сбора ЕС [Электронный ресурс]: URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/22/887822-vlasti-uglerodnogo-naloga> (дата обращения 04.10.2021 г.)
5. Трансграничный углеродный налог – прямой удар по экономике России [Электронный ресурс]: URL: <https://regnum.ru/news/3365597.html> (дата обращения 04.10.2021 г.)

6. Минэкономики оценило последствия новой экологической стратегии ЕС для российского экспорта [Электронный ресурс]: URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/434775-minekonomiki-ocenilo-posledstviya-novoy-ekologicheskoy-strategii-es-dlya> (дата обращения 06.10.2021 г.)
7. Углеродный вызов российским экспортерам [Электронный ресурс]: URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/press/29july2020-carbon-challenge-to-russian-exporters> (дата обращения 06.10.2021 г.)

Балашов М.М. Влияние механизмов углеродного регулирования на развитие промышленности Российской Федерации. Решения и риск – стратегический менеджмент, 2020, т. 11 (№ 4), 12 с. [Электронный ресурс]: URL: https://www.jsdrm.ru/jour/article/view/915?locale=ru_RU (дата обращения 07.10.2021 г.)

Теоретические аспекты формирования документов стратегического планирования в области обеспечения информационной безопасности объектов топливно-энергетического комплекса в российской федерации.

Ивлишкин Александр Сергеевич
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Определена нормативная правовая основа обеспечения информационной безопасности объектов ТЭК в России и США. Проведен комплексный анализ выделенных нормативных правовых актов. Выявлены различия между существующими подходами в формировании документов стратегического планирования в рассматриваемой сфере в России и США. Дана оценка научной и практической целесообразности проведения сравнительного анализа национальных рамочных законодательных конструкций и документов стратегического планирования. Выявлен пробел в законодательстве Российской Федерации и определен возможный вектор его решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальные рамочные законодательные конструкции, документы стратегического планирования, информационная безопасность, кибербезопасность, топливно-энергетический комплекс.

ABSTRACT

The regulatory legal basis for ensuring the information security of fuel and energy facilities in Russia and the USA has been determined. A comprehensive analysis of the selected regulatory legal acts has been carried out. The differences between the existing approaches in the formation of strategic planning documents in the field under consideration in Russia and the USA are revealed. An assessment of the scientific and practical feasibility of conducting a comparative analysis of national legislative frameworks and strategic planning documents is given. A gap in the legislation of the Russian Federation has been identified and a possible vector of its solution has been determined.

KEYWORDS

National legislative frameworks, strategic planning documents, information security, cybersecurity, fuel and energy complex.

В настоящий момент топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК) Российской Федерации (далее – Россия, РФ), как и иных нефтедобывающих государств, претерпевает значительные изменения вследствие внедрения цифровых технологий на его объекты, а также в производственные процессы. Первоочередными тенденциями развития объектов ТЭК являются цифровизация и автоматизация, которые выражаются в поступательном переводе или подключении традиционных специальных адаптированных для работы в физических сетях энергетических технологий, систем управления к современным цифровым технологиям и компонентам, что порождает

дополнительные риски и возможности для осуществления преступного посягательства. Поскольку посягательства на объекты ТЭК могут производить каскадный эффект, разрушительные последствия и широкомасштабные воздействия на социально-экономическое состояние того или иного государства, возникает необходимость в обеспечении комплексной безопасности данных объектов, в том числе в обеспечении информационной или кибербезопасности.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, информационная безопасность является одним из стратегических национальных приоритетов обеспечения и защиты национальных интересов России, в то время как обеспечение защищённости и установленного порядка функционирования объектов ТЭК представляет собой межприоритетную сферу, соответствующую такому национальному интересу как устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе и находящуюся на стыке концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества в сферах информационной и экономической безопасности [2].

Не смотря на вышеизложенное, в таком документе стратегического планирования как Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, основанной как раз на анализе основных информационных угроз и оценки состояния информационной безопасности, отсутствуют нормы, затрагивающие обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере в области деятельности ТЭК [1].

Комплексный анализ существующего российского законодательства в рассматриваемой сфере позволяет говорить об отсутствии на данный момент в Российской Федерации специализированного нормативного правового акта или документа стратегического планирования в сфере обеспечения информационной безопасности объектов ТЭК. Не смотря на факт существования ряда декларативных норм в указанных ранее документах стратегического планирования, а также отнесения положений, регулирующих обеспечение безопасности объектов критической информационной инфраструктуры, к рассматриваемой сфере, можно говорить о некотором упущении или пробеле в существующем российском законодательстве, об отсутствии отвечающих потребностям отрасли норм практической направленности, закрепленных в национальных рамочных законодательных конструкциях.

Вследствие того, что документы стратегического планирования или рамочные законодательные конструкции различных государств как общей, так и специальной (отраслевой) направленности являются основой национальной политики в той или иной сфере, синтезом опыта, полученным при реализации предыдущих программ и действий, ознакомление с ними, а также проведение их сравнительного анализа представляет собой значительный научный и практический интерес в рамках осуществления планирования уполномоченными органами, а также заинтересованными субъектами.

На основании вышеизложенного, а также в рамках процесса совершенствования российского законодательства можно говорить о целесообразности проведения сравнительного анализа национальных рамочных законодательных конструкций России и иных нефтедобывающих государств в области информационной безопасности объектов ТЭК. Наиболее примечательным опытом в формировании законодательства в

рассматриваемой сфере, на наш взгляд, обладают США.

Так, анализ существующих нормативных правовых актов США в области кибербезопасности ТЭК позволяет выделить более комплексный и практико-ориентированный подход. Помимо отдельных существующих декларативных положений в Стратегии национальной кибербезопасности США, существует комплексная государственная система рекомендаций и стандартов в сфере обеспечения информационной безопасности отдельных производственных процессов. Помимо этого ранее существовал также и отраслевой документ стратегического планирования, а именно Стратегия кибербезопасности Министерства энергетики США, представлявший собой комплексный специализированный НПА, включавший в себя и практические положения. На данный момент в США реализуется Многолетний план Министерства энергетики по обеспечению кибербезопасности ТЭК, который представляет собой дорожную карту – практическую программу действий, направленную на предупреждение посягательств, а также на минимизацию их последствий.

Данный сравнительный анализ подходов в формировании национальных рамочных законодательных конструкций, документов стратегического планирования обеспечения информационной безопасности объектов ТЭК России и США, позволяет отметить, что существенная комплексность, а также практическая направленность американского законодательства в рассматриваемой сфере может в некоторой степени служить примером в формировании отечественного отраслевого законодательства, целесообразность развития которого не порождает неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: http://base.garant.ru/71556224/#block_2 (дата обращения: 8.10.2021).
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602263723> (дата обращения: 8.10.2021).
3. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 N 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/ (дата обращения: 8.10.2021).
4. DOE Multiyear Plan for Energy Sector Cybersecurity. March 2018 [Электронный ресурс] URL: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2018/05/f51/DOE%20Multiyear%20Plan%20for%20Energy%20Sector%20Cybersecurity%20_0.pdf (дата обращения: 8.10.2021).
5. National Cyber Strategy of the United States of America. September 2018 [Электронный ресурс] URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 8.10.2021).
6. Pipeline Security Guidelines. March 2018 (with Change 1 (April 2021)). URL:

https://www.tsa.gov/sites/default/files/pipeline_security_guidelines.pdf (дата обращения:8.10.2021)

7. U.S. Department of Energy. Cybersecurity Strategy 2018-2020. [Электронный ресурс]
URL: <https://www.energy.gov/sites/prod/files/2018/07/f53/EXEC-2018-003700%20DOE%20Cybersecurity%20Strategy%202018-2020-Final-FINAL-c2.pdf>
(дата обращения:8.10.2021).

Место воспроизводства минерально-сырьевой базы в системе горного права

Игнатьев Даниил Алексеевич

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Автор исследует субинститут минерально-сырьевой базы в системе горного права с точки зрения его самостоятельности. С учетом складывающегося понятийно-категорийного аппарата, а так же методами воздействия на систему общественных отношений, автор считает, что говорить о наличии сформировавшегося в горном праве правового института воспроизводства минерально-сырьевой базы, как минимум, преждевременно, хотя и имеются многие предпосылки его формирования, причем либо как специального правового института либо межотраслевого правового института.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Горное право, воспроизводства минерально-сырьевой базы, регулирование, система права

ABSTRACT

The author examines the subinstitute of the mineral resource base in the system of mining law from the point of view of its independence. Taking into account the emerging category-categorical apparatus, as well as methods of influencing the system of public relations, the author believes that it is at least premature to talk about the existence of a legal institute for the reproduction of mineral resources in mining law, although there are many prerequisites for its formation, and either as a special legal institute or an intersectoral legal institute.

KEYWORDS

Mining law, reproduction of the mineral resource base, regulation, legal system

Российская Федерация занимает лидирующие позиции по запасам, добыче, переработке и экспорту по нефти, газу, легирующим и цветным металлам, алмазам, золоту и ряду других полезных ископаемых.

Однако, наметившаяся в начале XXI века тенденция ухудшения состояния минерально-сырьевой базы из-за постепенного истощения давно эксплуатируемых месторождений полезных ископаемых и расположения перспективных для опoискoвывaния территорий в труднодоступных районах, характеризующихся в том числе сложными горно-геологическими условиями залегания полезных ископаемых, а также появление новых вызовов и угроз минерально-сырьевой безопасности, характеризующихся сокращением объемов запасов открытых месторождений полезных ископаемых в нераспределенном фонде недр и отставанием объемов прироста запасов полезных ископаемых, получаемых в результате проведения геологоразведочных работ, от объемов добычи запасов полезных ископаемых из недр, создают риски в обеспечении потребностей экономики минеральным сырьем.

В связи с этим, от наиболее эффективного и четкого правового регулирования отношений, связанных с осуществлением воспроизводства минерально-сырьевой базы,

то есть с процессом восполнения данных о рентабельных запасах полезных ископаемых взамен запасов добытых из недр и списанных с государственного баланса, зависит правильное определение направлений соответствующей государственной политики.

Н.Ф. Миркеримова отмечает, что построение отечественного законодательства о недрах происходит именно на институциональном принципе, в связи с чем определение места совокупности норм, регулирующих отношения, возникающих при осуществлении воспроизводства минерально-сырьевой базы, в системе горного права, представляется важным как с теоретической, так и с практической точек зрения с целью формирования обоснованных концептуальных подходов к совершенствованию законодательства и установлению наиболее действенного правового регулирования[6].

Н.И. Садовниковым при рассмотрении вопросов правового регулирования геологического изучения недр делается вывод о наличии в законодательстве о недрах сформировавшегося правового института воспроизводства минерально-сырьевой базы, представленного совокупностью правовых норм, регулирующих отношения по предоставлению и пользованию участками недр для целей регионального геологического изучения недр, проводимого за счет средств федерального бюджета, геологического изучения недр, проводимого за счет средств пользователей недр, установлению факта открытия месторождения полезных ископаемых с выдачей соответствующего свидетельства, а также предоставлению лицензии на пользования недрами для целей разведки и добычи открытого пользователем недр месторождения полезных ископаемых.[7]

Вместе с тем, данный вопрос представляется крайне сложным и требует его всестороннего рассмотрения, поскольку, как совершенно справедливо заключает Е.А. Киримова, процесс формирования правовых институтов длителен и многоаспектен, в связи с чем выделение правового института с точки зрения его законодательной завершенности вряд ли будет оправданным. В данной связи, как указывает автор, принципиальным фактом существования правового института, как явления правовой действительности, является отсутствие возможностей правовой регламентации определенных общественных отношений в случае его изъятия из их правового регулирования.

С этой точки зрения представляется, что изъятие рассматриваемой совокупности норм из правового регулирования отношений недропользования вообще невозможно ввиду необходимости правовой регламентации порядка постоянного получения информации о ресурсах и запасах полезных ископаемых и ее государственного учета для сохранения сформировавшегося уровня добычи полезных ископаемых, а также возможностей по его прогнозируемому увеличению в целях обеспечения как минерально-сырьевой безопасности, так и социально-экономического развития государства, к тому же обусловленного законодательным закреплением воспроизводства минерально-сырьевой базы в качестве одной из основных задач государственного регулирования отношений недропользования.

Однако, как справедливо констатирует И.Н. Сидоров о содержании правового института как юридической категории – он должен обладать однородностью, целостностью и обособленностью (относительной автономией или самостоятельностью), в связи с чем «следует придерживаться аргументированного

подхода в выделении институтов горного права, когда соответствующие общественные отношения должны фактически сложиться».

К тому же для горного права, как составной части экологического права, характерно наличие и возрастающее значение межотраслевых институтов[1], что является, в том числе следствием взаимодействия дифференцированного и интегрированного подходов к регулированию экологических отношений[4], а также наличия норм, включая те, что регулируют порядок осуществления государственного управления, которые не могут сами по себе образовать самостоятельный институт именно горного права.

В данной связи И.Н. Сидоров на основе рассмотрения различных теоретико-правовых подходов отмечает наличие в горном праве как отраслевых (государственная собственность на недра, право пользования недрами, рациональное использование и охрана недр), так и межотраслевых (договорные формы пользования недрами, геологическая информация (смежные с отраслью гражданского права), платежи за пользование недрами (смежный с отраслью финансового права), юридическая ответственность (смежный с отраслями гражданского, уголовного и административного права) институтов.[8]

При этом, по мнению автора, институт рационального использования и охраны недр, включает в себя и нормы, регламентирующие вопросы экспертизы проектов использования недр (для геологического изучения, разведки и добычи) и запасов полезных ископаемых, ведения государственных кадастра месторождений и проявлений, баланса запасов полезных ископаемых, а также планирования воспроизводства минерально-сырьевой базы, которые самостоятельного института не образуют, поскольку являются «ключевыми механизмами обеспечения задач указанного института».

Однако в настоящее время общественные отношения фактически складываются таким образом, что совокупность норм, регулирующих отношения, складывающиеся в процессе воспроизводства минерально-сырьевой базы, с одной стороны можно признать цельным (целостным) образованием, поскольку оно состоит из сложных взаимодействий специфических норм горного права с нормами отраслей административного (в части государственного управления фондом недр, в том числе осуществления функций стратегического планирования в сфере воспроизводства минерально-сырьевой базы), гражданского (в части правового режима геологической информации о недрах, а также порядка осуществления закупок для выполнения мероприятий по государственному геологическому изучению недр в соответствии с законодательством о контрактной системе и законодательством о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц) и финансового (бюджетного) права (в части составления, утверждения и исполнения государственных заданий бюджетных учреждений на выполнение мероприятий по государственному геологическому изучению недр), целью применения которых является стратегическое планирование в данной сфере и проведение геологического изучения недр для получения новой геологической информации о ресурсах и запасах полезных ископаемых (соответственно однородная направленность регулирования), и изъятие которого невозможно ввиду его особой значимости с учетом необходимости обеспечения минерально-сырьевой

безопасности, а с другой стороны оно не обладает самостоятельностью по отношению к другим институтам горного права и по своей сути является совокупностью норм, входящих в эти институты.

Одновременно Е.А. Киримова отмечает, что специфичность способа правового регулирования, а также наличие или принципиальная возможность формирования общих понятий в рамках видовых явлений также относятся к характерным признакам правового института[3].

В данной связи стоит отметить возможность выделения специфичного для горного права сочетания способов правового регулирования отношений, возникающих в процессе воспроизводства минерально-сырьевой базы, которая заключается в наличии большего количества дозволений в правовой регламентации таких отношений, нежели чем в горном праве в целом, использующем преимущественно обязывание как способ правового регулирования отношений недропользования²⁶, за счет регулирования в указанном процессе отношений, возникающих при осуществлении геологического изучения недр в соответствии с государственными контрактами, в котором дозволение играет более ярко выраженную роль [2].

При этом в рамках данного видового явления характерно и наличие общих для него понятий, к которым следует отнести такие понятия как «минерально-сырьевая база», «геологическое изучение недр», «запасы полезных ископаемых», «воспроизводство минерально-сырьевой базы» и другие.

Таким образом, представляется, что говорить о наличии сформировавшегося в горном праве правового института воспроизводства минерально-сырьевой базы, как минимум, преждевременно, хотя и имеются многие предпосылки его формирования, причем либо как специального правового института либо межотраслевого правового института.

Возможность выделения в системе горного права субинститута воспроизводства минерально-сырьевой базы также является весьма спорной, поскольку, характерной особенностью субинститута как правовой категории является его существование внутри крупного правового института (при этом предмет правового регулирования правового института остается прежним), а рассматриваемая общность правовых норм не может существовать в рамках только одного из существующих институтов горного права, поскольку имеет более сложные и функциональные связи и, соответственно, является образованием более высокого порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боголюбов С.А. Институты экологического права // М.: Эксмо, 2010. С. 34.
2. Гусейнли Имади Али Вугар оглы. Контрактная система закупок как институт гражданского права
3. Киримова Е.А. Правовой институт: теоретико-правовое исследование // дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 70, 132.
4. Краснова О.К. Дифференциация и интеграция в экологическом праве: на пути к сближению // Экологическое право. 2015. № 4. С. 9 – 16.

²⁶ Миркеримова Н.Ф. Указ. Соч. С. 28.

5. Малыгина Е.А. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: особенности финансово-правового регулирования // автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2015. С. 13
6. Миркеримова Н.Ф. Правовое регулирование геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых в зарубежных странах // дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 11.
7. Садовников Н.И. Правовое регулирование геологического изучения недр в Российской Федерации // дис. канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9.
8. Сидоров И.Н. Институты горного права // Экологическое право. 2019. № 3. С. 18 – 19.

Правовое регулирование охраны водных объектов при пользовании недрами
Карапетян Арман Рафаелович
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Автором выделены основные понятия и термины, используемые в области охраны водных объектов. В статье определены основные виды загрязнения водных объектов. Осуществлено обоснование особенностей загрязнения водных объектов нефтью и нефтепродуктами, а также отходами производства и потребления. Приведены примеры, связанные с загрязнением водных объектов нефтью и нефтепродуктами. В статье указаны возможные пути реформирования в области международно-правового регулирования охраны водных объектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

Загрязнение нефтью, недра, водный объект, мировой океан, ЮНЕСКО, охрана окружающей среды.

ABSTRACT

The author highlights the basic concepts and terms used in the field of protection of water bodies. The article defines the main types of pollution of water bodies. The substantiation of the peculiarities of pollution of water bodies with oil and petroleum products, as well as production and consumption waste has been carried out. Examples related to the pollution of water bodies with oil and petroleum products are given. The article indicates possible ways of reforming in the field of international legal regulation of the protection of water bodies.

KEYWORDS.

Oil pollution, subsoil, water body, world ocean, UNESCO, environmental protection.

Глобальная система наблюдений за океаном (ГСНО), находящаяся под координацией Межправительственной океанографической комиссии ЮНЕСКО (МОК), в конце 2019 г. опубликовала доклад, в котором назвала основные проблемы экологического состояния мирового океана, среди которых: повышение уровня воды, таяние льда, потепление и др. **Добыча нефти и нефтепродуктов** является одной из причин отмеченных изменений. Несмотря на то, что добыча нефти и нефтепродуктов вносит значительный вклад в мировое хозяйство, она наносит существенный ущерб окружающей среде. Ущерб наблюдается и при нормальном ходе процесса, и вследствие различных аварий.

Актуальность темы настоящего исследования, с одной стороны, обусловлена практической значимостью охраны водных объектов и отсутствием универсального международно-правового регулирования, а с другой, - отсутствием комплексных доктринальных исследований особой правовой природы режима охраны вод и его специфики.

Водные объекты загрязняются при пользовании недрами. Причем загрязнения могут происходить при всех этапах пользования недрами, также и после проведения работ непосредственно на месторождении (хранение, переработка, транспортировка и т.д.).

Нефтяная промышленность, являясь основой современной экономики, неотъемлемо представляет собой главный загрязнитель окружающей среды. Деятельность недропользователей в морской среде при выполнении работ по геологическому изучению недр, разведке и добыче полезных ископаемых, а также транспортировке и хранению нефти и нефтепродуктов в современных масштабах неизбежно приводит к негативному воздействию на окружающую среду, в том числе на морскую среду.

В конце 20 века участились крупные негативные происшествия, которые влекли большой объем загрязнения в Мировой Океан, например экологическая катастрофа 1967

года в Ла-Манше, где в воду попало 120 тысяч сырой нефти. После ряда подобных случаев и развития института международного сотрудничества начали приниматься различные Международные акты, которые в свою очередь способствуют развитию национального законодательства в сфере охраны водных объектов. Цель всего этого развития – обеспечение здоровья мирового населения и предотвращения негативных последствий в окружающей среде.

К современному примеру можно отнести экологическую катастрофу в Арктической части России, где 20 мая 2020 года на одном из дочерних предприятий Норникеля произошла утечка 60 тонн дизельного топлива.

При анализе современного законодательства в сфере охраны вод мирового океана позволил прийти к выводу, что эффективным решением является перманентное развитие как национального законодательства так и международного сотрудничества в области охраны водных объектов, с учетом баланса экономического развития (производства), что тоже нужно учитывать. Для практической эффективности вывода, требуется создание особого нормативного механизма, который будет быстро реагировать и предотвращать возможные негативные последствия в том числе и на международном уровне.

Достижение этой цели должно идти по следующим направлениям:

1. Распространение на международное судоходство положений международного и международного морского права в отношении охраны моря.

2. Непосредственное использование в практической деятельности государств в Мировом океане правовых норм, регулирующих охрану окружающей среды, обязательных для торговых судов и военных кораблей.

3. Подготовка национальных ведомственных положений, рекомендаций, инструкций по охране и защите морской среды от загрязнения.

4. Организация и контроль над специальной подготовкой командного состава флота по вопросам предотвращения загрязнения моря.

5. Осуществление в национальных масштабах организационных и технических мероприятий, обеспечивающих защиту морской среды от загрязнения.

6. Активное участие в международных научных программах по проблемам устойчивого развития и в разработке мер, способствующих нормализации антропогенного воздействия на биосферу. Биосфера представляет собой единую систему, в связи с чем переход к устойчивому развитию всего мирового сообщества может быть осуществлен только в условиях эффективного международного сотрудничества, что обеспечивается организацией и участием в международных научных программах.

Таким образом, решение проблем, связанных с загрязнением водных объектов возможно при продуманных мероприятиях по развитию как национального права, так и международного. При продуктивном сотрудничестве как межнациональных институтов так и международных. Взаимосвязь и взаимодополнение национальных институтов с международными может решить ряд задач и проблем в сфере охраны водных объектов, поскольку Мировой океан – это одна взаимосвязанная экосистема, где границы не всегда играют свою роль барьера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Европейский опыт управления природоохранной деятельностью: аналитический обзор. Дюссельдорф, Германия. 2016.
2. Зверева А.И. Правовая охрана вод: международный и национальный уровни // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 2А. С. 294-304.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г.//

Электронный ресурс: Официальный сайт ООН. URL https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения 06.09.2021 г.)

4. Копылов М.Н. Принцип международного сотрудничества глазами юриста-эколога. Вестник РУДН, сер. Юридические науки. 2005. №2.18.
5. Махотлова М. Ш. Охрана подземных и поверхностных вод и вод Мирового океана // Молодой ученый. 2015. №18. С. 97-101.

Посягательства на ресурсы Арктики
Кармова Лиана Аскерхановна
Студент
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Арктический регион обладает природными ресурсами, многообразием сухопутных и морских млекопитающих, птиц, также богат и растительный мир. Важное криминалистическое значение имеют особенности региона, как природные так и географические, потому что они значительно мешают выявлению преступлений, так же оказывают огромное влияние на распространение общественно опасных последствий совершённых в прошлом в виду действия или же бездействия. Растительный и животный мир Арктики разнообразен, поэтому данная сфера подвергается различного рода преступными посягательствами незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, многие из которых относятся к занесённым в Красную книгу Российской Федерации, а так же охраняемые международными договорами российской Федерации, на основании ст. 258.1 УК РФ, незаконная добыча водных биологических ресурсов, ст. 256 УК РФ. Значение Арктики для нашей страны и ряда других стран очень велико, поэтому данной теме должно уделять повышенное внимание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Арктика, преступление, окружающая среда, криминалистическое значение, уголовная ответственность, экологические преступления.

ABSTRACT

The Arctic region has natural resources, a variety of land and marine mammals, birds, and the flora is also rich. The peculiarities of the region, both natural and geographical, are of great forensic importance, because they significantly interfere with the detection of crimes, as well as have a huge impact on the spread of socially dangerous consequences committed in the past in view of actions or inaction. The flora and fauna of the Arctic is diverse, therefore, this area is subject to various kinds of criminal encroachments illegal extraction and trafficking of especially valuable wild animals and aquatic biological resources, many of which are listed in the Red Book of the Russian Federation, as well as protected by international treaties of the Russian Federation, on the basis of Article 258.1 of the Criminal Code, illegal extraction of aquatic biological resources, Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation. The importance of the Arctic for our country and a number of other countries is very great, so this topic should be given increased attention.

KEYWORDS

Arctic, crime, environment, criminalistic significance, criminal liability, environmental crimes.

На территории Арктики в зоне РФ сосредоточено большое количество крупных месторождений полезных ископаемых.

К ним на сегодняшний день относятся: 594 месторождения нефти, 159 месторождений газа, 2 месторождения никеля и более 350 месторождений золота.

Арктика богата не только полезными ископаемыми, этот регион ещё имеет важное значение для глобального биологического разнообразия, его населяют сухопутных и морских млекопитающих, птиц, также богат и растительный мир.

Следует обратить внимание на то, что данный регион обладает характерными особенностями, которые имеют криминологическое значение. Особенности данного региона, значительно, мешает выявлению преступлений и виновных лиц, совершивших данное преступление, огромное влияние на распространение общественно опасных последствий. Зона Арктики РФ может выступать в качестве места совершения противоправных деяний, а её природные компоненты _ в качестве предмета преступных посягательств.

Уголовная ответственность является одной из мер правовой охраны природы. В соответствии со ст. 252 УК РФ устанавливается ответственность за загрязнение морской среды при помощи находящихся на суше источниками или же, в следствии, нарушения правил захоронения, сброса транспортных средств или возведенных в море искусственных островов, установок или сооружений веществ и материалов, вредных для здоровья человека и водных биологических ресурсов либо препятствующих правомерному использованию морской среды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021)
2. URL: <https://ru.arctic.ru/geographics/>.
3. Бертовский Л. В., Клебанов Л.Р. «Уголовно – правовые и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в Арктике»././2019
4. Смиреников Е. В., Уханова А. В., Воронина Л.В. «Оценка состояния окружающей среды и обеспечения экологической безопасности в Российской Арктике»././2018

Правовые основы развития гидроэнергетики как отрасль экологического
предпринимательства в республике таджикистан
Касаткин Андрей Владимирович
Таджикский Национальный Университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются правовые основы развития гидроэнергетики и возобновляемых источников энергии в Республике Таджикистан. Анализируя правовые основы гидроэнергетики в Республике Таджикистан можно сделать вывод о том, что данная отрасль развивается год за годом и её дальнейшего развития зависит от наших действий и привлечением инвестиций в этой отрасли. Для этого в республике действует пакет нормативно-правовых актов, которые гарантируют и защищают права и законных интересов инвесторов и энергопользователей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Гидроэнергетика, правовое регулирование, закон, Конституция.

ABSTRACT

This article discusses the legal basis for the development of hydropower and renewable energy sources in the Republic of Tajikistan. Analyzing the legal foundations of hydropower in the Republic of Tajikistan, we can conclude that this industry is developing year after year and its further development depends on our actions and attracting investments in this industry. For this purpose, the republic has a package of regulatory legal acts that guarantee and protect the rights and legitimate interests of investors and energy users.

KEYWORDS

Hydropower, legal regulation, law, Constitution.

Законодательство Республики Таджикистан гарантирует право каждого на благоприятную окружающую среду, но добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды вносит наиболее значительный вклад в общий объем загрязнения окружающей среды.

Проблема загрязнения окружающей среды показывает, что для производство электроэнергии лучше использовать возобновляемые источники энергии.

По Закону Республики Таджикистан "Об использовании возобновляемых источников энергии" возобновляемые источники энергии это не относящиеся к ископаемым видам топлива, источники постоянно существующих или периодически возникающих в окружающей среде потоков солнца, ветра, геотермальных вод, биомасс и рек; - использование возобновляемых источников энергии - совокупность действий, направленных на преобразование, накопление, распределение и потребление возобновляемой энергии, а также материально-техническое обеспечение этих действий [4].

Таджикистан обладает огромными запасами гидроэнергии, которые оцениваются в 527 миллиардов кВтч в год. С технической точки зрения, гидроэнергетические запасы

Таджикистана имеют хорошие перспективы для освоения, составляя 317 миллиардов кВтч в год, из которых 4-5% в настоящее время используются. По гидроэнергетическому потенциалу Таджикистан занимает 8-е место в мире после Китая, России, США, Бразилии, Заира, Индии и Канады.

Энергетическая база Таджикистана на 95% состоит из гидроэнергетики. Гидроэнергетический потенциал Таджикистана более чем в три раза превышает спрос на электроэнергию во всей Центральной Азии. При эффективном использовании этих ресурсов регион может быть обеспечен этой дешевой и экологически чистой энергией. Основные источники гидроэнергетики расположены в реках Вахш, Пяндж, Амударья, Сырдарья и Зеравшан.

Зимой страна сталкивается с острым дефицитом энергии (2,2–2,5 млрд кВтч) и вынуждена вводить ограничения на подачу электроэнергии, что особенно сказывается на сельском населении, которое составляет более 70% населения страны.

В настоящее время в Республике Таджикистан действуют 11 крупных и средних ГЭС. Также имеется около 300 малых гидроэлектростанций общей мощностью 131 МВт.

Надо отметить, что развитие возобновляемых источников энергии на сегодняшний день расширяется во всем мире. В связи с этим возникает вопрос правового регулирования гидроэнергетики и возобновляемых источников энергии в Республике Таджикистан.

В системе правового регулирования энергетических отношений можно выделить:

- Общую часть, которая включает в себя нормы Конституции и общего законодательства (гражданского права, налогового, земельного и др.);
- Специальную часть, в которую входят нормы специального законодательства (о недрах, об электроэнергетике, и др.);
- Международные акты, прежде всего, международные договоры [8].

Нормы Конституции играют особую роль в регулировании энергетических отношений. Нормы конституционного права являются исходными, базовыми для развития энергетического законодательства, служат критерием оценки соответствия его норм конституционным нормам и принципам экономической деятельности, экологической безопасности, охраны окружающей среды. Они определяют направление, задачи и содержание государственной политике в сфере энергетики и принципы энергетической деятельности.

В Республике Таджикистан действуют законодательные и правовые акты, в сфере энергетике. Организационно-правовые принципы и методы регулирования хозяйственной деятельности в области энергетики Республики Таджикистан регулируются Законом Республики Таджикистан "Об энергетике" от 29 ноября 2000 года, №33.

Целью настоящего Закона является правовое обеспечение государственной политики в области энергетики Республики Таджикистан на основе рыночных, институциональных и информационных механизмов в интересах обеспечения её надёжности и развития, а также защиты интересов потребителей энергии

По названному закону энергетический ресурс определяется как носитель энергии, который используется в настоящее время или может быть полезно использован в перспективе.

Закон выделяет возобновляемых источников энергии, которые определяются как - ресурсы, которые возникают естественным образом, постоянно возобновляются природой (солнце, естественное движение водных и воздушных потоков, геотермальные воды, биологическая масса), которые могут быть преобразованы в различные виды энергии.

Другой закон в области правового регулирования гидроэнергетики является Закон Республики Таджикистан "Об использовании возобновляемых источников энергии" от 12 января 2010 года, №587.

Настоящий Закон регулирует правовые отношения, возникающие между государственными органами, физическими и юридическими лицами в сфере приоритетного и эффективного использования возобновляемых источников энергии и определяет правовые и экономические основы, обеспечивающие повышение уровня энергосбережения, снижение уровня антропогенного воздействия на окружающую среду и климат, экономию и сохранение невозобновляемых источников энергии для будущих поколений.

Закон регулирует деятельность в области возобновляемых источников энергии в Республике Таджикистан, в том числе: - устанавливает принципы и цели государственной политики в области освоения возобновляемых источников энергии; - определяет способы интегрирования возобновляемых источников энергии в республиканскую энергетическую систему; - осуществляет организационную, научно-исследовательскую проектную, экспертную, конструкторскую, регулятивную деятельность, направленные на увеличение использования возобновляемых источников энергии; - предусматривает корреляцию (взаимосвязь) деятельности в области производства, учета, транспортировки, распределения и использования энергии из возобновляемых источников энергии; - определяет экономические и организационные меры, направленные на стимулирование производства и использования возобновляемых источников энергии.

К возобновляемым источникам энергии в соответствии с законодательством Республики Таджикистан относятся: - солнечная энергия; - ветровая энергия; - энергия природных и искусственных водотоков и водоемов; - геотермальная энергия; - древесные отходы, биомасса в виде отходов промышленности, сельского и лесного, жилищно-коммунального хозяйств и бытовые отходы.

Закон Республики Таджикистан "О безопасности гидротехнических сооружений" был принят 29 декабря 2010 года, №666. Настоящий Закон регулирует отношения, возникающие при осуществлении деятельности по обеспечению безопасности при проектировании, строительстве, капитальном ремонте, вводе в эксплуатацию, в период эксплуатации, реконструкции, восстановлении, консервации и ликвидации гидротехнических сооружений, устанавливает обязанности органов государственной власти, собственников гидротехнических сооружений и эксплуатирующих лиц и организаций по обеспечению безопасности гидротехнических сооружений.

По этому закону гидротехнические сооружения - плотины, здания гидроэлектростанций, водосбросные, водозаборные, водоспускные сооружения, туннели, каналы, насосные станции, сооружения, предназначенные для защиты от наводнений, разрушений берегов и дна водохранилищ, рек, сооружения (дамбы),

ограждающие хранилища жидких отходов промышленных и сельскохозяйственных предприятий, устройства от размывов на каналах, а также другие сооружения, предназначенные для использования водных ресурсов и предотвращения негативного воздействия вод и жидких отходов.

Другой закон в области правового регулирования гидроэнергетики считается Закон Республики Таджикистан "Об энергосбережении и энергоэффективности" от 19 сентября 2013 года, №1018.

Настоящий Закон регулирует общественные отношения в области энергосбережения и энергоэффективности, определяет порядок использования топливно-энергетических ресурсов и продукции.

Для правового регулирования отношений в сфере гидроэнергетики в Республики Таджикистан кроме приняты постановления Правительства Республики Таджикистан, среди которых можно выделять следующие:

1. "О мерах по реализации Указа Президента Республики Таджикистан от 28 марта 2006 года №1718" от 03 мая 2006 года, №196.

2. "О целевой комплексной программе по широкому использованию возобновляемых источников энергии, таких, как энергия малых рек, солнца, ветра, биомассы, энергии подземных источников на 2007-2015 годы" от 2.02.2007, №41.

3. "О Программе освоения возобновляемых источников энергии и строительства малых гидроэлектростанций на 2016-2020 годы." от 30.12.2015, №795.

4. «Об утверждении Правил ведения государственного кадастра возобновляемых источников энергии" от 03.03.2011, №116.

5. "Положение о Министерстве энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан" от 03.03.2014, №149.

Международно-правовое регулирование гидроэнергетики, основывается, как правило, на международных договорах, национальном законодательстве, соответствующих актах международных организаций. Так, в международно-правовом регулировании гидроэнергетики не малую роль играют такие организации, как Международная гидроэнергетическая ассоциация (ИНА), Международная ассоциация водных ресурсов (IWRA), Международная гидроэнергетическая ассоциация (ИНА), Международная комиссия по ирригации и дренажу (ICID).

Гидроэнергетика успешно развивается более чем в 80 странах, среди которых есть богатые и бедные, развитые и развивающиеся, северные и южные, импортирующие и экспортирующие топливо. Во всех этих странах развитие возобновляемой энергетики является приоритетной государственной задачей.

Анализируя правовые основы гидроэнергетики в Республике Таджикистан можно сделать вывод о том, что данная отрасль развивается год за годом и её дальнейшего развития зависит от наших действий и привлечением инвестиций в этой отрасли. Для этого в республике действует пакет нормативно-правовых актов, которые гарантируют и защищают права и законных интересов инвесторов и энергопользователей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года

2. Закон Республики Таджикистан "Об использовании возобновляемых источников энергии" от 12 января 2010 года, №587
3. Закон Республики Таджикистан "О безопасности гидротехнических сооружений" от 29 декабря 2010 года, №666.
4. Закон Республики Таджикистан "Об использовании возобновляемых источников энергии" от 12 января 2010 года, №587.
5. Закон Республики Таджикистан "Об энергосбережении и энергоэффективности" от 19 сентября 2013 года, №1018.
6. Закон Республики Таджикистан "Об энергетике" от 29 ноября 2000 года, №33.
7. Кологерманская Е.М. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации и зарубежных государствах. Дисс.канд.юр.наук. Москва.2020, 369 стр.
8. Правовое регулирование водно-энергетических отношений. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cawater-info.net/bk/9-3-3.htm> (дата обращения: 24.09.2021).

Правовое регулирование охраны окружающей среды от разливов нефти.

Касаткин Андрей Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В статье автор предметно рассматривает судебное дело в отношении АО «НТЭК» с точки зрения правового регулирования. Исследуется позиция арбитражного суда, нарушения законодательства, допущенные при эксплуатации объекта повышенной опасности и основные положения возмещения вреда владельцем объекта повышенной опасности. Исследуются разъяснения Верховного и Конституционного судов Российской Федерации. Автором предлагаются пути решения существующих проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экологическое право, экология, юриспруденция, правовое регулирование, топливно-энергетический комплекс, возмещение вреда, нефтеразливы.

ABSTRACT

In the article, the author examines the court case against JSC «NTEK» from the point of view of legal regulation. The article examines the position of the arbitration court, violations of the law committed during the operation of a high-risk facility and the main provisions of compensation for damage by the owner of a high-risk facility. Explanations of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation are investigated. The author suggests ways to solve existing problems.

KEYWORDS

Environmental law, ecology, jurisprudence, legal regulation, fuel and energy complex, compensation for damage, oil spills.

2020 год потряс российское общество не только появлением новой коронавирусной инфекции, внесением поправок в Конституцию, и отставкой Правительства, но и экологической катастрофой – крупнейшим разливом нефтепродуктов на ТЭЦ-3 Норильско-Таймырской энергетической компании, входящей в «Норникель». В результате разгерметизации резервуара, более 21 000 т нефтепродуктов попало в реки Амбарная и Далдыкан, а также в реку Пяси́на, впадающую в акваторию Карского моря - окраинного моря Северного ледовитого океана, загрязнены земельные участки общей площадью 367 842,8м². [5] Стоит отметить, что Красноярский край, где непосредственно и произошел нефтеразлив, относится к Арктической зоне Российской Федерации. Вследствие чего, последствиями аварии автоматически наносится ущерб экосистеме особо охраняемой природной территории, в том числе, экологической среде Северного ледовитого океана - рыбе, моржам, белым медведям.

На основании проведенного следствия, были выявлены причины произошедшей аварии, Росприроднадзор обратился с иском к АО «НТЭК» на сумму 147 784 627 500 руб. Арбитражный процесс рассматривался с точки зрения действующего российского

законодательства в сегменте топливно-энергетического комплекса.

Арбитражный суд Красноярского края 12.02.2021 года вынес решение по иску Росприроднадзора в отношении АО «АО НТЭК». В соответствии с решением, суд взыскал с АО НТЭК в доходы соответствующих бюджетов 146 177 467 227 рублей вреда, причиненного окружающей среде. [5]

Правовое регулирование отношений в области охраны окружающей среды от воздействия источников повышенной опасности, в том числе, от деятельности предприятий топливно-энергетического комплекса, регулируется следующими документами:

1. Конституция РФ: ст.ст. 9, 42; [1]
2. Правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды определяет Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»;
3. Водный кодекс РФ: ст.55; [2]
4. Земельный кодекс РФ: ст.ст. 12, 42; [3]
5. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»;
6. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002N7-ФЗ; [4]
7. Руководство по безопасности «Рекомендации по техническому диагностированию сварных вертикальных цилиндрических резервуаров для нефти и нефтепродуктов», утвержденного приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 31.03.2016 №136;
8. Руководство по безопасности для нефтебаз складов нефтепродуктов, утвержденных приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 26.12.2012 №777;
9. Иные нпа.

Ответственность устанавливается: КоАП РФ, УК РФ, ГК РФ, Закон об охране окружающей среды.

Действующее законодательство в полной мере регулирует вопрос охраны окружающей среды от разливов нефти, но недостаточно полно регулирует вопрос ответственности. Кроме того, соблюдение требований законодательства могло помочь избежать нанесения ущерба окружающей среде.

Согласно материалам дела, утечка произошла в результате разгерметизации резервуара для хранения аварийного диз.топлива. Данный резервуар находился в эксплуатации с 1985, на момент аварии принадлежал компании на праве собственности. В 2012 году в ходе плановой экспертизы был установлен предельный уровень разлива, составляющий 12,3 метра. В период с 01.06.2016 по 20.11.2018 резервуар находился на ремонте. После проведения ремонтных работ уровень налива увеличен до 16,7м., при установленном техническим паспортом уровне 12,3м., несмотря на фиксацию отклонений в худшую сторону по сравнению с 2016 годом. Так же с нарушением правил были проведены гидравлические испытания резервуара после ремонта. Разгерметизация произошла в результате обвала несущих конструкций (ростверка и свай) основания резервуара, вызванного нагрузкой, превышающей номинальную, вследствие

предельных отклонений нормативных параметров более чем в 2 раза. По результатам замеров в 2018 году резервуар не удовлетворял условиям прочности при наливе 16,7м., об этом говорила экспертиза. [5]

В то же время, в соответствии с п. 141 Руководства по безопасности для нефтебаз складов нефтепродуктов, утвержденных приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 26.12.2012 №777, за осадкой основания каждого резервуара устанавливается систематическое наблюдение (ежегодное). При недопустимой неравномерной осадке резервуар освобождают от нефтепродукта и выводят из эксплуатации.

Между тем, зная о наличии отклонений, руководство АО НТЭК не вывело резервуар из эксплуатации. Более того, предприятие вопреки результатам экспертизы 2018 года, увеличило налив нефтепродуктов в резервуар.

Так же не были соблюдены критерии обвалования резервуара - отсутствовал предусмотренный гидроизоляционный слой, нарушена геометрия обвалования. Кроме того, АО «НТЭК» знало о данных нарушениях и прямо допускало разлив дизельного топлива и загрязнение значительной площади земельного участка. Так же, были допущены нарушения законодательства и в отношении других объектов, в том числе, неудовлетворительное состояние трубопроводной обвязки, что не позволило оперативно обнаружить утечку и откачать топливо из аварийного резервуара №5. [5]

В том числе, были проанализированы и вопросы строительства в условиях Крайнего Севера. Мерзлый грунт имеет свои особенности. Использование свайного метода позволяет нивелировать влияние «гуляния» грунта, вследствие изменения климатических условий, на сооружения. [6]

Одной из причин разрушения фундамента послужило отсутствие своевременной проверки основания (ростверка и свай) резервуара. В последний раз мерзлото-технический надзор за свайным фундаментом резервуара № 5 был проведен в 2017 году, хотя должен был проводиться ежегодно.

АО «НТЭК» ссылается на то, что ООО «Безопасность в промышленности», 28.12.2018 допустило дальнейшую безопасную эксплуатацию резервуара до 30.09.2022 при максимальном уровне налива –16,7м. При этом, не выдержал не сам резервуар, а разрушилось основание. [5]

Основанием ответственности выступают деликтные обязательства. В данном случае, субъект деликтных правоотношений имеет специальный статус, а именно статус владельца объекта повышенной опасности. Так, необходимо обратить внимание на п.8 постановления Пленума ВС РФ Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 №49, который раскрывает положения статьи 1079 и обязывает владельцев источников повышенной опасности возместить вред, причиненный таким источником, независимо от наличия вины.

Поднимаются доктринальные проблемы понятийного аппарата. Указывается ключевой «недостаток» Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие водного законодательства, а именно, отсутствие разграничения понятий «негативное воздействие на водный объект» и «вред».

С точки зрения правового регулирования, вопрос был урегулирован недостаточно. Причиной аварии явилось несоблюдение требований законодательства.

Обращая внимание на экономические показатели материнского предприятия ГМК «Норникель», можно сделать вывод о том, что предприятие получило малозначительный ущерб, что не может оказать регулирующее действие на собственника так, как это заложено законодателем и доктринальным смыслом санкций. Справедлив вопрос: «Если законодательство что-то регламентирует, то почему оно не срабатывает?»

В то же время остаются открытыми для исследований такие вопросы:

1. Почему разрешили ввод в эксплуатацию резервуара №5?
2. Соответствовал ли ремонт резервуара нормативам, которые существуют.
3. Почему не урегулирован вопрос строительства новых резервуаров?

Обстоятельства дела свидетельствуют о том, что колоссальный ущерб был причинен малозначительной ситуацией, поскольку разгерметизация резервуара с нефтепродуктами не является взрывом. Можно утверждать, что более серьезные нарушения законодательства в рамках топливно-энергетического комплекса, могут привести к более существенным и последствиям. Если мы сейчас законодательно не ужесточим ответственность собственников и пользователей объектов повышенной опасности по отношению к безопасности производств, в следующий раз, из-за преднамеренной халатности, масштаб катастрофы может быть велик.

Обращаясь к условиям возникновения причин аварии, на этапе судебного следствия выясняется, что экспертизы были проведены некачественно, ими занимались частные компании. Опять же встает вопрос о контроле и надзоре за деятельностью экспертных организаций. Так же, устанавливаются факты привлечения АО НТЭК к административной ответственности Росприроднадзором, которые не оказали положительного и превентивного эффекта, хотя и должны были. В связи с чем, можно с уверенностью сказать, что остро стоят: вопрос ответственности государственных органов за реализацию экологического законодательства, вопрос несовершенства правового регулирования, вопросы разграничения полномочий и обязанностей.

Остается открытым и вопрос привлечения к ответственности должностных лиц. На данный момент, к уголовной ответственности привлечен только бывший мэр города, что само по себе является недопустимым.

Для повышения эффективности осуществления превентивной политики в области обеспечения экологической безопасности в топливно-энергетическом комплексе, предлагаю принять следующие меры:

1. Введение прогрессивной (дифференцированной) шкалы ответственности за административные правонарушения, основываясь на уровне доходности предприятий, для достижения истинных целей административного регулирования хозяйственной деятельности и обеспечения безопасности окружающей среды, а так же соблюдения конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, в том числе осуществление превентивной, а не компенсационной функции регулирования. По аналогии с ч.5 ст.406 НК РФ.

2. Введение уголовной ответственности для юридических лиц. По примеру зарубежного права, такая ответственность может и должна применяться совместно с другими формами ответственности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: свободный. (дата обращения: 20.09.2021).
2. «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: свободный. (дата обращения: 20.09.2021).
3. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: свободный. (дата обращения: 20.09.2021).
4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: свободный. (дата обращения: 20.09.2021).
5. Решение от 12.02.2021г. по делу № А33-27273/2020 / Арбитражный суд Красноярского края. // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел: [портал]. – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4490905b-aec9-472e-a30a-c384e1679527> (дата обращения: 20.09.2021).
6. Опалихина А.А. Свайные фундаменты на винтовых сваях в условиях крайнего севера / А.А. Опалихина // Инновационная наука. – 2018 – №6. – С. 31 – 34 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svaynyye-fundamenty-na-vintovyh-svayah-v-usloviyah-kraynego-severa> (дата обращения: 20.09.2021). – Режим доступа: Научная электронная библиотека Киберленка.

Защита коммерческой тайны в условиях цифровизации ТЭК
Кварацхелия Лучия Закроевна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В настоящее время все больше и больше стали использоваться современные цифровые технологии, которые влекут за собой серьезные изменения в современном обществе, затрагивает все большее количество сфер деятельности человека, как следствие, привела к формированию цифровой экономики, развитие искусственного интеллекта, к большей вовлеченности людей в социальные сети и появлению множества разнообразных платформ для деятельности человека. Смена экономической и технологической основы жизни общества неизбежно влечет за собой изменение информационной среды: значительно увеличивается объем накапливаемой и передаваемой в обществе информации. Развитие технологий также влияет и на бизнес-среду, все больше и больше предприятий, предпринимателей подстраиваются под новые явления, пытаются найти новые подходы к управлению полезной и усовершенствованной информацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Коммерческая тайна, цифровизация, топливно-энергетический комплекс, информация, право

ABSTRACT

Nowadays, modern digital technologies have become more and more used, which entail serious changes in modern society, affect an increasing number of spheres of human activity, as a result, led to the formation of a digital economy, the development of artificial intelligence, to greater involvement of people in social networks and the emergence of a variety of platforms for human activities. The change of the economic and technological basis of society's life inevitably entails a change in the information environment: the volume of information accumulated and transmitted in society increases significantly. The development of technologies also affects the business environment, more and more enterprises and entrepreneurs are adapting to new phenomena, trying to find new approaches to managing useful and improved information.

KEYWORDS

Trade secrets, digitalization, fuel and energy complex, information, law

По словам В.Н.Монахова: «Цифровизация всего и вся в окружающем нас информационном пространстве... существенно изменит информационные механизмы наших размышлений и действий». Данное высказывание сложно оспорить, т.к. окружающий наш мир постоянно обновляется и требует от нас того, чтобы мы умело подстраивались под его изменения.

Коммерческая тайна – это сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах

интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны».²⁷

Если мы говорим о том, кто может получать доступ или иными словами, кто может быть правообладателем коммерческой тайны, то с уверенностью можно сказать, что это непосредственно сама коммерческая организация и лица, у которых есть доступ и допуск к ней. Порядок «доступа» и «допуска» к той или иной конфиденциальной информации определяется компетентным органом исполнительной власти.

При анализе Федерального закона от 29 июля 2004 г. N 98-ФЗ «О коммерческой тайне» мы можем наблюдать отсутствие единого правового понятия, что же является информацией. Некоторые авторы считают, что отсутствие разъяснений по данному поводу могут привести к отсутствию единой судебной практики по данным делам, а также это может привести к злоупотреблению при установлении режима коммерческой тайны.

Стоит сказать, что когда мы говорим о федеральных органах исполнительной власти, то допускается некая правовая коллизия, а именно при допуске к информации ограниченного распространения законодатель не приравнивает, а напрямую относит все виды тайн (государственную, профессиональную, персональные данные). На данную информацию ставят лишь пометку «Для служебного пользования». Если же пометка снимается, то право восстановить доступ к этим видам не восстанавливается и утрачивается. Это обстоятельство ставит под угрозу безопасность информации, а именно, создаются предпосылки для несанкционированного доступа к конфиденциальной информации неограниченного круга лиц.

В связи с активным внедрением в деятельность федеральных органов исполнительной власти информационных систем и электронного документооборота, представления государственных и муниципальных услуг в электронной форме происходит поиск наиболее оптимальных путей и форм управления обществом и государством, что является главной проблемой развития Российской Федерации.²⁸

Некоторую информацию просто необходимо относить к коммерческой тайне, так как это в первую очередь служит главной цели – не допустить произвольное ограничение права на информацию. Развитие новых технологий с точки зрения общества весьма порицаемая вещь, т.к. у людей всегда присутствует вопрос «Раз у всех есть право получить необходимую информацию, почему я не могу ее получить?». Именно поэтому необходимо учитывать институт коммерческой тайны.

Первые нормативные правовые акты, обозначившие меры в области цифровизации, были приняты в 2017 г. В частности, Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы, которая посвящена теме о развитии

²⁷ Федеральный закон от 29.07.2004 №98-ФЗ «О коммерческой тайне». // СПС КонсультантПлюс

²⁸ Основное препятствие: Греф назвал главную проблему России// Бизнес, 14.03.2019

цифровой экономики и насколько данный этап важен для России в плане конкурентоспособности на мировой арене. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" особое внимание было уделено энергетическим ресурсам, было решено внедрить новые цифровые технологии и платформы. Цифровизация энергетической отрасли идет в рамках ведомственного проекта "Цифровая энергетика", сформированного Минэнерго России при участии компаний топливно-энергетического комплекса. Данный проект главным образом был посвящен развитию топливно-энергетического комплекса путем внедрения передовых цифровых технологий, а также было уделено внимание развитию цифровизации в сфере электроэнергетики и нефтегазового комплекса.

Если рассматривать процесс цифровизации в области энергетики, то наглядным примером могут послужить биржевые торги товаром. Проблема данных сделок заключалась в том, что у лиц возникал вопрос, с каких пор сделка является заключенной и имеет юридическую силу. Возникало два варианта: либо в момент подписания договора, либо в момент фиксации с помощью определенных компьютерных программ. В данной ситуации можно сделать вывод о том, что сделка в электронной форме не будет иметь юридическую значимость, так как многие условия могли поменяться в процессе действия договоренностей.

Именно в следствие данного вопроса, была выпущены новые нормативно-правовые акты, которые предоставляют нам возможность вести торговлю через электронные ресурсы. (Например, тот же самый Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», который дает возможность с помощью сохранения условия конфиденциальности вступить в законную сделку).

Далее, обратимся к еще одному важному документу, который раскрывает множество нюансов с точки зрения цифровизации в ТЭК, а именно к Указу Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 "Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации". Данный документ в настоящее время является единственным актуальным документом стратегического планирования в сфере ТЭК.

Данная Доктрина в большей степени направлена на обеспечении энергетической безопасности, именно поэтому было внесено множество поправок в области определений, которые наиболее точно определяют энергетическую безопасность (например, «угроза», «риск» и др.)

Также в Доктрине подчеркивается отдельное внимание к информационному прогрессу, а именно особое внимание уделяется не увеличению темпа по добыче нефти и газа, открытию новых месторождений, а выходу энергетики на новый уровень, где будут внедряться новые технологии, искусственный интеллект, что поможет в дальнейшем с точки зрения экономии энергоресурсов, а также подчеркивается невозможность существования топливно-энергетического комплекса без цифровизации и внедрения IT технологий. ТЭК на данный момент очень зависит от темпов цифровизации нашего мира, так как это напрямую влияет на темп и качество его развития.

Топливо-энергетический комплекс в рассматриваемый период очень зависит от развития айти-технологий. В связи с этим встает вопрос о том, что данные технологии

не являются нашими отечественными разработками, они основаны на уже продуманных и созданных в мире базисов.

Данная позиция весьма усложняет жизнь коммерческим организациям, так как они уязвимы в данной области, это означает, что режим коммерческой тайны может быть получен путем внешнего воздействия с помощью информационных технологий.

Целью цифровизации ТЭК должно быть создание устойчивой платформы, которая позволит внедрять новые технологии уже на государственном уровне, а в последующем уже на узких производствах. Также необходимо отметить, что наряду с этим должно быть разработано новое законодательство, которое поможет в стимулировании использования цифровых технологий и обезопасит общество от информационных атак.

Следует заметить, что проблема обеспечения безопасности критически важных технологий и объектов национальных инфраструктур (КВО) не является новой, только что возникшей. Этой проблеме уделяется большое внимание, поскольку любое развитие связано с усложнением всех процессов, обеспечивающих целенаправленную деятельность. В особенности это важно, если рассматриваются процессы функционирования различного рода КВО, обеспечивающих своим действием нормальное состояние личности, общества и государства.

В настоящее время любая авария стратегически важного объекта может привести к катастрофическим последствиям, не только для нашего государства, но и для ряда других стран. За последнее десятилетие наблюдалось несколько крупных аварий, данный риск связан с некоторыми факторами, которое человечество пока не в силах изменить. Например, человеческий фактор – ошибки персонала, недоработка какого-либо важного проекта, это все может привести к катастрофам различного характера. Усложнение технологических процессов также влечет за собой определенные риски. Также внедрение новых технологий, роботов – данные устройства могут выйти из строя, любой гаджет можно дистанционно вывести из строя, что приводит к большой опасности для всего ТЭК и предприятия в целом.

В Доктрине признается в качестве угроз противоправное использование информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе осуществление компьютерных атак на систему управления объектов ТЭК. А к рискам отнесены уязвимость и недостаточный уровень защищенности инфраструктуры и объектов ТЭК от актов незаконного вмешательства.

На мой взгляд, самый ценный ресурс – это человеческие способности и знания, ведь компьютерные технологии настолько уязвимы, ведь человек как их создал, так может и с определенными усилиями взломать ту или иную систему.

Для более точного видения картины предлагаю рассмотреть данные вопросы с другими странами, например, с республикой Казахстан.

Законы республики Казахстан не дают исчерпывающего понятия термину «коммерческая тайна». Также законодательством не распределены границы данного термина, так как он содержится в различных нормативно-правовых актах, что вызывает определенную путаницу среди общества.

При отнесении информации к категории коммерческой тайны должны быть соблюдены всего три условия:

- сведения должны иметь для предприятия действительную или потенциальную коммерческую ценность;
- сведения должны быть неизвестны третьим лицам;
- в отношении сведений должен быть введен режим коммерческой тайны.

Список объектов, которые могут являться коммерческой тайной перечислены в Гражданском кодексе республики Казахстан, но при этом не является исчерпывающим, что говорит о том, что различная информация может быть отнесена к категории «коммерческая тайна».

В российском законодательстве, в отличие от республики Казахстан, принято наносить служебную метку на материальные носители информации, в ином случае режим не будет установлен. В Казахстане нет таких жестких требований по установлению мер по охране коммерческой тайны.

В период цифровизации, на мой взгляд, коммерческая тайна должна быть защищена определенными законами государства, которые обеспечат соблюдения мер по ее сохранению. В ином случае, можно обойти законодательство и быть не привлеченным к ответственности за ее несоблюдение. Для субъекта предпринимательства это также проигрышное дело с точки зрения судов, так как суд может прийти к выводу о том, что сам правообладатель данной тайны не предпринял все необходимые меры по ее сохранению, обвинить его в халатности.

По статистическим данным в стране не хватает стратегических планов развития страны, новых подходов на принципах конфиденциальности. В результате казахстанские усилия по цифровизации уязвимы вдвойне. Ни в одних национальных проектах не указано ничего касаясь защиты персональных данных, цифровой грамотности населения.

Кроме того, необходимо отметить, что возможность «информационного рывка» обусловлена и экономической развитостью государства, республика Казахстан во многом зависит от иностранных инвестиций в данную область.

Казахстану необходимо прежде всего сделать более безопасным самые обычные, казалось бы, ресурсы – это Интернет. В то время как в России у нас есть свободный доступ и есть определенные гарантии безопасного выхода в Интернет, вопросы регулирования данной сети в Казахстане остаются актуальными и по сей день, это связано с нежеланием государства скрывать данные лиц.

Для того, чтобы был прогресс в области цифровизации, охраны коммерческой тайны в области ТЭК, необходимо, чтобы государство выделило силы хотя бы на охрану интересов и персональных данных своих граждан. До тех пор, пока не будет развитого законодательства, которое отразит все нюансы, сложно говорить о каком-либо развитии вообще.

Из всего вышесказанного можно подвести итог того, что цифровизация в условиях современного общества старается идти в ногу со временем и несомненно вносит вклад в развитие всего мира в целом. В Российской Федерации нет налаженной самостоятельной системы, которая обусловит безопасность передачи информации конкретно внутри нашего государства, без вмешательства извне. Именно поэтому с течением времени и с развитием новых механизмов, нужно создавать хорошую нормативно-правовую базу, которая позволит в будущем более эффективно и слаженно

вести нас в сторону прогресса, так как одно без другого не может существовать. Коммерческая тайна вполне охраняется законом по сравнению с другими странами, но это не мешает нам говорить о том, что возможны посягательства извне, наша информация всегда может быть подвергнута информационным атакам со стороны третьих лиц.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисов М.А. «Правовое регулирование допуска и доступа к информации в условиях цифровой экономики: Монография – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 224с. (Основы защиты информации №20.)
2. Борисов М.А, Романов О.А. «Основы организационно-правовой защиты информации. Изд. 5-е, испр. И сущ. Доп. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 312 с. (Основы защиты информации №2.)
3. Статья: Цифровые технологии в энергетике (Вильданова М.М., Урманов Л.В.) ("Предпринимательское право". Приложение "Право и Бизнес", 2019, N 4)
4. Статья: Защита персональных данных в Казахстане 2.0: Цифровой след COVID-19 (А.Гусарова, С.Джаксылыков)
5. Статья: Пробелы в новой Доктрине энергетической безопасности России (Н.Г.Жаворонкова, Ю.Г.Шпаковский. Журнал: «Юрист», 2020, №9)
6. Саттаров В.Д. Право коммерческой тайны в условиях цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019. №2.

Обзор изменений законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации в вопросах регулирования ТЭК за 2020-2021 г.
Комова Мария Юрьевна
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

АННОТАЦИЯ

В данном обзоре представлены наиболее актуальные правовые изменения в сфере регулирования ТЭК России, произошедшие за рассматриваемый период; приведены данные о правоприменительной практике в сфере энергетики; отмечены основные планируемые реформы. Сделан вывод о необходимости принятия Федерального закона «О государственном регулировании деятельности в нефтяной отрасли в Российской Федерации» в качестве практического инструмента, способного комплексно регулировать отрасль российской энергетики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Энергетика, нефтяная промышленность, газовая промышленность, угольная промышленность, электроэнергетика, налог, судебное решение.

ABSTRACT

This review presents the most relevant legal changes in the sphere of regulation of the fuel and energy sector of Russia that occurred during the period under review; provides data on law enforcement practice in the energy sector; highlights the main planned reforms. It is concluded that it is necessary to adopt the Federal Law «On State Regulation of Activities in the Oil Industry in the Russian Federation» as a practical tool capable of comprehensively regulating the Russian energy industry.

KEYWORDS

Energy, oil industry, gas industry, coal industry, electric power industry, tax, court decision.

Период с 2021 по 2021 год был полон потрясений не только в мировой нефтяной отрасли, но и во всем международном бизнесе. Сразу несколько знаковых событий в мире энергетики произошли за довольно короткий промежуток времени. В связи с этим требовала пересмотра нормативная правовая база, регулирующая российский ТЭК, в том числе и налоговые механизмы отрасли.

Нефтяная промышленность

Правительство РФ утвердило Энергетическую стратегию России до 2035 года в Постановлении от 9 июня 2020 года № 1523-р [1]. Стратегия предусматривает переход к более эффективной, гибкой и устойчивой электроэнергетике, способной адекватно реагировать на отраслевые вызовы и угрозы и преодолевать существующие проблемы в ходе долгосрочного развития российского нефтяного сектора в 2030-2040-х годах. Такое развитие событий предусматривает, прежде всего, цифровизацию нефтедобычи.

В ближайшей перспективе важным событием для российского рынка нефтедобычи является налоговый вычет, который обусловлен заключением инвестиционного контракта на добычу нефти и который предоставляется компаниям, добывающим нефть в крупнейшем нефтеносном регионе России, Ханты-Мансийском автономном округе (КМАО) - Югре, на месторождениях с лицензиями, полученными до 2018 года, и извлекаемыми запасами нефти в размере 1 млрд тонн и более жидких углеводородов на 1 января 2018 г [2].

Газовая промышленность

Развитие газовой отрасли в 2020 году связано с началом строительства и проектирования газопровода «Сила Сибири-2», призванного обеспечить поставки газа в Китай. С этой целью дальневосточная газовая отрасль развивается более активно. Губернатор Амурской области и председатель правления ПАО «Газпром» подписали программу газоснабжения и газификации региона до 2026 года, которая будет выгодна для развития газовой отрасли на Дальнем Востоке.

Правительственная программа создания единой системы добычи, транспортировки и поставок газа в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с целью потенциального экспорта газа на китайский и другие рынки Азиатско-Тихоокеанского региона (Восточная газовая программа) [3], утвержденная Министерством промышленности и энергетики, вступает в завершающую стадию в связи с последним этапом строительства «Силы Сибири-2».

Угольная промышленность

По прогнозу аналитиков ВР уровень потребления угля в России к 2040 году снизится с 13% до 8%. Это явление обусловлено экологическими и климатическими причинами, продиктованные Парижским соглашением.

У России есть и другая особенность - замена угольного топлива дешевым газом, большие расстояния транспортировки угольной продукции, инфраструктурные ограничения. Еще одной угрозой для угольной отрасли является волатильность соединения рынков угля. В России угольные регионы находятся очень далеко от основных портов и перевалочных пунктов.

Описанные проблемы, как международные, так и национальные, говорят о том, что российские власти ориентированы развивать газовую и нефтяную промышленность в первую очередь, а не угольную. Это связано с долгосрочными перспективами угля как энергетического ресурса.

Однако в настоящее время российская угольная промышленность представляется достаточно устойчивой. Правительство Российской Федерации считает угольную отрасль экономически стабильной в настоящее время; ежегодные инвестиции в капитальные активы угольных компаний выросли в 2,5 раза (в 2008/2018 гг.) с 60 млрд рублей до 144 млрд рублей [4].

Электроэнергетика

В России начинается новый этап, когда создаются условия для создания и развития активных энергетических объектов с применением инновационных технологий и проверяется комплексность и адекватность нормативно-правовых норм.

В частности, принято постановление Правительства РФ от 21 марта 2020 года № 320 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по

вопросам функционирования активных энергетических комплексов" [5]. Содержанием этого постановления правительство определяет условия создания, эксплуатации и развития действующих энергетических объектов на розничных рынках электроэнергии. Условия будут применяться с даты вступления в силу постановления до 31 декабря 2030 года. Министерство энергетики России будет следить за проектом.

До 1 марта 2023 года Минэнерго России проведет обзор практики эксплуатации действующих энергетических объектов и представит Правительству РФ отчет о целесообразности дальнейшего использования и развития АЭФ.

Данные новации в регулировании электроэнергетики будут полезны для инвестиционной среды в электроэнергетике. Учитывая неблагоприятную экономическую среду российской горнодобывающей промышленности, эти правовые изменения могут смягчить негативные экономические последствия глобального энергетического кризиса в эпоху после COVID-19.

Изменения в налоговой сфере

Важнейшее изменение в правовом регулировании затронуло налоговую сферу. Речь идет о введении нового налога на дополнительный доход (НДД) [6]. Согласно плану, НДД будет распространен на четыре группы месторождений:

В первую группу входят новые месторождения Восточной Сибири с истощением менее 5%.

Ко второй группе относятся области, в отношении которых распространяется освобождение от экспортной пошлины.

Налоговая база будет определяться как расчетный денежный поток от операционной и инвестиционной деятельности по разведке и добыче углеводородов на участке недр. НДД будет вычитаться из базы подоходного налога; кроме того, во всех остальных случаях сохранится действующий порядок исчисления подоходного налога.

Реализация НДД позволит до 2025 года дополнительно задействовать до 5 млрд тонн нефти для поддержания достигнутых уровней добычи, повышения коэффициента извлечения нефти и увеличения налоговых поступлений отрасли.

Судебные решения по вопросам энергетики

В 2020 году в нефтегазовой отрасли было несколько заметных юридических споров. Вероятно, это связано с общим замедлением отрасли, обусловленным объективными экономическими факторами: карантинными мерами в экономике, которые также повлияли на деятельность судов. Тем не менее, Верховный суд рассматривает отдельные споры в нефтегазовой отрасли. В частности, на фоне экологических катастроф, произошедших в России в этом году, в этом году возросло значение природоохранных споров. Для иллюстрации в деле №. А75-474/2019 Верховный Суд в своем Постановлении 304-9С20-737 постановил, что «Порядок исчисления ущерба, причиненного краснокнижному животному и иному животному фауне, не связанному с охотой и рыболовством, и среде их обитания» должен применяться в случае разливов нефти для определения экологического ущерба.

2020 год стал знаменательным для Арбитражного суда Московского окружного округа прецедентным спором между Федеральной антимонопольной службой и дочерней компанией крупного российского производителя ПАО «ЛУКОЙЛ»

(Определение Арбитражного суда Московского округа от 16 января 2020 года по делу А40-91027/2019).

В декабре 2018 года «Башнефть-Полюс» и нефтяная компания «Башнефть», принадлежащие другой российской нефтеперерабатывающей компании «Роснефть», обратились в ФАС с претензией. По слухам антимонопольный орган признал монопольно высокой цену на услуги по перевалке, установленную «Варандейским терминалом» (дочерняя компания ПАО «ЛУКОЙЛ»). Варандейский терминал и материнская компания Группы «ЛУКОЙЛ» обратились в суд с предложением отменить это решение.

Арбитражный суд Московского округа полностью отменил решения нижестоящих судов в январе 2020 года и направил дело на новое слушание. Причиной стало отсутствие оценки аргументов Группы «ЛУКОЙЛ» об инновационном характере перевалочной службы порта Варандей в судебных решениях.

Этот случай является прецедентным, поскольку воплощает общую тенденцию модернизации современной российской нефтегазовой отрасли.

Предложения по внесению изменений в нормативную правовую базу

Ключевые предложения по законодательным изменениям в энергетике могут ограничиться ранее запланированными: в частности, проект Федерального закона «О государственном регулировании деятельности в нефтяной отрасли в Российской Федерации» предусматривает создание Единой системы поставок нефти и нефтепродуктов в России (аналогично Единой системе газоснабжения в России), в который войдут вертикально интегрированные нефтяные компании (ВИОК), независимые субъекты нефтяной промышленности и корпоративные владельцы магистральной системы нефтепроводов и нефтепродуктов (в настоящее время ПАО «Транснефть»).

Данный законопроект отражает положительную тенденцию к попытке комплексного регулирования российской энергетики. В целях усиления конкуренции в энергетическом секторе и поддержки комплексного характера регулирования энергетической отрасли в принципе необходимо разрабатывать практические инструменты правового регулирования энергетического сектора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 года» [Электронный ресурс]: URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 06.10.2021 г.)
2. Федеральный закон от 15.10.2020 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 343–2 части второй Налогового кодекса РФ» [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения 06.10.2021 г.)
3. Восточная газовая программа [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gazprom.ru/> (дата обращения 06.10.2021 г.)
4. Распоряжение Правительства РФ от 13.06.2020 г. № 1582-р [Электронный ресурс]: URL: <http://government.ru/> (дата обращения 06.10.2021 г.)

5. Постановление Правительства РФ от 21 марта 2020 года № 320 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам функционирования активных энергетических комплексов" [Электронный ресурс]: URL: [https:// www.garant.ru/](https://www.garant.ru/) (дата обращения 06.10.2021 г.)
6. Налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья [Электронный ресурс]: URL: [https://www. nalog.gov.ru/](https://www.nalog.gov.ru/) (дата обращения 06.10.2021 г.)

Подходы к установлению внешних границ континентального шельфа РФ в Арктике

Комольцева Мария Вадимовна

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Арктический шельф является важным объектом для многих стран как с экономической, так и с юридической точки зрения. Автор в статье анализирует изменения понятия континентальный шельф, а также рассматривает актуальное состояние позиции Российской Федерации к установлению границ континентального шельфа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Континентальный шельф, арктический шельф, продление границ, зона экономического влияния.

ABSTRACT

The Arctic shelf is an important object for many countries both from an economic and legal point of view. The author analyzes the changes in the concept of the continental shelf in the article, and also considers the current state of the position of the Russian Federation to establish the boundaries of the continental shelf.

KEYWORDS

Continental shelf, Arctic shelf, extension of borders, zone of economic influence.

Доподлинно известно, что Арктика является крупной территорией ценных природных ресурсов для таких приактических государств, как Россия, Канада, США, Норвегия и Дания. Для России арктический шельф исторически является важным стратегическим и экономическим объектом. По экспертным оценкам, крупнейшие доступные ресурсы углеводородов в Мировом океане сосредоточено в Арктике с общим объемом около 180 миллиардов метрических тонн: 66 миллиардов метрических тонн (37%) находится в азиатской части Арктики, в то время как еще 54 миллиарда метрических тонн (30%) углеводородов могут быть найдены в районах между полюсом и Северной Америкой [4].

Арктический шельф богат и важен для нашего государства не только углеводородами, такими как нефть и газ, но и твердыми полезными ископаемыми, в том числе и рудными металлами. По некоторым оценкам здесь сосредоточена треть общемировых запасов углеводородов. Предполагается, что основные неразведанные запасы углеводородов в Арктике (включая 90% запасов природного газа на территории, контролируемой Россией) сосредоточены на континентальном шельфе.

Поэтому для РФ так важно и необходимо расширение границ континентального шельфа уже на протяжении десятилетия.

К вопросу определения границ континентального шельфа на протяжении многих лет подходили по-разному. Для начала, хотелось бы обратиться к самому понятию, и как оно менялось со временем.

Впервые определение термина «континентальный шельф» было закреплено в Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г. - это морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка.

Женевская конвенция о континентальном шельфе 1958 года ограничивает протяженность шельфа водами глубиной менее 200 метров или же за этим пределом, водами такой глубины, когда возможна эксплуатация и разработка природных ресурсов морского дна подводных районов.

В соответствии с этой конвенцией прибрежному государству предоставляются исключительные суверенные права на эксплуатацию минеральных ресурсов и неподвижных видов на его континентальном шельфе при условии, что это не создает необоснованных помех судоходству, рыболовству или научным исследованиям. [1]

«Существенным недостатком» Женевской Конвенции 1958 г. Ю.Б. Казмин называл именно отсутствие определения внешних пределов континентального шельфа.

Современное правовое определение континентального шельфа закреплено в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Так, п. 1 ст. 76 Конвенции гласит, что континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние.

В случае, когда окраина материка простирается более чем на 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, то фиксированные точки, избранные прибрежным государством для проведения линии внешней границы континентального шельфа, должны находиться не далее 350 морских миль от указанных исходных линий или не далее 100 морских миль от 2 500-метровой изобаты, которая представляет собой линию, соединяющую глубины в 2 500 м (п. 5 ст. 76). [2]

В нем также содержатся специальные положения о делимитации континентального шельфа между государствами с прилегающими или противоположными береговыми линиями, но не устанавливаются нормы права для такой делимитации.

Там, где подводная окраина материка выходит за пределы 200 морских миль, прибрежное государство может включать в свой шельф все элементы материковой окраины, т. е. шельф, склон и подъем, устанавливая внешний ее предел в соответствии с критериями ст. 76 Конвенции 1982 г.

То есть, одним из важнейших нововведений, определяющих современный правовой режим стала возможность государства по заявлению устанавливать или продлять величину континентального шельфа.

Таким правом впервые и воспользовалась Россия в 2001 году, став первым государством, подавшим представление в Комиссию по границам континентального шельфа в соответствии со статьей 76 Конвенции ООН по морскому праву.

В заявке указывалось, что Российская Федерация претендует на расширение зоны экономического влияния в том числе и на котловины Макарникова и Подводников, хребты (поднятия) Менделеева и Ломоносова. Тогда Комиссия ООН приняла отрицательное решение по заявке и отправила ее на доработку. Основной причиной отказа была недостаточная техническая обоснованность предоставленных данных. Также Комиссия порекомендовала предоставить дополнительные научные данные и обоснования, которые доказали бы геологическую природу подводных поднятий Ломоносова и Менделеева. [3]

Внешняя граница российского континентального шельфа в Арктике за пределами 200 миль установлена в заявке в соответствии со статьей 76 Конвенции 1982 года. В юридический континентальный шельф России включены географический шельф, континентальный склон и континентальный подъем, примыкающие к материку и хребтам Ломоносова и Менделеева, а также сами эти хребты в пределах российского сектора до Северного полюса.

В августе 2015 года после тщательно проведенных геолого-геофизических исследований, масштабных экспедиций на арктическом шельфе Россия подала частично пересмотренное Представление.

31 марта 2021 года Российская Федерация представила два дополнения к частично пересмотренному Представлению 2015 года в Комиссию по границам континентального шельфа в отношении Северного Ледовитого океана. Дополнения к заявке содержат все необходимые диаграммы и координаты (Хребет Гаккеля, бассейны Нансена и Амундсена Хребет Ломоносова, хребет Альфа, поднятие Менделеева, бассейны Амундсена и Макарова и Канадский бассейн). Данные заявки являются дополнениями к частично пересмотренному представлению Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа в отношении континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане от 3 августа 2015 года.

Таким образом Россия официально расширила свои притязания на часть континентального шельфа в Северном Ледовитом океане вплоть до исключительных экономических зон Канады и Гренландии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конвенция о континентальном шельфе (Заключена в г. Женеве 29.04.1958). [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900370> (дата обращения 08.10.21)
 2. Конвенция ООН по морскому праву (от 10.12.1982 г.) [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/law/konventsiiia-organizatsii-obedinennykh-natsii-po-morskomu-pravu/konventsiiia/chast-vi/statia-76/> (дата обращения 08.10.21)
 3. Казмин Ю.Б. К вопросу о внешней границе континентального шельфа России в Арктике // «Международная жизнь» 2012
- Кобылкин Д.Н. Ресурсы арктического шельфа - это наш стратегический запас. // «Энергетическая политика». № 3(141), 2019

Искусственный интеллект в топливно-энергетическом комплексе России: правовые аспекты

Конев Сергей Игоревич

Старший преподаватель

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Процесс цифровизации и энергетического перехода –уже та действительность, с которой сталкивается отрасль. Между тем, паровые регуляторы не всегда успевают за бурно развивающимися общественными отношениями. Таким образом, автор ставит своей задачей проанализировать нормативное регулирование цифровизации применительно к топливно-энергетическому комплексу. При этом основное внимание будет уделено искусственному интеллекту и тем задачам, которые предстоит решить в ходе его внедрения

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Искусственный интеллект, право, ответственность, цифровизация, топливно-энергетический комплекс

ABSTRACT

The process of digitalization and energy transition is already the reality that the industry is facing. Meanwhile, steam regulators do not always keep up with the rapidly developing social relations. Thus, the author sets out to analyze the regulatory regulation of digitalization in relation to the fuel and energy complex. At the same time, the main attention will be paid to artificial intelligence and the tasks to be solved during its implementation

KEYWORDS

Artificial intelligence, law, responsibility, digitalization, fuel and energy complex

Несмотря на тот факт, что сегодня цифровизацию принято считать универсальным способ решения задач стоящим перед государственным управлением вообще и топливно-энергетическим комплексом (далее – ТЭК) в частности, автор стоит на умеренных позициях, напоминая, что у любой медали есть обратная сторона. Прогресс – это замена одного неудобства другим, и внедряя цифровое решение куда-либо зачастую кроме очевидной выгоды мы получаем плеяду неучтённых изначально проблем. Используя инструменты цифровизации нелишним в очередной раз напомнить о вопросах безопасности данных, точности понятийного аппарата, этических проблемах, которые находят свое отражение в механизме юридической ответственности и многом другом.

Анализируя правовое регулирование цифровизации топливно-энергетического комплекса России очевидным является комплексный характер этого процесса, находящий отражение в правовых источниках различного уровня. С известной долей условности, можно выделить группы регуляторов:

- документы стратегического планирования (Стратегия развития информационного общества -2030. Энергетическая стратегия – 2035, генеральные схемы развития отраслей ТЭК и др.);
- законодательство, регулирующее отдельные аспекты внедрения информационных технологий (Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ и др.);
- нормативны акты, непосредственно регулирующие вопросы цифровизации ТЭК (Федеральный закон «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» от 3 декабря 2011 г. N 382-ФЗ, Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ).

Обращает на себя комплексность процесса внедрения цифровых инструментов – применение одной технологии «локомотивом» тянет за собой еще несколько. Так, государственная информационная топливно –энергетического комплекса, по своей природе является базой данных. Для ускорения процесса анализа информации в этой системе – представляется возможным внедрение технологии, основанной на машинном обучении. С дальнейшим научно-техническим прогрессом - не исключено автоматическое пополнение информационных банков данной системы благодаря интернету –вещей. При этом информационный обмен может осуществляться благодаря квантовым технологиям, которые исключают возможность перехвата информации и т.д.

Естественно, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть правовое регулирование всех цифровых технологий в ТЭК. По оценкам экспертов, не менее трети компаний отрасли уже используют искусственный интеллект, технологии распределенного реестра, квантовые технологии и промышленный интернет. В рамках этой работы мы остановимся на искусственном интеллекте, в силу перспективности данной тематики.

Однако заметим, что сама концепция автоматизации рутинных задач и «перекалывания» решения на искусственную систему – отнюдь не нова и как идея появилась еще в середине XX века. Вместе с тем, на данный момент технология искусственного интеллекта захватила умы не только специалистов в этой сфере, но и стала целым явлением в культуре и фантастике. Не исключено, что именно последняя оказала влияние и на правовую материю. Так, определение искусственного интеллекта, которое мы видим в правовых нормах, например, в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в российской федерации» представлено следующим образом:

«Комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

В этой связи сразу возникает сразу несколько вопросов: а какой максимум искусственного интеллекта, как его проконтролировать, какие именно когнитивные способности можно имитировать? Автор очень сильно сомневается, что полупроводниковый кристалл кремния или германия будет обладать сознанием. На

данном развитии науки и техники более применим термин «псевдоискусственный интеллект». Любопытным представляется и тот факт, что документы стратегического планирования направлены на регулирование искусственного интеллекта, в то время как подзаконные акты (например, стандарты Минтруда) сосредотачивают свое внимание на робототехнике. Думается, помимо решения вопроса о статусе искусственного интеллекта в правоотношениях (объект это или субъект права), предстоит разделить и эти две категории. На взгляд автора – робот – это комплекс технологических решений, активно взаимодействующий с внешним миром и принимающий на основе этого самостоятельные решения, но в пределах заданной оператором задачи или функции (что не исключает самообучения). Искусственный интеллект, в подлинном его понимании – это уже полностью самоорганизуемая система. Вопрос статуса такой системы пока наверно относится к плоскости философии и этики через призму футурологии.

Какие же горизонты открывает применение системы, основанной на искусственном интеллекте в топливно –энергетическом комплексе? Это и вопросы эффективной геологоразведки, и автоматизированный контроль, и предиктивная аналитика, и управленческие функции и многое другое. В целом, этим возможности лежат в плоскости, обозначенной Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в российской федерации», а именно: автоматизация рутинных производственных задач, повешение эффективности управления, решение кадровых проблем.

При этом, перед юристами стоит задача определения статуса искусственного интеллекта, ответственности за его использование, обеспечение информационной безопасности и др.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вайгенд Андреас. Big Data. Вся технология в одной книге // ООО «Издательство «Эксмо», 2018 г;
2. Гринфилд Сьюзан. Один день из жизни мозга. Нейробиология сознания от рассвета до заката // Издательство Питер, 2018 г.
3. Тихомиров Ю.А. Векторы управления в фокусе права // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. 2019 г.

Деятельность топливно-энергетического комплекса в современных условиях

Красноперова Ульяна Александровна
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается: актуальность, объект, предмет, задачи, проблемы и методы исследования развития современных условий развития российской электроэнергетики, а также исследуются пробелы в правовом регулировании данной отрасли в нынешнее время. Рассматриваются такие процессы как: диверсификация, декарбонизация, децентрализация и дигитализация. и на основе исследования данных процессов производятся выводы о современных условиях российской электроэнергетики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Электроэнергетика, регулирование, диверсификация, декарбонизация, децентрализация, дигитализация.

ABSTRACT

This article examines: relevance, object, subject, tasks, problems and methods of research on the development of modern conditions for the development of the Russian electric power industry, and also examines gaps in the legal regulation of this industry at the present time. The following processes are considered: diversification, decarbonization, decentralization and digitalization. and based on the study of these processes, conclusions are drawn about the current conditions of the Russian electric power industry.

KEYWORDS

Electric power industry, regulation, diversification, decarbonization, decentralization, digitalization.

В современных условиях одним из актуальных исследований стало изучение направлений российской электроэнергетики, которая приступила к немаловажным изменениям, продиктованными общемировыми нововведениями развития данного направления.

Пути развития российской электроэнергетики являются объектом исследования, а отношения в сфере экономики по поводу изменений на рынке, связанных с новыми участниками и новым товаром - предметом.

Одной важной проблемой в исследованиях трансформации электроэнергетики является неполное внимание, посвященное регулированию перехода энергетики на новый уровень.

Основными задачами исследования можно выделить анализ отраслевых нововведений трансформации энергетической системы и разработка предложений по улучшению регулирования его механизмов.

В изучении применены методы статистического, сравнительного и эмпирического анализа.

Современные нововведения электроэнергетики мира состоят из четырех составляющих: диверсификация, декарбонизация, децентрализация и дигитализация.

На макроуровне диверсификацию можно увидеть в системе энергетического равновесия страны, когда вместе с обычными и привычными источниками энергии появляется обилие «нетопливной» энергетики, а именно: источники, которые возможно восстановить и атомная энергетика. Учитывая это, в некоторых более развитых странах она достигает более 25% в общем пользовании всеми видами энергии с шансами на ее будущий рост. Несмотря на все, для стран испытывающих нехватку энергии, этого вида диверсификация повышает степень безопасности и устойчивости этих стран.

Если рассматривать диверсификацию на микроуровне, то можно сказать, что она проявляет себя в многочисленном количестве различных видов. В подтверждение этому рассмотрим транспорт: значительно увеличивается процент приобретаемых электромобилей, транспорта на топливных составляющих, природном газе, а также гибридов. Посредством механизации управления горением создаются энергоустановки, с помощью которых можно использовать жидкое, твердое и даже газообразное топливо. Появились более эффективные средства для переработки одного вида топлива в другое.

Декарбонизация или другими словами увеличение уровня производства и потребления энергии без вовлечения ископаемого углеводородного топлива это устойчивая тенденция развитых и развивающихся стран, несмотря на разные причины.

В некоторых странах к декарбонизации направляют проблемы, связанные с экологией - приоритет угольной энергогенерации, избыточное число в городах «неэкологических» транспортных средств, ускоренное развитие промышленности на основании устаревающих технологий. Воспринимать проблему декарбонизации на действительно важном уровне также подталкивает и глобальное потепление.

«Децентрализация - изменение архитектуры энергетических систем — иерархического принципа построения на «сетевой» принцип». [1]

Установившуюся зависимость - «чем масштабней и больше производство - тем оно эффективней» нарушили такие явления как технический прогресс и появление относительно небольших эффективных энергетических источников меньшей мощности. На смену этому эффекту пришел новый - достижимость приближения энергоисточника до потребителя, экономия на его транспортировке и повышение надежности.

Осуществление самобалансированности потребителей имеющих собственные энергоисточники существуют за счет современных эффективных систем накопления энергии, позволяя поселкам, предприятиям и домохозяйствам выйти из общей энергосистемы в свою собственную микросеть.

В снабжении электросети общего использования темпы роста мощности традиционной генерации устойчиво уступают темпам роста суммарной мощности распределенной генерации.

«Дигитализация - переход к повсеместному применению в электроэнергетике цифровых управляемых устройств, подключенных к информационным сетям Интернета, на всех уровнях энергосистемы от устройств генераторов и электрических сетей до конечных, в том числе бытовых, потребителей электроэнергии. Она предоставляет возможность реализации интеллектуального управления энергосистемами, в основе которого лежит межмашинное (M2M, IoT) взаимодействие». [2]

Сейчас к уменьшению системной эффективности электроэнергетики приводит огромный мировой переход к экологически чистой добычи энергии.

Генераторы, использующие вариативные способы добычи энергии, такие как ветровая и солнечная электростанции, нуждаются в создании запасных генерирующих и накопительных мощностей.

Дигитализация служит технической основой, помогающей решить проблемы, касающиеся совместной работы различных субъектов в децентрализации и связанное с этим увеличение количества участников взаимодействий и сложность их управления.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Изменения в энергетике необратимы. Как развивается страна, так и с ней развивается электроэнергетика и та страна, которая сможет обеспечить наиболее лучшую институциональную среду для того, чтобы развить новые технологии энергии, приобщит новых участников и, несомненно, введет новые отношения между разными субъектами на рынке, приобретет максимальное увеличение надежности и эффективности в функционировании энергосистем, снизит затраты на ее использование и разовьет новые отрасли промышленности.

2. Необходимо изменять всю систему управления энергетикой, а не только создавать какие-либо стимулы чтобы развить новые направления, для того чтобы изменение данной отрасли прошло без сильных потрясений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Левенчук А. Сотовая энергетика, 2013. URL: <https://ailev.livejournal.com/1062918.html> (Дата обращения 07.10.2021).
2. Widergren S., Melton R., Khandekar A., Nordman B., Knight M. The plug-and-play electricity era // IEEE Power Energy Mag. 2019. No. 17-5.P. 47-58. (Дата обращения 08.10.2021).

Основные проблемы, тенденции и предложения по развитию конкуренции на рынке
нефти и нефтепродуктов
Кужиль Александр Сергеевич
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Нормативно-правовое регулирование топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) на сегодняшний день является одним из самых трудоемких и важным. Именно вышеназванными причинами объясняется особое внимание, которое уделяется развитию конкуренции в данной сфере со стороны ФАС России. Учитывая важность затронутой темы, в статье будут рассмотрены актуальные особенности деятельности антимонопольного органа по развитию конкуренции на рынке нефти и нефтепродуктов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Развитие конкуренции, рынок нефти, топливно-энергетический комплекс, ФАС России

ABSTRACT

The regulatory and legal regulation of the fuel and energy complex (hereinafter referred to as the fuel and energy complex) is one of the most time-consuming and important today. The above-mentioned reasons explain the special attention paid to the development of competition in this area by the Federal Antimonopoly Service of Russia. Taking into account the importance of the topic raised, the article will consider the actual features of the antimonopoly authority's activities for the development of competition in the oil and petroleum products market.

KEYWORDS

Development of competition, oil market, fuel and energy complex, Federal Antimonopoly Service of Russia

Действующим законодательством Российской Федерации не предусмотрено государственное регулирование цен на нефтепродукты. Цены на указанные товары формируются на основе рыночного механизма конкуренции.

По данным проводимого ФАС России совместно с территориальными управлениями мониторинга по состоянию на 31.12.2019 в сравнении с 01.01.2019, рост розничных цен по России на автомобильные бензины марок Аи-92 составил 2,28 %, Аи-95 — 2,2 %, дизельное топливо летнее – 2,9 %.

По мнению ФАС России, основными причинами роста цен являются динамика (рост) налоговой нагрузки на нефтяной сектор, снижение нефтяными компаниями предложений на биржевых торгах моторных топлив, проведение нефтяными компаниями ремонтов НПЗ и рост мировых цен на нефть. Большое влияние оказывают налоги – составляющая налогов в конечной цене каждого проданного литра автомобильного топлива достигает около 60 %. От повышения роста цен на нефтепродукты страдают, в первую очередь, простые граждане, поскольку сегодня динамика развития общества такова, что автомобиль есть почти в каждой семье, но

затраты на содержание в год составляют порядка 108 тыс. рублей, причем более половины из этой суммы уходит на заправку автомобиля. В связи с чем, данная проблема остро социальная, и от ее решения напрямую зависит рост уровня социального благополучия граждан.

В рамках заключенных четырехсторонних соглашений между нефтяными компаниями, Ростехнадзором, Росстандартом и ФАС России осуществляется мониторинг объемов производства и реализации автомобильных бензинов и дизельного топлива в Российской Федерации. В настоящее время, согласно имеющейся информации, объемы производства и запасов моторного топлива в 2019 году превышали показатели 2018 года. По данным ФГБУ «ЦДУ ТЭК», запасы топлива на НПЗ и нефтебазах предприятий нефтепродуктообеспечения превышали уровень 2018 года, что создало гарантии обеспеченности страны ресурсами топлива в достаточных объемах [1].

В 2019 году биржевая торговля позволяла удерживать оптовые цены на уровне ниже, чем цены на сопоставимых зарубежных рынках, тем самым наряду с мерами таможенно-тарифного регулирования, обеспечив сдерживание влияния роста мировых цен.

В целях недопущения негативного развития ситуации на рынке нефтепродуктов ФАС России в 2020 году были реализованы следующие меры:

- на еженедельной основе проводились заседания Биржевого комитета с участием представителей федеральных органов исполнительной власти, крупных вертикально-интегрированных нефтяных компаний, инфраструктурных организаций (биржевые площадки), экспертных организаций и независимых участников рынка по текущей ситуации на рынках нефти и нефтепродуктов, а также по вопросам развития биржевой торговли;

- налажен ежедневный мониторинг ценовой ситуации в рознице, в крупнооптовом сегменте рынка (биржевой, внебиржевой), а также объемов реализации нефтепродуктов на биржевых торгах;

- осуществляется ежеквартальный мониторинг исполнения четырехсторонних соглашений, заключенных между нефтяными компаниями и Росстандартом, Ростехнадзором и ФАС России;

- проводятся плановые и внеплановые проверки нефтяных компаний и других участников рынка;

- во исполнение поручений Правительства Российской Федерации ФАС России в адрес нефтяных компаний направлены письма о необходимости увеличения реализации нефтепродуктов на внутреннем рынке Российской Федерации, на биржевых торгах, а также о ежедневном представлении в ФАС России информации по выполнению взятых на себя обязательств в рамках соглашений о принятии мер по стабилизации и развитию внутреннего рынка нефтепродуктов;

- направлены письма в территориальные управления ФАС России об усилении контроля на рынках нефтепродуктов и об осуществлении ежедневного мониторинга цен;

- приняты планы мероприятий («дорожные карты») по развитию рынков нефти и нефтепродуктов;

- продолжена работа по применению скидок к тарифу на транспортировку железнодорожным транспортом дополнительных объемов топлива для реактивных

двигателей, дизельного топлива и автомобильного бензина экологического класса 5, поставляемых на территорию Дальневосточного федерального округа, а также по установлению надбавки к тарифу на транспортировку железнодорожным транспортом «внеклассовых» нефтепродуктов (дизельное топливо, автомобильный бензин) и топлива для реактивных двигателей, поставляемых на экспорт, при необходимости с механизмом их комбинирования [2].

За период 2019 – 2020 гг. выдано 11 предупреждений нефтяным компаниям о прекращении действий, выразившихся в создании дискриминационных условий и ущемлении интересов потребителей, а также направлено 7 предостережений, рассматривается дело о нарушении антимонопольного законодательства в отношении организаций, осуществляющих свою деятельность на рынке нефтепродуктов Республики Крым, по признакам нарушения части 4 статьи 11 Закона защите конкуренции.

По результатам проделанной Правительством Российской Федерации работы объемы предложений моторного топлива по России выросли практически в два раза. В биржевом сегменте объемы предложений на бензин составляют около 19 % и около 10 % на дизельное топливо, что значительно выше нормативов продаж, установленных приказом ФАС России и Минэнерго России от 12.01.2015 № 3/15/3 «Об утверждении минимальной величины продаваемых на бирже нефтепродуктов, а также отдельных категорий товаров, выработанных из нефти и газа, и требований к биржевым торгам, в ходе которых заключаются сделки с нефтепродуктами, а также с отдельными категориями товаров, выработанных из нефти и газа, хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на соответствующих товарных рынках, и признании утратившим силу приказа ФАС России и Минэнерго России от 30.04.2013 № 313/13/225». Стабилизировались цены на моторные топлива в оптовом сегменте. В розничном сегменте рост цен на моторные топлива (бензин 1,8%, дизельное топливо 0,4%) не превышает уровня инфляции (3%).

Реальное состояние естественных монополий в РФ является отражением двух противоположных тенденций (формирование разных уровней интеграции в системе монополизации отраслей экономики), а потому перед государством стоит задача обеспечения внутреннего развития государства посредством превращения естественных монополий в локомотив общественного развития. Независимо от формы существования, монополии должны стать эффективным инструментом государственного регулирования экономики [3].

Таким образом, видим, что ФАС России осуществляет всестороннюю работу по обеспечению антимонопольного регулирования в сфере топливно-энергетического блока, однако, на сегодняшний день, в реализации антимонопольного законодательства все же существует ряд пробелов, которые приводят, в частности, к росту цен на нефтепродукты, в первую очередь, во внутреннем рынке, от чего страдает потребитель – цены на нефть и бензин растут, но зарплаты остаются на прежнем уровне. Все это приводит к мысли о том, в области правового регулирования топливно-энергетическим блоком необходимо формирование более совершенных механизмов регулирования, а также формирование и обеспечение большей независимости нефтяного комплекса от мирового рынка, и ориентаций на внутренний рынок: снижение цен на внутреннем

рынке и повышение цен на экспорт, что будет обеспечивать протекционную политику по отношению к внутреннему производителю и повышать прожиточный минимум населения страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Об объеме производства нефтепродуктов с 20 по 26 июля 2020 года и потребительских ценах на них. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/RZbtWfbJ/143.htm>
2. Итоговый доклад к расширенному заседанию Коллегии ФАС России 01 октября 2020 г. Москва, 2020.
3. Кутернин М. И. Естественные монополии как инструмент государственного регулирования экономики. – Москва, 2015.

Энергетическая безопасность в условиях цифровой трансформации ТЭК

Кузьмичева Галия Алимжановна

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В статье тезисно рассматриваются некоторые актуальные проблемы цифровизации в сфере энергетики России и возможные пути их решения. В частности, разработка и внедрение системы контроля за принятием тарифных решений, так называемый «Цифровой тарифный светофор». Этот механизм будет давать четкий сигнал регуляторам относительно соответствия их решений требованиям законодательства, его внедрение позволит сопоставить затраты регулируемых организаций с «эталонными затратами», а также контролировать решения региональных регуляторов до их принятия. Автор делает вывод о комплексном подходе к регулированию рассматриваемой проблематики

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровизация, энергетическая безопасность, Цифровая экономика, Industry 4.0, Индустрия 4.0., Цифровая энергетика, информационная безопасность.

ABSTRACT

The article deals with some topical issues of digitalization in the energy sector of Russia and possible ways to solve them. In particular, the development and implementation of a system for monitoring the adoption of tariff decisions, the so-called "Digital tariff traffic light". This mechanism will give a clear signal to regulators regarding the compliance of their decisions with the requirements of legislation, its implementation will allow comparing the costs of regulated organizations with "reference costs", as well as monitoring the decisions of regional regulators before their adoption. The author makes a conclusion about a comprehensive approach to the regulation of the issues under consideration

KEYWORDS

Digitalization, Energy security, Digital Economy, Industry 4.0, Industry 4.0., Digital energy, information security.

Ни для кого не секрет, что мы живем в кардинально новой эпохе, обусловленной 4й промышленной революцией (Industry Индустрия 4.0), в эпохе, которая революционно меняет привычные нам вещи и явления. Повсеместно осуществляются сбор и анализ данных, мониторинг, активное внедрение технологий, автоматизация, роботизация и, как результат, оптимизация всех возможных процессов, что влечет за собой трансформацию практически всех отраслей.

Современная энергетическая индустрия – отрасль с высокой степенью глобализации и интеграции. Нельзя не согласиться с Министерством энергетики РФ (далее – Минэнерго России), которое называет цифровизацию энергетики синонимом ее конкурентоспособности [1].

На современном этапе устойчивое развитие мировой энергетики основано на трех важных составляющих: энергетическая безопасность, энергетическое равенство и экологическая устойчивость [2].

Энергетическая безопасность России - состояние защищенности экономики и населения страны от угроз ее национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств страны [3].

В настоящее время специалисты особо выделяют трансграничные вызовы энергетической безопасности, такие как развитие и распространение современных новейших технологий в сфере энергетики, в том числе технологий использования возобновляемых источников энергии, цифровых и интеллектуальных технологий.

В этой связи видятся вполне реальными такие проблемы, как несоответствие энергетики страны современному инновационному уровню, недостаточное использование современных технологий в энергетике, ввиду в том числе давления в результате введения различных санкций, неготовность перехода к цифровизации, кибератаки и т.п.

Первым правовым закреплением начала перехода в целом к цифровой экономике на государственном уровне многие специалисты считают Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016г., в котором предлагалось «...запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики...» [4].

Правовой основой для формирования национальной цифровой экономики на настоящий момент являются Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. В соответствии с вышеуказанными нормативно-правовыми актами Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р была введена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», согласно которой формирование цифровой экономики отнесено в России к главным направлениям национального развития.

Ключевая задача, которая стоит сейчас перед Минэнерго России в развитии этого направления, это стимулирование инновационного развития отраслей ТЭК, в рамках этой задачи структурными подразделениями указанного государственного органа был составлен ведомственный проект - «Цифровая энергетика».

По итогам заседания ведомственного координационного органа проектной деятельности в марте 2018 года утвержден паспорт программы «Цифровая трансформация электроэнергетики России». Основной целью указанной программы является повышение надежности и эффективности функционирования Единой энергосистемы России путем внедрения риск-ориентированного управления на базе цифровых технологий.

В мае 2019 года в целях стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности в отраслях ТЭК Президент России утвердил новую Доктрину энергетической безопасности страны. С учетом произошедших изменений в России и в мире в доктрине актуализированы вызовы, угрозы и риски энергетической безопасности, определены цели, направления и задачи государственной деятельности по ее обеспечению.

Важным шагом в попытке правового регулирования процесса цифровизации является разработка Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», предусматривающего поэтапную разработку и реализацию законодательных инициатив, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, и созданию благоприятного правового поля для реализации в отечественном правовом поле проектов цифровизации.

Безусловно для эффективного регулирования цифровой экономики России необходима дальнейшая проработка вышеназванных нормативных документов.

Но как отмечают многие специалисты, не следует переходить в другую крайность, цифровизация энергетики, несмотря на безусловную перспективность направления, не должна быть самоцелью, нельзя забывать о необходимости решения важных проблем отрасли, в том числе правовых, сформированных годами и десятилетиями. Так, например, можем ли мы говорить о «цифре» в сфере магистрального транспорта углеводородов, если более 30 лет рассматривается законопроект о правовом регулировании данной сферы? Разве можем мы говорить сейчас о необходимом правовом регулировании цифровизации в таком объемном и важном сегменте ТЭК, как магистральный трубопроводный транспорт, когда профильный закон до сих пор не принят? Помимо правовой составляющей, нельзя не упомянуть о технологическом аспекте, о проблеме износа основных фондов магистрального трубопроводного транспорта. К слову необходимо отметить, что в этой связи многие специалисты полагают, что использование цифровых технологий в сфере трубопроводного транспорта позволит повысить безопасность, оптимизировать логистику и уменьшить эксплуатационные затраты, а моделирование процессов, оперативная диагностика состояния магистралей расширят возможности принятия и реализации точных решений.

Следует заметить, что многие процессы управления отечественной энергосистемой уже автоматизированы, некоторые энергетические компании уже перешли на системы онлайн мониторинга, внедрили в практику виртуальные модели отслеживания жизненного цикла оборудования. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» уже является лидером цифровой трансформации атомной и электроэнергетической отрасли.

По нефтегазовому сектору можно отметить следующие используемые в той или иной степени технологии: модель облачных вычислений (Роснефть), «Интеллектуальное месторождение» (Роснефть, Лукойл, Газпром), «Умная скважина» (Роснефть, Лукойл, Татнефть, Газпромнефть), моделирование на основе Big Data (Лукойл), «Цифровой двойник» (Газпромнефть) и другие.

Современные электроэнергетические компании, такие как, например, Россети, активно используют технологию «Интернет вещей» (Internet of Things, IoT- цифровые

датчики, сенсоры, средства коммуникации), реализуют пилотные проекты «Цифровой район электрических сетей».

Интересен в данном ключе процесс цифровой трансформации, происходящий на уровне государственных органов. Так Федеральная антимонопольная служба РФ реализует на настоящий момент несколько цифровых проектов в области государственного регулирования цен и тарифов в сфере электроэнергетики, одним из которых является разработка и внедрение системы контроля за принятием тарифных решений, так называемый «Цифровой тарифный светофор». Этот механизм будет давать четкий сигнал регуляторам относительно соответствия их решений требованиям законодательства, его внедрение позволит сопоставить затраты регулируемых организаций с «эталонными затратами», а также контролировать решения региональных регуляторов до их принятия. В настоящий момент в десяти регионах страны уже реализуются пилотные проекты по отдельным направлениям вышеуказанной глобальной модели, и по промежуточным результатам уже можно сделать выводы о том, что выбранная регуляторная тактика является правильной.

На первый взгляд, реализация вышеуказанных процессов своевременна и значительна. Однако, возникает вопрос, почему позиции нашего государства в международных индексах цифровизации не столь высоки? В рейтинге Всемирного экономического форума за 2019 г. Россия занимает лишь 48-е место по готовности к цифровой экономике (Индекс сетевой готовности) и 46-е место по экономическим и инновационным результатам использования цифровых технологий (Глобальный индекс инноваций) в рейтинге Всемирной организации интеллектуальной собственности (в рейтинге, подготовленном совместно с бизнес-школой Insead и Корнельским университетом) [5].

Причинами по мнению многих специалистов являются низкий уровень технологической готовности в том числе в рассматриваемой отрасли, неготовность бизнеса к цифровизации, а также недостаточно развитые государственные и частные институты.

Следующей проблемой, технологического склада, является низкий уровень конкурентоспособности российских цифровых решений и, как следствие, высокая зависимость нашего рынка от иностранных продуктов, что в свою очередь может привести к угрозам в том числе энергетической безопасности нашего государства. Очевидно, что значительное внедрение импортного оборудования в технологические процессы ТЭК может повлечь за собой проблему кибербезопасности отечественной энергетики. В этой связи остро встают вопросы информационной безопасности.

Тем не менее, в настоящее время в нашей стране успешно реализован целый ряд проектов по внедрению российских цифровых разработок в нефтегазовую отрасль. Ведущими специалистами отмечаются следующие внедряемые программные продукты: программный продукт tNavigator от ООО «Рок Флоу Динамикс», который успешно используется более чем в 200 компаниях по всему миру; система Prime компании ООО «Яндекс Терра» - российское программное обеспечение, соответствующее всем требованиям современных технических заданий, а также включающее целый ряд инновационных алгоритмов для решения геофизических задач; в области геологического моделирования выделяют Geoplat-Pro (компания

«ГридПоинтДинамик»), а также модуль «Сфера.Геология» (компания «НТЦ РИТ Дельта») [6].

Однако, несмотря на существенный прогресс российских компаний в области цифровизации, зависимость от иностранных программных продуктов в нефтегазовой отрасли, все же очень существенна, порядка 80%.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить следующее. Несмотря на несомненную перспективность и необратимость процесса цифровой трансформации отрасли, специалистам следует подходить к возникающим в процессе цифровизации энергетической отрасли проблемам исключительно комплексно, безусловно используя положительный опыт зарубежных стран, но при этом не игнорируя специфику именно отечественной энергетики. В обратном случае с большой вероятностью наше государство может столкнуться с угрозами безопасности одной из самых стратегически важных отраслей экономики нашего государства, с угрозами энергетической безопасности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ведомственный проект «Цифровая энергетика», minenergo.gov.ru, дата обращения – сентябрь 2021.
2. 23rd World Energy Congress, Istanbul 2016, worldenergy.org, дата обращения – сентябрь 2021.
3. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, minenergo.gov.ru, дата обращения – сентябрь 2021.
4. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.12.2016г., consultant.ru, дата обращения – сентябрь 2021.
5. Как робототехника и искусственный интеллект продвинул Россию в мировых рейтингах цифровизации, И. Королев, электронная версия статьи от 25.05.2020, gov.cnews.ru, дата обращения – сентябрь 2021.
6. Комплексная энергетическая безопасность и цифровизация ТЭК, информационно-аналитическое издание «Нефтегаз», 17(24), 2020.
7. Комплексная энергетическая безопасность и цифровизация ТЭК, информационно-аналитическое издание «Нефтегаз», 17(24), 2020.
8. Учебное пособие «Трубопроводное право» Перчик А.И., под ред. Ларина И.Г., М.: Нефть и газ, 2002 г.
9. Электронные издания «Ведомости», «РБК» за период 2017-2018гг.
10. Как робототехника и искусственный интеллект продвинул Россию в мировых рейтингах цифровизации, И. Королев, электронная версия статьи от 25.05.2020, gov.cnews.ru.

Обеспечение правовой среды для использования и развития возобновляемых источников энергии в сфере ТЭК как вызов времени
Кумашов Данияр Жолдошбекович
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется использования и развития Россией возобновляемых источников энергии (ВИЭ), правовое регулирование в данной сфере, а также рассматривается практика зарубежных стран по вопросам правового регулирования отношений связанных с ВИЭ. Автором предлагается путь развития инфраструктуры посредством разработки отдельного федерального закона, нацеленного на расширение и поддержки использования ВИЭ, который будет первым заметным шагом в развитии этой отрасли в сфере топливно-энергетического комплекса России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Возобновляемые источники энергии, топливно-энергетический комплекс, регулирование, право, источники права

ABSTRACT

The article analyzes the use and development of renewable energy sources (RES) by Russia, legal regulation in this area, and also examines the practice of foreign countries on the issues of legal regulation of relations related to RES. The author suggests a way to develop infrastructure through the development of a separate federal law aimed at expanding and supporting the use of renewable energy, which will be the first significant step in the development of this industry in the field of the fuel and energy complex of Russia.

KEYWORDS

Renewable energy sources, fuel and energy complex, regulation, law, sources of law

Топливо-энергетический комплекс России стратегически важная сфера во ввиду ее необходимости для населения и в то, же время безусловно экономическая сфера, связанная с ее рациональным, справедливым распределением. Экономический базис энергетики, в частности российской энергетики проявляется в ее помимо внутреннего снабжения населения, также в экспорте в зарубеж. Совершенствование энергокомплекса должна проявляться в повышении эффективности систем тепло и энергоснабжения, разработке программ привлечение прямых иностранных инвестиций в эту отрасль, обеспечении правовой среды для ее функционирования и разработке программ взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными партнерами. Новация и развитие этой отрасли, как непосредственно связанной с природой, окружающей нас средой сильно важна для всего человечества во ввиду нынешней тенденции с глобальным потеплением, изменением климата, а следовательно международного лозунга: Бережно отношение к природе и рациональное использование ее ресурсов!

Надо также особо отметить, что данная проблема, поставленная перед человечеством отразилась в документе крупнейшей, общечеловеческой, международной организации ООН во Всемирной Хартии природы, где четко сказано, что международное сообщество осознавая, что человечество является частью природы и жизнь зависит от непрерывного функционирования природных систем, которые являются источником энергии и питательных веществ, и будучи убежденной в том, что человек может своими действиями или их последствиями видоизменить природу и исчерпать ее ресурсы, а потому ему следует в полной мере осознавать насущную необходимость сохранения равновесия и качества природы и природных ресурсов, принимают вышеупомянутую хартию [1]. Кроме того, многие государства институционально закрепляют данное положение на более высоком конституционном уровне.

Так в Конституции Российской Федерации говорится что, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории и что каждый на территории страны имеет право на благоприятную среду, достоверную информацию о ее состоянии. На плечи каждого человека находящегося в сфере действия Конституции Российской Федерации лежит бремя обязанности сохранять природу, бережно относиться к ее благам. Энергетика как экономическая прежде всего отрасль связана с потреблением богатств и ресурсов природы.

Мы люди все же понимаем что напрочь отказаться от природных ресурсов не можем, а имеем возможность лишь разумно их потреблять. Нерациональное использование природных ресурсов влияет на нашу жизнедеятельность. На сегодняшний день в топливно-энергетическом комплексе огромной богатой природными ресурсами и благами России наиболее остро, ребром поставлена эта проблема. Обращение внимания государства на нефтедобычу и газ сильна будоражит население, поскольку идет нерациональное использование благ природы в целях экономической наживы и поисков сфер политического влияния России в геополитике. У России есть огромный потенциал в научно-образовательной сфере. Поддержка образования и научно-исследовательской деятельности позволило бы решить самые насущные проблемы страны, связанные не только с энергетикой.

В современной геополитике идет не столько конкуренция государств в ключе рейтинга экономического развития, сколько поддержание условий этих развитий, в том числе окружающей среды, правовой системы, социально-экономической обстановки и культурно-образовательного бытия. Россия как активно развивающаяся мировая держава должна обеспечить четко выстроенную структуру и среду для удобного, безопасного и достойного проживания всех, тех кто находится на ее территории. В связи с этим я бы хотел обратить внимание на современную только развивающуюся сферу в рамках топливно-энергетического комплекса - на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). ВИЭ России не безызвестна, государство знает эту сферу, пыталась и пытается построить эту инфраструктура, но к сожалению не с должным вниманием. Весь процесс построения инфраструктуру возобновляемых источников энергии как вызова времени должна зиждется на предприимчивых гражданах и организациях.

То есть проектированием и внедрением инфраструктуры ВИЭ должны заниматься предприниматели в условиях рыночной конкуренции, а не государственные

унитарные предприятия. Недаром великий Хайек определяет рыночную конкуренцию как процедуру открытия нового, присущего эволюции, заставляющая человека помимо собственной воли вписываться в новые ситуации. Кто подталкивает экономических субъектов на новый путь развития? На этот вопрос ответ дал Йозеф Шумпетер: “инноваторы!” именно инновационная деятельность и есть несреднее поведение, аналогичное возникающему в неравновесных условиях. Таким образом, вдали от равновесия, в сильно неравновесных условиях под действием инноваторов-предпринимателей и начинается переход к новому экономическому порядку. Шумпетер видел свободное предпринимательство главной движущей силой развития экономики [2]. Государству в связи с этим принадлежит важная задача и роль: построить крепкий институциональный фундамент, чтобы воплотить идею в жизнь посредством принятия законов.

деятельность по разработке стратегической программы развития ВИЭ в сфере ТЭК уполномочен осуществлять на основании Постановления Правительства “О Министерстве энергетики РФ” Министерство энергетики. Перспективу подобных проектов направленных на развитие такой отрасли являющейся вызовом времени переоценить сложно, к тому же ВИЭ шаг в обеспечении энергетической безопасности страны. Институты должны явиться механизмом правового, организационного и конечно же финансового регулирования бипартических отношений: “государство и субъекты предпринимательства”, и трипартических: “государство, предприниматели и потребители”. Понятности ради, надо дать конечно определение возобновляемым источником энергии. ВИЭ- солнечная энергия, энергия воды (ГЭС), атомная энергия, энергии сбраживания отходов, трансформаторы, то есть все виды экологически безопасных источников непрерывно возобновляемых видов энергии.

Закрытого перечня возобновляемых источников энергии нет, а потому диверсификация ее видов будет продолжаться, но уже имеющийся перечень до конца не исследован и использован человечеством. Российская Федерация приняв закон общефедерального назначения должна урегулировать отношения связанные с поддержкой научно-исследовательской деятельности, нацеленной на развитие ВИЭ, стимулированием проектных инициатив субъектов бизнеса в этой сфере. Приоритетной задачей государства в сфере ВИЭ является привлечение прямых иностранных инвестиций для усовершенствования российского топливно-энергетического комплекса. Инициативным предпринимателям следует оказывать преференции, то есть адресную поддержку в виде налоговых льгот, освобождения от таможенных пошлин, предоставление кредитов на льготных условиях в долгосрочной основе.

В качестве одного из перспективных проектов российского частного сектора хотелось бы отметить:

Международную выставку оборудования и технологий для переработки, утилизации отходов и сточных вод- WASMA. На официальном сайте Международной выставки очень четко объясняют эффективность промышленных новшеств. Так например специалисты предлагают приспособления, которые могут переработать тонны мусора и отходов в тепло и электроэнергию при этом не нанося вред экологии. Вместе с тем они отмечают, что закуп подобных оборудования обойдется недешево, но вложенные средства обеспечат в дальнейшем большую экономию на материалах и

существенный доход от прибыли, за счет реализации энергии [3]. И действительно это ведь решит проблему с мусорными полигонами, которые в крупных городах просто навалом и вредят экологии, здоровью и жизни населения.

Как понять обращает ли государство на ту или иную сферу: будь это финансово-кредитная сфера, агропромышленный сектор, легкая промышленность? А я отвечу: внимание государства выражается институционально. Государство применительно к возобновляемым источникам энергии должно принять отдельный федеральный закон и ввести отдельное правовое регулирование. Обратимся к опыту европейских стран. Например, ФРГ имеет закон о расширении возобновляемых источников энергии состоящий из более чем 90 статей. Германия прямо указывает в законе что, целью государства является обеспечение устойчивого развития энергоснабжения в интересах защиты климата и окружающей среды, сохранения ископаемых энергетических ресурсов. ФРГ в частности поставила своей целью, что до 2050 года вся электроэнергия, производимая и потребляемая на территории страны производилась нейтрально по отношению к парниковым газам, а к 2030 увеличить долю электроэнергии, вырабатываемой из возобновляемых источников энергии, в валовом потреблении электроэнергии до 65 процентов [4]. Возможно многие скажут: Германия западная страна со своими особыми принципами и взглядами, но тогда не будем обращать взор так далеко, возьмем ту же Армению. В Армении также законодательно уделено внимание вопросу ВИЭ.

Надо отметить что сфера использование ВИЭ в России урегулирована на подзаконном уровне Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2013 года № 449 “О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности” и Постановлением от 23 января 2015 года №47 посвященной уже использованию ВИЭ на розничном рынке, но еще раз повторюсь данная отрасль должна быть урегулирована на уровне законодательного органа, чтобы исполнительная власть была более подотчетна и должным образом развивала эту инфраструктуру. Именно активная институциональная реформа сможет направить стихийно развивающийся процесс в нужное русло. Бедность в странах “третьего мира” царит потому, что институциональные ограничения в этих странах вознаграждают такие политические и экономические решения, которые не благоприятствуют продуктивной деятельности [5].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Всемирная Хартия природы ООН
2. Акаев А.А. Переходная экономика глазами физика. С 59, АО Учкун, Бишкек, 2000
3. <https://www.wasma.ru/ru-RU/press/stati/pererabotka-otkhodov-v-ehnergiyu.aspx>
4. https://www.gesetze-im-internet.de/eeg_2014/ закон ФРГ о расширении использования ВИЭ
5. Акаев А.А. Переходная экономика глазами физика. С 64, АО Учкун, Бишкек, 2000

Правовые основы борьбы с углеродным следом
Куркина Алена Сергеевна
Студент
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Проблема глобального потепления, связанная с выделением парниковых газов и углеродным следом, является одной из самых важных, нуждающихся в правовом регулировании. Так всем миром обсуждается новый углеродный налог, который не сможет не коснуться топливно-энергетического комплекса России. Тем временем Россия и сама проводит свою собственную экологическую политику, стремится сделать свою экономику низкоуглеродной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Углеродный след, углеродный налог, транснациональное углеродное регулирование, низкоуглеродная экономика, экологическая политика, государственный учет выбросов парниковых газов.

ABSTRACT

The problem of global warming associated with the release of greenhouse gases and the carbon footprint is one of the most important in need of legal regulation. So the whole world is discussing a new carbon tax, which cannot but affect the fuel and energy complex of Russia. Meanwhile, Russia itself is pursuing its own environmental policy, striving to make its economy low-carbon.

KEYWORDS

Carbon footprint, carbon tax, transnational carbon regulation, low-carbon economy, environmental policy, state accounting of greenhouse gas emissions.

Ни для кого ни секрет, что на всех этапах развития человеческой цивилизации люди всегда влияли на окружающую среду. С развитием промышленности вышеупомянутое влияние приобретает все более глобальный и необратимый характер. В данных условиях вопрос экологических проблем и их решения стоит остро в современном обществе.

Деятельность стран в рамках топливно-энергетического комплекса оказывает масштабное влияние на экологию, образование проблем, которые не могут не беспокоить современное общество. Пример данного беспокойства мы можем увидеть в рамках такого объединения как Евросоюз. Можно выделить три так называемых вызова в сфере экологии для Евросоюза, все они неразрывно связаны с функционированием топливно-энергетического комплекса.

Загрязнение атмосферного воздуха, загрязнение окружающей среды мусором и отходами, а также глобальное потепление. На последнем предлагаю заострить внимание. Глобальное потепление представляет собой изменение климата всей планеты, связано это с выбросами парниковых газов. Совокупность всех таких выбросов мы и называем

углеродным следом. Последствия от таких изменений потенциально велики и очень непредсказуемы, а по оценкам экспертов, могут быть и катастрофическими. Именно поэтому делается такой большой акцент на данной экологической проблеме, которая уже давно стоит не только перед Европой и ведущими странами, но и перед всем миром.

При наличии такой серьезной проблемы не удивительно, что разрабатываются различные экологические проекты, а также правовые основы для их реализации. Таким является план, принятый Европейской комиссией 11 декабря 2019 года, по снижению выбросов парниковых газов и даже достижение его нулевого уровня, так называемый European Green Deal. Данный план подразумевает переход к возобновляемым источникам энергии и сырья к 2050 году, и, соответственно, отказ от эксплуатации ископаемых ресурсов.

14 июля 2021 года в рамках данного плана Европейской комиссией было представлено постановление Европейского Парламента и Европейского Совета об утверждении механизма трансграничного углеродного регулирования [1]. Одним из самых важных элементов данного постановления является введение углеродного налога на ввозимую на территорию стран-участниц Евросоюза продукцию с высоким углеродным следом, иными словами на продукцию, при производстве которой сжигается много ископаемого топлива, производителям такой продукции придется платить за каждую тонну углекислого газа, попавшего в атмосферу. К таким продуктам относятся нефть, газ, удобрения, цемент, электроэнергия, металлы. Также устанавливаются лимиты, определенные нормами Евросоюза, на выбросы парниковых газов. Таким образом, углеродный налог не может не повлиять на российскую экономику, так как затрагивается около 40% российского экспорта, по разным прогнозам России такое налогообложение может обходиться в от 6 до 50 млрд евро в год [2].

В контексте правовых механизмов регулирования проблем, касающихся углеродного следа нельзя не отметить Парижское соглашение 2015 года. Данное соглашение направлено на существенное снижение выбросов парниковых газов, приостановление повышения глобальной температуры в текущем столетии, то есть целью является активная борьба с глобальным потеплением. Страны, которые приняли соглашение, принимают на себя такие обязательства как сокращение выбросов, общая работа, связанная с адаптацией к последствиям изменения климата, а также для развитых стран – оказать помощь развивающимся странам. То есть, Пражские соглашения направлены на минимизирование существующего воздействия на климат, так называемого углеродного следа, и в будущем полное прекращение такого воздействия.

Не только международные нормы стремятся регулировать данную ситуацию, в нормах национального законодательства также мы можем увидеть стремление регулировать экологически неблагоприятные выбросы. Так 3 ноября 2016 года свет увидело распоряжение правительства №2344-р, которое утвердило «План реализации комплекса мер по совершенствованию государственного регулирования выбросов парниковых газов». Принято оно было в целях реализации вышеупомянутого Парижского соглашения, данный комплекс мер предполагал корректировку стратегических документов, которые действовали на тот момент, и, соответственно, подготовку новых, которые будут определять экологическую политику, модель

государственного регулирования, направленного на сокращение выбросов парниковых газов [4].

Нельзя не отметить Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» [5]. Этот закон был принят Государственной Думой 1 июня 2021 года. Новый закон направлен на создание и реализацию условия для стабильного развития экономики при условии снижения выбросов парниковых газов. Закон вводит меры по ограничению данных выбросов, к ним относятся государственный учет выбросов парниковых газов, установление целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов, поддержка деятельности по сокращению выбросов и увеличению поглощения парниковых газов.

Законом вводится понятийная база, касающаяся данного вопроса. Таким образом, углеродным следом закон признает общий объем выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов, образующихся в ходе производства продукции либо в ходе оказания услуг, который включает в себя прямые выбросы парниковых газов (образуемые в результате осуществления хозяйственной и иной деятельности), косвенные выбросы парниковых газов (связанные с потреблением электрической, тепловой энергии, иных ресурсов, используемых для обеспечения хозяйственной и иной деятельности и полученных от внешних объектов), поглощения парниковых газов в результате осуществления хозяйственной и иной деятельности, с учетом углеродных единиц, в отношении которых произведен зачет.

По рассматриваемому закону предприятия, которые являются крупнейшими эмитентами парниковых газов, становятся обязанными отчитываться по произведенным выбросам. Из предоставленных данных формируется реестр выбросов парниковых газов, которые станут основой для мониторинга выполнения установленных целевых показателей этих выбросов.

Таким образом, мы видим, что во всем мире идет активная борьба с углеродным следом, ведь в современных условиях нельзя продолжать вести свою деятельность без оглядки на экологию и экологические проблемы. Данные вопросы существенно затрагивают топливно-энергетический комплекс, ведь именно из-за его функционирования во многом возникают и усугубляются экологические проблемы. При урегулировании уровня выбросов прибегают и к правовым методам как на мировом, так и на национальном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Энергетический бюллетень №98, июль 2021, стр. 16
2. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Зарубежная нормативная экспансия в экологическом регулировании // Публичное право. – 2021. - №6
3. Распоряжение Правительства РФ "Об утверждении плана реализации комплекса мер по совершенствованию государственного регулирования выбросов парниковых газов" от 03.11.2016 № 2344-р с изм. и допол. в ред. от 23.12.2019. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»
4. Закон Российской Федерации "Об ограничении выбросов парниковых газов" от 02.07.2021 № 296-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»

Правовое регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса в
современных условиях

Кушнерева Светлана Сергеевна
РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена правовым проблемам в области топливно-энергетического комплекса. Экономическая сфера Российской Федерации неразрывно связана с ее энергетическим сектором. Любые изменения, происходящие в экономике страны, в большей или меньшей степени оказывают влияние на сырьевой сегмент. Особенно это было ярко выражено после распада СССР, когда произошел момент перехода от командной к рыночной экономике. В период, когда топливно-энергетический комплекс находился полностью под контролем государства, не возникало идей о расширении правового регулирования и его упорядочивании в данной сфере. В настоящее время все иначе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовое регулирование, топливно-энергетический комплекс, эффективность правового регулирования, защита прав участников энергетических рынков, ценообразование в сфере энергетики, правовой энергетический порядок.

ABSTRACT

The article is devoted to legal problems in the field of fuel and energy complex. The economic sphere of the Russian Federation is inextricably linked with its energy sector. Any changes taking place in the country's economy have a greater or lesser impact on the raw materials segment. This was especially pronounced after the collapse of the USSR, when there was a moment of transition from a command to a market economy. At a time when the fuel and energy complex was completely under the control of the state, there were no ideas about expanding legal regulation and its streamlining in this area. Currently, everything is different.

KEYWORDS

Legal regulation, fuel and energy complex, efficiency of legal regulation, protection of the rights of participants in energy markets, pricing in the energy sector, legal energy order.

Фундаментом экономики России служит топливно-энергетический комплекс, являясь базовой отраслью отечественного дохода. В современной науке под термином «топливно-энергетический комплекс» понимается «совокупность отраслей, связанных с производством и распределением энергии в различных ее видах и формах» [1]. Важность эффективности правового регулирования деятельности объясняется значимостью развития энергетической сферы в современной России. Достичь этого можно благодаря грамотному правовому обеспечению процессов и отношений. «Указанная необходимость в наличии эффективной правовой базы обуславливается самой сущностью данного комплекса, важность которого заключается в предоставлении энергетических ресурсов как важного блага, пользующегося спросом как на внутреннем,

так и на мировом рынке» [2]. «Для нашей страны гораздо важнее не схоластические рассуждения о месте энергетического права в категориальном юридическом аппарате, а понятное и практически реализуемое правотворчество и правоприменение. Поэтому давно стоит понять, что основные усилия следует сосредоточить на качественном решении практических проблем регулирования ТЭК» [3]. В настоящее время существуют пробелы в правовом регулировании таких моментов как: защита прав участников энергетических рынков, ценообразование в сфере энергетики, баланс интересов поставщиков и потребителей энергетических ресурсов и др. Так как данная отрасль является комплексной, она требует фундаментального законодательного акта, в котором будет определен правовой энергетический порядок России. Важно правильно подумать и четко выработать непротиворечивый понятийный аппарат, убрав неясность правовых норм. «Терминологическая ясность является основой правильного правоприменения и позволит в полной мере связать все подотрасли энергетического права воедино и систематизировать законодательство» [3]. Если посмотреть нормативные акты энергетического сектора, то не всегда можно их однозначно истолковать, порой создавая неразрешимые противоречия. «Отсюда отсутствие предсказуемой правоприменительной практики, коррупционные проявления и произвол контролирующих органов» [3]. Топливо-энергетический комплекс будет функционировать с максимальной отдачей только при верном правовом регулировании. Но пока не будут решены существующие проблемы, одно из которых является несовершенство законодательной базы, которая должна отвечать не только современным требованиям правового регулирования, но и мировым стандартам, данный сектор будет неисправным двигателем в экономике и развитии страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ТЭК и окружающая среда [Электронный ресурс]: URL: <https://intalent.pro/article/tek-i-okruzhayushchaya-sreda.html> (дата обращения 08.10.2021 г.).
2. Вестник экономики, права и социологии [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vestnykeps.ru/0118/7.pdf> (дата обращения 08.10.2021 г.).
3. LF Академия: Энергетическое право в России: настоящее и будущее [Электронный ресурс]: URL: <https://spbu.ru/news-events/universitet-v-smi/energeticheskoe-pravo-v-rossii-nastoyashchee-i-budushchee> (дата обращения 08.10.2021 г.).

Правовая квалификация договора об оказании услуг транспортировки газа по
магистральным трубопроводам
Лаврентьева Татьяна Николаевна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Топливо-энергетический комплекс является одним из основных составных элементов экономического развития России. Поэтому исследования, нацеленные на решение вопросов в области регулирования энергетического сектора экономики, а именно законодательного обеспечения функционирования и развития топливо-энергетического комплекса, всегда значимы. Договорное регулирование отношений, связанных с транспортировкой газа по магистральным газопроводам, является недостаточно неисследованным явлением в российской науке. В статье рассматривается вопрос правовой квалификации договора об оказании услуг транспортировки газа по магистральным трубопроводам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовая квалификация договора, магистральные газопроводы, договор, топливо-энергетический комплекс.

ABSTRACT

The fuel and energy complex is one of the main components of Russia's economic development. Therefore, studies aimed at solving issues in the field of regulation of the energy sector of the economy, namely, legislative support for the functioning and development of the fuel and energy complex, are always significant. Contractual regulation of relations related to gas transportation through main gas pipelines is an insufficiently unexplored phenomenon in Russian science. The article discusses the issue of legal qualification of an agreement on the provision of gas transportation services through trunk pipelines.

KEYWORDS

Legal qualification of the contract, main gas pipelines, contract, fuel and energy complex.

Россия является одной из ведущих энергетических держав мира, в этой связи транспортировка газа и нефти по магистральным трубопроводам и ее правовое регулирование имеет существенное значение для экономики страны. Договорное регулирование отношений, связанных с транспортировкой газа по магистральным трубопроводам, а также сущность понятия договора оказания услуг транспортировки газа по магистральным трубопроводам является недостаточно неисследованным явлением в российской науке, что указывает на актуальность проводимого исследования.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 31.03.1999г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» [1] процесс транспортировки газа по трубопроводам регулируется договором об оказании услуг.

В юридической науке существуют разные точки зрения относительно правовой квалификации рассматриваемого договора. Одни квалифицируют его как договор поставки, договор перевозки, другие относят к договору подряда, договору возмездного оказания услуг и смешанному договору.

В.В. Башунов и К.Б. Кузнецова предлагают квалифицировать исследуемый договор, как договор возмездного оказания услуг [7]. Сравнивая данный договор с договором возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) [2], нужно обратить внимание на право одностороннего отказа от исполнения договора возмездного оказания услуг. Из обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2018) следует, что в специальных нормативных актах не содержится возможность немотивированного одностороннего отказа от исполнения договора, однако, это не означает, что такого права у заказчика нет.

Транспортировка газа является сложным технологическим процессом. Для того, чтобы осуществлять транспортировку по магистральному трубопроводу необходимо наличие технической возможности доступа (свободной мощности). На практике возникают проблемы, связанные с отказом в предоставлении права транспортировки по магистральным трубопроводам ввиду отсутствия свободных мощностей.

В случае с транспортировкой газа по магистральным трубопроводам газотранспортная организация не сможет односторонне отказаться от исполнения договора. Если отправитель продукции будет иметь право на односторонний отказ, то в случае его реализации возникнут технологические трудности для транспортирующей организации. Верным и логичным будет признать тот факт, что у отправителя или получателя отсутствует право на односторонний отказ от исполнения договора.

В нормативных правовых актах, в частности, Положении о доступе[3] и Правилах поставки газа[4] у отправителя не предусмотрено право на односторонний отказ от исполнения договора без установленных причин. Таким образом, исследуемый договор не может быть квалифицирован как договор возмездного оказания услуг.

Р.Н. Салиева относит исследуемый договор к договору перевозки [9]. Одним из условий которого является выдача одному и того же конкретного груза в пункте назначения уполномоченному лицу (получателю). При отправке вещи в газотранспортную систему происходит смешение вещи отправителя с вещами других отправителей. Таким образом, в пункте выдачи мы получаем вещь не идентичную той, которая была сдана в систему для транспортировки. Данный факт является главным различием между двумя договорами. Также следует отметить, при исполнении договора перевозки используются транспортные средства, и появляются определенные права и обязанности сторон, предусмотренные договором перевозки.

Проводя сравнительный анализ исследуемого договора с договором подряда (гл. 37 ГК РФ), следует отметить, что целью сторон договора об оказании услуг по транспортировке газа по магистральным трубопроводам не является совершение каких-либо действий с качественными характеристиками продукции, которая была сдана в систему трубопроводов, потому что продукция на пунктах приема и выдачи наделена качеством заменимых вещей. Следовательно, те качественные изменения, которые происходят с газом при транспортировке по магистральному трубопроводу, правового значения для сторон не имеют.

В отличие от договора поставки договором об оказании услуг транспортировки газа по магистральным трубопроводам не предусмотрен переход права собственности на транспортируемую вещь.

Некоторые авторы предлагают квалифицировать исследуемый договор, как договор энергоснабжения. ГК РФ прямо не указывает о каком виде энергии идет речь. Согласно ст. 548 ГК РФ «к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами, правила о договоре энергоснабжения применяются, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства» [1]. Возникает вопрос, что понимается под присоединенной сетью.

В газовой сфере вышеупомянутый термин не встречается. В электроэнергетике данный термин применяется в отношении электрораспределительных сетей. Электроэнергия по договору поставки продается электропроизводящей организацией электроснабжающей организации. В соответствии со ст. 539 ГК РФ «по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии» [1].

Понятие «присоединенная сеть» содержится в утвержденных Минэнерго России 19 января 2002 г. Методических рекомендациях по регулированию отношений между энергоснабжающей организацией и потребителями. В соответствии с методическими рекомендациями «присоединенной сетью именуется электрическая сеть, через которую абонент (потребитель), присоединенный непосредственно или через сети других владельцев к сети энергоснабжающей организации, получает электрическую энергию» [5].

Согласно Своду правил СП 36.13330.2012 «магистральный трубопровод - единый производственно-технологический комплекс, включающий в себя здания, сооружения, его линейную часть, в том числе объекты, используемые для обеспечения транспортирования, хранения и (или) перевалки на автомобильный, железнодорожный и водные виды транспорта жидких или газообразных углеводородов, измерения жидких (нефть, нефтепродукты, сжиженные углеводородные газы, газовый конденсат, широкая фракция легких углеводородов, их смеси) или газообразных (газ) углеводородов» [6].

Из приведенного следует, что понятия «магистральный трубопровод» и «присоединенная сеть» не являются тождественными. Они характеризуются разным составом объектов и разным целевым назначением. Таким образом, договор об оказании услуг по транспортировке газа по магистральным трубопроводам не представляется возможным квалифицировать как договор энергоснабжения.

Некоторые относят исследуемый договор к смешанным договорам. Такой позиции, в частности, придерживается Т.А. Рустамова. По мнению автора, исследуемый договор содержит элементы договора мены, перевозки, иррегулярного хранения [8].

В сравнении исследуемого договора и договора иррегулярного хранения, нужно констатировать, что в соответствии с договором об оказании услуг по транспортировке у газотранспортной организации нет обязанности возвратить сданную продукцию по первому требованию отправителя. Обязанность по первому требованию поклажедателя возвратить принятую на хранение вещь предусмотрена ст. 904 ГК РФ.

В сравнении с исследуемым договором в договоре мены содержится условие только о том, что одна сторона передает другой стороне одни вещи с целью обмена на другие.

Существует также точка зрения определения исследуемого договора, как самостоятельного вида договора, которой придерживается К.В. Корепанов. Аргументируя свою позицию невозможностью отнесения договора об оказании услуг транспортировки газа по магистральным трубопроводам к поименованным в ГК РФ договорам [10].

При проведении сравнительного анализа были выявлены особенности исследуемого договора. В частности, возможность смешения вещей различных отправителей при транспортировке, невозможность одностороннего отказа от договора без установленных нормативными правовыми актами причин. По нашему мнению, договор об оказании услуг транспортировки газа по магистральным трубопроводам является самостоятельным видом договора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (статьи 454 - 1109) (с изменениями на 29 июля 2018 года) от 01 марта 1996 №14-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации N 5, 29.01.96, ст.410
2. О газоснабжении в Российской Федерации: Федерального закона от 31.03.1999г. № 69-ФЗ//// СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3525
3. Об обеспечении доступа независимых организаций к газотранспортной системе ПАО «Газпром»: Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.1997г. № 858 // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3525.
4. Об утверждении Правил поставки газа в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 5 февраля 1998 г. N 162// СЗ РФ. 1998. № 6. Ст. 770.
5. Методические рекомендации по регулированию отношений между энергоснабжающей организацией и потребителями. – СПб.:Деан, 2002 . – 48.
6. СП 36.13330.2012 Магистральные трубопроводы. Актуализированная редакция СНиП 2.05.06-85*: Приказ Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству от 25 декабря 2012 г. N 108/ГС/ М.: Госстрой, ФАУ "ФЦС", 2013.
7. Башунов, В.В. Договоры купли-продажи и транспортировки газа через присоединенную сеть: правовая природа и порядок заключения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Саратов, 2012. С. 9, 19.
8. Рустамова, А.Т. Актуальность юридической квалификации договора на транспортировку нефти и газа по магистральным трубопроводам / А.Т. Рустамова,

В.Н. Снетков // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. – 2018. - №5. – С .494-496

9. Салиева, Р.Н. Правовое обеспечение развития предпринимательства в нефтегазовом секторе экономики. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Тюмень, 2003. С. 280.

Корепанов, К.В. Правовое регулирование транспортировки нефти и газа по магистральным трубопроводам: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.07 / Корепанов К.В. - Москва, 2016. - 210 с.

Корпоративное управление на принципах устойчивого развития

Логон Диана Теофиловна

Аспирант

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Автор предпринял попытку правового анализа корпоративного управления, построенного на принципах устойчивого развития применительно к «зеленой экономике». Проблемы устойчивого развития закреплены в стратегии нефтегазовых компаний, которые развиваются в условиях меняющегося энергетического мира, будь то сокращение выбросов, обеспечение безопасности сотрудников или создание новых процессов. Ключевой задачей автор видит поиск правового баланса интересов между работниками в загрязняющей отрасли и работниками конкурирующей «зеленой» отрасли?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Корпоративное управление, зеленая экономика, право, интерес, устойчивое развитие, стратегия.

ABSTRACT

The author has attempted a legal analysis of corporate governance based on the principles of sustainable development in relation to the "green economy". The problems of sustainable development are fixed in the strategy of oil and gas companies that are developing in a changing energy world, whether it is reducing emissions, ensuring the safety of employees or creating new processes. The author sees the search for a legal balance of interests between employees in the polluting industry and employees of the competing "green" industry as the key task?

KEYWORDS

Corporate governance, green economy, law, interest, sustainable development, strategy

Устойчивое развитие занимает центральное место во всех отраслях. Мир становится все более загрязненным, глобальное потепление становится все более вопиющим, а население мира растет. Комиссия Брундтланда в своем докладе «Наше будущее для всех» [2] институционализовала и определила устойчивое развитие как «развитие, которое отвечает потребностям настоящего времени без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Сегодня практически все компании приобрели культуру устойчивого развития и, оказывая значительное влияние на окружающую среду, они должны нести ответственность.

Исследуются актуальные проблемы правового регулирования в сфере корпоративного управления и устойчивого развития. Одной из основных задач наших современных обществ является обеспечение устойчивого развития. Изменение климата, борьба с загрязнением окружающей среды, истощение энергетических ресурсов или

утрата биоразнообразия требуют глубоких изменений в функционировании предприятий и администраций. Нефтегазовые компании тому подтверждение. Как производство, так и переработка нефти и газа сталкиваются с очень многими проблемами. Производственные компании должны удовлетворять растущий спрос на топливо, но они также должны учитывать высокое потребление воды, устойчивую переработку своих отходов, а также безопасность и здоровье своих сотрудников.

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в обосновании роли корпоративной социальной ответственности как важнейшего Фактора инновационного развития компании и, во-вторых в разработке методологии принятия решений и координации деятельности в области реализации концепции устойчивого развития в компании с использованием новых, более подходящих нормативных правовых актов.

В процессе подготовки работы использованы нормы международных актов (в частности, международные документы ООН, такие как: Цели ООН в области устойчивого развития (2015 год); Глобальный договор Организации Объединенных Наций (2000 год); Трехсторонняя декларация МОТ о многонациональных компаниях (1977 год); Декларация Рио-де-Жанейро, по окружающей среде (1992)), Указ Президента РФ от 04.11.2020 № 666 «Осокращении выбросов парниковых газов» и, такие стандарты как Стандарт ISO 26000 (2010).

Проблемы устойчивого развития прочно закреплены в стратегии нефтегазовых компаний, которые развиваются в условиях меняющегося энергетического мира, будь то сокращение выбросов, обеспечение безопасности сотрудников или создание новых процессов. Крупные международные нефтегазовые операторы не просто следят за изменениями в нормативных актах, а укрепляют свои стандарты, предвидя потребности рынка и инвестируя в адаптированные решения.

Нормативные акты, несомненно, имеют решающее значение для развития нефтегазовой отрасли в целом, поэтому необходимо сотрудничество с правительственными учреждениями по всему миру для разработки стандартов и методологий для более точного контроля, количественной оценки и сокращения выбросов. Сегодня правила охватывают гораздо больше аспектов и становятся все более сложными. Однако в будущем необходимо, чтобы правила распространились на другие виды парниковых газов. Утечка сырой нефти, сжигание газовых факелов и распространение других химических веществ в производственных процессах на протяжении многих лет оказывали влияние на биоразнообразие в Африке. Газовые факелы обычно содержат более 250 токсинов и очень вредны для природных экосистем.

Проблематика, стоящая перед этой темой, выражается в следующих терминах: противоречия, потенциальные конфликты в любой жизненной ситуации в обществе, и для того, чтобы существовать устойчиво, каждое общество создает компромиссы для их регулирования – или вступает в кризис[1e]. Таким образом, несмотря на оптимистичное утверждение об устойчивом развитии, сочетающем экономическую, социальную, экологическую и культурную устойчивость, любой проект КСО сталкивается с этими противоречиями. Например: как сбалансировать социальную справедливость и экологическую справедливость, когда в условиях высокой безработицы, промышленный проект угрожает охраняемым видам фауны и флоры? Как преодолеть конфликт

интересов между работниками в загрязняющей отрасли и работниками конкурирующей "зеленой" отрасли?

ЛИТЕРАТУРА:

1. 1.Корпоративное право: учеб. курс. В 2 т. Т. 2. / Отв. Ред. И.С. Шиткина. - М.: Статут, 2018. -990 с
2. Наше общее будущее : Докл. Междунар. комис. по окружающей среде и развитию (МКОСР) : Пер. с англ. / Под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета; [Предисл. Г. Харлем Брундтланд]. - М. : Прогресс, 1989

Правовые аспекты применения ИИ в ТЭК
Люсый Анастасия Павловна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Развитие искусственного интеллекта во всем мире является важнейшим феноменом. Применение его в различных отраслях неизбежно, следовательно, для успешного применения функций искусственного интеллекта необходима качественная нормативно правовая база, способная регулировать положения, связанные с его использованием. Топливо-энергетический комплекс также не остается в стороне. Все в больше и больше количество направлений ТЭК происходит внедрение искусственного интеллекта, что должно регулироваться правовыми актами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Искусственный интеллект, правовой режим, топливо-энергетический комплекс, развитие технологий, Энергетическая стратегия.

ABSTRACT

The development of artificial intelligence around the world is a major phenomenon. Its application in various industries is inevitable, therefore, for the successful application of the functions of artificial intelligence, a high-quality regulatory and legal framework is required, capable of regulating the provisions related to its use. The fuel and energy complex also does not stand aside. In more and more areas of the fuel and energy complex, artificial intelligence is being introduced, which should be regulated by legal acts.

KEYWORDS

Artificial intelligence, legal regime, fuel and energy complex, technology development, Energy strategy.

Уже с 1950 года началось развитие информационных систем, которые помогали бы человеку легче принимать решения. Подобные экспертные системы описывали алгоритм действий по выбору того или иного решения в зависимости от конкретных предложенных условий. На смену подобным системам пришло машинное обучение, благодаря которому информационные системы получили возможность самостоятельно формировать правила и находить решение, используя исходные данные, но и применяя анализ зависимостей данных друг от друга, что позволяет говорить о появлении искусственного интеллекта (далее ИИ).

Создание универсального искусственного интеллекта, способного, подобно человеку, решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям, является сложной научно-технической проблемой, решение которой находится на пересечении различных сфер научного знания – естественно-научной, технической и социально-гуманитарной.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта сопровождается существенным ростом как государственных, так и частных инвестиций в их развитие, а

также в разработку прикладных технологических решений на основе искусственного интеллекта.

В настоящее время в мире происходит ускоренное внедрение технологических решений, разработанных на основе ИИ, в различные отрасли экономики и сферы общественных отношений. По оценкам экспертов, ожидается, что благодаря внедрению таких решений рост мировой экономики в 2024 году составит не менее 1 трлн. долларов США [1]. С помощью информационных технологий появляется возможность эффективно и творчески решать экономические проблемы.

До недавнего времени энергетическая отрасль считалась одной из самых консервативных в мире, но в настоящее время ситуация меняется. В России стал реализовываться национальный проект «Цифровая экономика», а также проект Министерства энергетики «Цифровая энергетика», а по мнению экспертов, к 2030 году отечественный энергокомплекс «поумнеет» и станет более автоматизированным.

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года № 1523-р, утвержденная 9 июня 2020 г., сподвигла Минэнерго совместно с другими органами власти представить план мероприятий по реализации данного документа.

Предполагается:

- внедрение «сквозных» цифровых технологий (раздел «Научно-техническая и инновационная деятельность»);
- внедрение автоматизированных и роботизированных технологий добычи (производства) энергетических ресурсов (раздел 3);
- внедрение роботизированных комплексов, исключающих присутствие персонала в потенциально опасных зонах (раздел 4) [2].

Указ Президента от 10 октября 2019 г. № 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.» предполагает развитие ИИ как одно из условий обеспечения конкурентоспособности и независимости нашего государства (раздел 2 указанного документа) [1].

Также указано, что искусственный интеллект является одним из основных направлений развития отечественных информационных технологий [3].

Распоряжением Правительства РФ от 17 января 2020 г. № 20-р утверждена «Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года, которая так же предусматривает создание программно-аппаратных комплексов, реализующих технологию ИИ, с ежегодным докладом Правительству о проделанной работе (п.6. плана мероприятий по реализации Стратегии развития электронной промышленности до 2030 г.).

Таким образом, государство создало необходимую правовую базу регулирования ИИ в топливно-энергетическом комплексе (далее – ТЭК). Возможности ИИ позволяют оптимизировать множество процессов в промышленности.

Исходя из этой посылки, в работе проводится анализ правового регулирования ИИ как такового в российском государстве, а также применительно к конкретной отрасли – топливно-энергетическому комплексу с целью выявления его особенностей.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом правового сообщества к новому для данной сферы явлению – искусственный интеллект. На сегодняшний день ИИ фактически стал феноменом номер один. За последние

несколько лет бурное развитие технологий в этой области привело к широкому использованию искусственного интеллекта во всех сферах возможного применения.

Существует мнение, что ИИ может стать последним изобретением человечества и после создания универсального ИИ исчезнет необходимость вмешательства в процессы, происходящие в жизни самих людей, поскольку решения будут приниматься самостоятельно ИИ. Механизмы, которыми обладает сегодня ИИ способны в режиме реального времени быстро принимать необходимые оптимальные решения на основе анализа гигантского объема данных, обеспечивая при этом различные преимущества в результативности практически во всех сферах применения [4].

Отправной точкой нормативно-правового регулирования технологий в области ИИ в Российской Федерации стало издание Указа Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» которым была утверждена «Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Стратегия).

Важно отметить, что Стратегия является первым документом в России, в котором представлено легальное определение ИИ.

Согласно пп. «а» п. 5 Стратегии: искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1].

Особое внимание Стратегией уделено созданию нормативно-правовой базы, которая должна обеспечивать стимулирование развития и использования технологий ИИ, адаптации нормативного регулирования в части, которая касается взаимодействия человека с ИИ и выработка соответствующих этических норм [1].

Необходимо отметить, что Россия является не первой страной, в которой принят документ стратегического планирования в сфере ИИ.

В 2019 году была опубликована Национальная стратегия Минобороны США по ИИ, которая ставит следующие приоритетные задачи:

1. Взаимодействие с коммерческими, академическими и международными союзниками и партнерами.
2. Привлечение и развитие специалистов мирового уровня по искусственному интеллекту в целях накопления экспертных знаний для использования возможностей ИИ.
3. Создание программ ускоренного обучения в области ИИ посредством Минобороны США на всех уровнях профессионального образования и обучения [5].

В Великобритании в апреле 2018 года была опубликована «Стратегия промышленности в сфере искусственного интеллекта». В перспективе стратегия призвана обеспечить мировое лидерство Великобритании в некоторых областях искусственного интеллекта. Документ всеобъемлющий, с упором на стимулирование

государственных и частных исследований и разработок, улучшение цифровой инфраструктуры и ведение глобального диалога в части этики данных [6].

В Китайском «Плане развития технологий искусственного интеллекта» по достижению 2030 года поставлены амбициозные цели. Технологии ИИ должны стать ведущими в мире, а сам Китай – крупнейшим инновационным центром. Данный документ является наиболее полным из всех национальных стратегий в области ИИ, с инициативами и целями в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, индустриализации, развития талантов, образования и приобретения навыков, установления стандартов и принятия нормативных актов, этических норм и мер безопасности [7].

Искусственный интеллект — это стратегический проект ближайшего будущего, сравнимый по сложности и важности с ядерными проектами в СССР и США середины XX века.

Становится очевидным, что в ближайшие несколько лет все ведущие державы будут втянуты в гонку инновационных технологий, ведь техническое отставание ухудшает экономические и политические перспективы страны. И напротив, широкое внедрение ИИ способно обеспечить существенные экономические преимущества через повышение эффективности промышленности и рост производительности труда.

Совершенно точно можно говорить о двух направлениях применения ИИ в рассматриваемой отрасли, а именно – ТЭК. Первое – это применение комплексов автономных систем, там, где доступ человека затруднен. Второе – это работа с большими базами данными. Процессы разведки, разработки и добычи полезных ископаемых сопровождаются обработкой огромного количества информации на каждой стадии. Это сведения о сейсморазведке, данные геолого-технических мероприятий, информация о телеметрии бурения и др. Все эти сведения разнообразны, объемны и точно не определены. Использование технологий ИИ, позволит ускорить процесс принятия правильного решения, оптимизировать логистику и т.д.

И третий аспект – информационная безопасность. Обеспечение безопасности геологической информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, защита коммерческой тайны предприятий нефтегазового комплекса, охрана персональных данных сотрудников этих предприятий – все это должно учитывать риски, связанные с ИИ.

Государство определилось с методиками внедрения ИИ-технологий в топливно-энергетическом комплексе и обрабатывающих отраслях промышленности. Они прописаны в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект». Задача федерального проекта «Искусственный интеллект» — создать условия для того, чтобы предприятия и граждане использовали продукты и услуги, основанные на преимущественно отечественных технологиях искусственного интеллекта, обеспечивающих качественно новый уровень эффективности деятельности.

В дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» 2019 года можно выделить отрасли, связанные напрямую с ТЭК [8].

Так в отрасли «добыча полезных ископаемых» выделяются следующие области применения:

- оптимизация разведки и извлечения запасов на основе анализа геофизических данных;
- повышение эффективности и безопасности производственного процесса за счет применения автономного оборудования и транспорта;
- предотвращение простоев оборудования и дорогостоящих ремонтов за счет превентивного обслуживания.

В отрасли «обрабатывающие производства»:

- повышение качества и снижение затрат на проектирование продукции за счет комплексного моделирования параметров будущего продукта;
- автоматизация и оптимизация производственных процессов и сети поставок за счет снижения производственных ошибок;
- минимизации влияния человеческого фактора и эффективное прогнозирование спроса.

В отрасли «Обеспечение электрической энергией, газом и паром» выделяются следующие области применения:

- сокращение сроков и затрат на проектирование и строительство объектов за счет анализа данных об условиях строительной площадки и опыта предшествующих проектов;
- оптимизация ремонтов за счет предиктивного обслуживания оборудования;
- оптимизация процессов управления сложными энергетическими системами за счет улучшения процессов диспетчеризации.

В отрасли «транспортировка и хранение»:

- оптимизация выстраивания маршрутов, учитывая прогнозы транспортных потоков и характеристик транспортных средств;
- обеспечение безопасности вождения за счет выявления и предупреждения опасных ситуаций;
- использование беспилотных транспортных средств;
- предотвращение поломок транспорта за счет прогнозирования неисправностей;
- оптимизация работы распределительных центров за счет автоматизированного учета продукции и скорости погрузки;
- роботизация складов.

Уже сейчас можно привести примеры функционирующего ИИ в промышленном производстве. В кислородно-конвертерном цехе Магнитогорского металлургического комбината искусственный интеллект принимает данные по составу и массе смеси материалов в плавильной печи. Потом он выдает необходимые указания по использованию добавок для того, чтобы сталь была приведена к нужному стандарту. Расход этих сплавов благодаря ИИ сократился на 5%. Таким образом, металлурги планируют сэкономить до 23 млн руб. в месяц.

ИИ получит широкое применение в двух основных сегментах промышленного производства и энергетики (в том числе нефтяной промышленности). Во-первых, это мониторинг процессов и состояния оборудования. Умные датчики смогут провести анализ больших объемов данных с каждой единицы. Например, благодаря анализу

данных о необходимой частоте чистки корпусов, выполненному на основе алгоритмов машинного обучения, американская корпорация Caterpillar (производство строительного и горнодобывающего оборудования) экономит \$400 тыс. в год.

Во-вторых, одним из методов работы является создание алгоритмов для выявления закономерностей при анализе Big Data, а также использование этих данных для самообучения. Все это необходимо для прогнозирования и классификации. В результате у промышленников и энергетиков появится шанс экономии трудозатрат за счет автоматизации важных для компаний процессов [9].

В частности, можно предположить, что искусственный интеллект будет применяться для создания обработки сейсмических данных, методики комплексной интерпретации данных геоинформационной системы, системы моделирования ресурсов нефтегазовых месторождений для выявления перспективных объектов, для прогнозирования производства и движения нефтепродуктов в нефтяной отрасли и пр. Ожидается, что к 2024 г. доля субъектов ТЭК, применяющих цифровые решения на основе ИИ, составит 15%.

Правовой анализ документов, направленных на развитие технологий ИИ в Российской Федерации показывает особое внимание со стороны государства к данному направлению, исходя из высокого уровня актуальности, а также в связи возросшей потребностью в технологических решениях в области ИИ.

Российская Федерация обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий искусственного интеллекта. Этому способствуют высокий уровень физико-математического образования, сильная естественно-научная школа, наличие компетенций в области моделирования и программирования. Россия входит в десятку стран-лидеров по количеству научных публикаций по физике, математике, химии. Кроме того, в Российской Федерации сформировано активное и постоянно растущее сообщество специалистов по обработке данных с использованием искусственного интеллекта.

Согласно Стратегии развития искусственного интеллекта, к 2030 году в России должно быть разработано программное обеспечение, в котором используются технологии искусственного интеллекта, для решения задач в различных сферах деятельности. Российские организации, разрабатывающие такое программное обеспечение, должны войти в группу лидеров на мировом рынке, а также должна функционировать гибкая система нормативно-правового регулирования в области искусственного интеллекта, в том числе гарантирующая безопасность населения и направленная на стимулирование развития технологий искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конев, С. И. Кунина И.Л. Правовое регулирование применения технологии искусственного интеллекта в топливно-энергетическом комплексе России / С. И.

- Конев, И. Л. Кунина // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11(191). – С. 93-95.].
3. Пп. в п. 36 Указа Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы»).
 4. Конференция по искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/62003>.
 5. Селянин Я. В. Государственная политика США в области искусственного интеллекта: цели, задачи, перспективы реализации // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 4. С. 140-163.
 6. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. №2. С. 19-30.
 7. Струкова П. Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития. Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика, 2020 г. №12 (4), С. 588-606.
 8. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». Электронный ресурс URL <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1046/> режим доступа – свободный (дата обращения 05.10.2021).
 9. Потенциал искусственного интеллекта. Электронный ресурс URL https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/8/852/ режим доступа – свободный (дата обращения 05.10.2021).

К вопросу о государственной-правовой защите топливно-энергетического комплекса от киберпреступлений в России

Мазур Екатерина Александровна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Оснащение ТЭКа передовыми технологиями позволило вывести Россию на новый уровень в мировой технологической революции. Что вчера казалось мечтами – сегодня стало реальностью: объекты ТЭК, внедряя цифровые технологии, действительно показывают успешные результаты. Однако фактор угрозы существует всегда, особенно в такой зоне как цифровая уязвимость. Поэтому, в целях предотвращения ежедневного роста преступных группировок, способных привести к краху: в минимальном исходе – одной или нескольких компаний, а в максимальном – страны, необходимость в защите инфраструктуры ТЭК от новых средств кибернетического нападения только растет.

В статье рассматриваются основные группы киберпреступлений, существующих в ТЭКе, а также возможности компаний по самозащите, в целях безопасного использования энергетического комплекса. Поднимаются вопросы о наличии законодательной базы, государственного регулирования ТЭКа от киберугроз, и возможные пути решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ТЭК, право, государственный контроль, контроль на предприятиях, киберриск, киберугроза, киберпреступления.

ABSTRACT

Equipping the fuel and energy complex with advanced technologies made it possible to bring Russia to a new level in the global technological revolution. What seemed like dreams yesterday has become a reality today: fuel and energy facilities, introducing digital technologies, really show successful results. However, there is always a threat factor, especially in such a zone as digital vulnerability. Therefore, in order to prevent the daily growth of criminal groups that can lead to collapse: in the minimum outcome - one or several companies, and in the maximum - countries, the need to protect the infrastructure of the fuel and energy sector from new means of cyber attack is only growing.

The article discusses the main groups of cybercrimes existing in the fuel and energy sector, as well as the possibilities of self-defense companies for the safe use of the energy complex. Questions are raised about the existence of a legislative framework, state regulation of the fuel and energy sector from cyber threats, and possible solutions.

KEYWORDS

Fuel and energy complex, law, state control, control at enterprises, cyber risk, cyber threat, cyber crimes.

Буквально каждый год наш мир сталкивается с изменениями, благодаря четвертой промышленной революции. Ее главными отличиями являются: *во-первых*, отсутствие аналогов; *во-вторых*, кардинальная направленность на изменение существующих

условий жизни; *в-третьих*, скорость, поскольку никакие другие изменения в мире не внедрялись настолько всеобъемлюще и резко.

Цифровые технологии обрели факт постоянства, удобства, непрерывности в использовании, однако, несмотря на положительные стороны, все же найдется неизменная «ложка дёгтя». Благодаря *Указу Президента России «О национальных целях до 2030 г.»* цифровизация стремительно охватила, в том числе и топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК). Минэнерго России вместе с компаниями организовало проект «Цифровая энергетика», направленный на преобразование и модернизацию энергетической инфраструктуры России. Таким образом, если Россия откажется сейчас от внедрения технологий в ТЭК – возникнут проблемы на производстве, а потому это неизбежный этап эволюции, который должен затронуть отрасль топливной промышленности и энергетики.

Однако насколько бы ни был процесс цифровизации положителен для страны, все же, проблемой служат киберугрозы, с которыми производства оказываются один на один. Перейдя к вопросу правовой защиты топливно-энергетического комплекса России, предлагаем рассмотреть многообразие киберугроз, существующих на данный момент, и, посредством которых безопасность производства резко снижается.

Так, если примерно определить группы, можно выделить как частную, так и общую. Но чаще всего компании сталкиваются с киберугрозами последнего вида, поскольку вредоносные программы могут внезапно и незаметно «подложить паразита» в устройство, преградив дорогу всей системе. Среди всех, не только в ТЭК, но и в обычной жизни, выделяются вымогатели-шифровальщики. Их задача состоит в шифровании данных пользователя и вымогание денег за восстановление доступа - это может привести к серьезным последствиям, вплоть до остановки технологических процессов. По большей части, к общим цифровым угрозам относятся:

- 1) Целевые атаки - почти всегда это группа профессионалов (иногда международная, вооруженная с техническим инструментарием), цель их направлена на конкретную компанию для хищения информации с сокрытие затем следов;
- 2) Атаки шифровальщиков и других неспециализированных вредоносных;
- 3) Конфликты и сбои ПО - происходит, зачастую, после попадания вредоносного носителя;
- 4) Человеческие ошибки – они же относятся к частой группе (подключение офиса к интернету, съемные носители, почтовый клиент). [4]

Однако надеяться на то, что создав систему кибербезопасности, контроль не понадобится – не лучший вариант. Скорее, обеспечить наблюдение, наоборот, придется в двукратном объеме, ведь это связано не только с нарастающими по сложности последствиями случайных воздействий, но и с тем, что, вся унификация обязана соответствовать всем критериями безопасной оснащенности изнутри. Таким образом, наличие не только межсетевых экранов, но и системы, «смотрящей» за тем, что происходит внутри производственного процесса, является обязательным.

Возвращаясь к главному вопросу статьи: государственной-правовой защите ТЭКа в России, остановимся на том, что цифровая среда отрасли предполагает комплексный подход, т.е. и государственный, и корпоративный. Как видно из *Федерального закона от 21 июля 2011 г. N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического*

комплекса», предметом служит «... обеспечение безопасности объектов топливно-энергетического комплекса в Российской Федерации, за исключением объектов атомной энергетики...» [1], а целью является предотвращение актов незаконного вмешательства. Однако, обобщив *ст. 6 Закона*, можно сказать, что обеспечение безопасности объектов ТЭКа переходит всецело на субъект топливно-энергетического комплекса, владеющего на праве собственности или ином законном праве объектом топливно-энергетического комплекса. И только функции «наблюдателя» отнесены к подразделениям и (или) организациям федерального органа исполнительной власти.

Если обратиться к *Приказу Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 26 ноября 2020 г. N 466 "Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса"* [2] и *Постановлению Правительства РФ от 20 октября 2016 г. N 1067 "Об утверждении Правил осуществления Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации и ее территориальными органами федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса"* [3], можно предположить, что компании, объективно, не могут надеяться на защиту прав со стороны государства, а значит, фундаментом служат лишь «собственные силы». Кроме этого, ни в одном из перечисленных актов нет определения таких терминов как: «кибербезопасность ТЭК», «киберпреступность в ТЭК» и т.д. Выходит, ни один Закон не предусматривает даже и возможности существования киберугроз в ТЭКе, равно, как и защиту данных объектов от подобных преступлений.

Находясь в непростой ситуации, компании самостоятельно создают «купол безопасности», предпринимая следующие шаги:

1. Защита рабочих станций и серверов, специализированными ПО для работы в промышленности;
2. Сегментирование сеть на зоны, такие как промышленный и корпоративный сегмент и более мелкие, максимально разделяя доступ пользователей к различным элементам инфраструктуры;
3. Обеспечение контролируемого удаленного доступа, используя актуальные решения, позволяющие максимально защитить учетные данные пользователей;
4. Анализ того, что происходит в промышленной сети: кто с кем общается, корректно ли выполняются команды, нет ли попыток неразрешенного удаленного подключения и распространения вредоносного ПО.

Также большинство предприятий использует Kaspersky Industrial Cybersecurity в различных его проявлениях:

1. *KICS for Nodes* — обеспечивает безопасность серверов, человеко-машинных интерфейсов и рабочих станций от различных киберугроз, универсального вредоносного ПО, целевых атак.
2. *KICS for Networks* — функционирует на уровне сетевой инфраструктуры, анализируя промышленный трафик на предмет разнородных аномалий. Способно помочь найти ошибки пользователей, вызвавшие нештатную ситуацию или саботаж.

3. *Kaspersky Security Center* — централизованное управление всеми решениями Kaspersky, включая KICS.[4]

И все же, разбирая подробно проблемы защиты ТЭКа на уровне государственно-правовой защиты, отмечаем, что данный вопрос находится в процессе становления: Россия положительно настроена на преодоление киберрисков в производстве, в силу обострений в системе и, конечно, слабой нормативно-правовой базы. Фактически, Советом Федерации еще в 2014 году был предложен на «суд общественности» проект Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации [5], который, как утверждают его авторы, должен был создать национальную систему защиты от кибератак, усилить ответственность за совершенные преступления, а также создать различные преимущества для отечественных IT-компаний. Продолжая цепочку рассуждения, выделим троеное разделение ответственности за защиту в этой сфере следующим образом:

1. *государство* - обязанность по правовому регулированию, а также координацией усилий участников процесса;

2. *компании* - обеспечение безопасности критической инфраструктуры, находящейся в их частной собственности, а также обязанность по внедрению и соблюдению стандартов;

3. *общество* - повышение уровня цифровой грамотности.

Однако продвинуть его по пути реализации - не удалось из-за больших финансовых вложений... Несмотря на это, все же есть несколько положительных проектов, сосредоточенных на создание государственной защиты для компаний от киберпреступлений.

Так, например, в прошлом году на правительственном уровне принято решение на базе Минэнерго России создать отдельное ведомство по вопросам кибербезопасности. Новое ведомство совместно с Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам займется разработкой мер по предотвращению компьютерных атак на российский энергетический комплекс.

Руководитель Научно-образовательного центра новых информационно-аналитических технологий РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина *Д. И.Правиков* представил стратегию оснащения топливного комплекса безопасностью с комплексными элементами:

1. *ТЭК*: обеспечивает энергетическую безопасность, информирует об инцидентах;

2. *ФСБ*: владеет общей картиной инцидентов, информирует инстанции об угрозах;

3. *ФСТЭК*: проводит технический анализ актуальных угроз, контролирует требования по защите;

4. *Мин-энерго*: владеет данными отрасли, содействует повышению защищенности;

5. *Вузы*: готовят специалистов, участвуют в обеспечении взаимодействия.[5]

В качестве отдельной взятой единицы вице-председатель бюро Комитета Российского энергетического агентства Минэнерго России *Алексей Кулапин* предложил

создание отраслевого центра кибербезопасности в топливно-энергетическом комплексе. Полагаю, посредством этого обеспечить безопасность ТЭКа будет проще, в силу заинтересованности каждой из структур в создании эффективной системы выявления киберугроз.

Министерство энергетики, в свою очередь, выпустило рекомендации для обеспечения безопасности объектов ТЭК и критической информационной инфраструктуры. Они включают базовые меры защиты, т.е.:

1. специализированные промышленные антивирусы;
2. «белые» списки запускаемых программ;
3. контроль подключаемых устройств;
4. антишифрование и межсетевое экранирование;
5. обучение сотрудников (существуют тренинговые программы для различных специалистов, например, ИТ, административный персонал, менеджмент), выстраивание процессов информационной безопасности.

На сегодняшний день большинство компаний активно используют представленные рекомендации.

Подводя итог, можно сказать, что законодательной базы и системы реализации прав компаний от киберугроз на уровне государственно-правовой защиты, к сожалению, в России не представлено, впрочем, как и сформулированный и закрепленный целостный подход к национальной проблематике - на сегодняшний день отсутствует. По этой причине ТЭК вынужден самостоятельно создавать методы и способы защиты, руководствуясь «внутренними законами» компаний.

Несмотря на все это, уверенность в решении вопроса правовой защиты все же есть, дабы нормализовать и внедрить новые стандарты безопасности, ведь ТЭК – один из факторов развития и размещения производственных сил страны, более того, успех в экономической составляющей имеет прямую зависимость от данной отрасли. Таким образом, в скором времени нас ждут серьезные перемены и будут найдены пути решения в решении вопроса киберпреступлений в топливно-энергетическом комплексе России на уровне государственно-правовой защиты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. N 256-ФЗ "О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/12188188/> (дата обращения: 25.09.2021 г.);
2. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 26 ноября 2020 г. № 466 "Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса" (документ не вступил в силу) [Электронный ресурс]: URL: <https://docs.cntd.ru/document/573339153> (дата обращения: 25.09.2021 г.);
3. Постановление Правительства РФ от 20 октября 2016 г. N 1067 "Об утверждении Правил осуществления Федеральной службой войск национальной гвардии

- Российской Федерации и ее территориальными органами федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса" [Электронный ресурс]: URL: <https://docs.cntd.ru/document/420380182> (дата обращения: 25.09.2021 г.);
4. Комплексная энергетическая безопасность и цифровизация ТЭК // В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ [Электронный ресурс]: URL: [https://www.neftegazexpo.ru/common/img/uploaded/exhibitions/neftegaz2020/img/digest/Neftegaz_Digest_2020.17\(24\).pdf](https://www.neftegazexpo.ru/common/img/uploaded/exhibitions/neftegaz2020/img/digest/Neftegaz_Digest_2020.17(24).pdf) (дата обращения: 25.09.2021 г.);
 5. Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/38324/> (дата обращения: 25.09.2021 г.);
 6. Безопасность ТЭК — 2020. Необходимо обеспечить координацию действий [Электронный ресурс]: URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/post/1534> (дата обращения: 25.09.2021 г.)

Перерасчёт суммы налога на добычу полезных ископаемых при несвоевременном утверждении нормативов потерь углеводородного сырья – право налогоплательщика
Маньков Максим Александрович
Студент
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена неоднозначному практическому вопросу об обязательности перерасчёта суммы налога на добычу полезных ископаемых налогоплательщиком в случае задержки принятия публичного акта об утверждении допустимых нормативов потерь. Исследуются разъясняющие письма Министерства финансов и Федеральной налоговой службы России, детально анализируется судебная практика. Актуальность проблемы для нефтегазового комплекса продиктована нестабильностью и противоречивостью практики применения судами и налоговыми органами норм об НДС к нормативам потерь, что порождает неопределённость для налогового администрирования разработки месторождений нефти и газа и решения вопроса об уровне экономической целесообразности процессов нефтегазодобычи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), нормативы потерь, перерасчёт суммы налога, права налогоплательщика, неосмотрительность публичного субъекта, правовое регулирование нефтегазодобычи.

ABSTRACT

The article is devoted to the ambiguous practical issue of the obligation to recalculate the amount of mineral extraction tax by the taxpayer in the event of a delay in the adoption of a public act on the approval of permissible loss standards. Explanatory letters from the Ministry of Finance and the Federal Tax Service of Russia are examined, judicial practice is analyzed in detail. The urgency of the problem for the oil and gas complex is dictated by the instability and inconsistency of the practice of applying the MET standards by courts and tax authorities to the loss standards, which creates uncertainty for the tax administration of the development of oil and gas fields and resolving the issue of the level of economic feasibility of oil and gas production processes.

KEYWORDS

Mineral extraction tax (MET), loss standards, recalculation of the tax amount, taxpayer's rights, imprudence of a public entity, legal regulation of oil and gas production.

В процессе добычи, переработки и транспортировки нефти и газа недропользователи неизбежно сталкиваются с фактическими потерями части объёма конечных продуктов относительно изначальной массы извлекаемого сырья. Поэтому на законодательном уровне специально оговорено освобождение от уплаты налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) с ежегодных фактических потерь пустой сырьевой массы [10].

В интересах недропользователей статьей 342 Налогового кодекса Российской Федерации установлена льготная ставка 0% при обложении налогом на добычу полезных ископаемых фактических потерь, подпадающих под размер ежегодно утверждаемых Министерством энергетики нормативов потерь[1]. Законом предусмотрено право применять нулевую ставку и в случае несвоевременного утверждения нормативных критериев фискально свободных потерь в новом календарном году. Тем самым при перерасчёте суммы налога в случае отсутствия публичного акта, необходимого для применения льготного освобождения в новый налоговый период, составляющий для НДСПИ один месяц, налогоплательщик управомочен применять нормативы потерь, не превышающие нормативы, действовавшие в минувшем налоговом периоде. Более того, если поздние нормативы снижены, из-за чего итоговый учётный объём допустимых потерь ниже, провоцируется неосновательное расширение налоговой базы и увеличение суммы налога, в силу чего налогоплательщик может подать уточнённую декларацию и пересчитать налог в порядке ст. 81 НК РФ [8].

Однако на сегодняшний день не является очевидной природа перерасчёта суммы налога на добычу полезных ископаемых. Теория и практика уже значительное время не могут определиться чем именно является эта операция - правом или обязанностью налогоплательщика? От разрешения этого вопроса зависит возможность применения налоговых санкций к субъектам НДСПИ, не предоставляющим уточнённые декларации в случае задержки утверждения нормативов потерь.

Сначала судебная практика понимала перерасчёт относительно однородно. В 2013 году Высший арбитражный суд, рассматривая дело № А19-16360/2011 в порядке надзора и говоря о возможности применения нулевой ставки по старым нормативам, недвусмысленно отмечал, что перерасчёт суммы налога является именно правом налогоплательщика, позволяющим ему лично контролировать собственные налоговые отчисления в случае несвоевременного утверждения нормативов потерь[6]. Этим ВАС РФ сформировал изначальный подход к пониманию правовой основы перерасчёта, определив конститутивное значение воли частного субъекта в данном процессе. Однако в дальнейшем в многочисленных письмах федеральных налоговых и финансовых органов высказывались противоположные точки зрения. Федеральная налоговая служба в письме от 21.08.2013 № АС-4-3/15165 разъясняла, что в случае утверждения нормативов потерь в течение очередного календарного года, либо следующего за ним календарного года налогоплательщики обязаны пересчитать суммы НДСПИ[9]. Этим налоговый орган попытался вменить недропользователям прямую обязанность по подготовке перерасчётов в случаях несвоевременного издания технических актов самим публичным субъектом. Надо сказать, что в дальнейшем это письмо стало предметом обжалования в Верховном и в Высшем арбитражном судах РФ, однако эти процессы ни к чему для решения проблемы императивности перерасчёта не привели, ограничившись разве что выявлением правовой неопределённости в вопросе о нормативности писем ФНС России и последующим признанием в порядке возбуждённого по жалобе ОАО «Газпром нефть» конституционного судопроизводства несоответствующими Конституции РФ отдельных норм Федерального конституционного закона «О Верховном суде

Российской Федерации»[3]. Впрочем, как Высший арбитражный суд, так и Конституционный суд в то время фактически поддержали позицию, изложенную в письмах Федеральной налоговой службы, не усмотрев в обязывающем характере письма о перерасчёте сумм НДС каких-либо противоречий с налоговым законодательством или Конституцией.

Точка зрения ФНС России признавалась и Министерством финансов. Минфин в письме от 01.09.2014 № 03-06-06-01/43708 отмечал, что налогоплательщик на основании ст. 81 НК РФ не только управомочен на защиту своих прав посредством направления уточнённых деклараций в случае, если новые нормативы потерь в допустимых показателях превышают старые, но и несёт ответственность за непредоставление декларации, если новые нормативы устанавливают показатели ниже старых, что, по мнению Минфина, образует недоимку[8]. Министерство финансов предприняло попытку заключить налогоплательщика в границы налоговой ответственности и понудить пересчитывать сумму НДС каждый раз при несвоевременности утверждения нормативов потерь федеральным органом государственной власти в сфере энергетики. Этой же позиции придерживался и Арбитражный суд города Москвы в решениях от 27.05.2014 № А40-8044/14, от 30.05.2014 № А40-15522/14 и от 02.07.2014 № А40-37361/14. Но должна ли обязанность частного субъекта проистекать из технической неточности законодательства и неосмотрительности субъекта публичного?

В действительности императивный перерасчёт сумм НДС, на котором настаивают налоговый и финансовый органы, в данном случае невозможен. По смыслу ст. 54 и ст. 81 НК РФ налогоплательщик обязан осуществлять перерасчёт суммы налога и налоговой базы и предоставлять уточнённые налоговые декларации в случае выявления ошибок, совершённых при исчислении размера налоговой базы в прошлых налоговых периодах. Своевременное утверждение нормативов потерь углеводородного сырья относится к прямым обязанностям Министерства энергетики Российской Федерации, что установлено Постановлением Правительства РФ от 29.12.2001 № 921[2]. Поэтому причина неуплаты в таком случае в целом не должна квалифицироваться как ошибка, а следствием введения поздних нормативов потерь не может являться ответственность недропользователей за неуплату налога, так как она вызывается не ошибками в исчислении размера налоговой базы и суммы НДС частными лицами, а неосмотрительностью публичного субъекта.

О неправомерности привлечения к ответственности налогоплательщиков при таких обстоятельствах позволяет сделать вывод и сама сложившаяся ситуация правовой неопределённости, в силу которой ни суды, ни налогоплательщики точно не знают, есть ли обязанность пересчитывать сумму налога на добычу полезных ископаемых при несвоевременном утверждении нормативов потерь. Такое положение дел свидетельствует об отсутствии формальной определённости в самой норме, устанавливающей правовой режим НДС, что не укладывается в требование п. 6 ст. 3 НК РФ о необходимости точного, полного и понятного определения всех элементов налога и особенностей его взимания для любого плательщика. Аргументом может служить и поддержанная Конституционным Судом РФ позиция о недопустимости придания обратной силы нормам, ухудшающим положение слабой подчинённой

стороны публичных правоотношений, так как это бы означало нарушение общих принципов правового регулирования, вытекающих из статей 19, 46, 54 и 55 Конституции Российской Федерации[4]. Утверждение поздних низких нормативов фискально свободных потерь фактически влечёт обязанность по уплате налога выше, чем требовалось за минувший налоговый период по старым нормативам потерь. Также следует понимать, что налогоплательщик не имеет возможности предвидеть новые нормативы и до их утверждения они ему неизвестны. Установление обязанности перерасчёта под угрозой налоговой ответственности в таком случае будет нарушать конституционное право налогоплательщика на преодоление обратной силы публичных актов, ухудшающих его положение.

Данная позиция поддерживалась и судебной практикой. Арбитражный суд Московского округа в деле № А40-15522/2014, отменяя акты нижестоящих судов, отметил, что по смыслу пп. 1 п. 1 ст. 342 НК РФ просрочка утверждения нормативов потерь не может являться основанием для того, чтобы лишить лицо права применения нулевой ставки и обязать пересчитать и увеличить сумму НДС в случае уменьшения нормативов[7]. Из этого следует, что налогоплательщик может пересчитывать сумму налога, исходя из собственного частного интереса, но делать этого не обязан, а значит и подвергнут налоговой ответственности в данном случае быть не может. Верховный суд РФ в непосредственных производствах по делам о налоговых правонарушениях также придерживался этой точки зрения. В определении от 2 июля 2015 г. № 305-КГ15-1414 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ отметила, что утверждение по истечении налоговых периодов нового норматива потерь полезных ископаемых не должно служить основанием для вывода о допущенных налогоплательщиком ошибках и для привлечения к налоговой ответственности. Было указано, что в силу формальной неопределённости положений пп.1 п. 1 ст. 342 НК РФ и отсутствия обязывающих пересчитывать налог формулировок, о наличии каких-либо императивных предписаний о перерасчёте сумм НДС говорить невозможно, а попытки принуждать к этому налогоплательщика на основании мнимой ретроактивности поздних нормативов потерь не соответствуют ст. 54, 81 НК РФ и конституционным принципам, главным образом ст. 54 Конституции РФ[5]. Надо сказать, что суды, обосновывая свою точку зрения по настоящей проблеме, систематически ссылаются на уже упомянутое Постановление Президиума ВАС РФ от 19.02.2013 № 12232/12 по делу № А19-16360/2011. Это может свидетельствовать о постепенном стремлении практики к однородности позиций по вопросу правовой природы перерасчёта НДС при позднем утверждении необходимых нормативов, что объясняется соответствием точки зрения о диспозитивном начале перерасчётов смыслу ст. 54, ст. 81 и пп.1 п. 1 ст. 342 НК РФ, а также конституционным основам правового регулирования и самой формальной логике.

Как представляется, в дальнейшем судебная практика будет всё больше унифицироваться и вопрос о том является ли правом налогоплательщика перерасчёт суммы налога на добычу полезных ископаемых в случае несвоевременного утверждения допустимых нормативов потерь углеводородного сырья будет решён положительно, так как, принимая во внимание сказанное выше, это может быть единственным верным шагом правоприменителя в разрешении данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ[электронный ресурс](дата обращения: 11.09.21) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/b0945496f341b2d7e1f79e0bc9dd4e4522a466b1/
2. Постановление Правительства РФ от 29.12.2001 № 921 «Об утверждении Правил утверждения нормативов потерь полезных ископаемых при добыче, технологически связанных с принятой схемой и технологией разработки месторождения»[электронный ресурс](дата обращения: 12.09.21) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34756/21ddb4e75bbfaec5a1dcf90a2ce8ce66796f4d71/
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества "Газпром нефть"»[электронный ресурс](дата обращения: 12.09.21) – URL: <https://rg.ru/2015/04/13/ks-dok.html>
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П "По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»[электронный ресурс](дата обращения: 12.09.21) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96788/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 июля 2015 г. N 305-КГ15-1414 [электронный ресурс](дата обращения: 13.09.21) – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71030620/?prime>
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 19.02.2013 № 12232/12 по делу № А19-16360/2011[электронный ресурс](дата обращения: 12.09.21) – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=327336#E0SBkiSuvRYv3ISv>
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-15522/2014[электронный ресурс](дата обращения: 13.09.21) – URL: <https://ras.arbitr.ru/>
8. Письмо Министерства финансов России от 01.09.2014 № 03-06-06-01/43708 [электронный ресурс](дата обращения: 11.09.21) – URL: <http://subschet.ru/subschet.nsf/docs/C12579270019CAD844257DAD002B8595.html>
9. Письмо ФНС России от 21.08.2013 N AC-4-3/15165 «О налоге на добычу полезных ископаемых»[электронный ресурс](дата обращения: 12.09.21) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151027/

10. Методика по нормированию и учету потерь нефти и нефтепродуктов на нефтеперерабатывающих предприятиях Миннефтехимпрома СССР[электронный ресурс](дата обращения: 11.09.21) – URL: <https://docs.cntd.ru/document/456073850/titles>

Цифровые технологии как инструмент декарбонизации в нефтегазовом комплексе:
направления применения в российской федерации

Марина Алиса Алексеевна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи процессов формирования цифровой экономики и декарбонизации нефтегазового комплекса в Российской Федерации. Содержание статьи составляет анализ законодательства РФ и опыт российских компаний в области снижения углеродного следа с применением цифровых технологий. Отмечается необходимость учитывать климатические риски при формировании нормативно-правовой базы РФ и стратегий деятельности нефтегазовых компаний. В ходе исследования были изучены основные направления применения цифровых инструментов для достижения цели низкоуглеродного развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровые технологии, цифровизация, выбросы парниковых газов, декарбонизация, нефтегазовый комплекс, углеродный след, низкоуглеродное развитие, углеродное регулирование.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the relationship between the processes of formation of the digital economy and decarbonization of the oil and gas complex in the Russian Federation. The content of the article is an analysis of the legislation of the Russian Federation and the experience of Russian companies in the field of reducing the carbon footprint using digital technologies. It is noted that it is necessary to take into account climate risks when forming the regulatory framework of the Russian Federation and the strategies of oil and gas companies. In the course of the study, the main directions of using digital tools to achieve the goal of low-carbon development were studied.

KEYWORDS

Digital technologies, digitalization, greenhouse gas emissions, decarbonization, oil and gas complex, carbon footprint, low-carbon development, carbon regulation.

Семьдесят шестую сессию Генеральной Ассамблеи ООН, проходившую в конце сентября 2021 года, назвали «суперсессией по спасению планеты», поскольку большую часть повестки встречи заняла проблема изменения климата. Эмиссия вредных веществ в атмосферу и глобальное потепление – новые задачи человечества, требующие объединения усилий всего мирового сообщества.

В связи с этим правительства многих стран предприняли ряд мер, направленных на сокращение выбросов парниковых газов (далее – ПГ), в первую очередь, диоксида углерода, а также метана, порождающего более сильный парниковый эффект. На международном уровне необходимость перехода к декарбонизации была закреплена в

Парижском соглашении 2015 года, цель которого – укрепление глобального реагирования на угрозу изменения климата в контексте устойчивого развития путём «удержания прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5°C» [1].

Безусловно, что преодоление климатического кризиса – это не только задача государств, но и бизнеса. Как отмечают в своём исследовании эксперты «Делойт», «обратной стороной повышения климатического риска является реакция общества на «климатические вызовы», которая выражается в виде ужесточения законодательства и требований, в том числе к частному сектору» [2].

Наибольшее количество выбросов ПГ приходится на деятельность нефтегазовых компаний, что толкает их к выработке стратегий, ключевым пунктом которых выступает снижение углеродного следа. На данный момент декарбонизация – это не только средство для углеродного регулирования, но также и необходимый инструмент обеспечения конкурентоспособности на внешних рынках. Введение налогового сбора на энергоёмкие виды продукции в странах ЕС в 2021 году – вызов для российской экономики, что обуславливает необходимость разработки нормативно-правовой базы регулирования выбросов ПГ и стратегий деятельности предприятий.

С формированием цифровой экономики изменились и механизмы углеродного регулирования. COVID-19 ускорил внедрение цифровых решений, нацеленных на декарбонизацию.

Безусловно, что Российская Федерация не осталась в стороне от этой тенденции. Так, Указом Президента РФ от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» установлено, что одной из задач государства является «преобразование приоритетных отраслей экономики ... посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений» [3]. Несомненно, что цифровизация затронула и нефтегазовый комплекс, что будет продемонстрировано позже.

Ключевым нормативно-правовым актом в области декарбонизации стал Федеральный закон от 02.07.2021 года № 296 «Об ограничении выбросов парниковых газов», в котором были указаны следующие меры углеродного регулирования: государственный учёт выбросов ПГ, установление целевых показателей выбросов, а также поддержка со стороны государства климатических проектов. Проанализировав законодательство РФ и опыт российских компаний, можно выделить три направления углеродного регулирования, в рамках которых используются цифровые технологии: формирование государственной базы данных по выбросам ПГ и реализации климатических проектов, цифровизация расчётов выбросов ПГ, а также повышение энергетической эффективности на всей цепочке производства за счет цифровых инноваций.

Мониторинг выбросов ПГ является неотъемлемой частью механизма снижения углеродного следа, основанный на формировании полноценной базы данных об эмиссии вредных веществ и объединении всей информации в реестр. Система государственного учёта включает в себя проверку отчётов о выбросах, хранение и анализ информации, а также информирование государственных органов, бизнеса и граждан.

Помимо проверки отчётности по эмиссии вредных веществ, государство ввело систему поддержки климатических проектов, основанную на зачисляемых на счет исполнителя проекта углеродных единиц. Верифицированные углеродные единицы, занесенные в единый реестр, «учитываются при оценке достижения целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов» [4]. Кроме того, «Правительство Российской Федерации вправе определять основания для предоставления исполнителям климатических проектов мер государственной поддержки, а также условия, которым должны отвечать реализуемые климатические проекты» [5].

Таким образом, государство, обязывая предоставлять отчётность об эмиссии вредных веществ, подталкивает нефтегазовые компании к снижению углеродного следа в своей деятельности за счет процедуры надзора и стимулирования.

Для контроля за снижением углеродного следа компании также цифровизируют процесс расчёта выбросов ПГ. Так, ООО «Центр 2М», предприятие, специализирующееся на создании платформенных решений M2M (machine-to-machine), разработало цифровой продукт для расчёта выбросов ПГ на базе нефтегазового предприятия. Информационная система работает на всех этапах производства и собирает данные об эмиссии в автоматическом режиме, отмечая конкретный источник, выполняет расчёты объемов выбросов на основе различных методик, оценивает результативность климатических проектов, формирует отчётность, занимается предиктивной аналитикой, а также предоставляет стейкхолдерам – заинтересованным лицам – сведения об успехах в сфере низкоуглеродного развития.

Цифровые технологии помогают снизить углеродный след на всех этапах производства, что повышает уровень энергоэффективности предприятий. Так, например, цифровые решения в своей деятельности использует ПАО «Газпромнефть». В 2020 году компания стала лидером среди других российских нефтяных компаний по показателям климатической ответственности CDP (Carbon Disclosure Project). Для оптимизации добычи нефти компанией на одном из месторождений были установлены датчики, которые в режиме реального времени рассчитывают параметры заводнения, что позволяет «снизить объем закачиваемой воды и обводненность добываемой нефти, значительно уменьшив бесполезную циркуляцию воды через пласт» [6].

Ещё одной инновацией «Газпромнефти» стал проект «Цифровой керн», основанный на Интернете вещей и на машинном обучении. Цифровой двойник позволяет справиться сразу с несколькими задачами: «позволяет существенно ускорить проведение исследований, дает возможность для неограниченного количества виртуальных тестов на одном и том же материале, сохраняя реальный образец для проверки результатов и донстройки модели, открывает новые возможности исследования керна на микроуровне» [7].

Таким образом, декарбонизация и цифровизация являются неизбежными трендами развития топливно-энергетического комплекса в рамках четвертого энергетического перехода. Правительства множества стран, присоединившись к Парижскому соглашению, и компании, адаптирующие свои бизнес-стратегии к условиям климатического кризиса, признают необходимость снижения углеродного следа с помощью цифровых технологий. На данный момент Российская Федерация лишь в процессе формирования низкоуглеродной экономики. Тем не менее, как в нормативно-

правовой базе, так и в деятельности нефтегазовых предприятий намечаются тенденции, направленные на достижение устойчивой энергетики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Парижское соглашение (принято 12 декабря 2015 г.). [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/542655698> (дата обращения 02.10.2021).
2. Презентация «TCFD – Рабочая группа по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с изменением климата» компании «Делойт». [Электронный ресурс] // URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/risk/russian/TCFD.pdf> (дата обращения 02.10.2021).
3. Указ Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (принят 07.05.2018 г.). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 05.10.2021).
4. Федеральный закон № 296 "Об ограничении выбросов парниковых газов" (принят 02.07.2021 г.). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47013/page/1> (дата обращения 05.10. 2021).
5. См. ссылку 4.
6. Новая энергия: как технологии помогают экологическому развитию нефтегазовой отрасли: [Электронный ресурс] // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/partnerskie-materialy-photogallery/424527-novaya-energiya-kak-tehnologii-pomogayut-ekologicheskomu> (дата обращения 06.10.2021).
7. Цифровое зеркало. Технологии цифровых двойников в нефтегазовой промышленности: [Электронный ресурс] // Приложение «Индустрия 4.0 Просто о сложном» № 154 (сентябрь 2018). URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-september-projects/1863687/> (дата обращения 06.10.2021).

Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности ТЭК

Марчукова Анастасия Витальевна

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется проблематика нормативно-правового регулирования в области топливно-энергетического комплекса с точки зрения экологической безопасности. Выделяются основные задачи, отраженные в Энергетической стратегии-2035, делается акцент на их недостаточной конкретизации и целевой направленности. Рассматриваются существенные недостатки сферы эколого-правового регулирования эксплуатации линейных объектов нефтегазового комплекса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Топливо-энергетический комплекс, экологическая безопасность, энергетическая безопасность, национальная безопасность, энергетика, энергетическая стратегия, стратегическое планирование, экологоориентированный подход, природные ресурсы.

ABSTRACT

This article analyzes the problems of legal regulation in the field of the fuel and energy complex from the point of view of environmental safety. The main tasks reflected in the Energy Strategy-2035 are highlighted, the emphasis is placed on their insufficient specification and target orientation. Considered are the significant shortcomings of the sphere of environmental and legal regulation of the operation of linear objects of the oil and gas complex.

KEYWORDS

Fuel and energy complex, environmental safety, energy security, national security, energy, energy strategy, strategic planning, environmentally friendly approach, natural resources.

В настоящее время природно-ресурсный потенциал Российской Федерации является основой социально-экономического развития и экологического благополучия населения, поэтому рациональное использование и охрана природных ресурсов играют решающую роль при принятии управленческих решений и реализации программ развития государства в области энергетики.

Топливо-энергетический комплекс представляет собой один из основных загрязнителей среды и один из опаснейших источников постоянного ущерба. К примеру, вред радиационного загрязнения в ТЭК наиболее показателен с точки зрения наносимого ущерба окружающей природной среде, здоровью человеку, а также сфере социального развития и экономики, что в целом дает представление о характере и масштабах латентных угроз.

Значимость отдельных элементов экологической безопасности ТЭКа и их распределение по степени экологической опасности зависят, прежде всего, от количества и вида загрязнителей окружающей среды; от степени их негативного воздействия на человека, животный и растительный мир; от вида, количества,

концентрации и мощности источников загрязнения, а также времени их действия, технического состояния ТЭКа, его отдельных систем и технических средств.

Можно выделить следующие формы негативного влияния энергетики на окружающую среду: загрязнение атмосферы: тепловой эффект, выделение в атмосферу газов и пыли; загрязнение гидросферы: тепловое загрязнение водоемов, выбросы загрязняющих веществ; загрязнение литосферы при транспортировке энергоносителей и захоронении отходов, при производстве энергии; создание предпосылок для техногенных аварий и природных катастроф. Данный список экологических последствий при реализации энергетических проектов далеко не исчерпывающий.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что в ближайшее десятилетие тенденция наращивания потребления энергоресурсов будет только преобладать, поэтому необходимо совершенствование правовых форм регулирования экологоориентированного природопользования, связанного с реализацией энергетических проектов.

Важнейшим документом в системе стратегического планирования является Энергетическая стратегия России на период до 2035 года* [Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 N 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года»// СПС КонсультантПлюс]. Энергетическая и экологическая безопасность являются составными элементами национальной безопасности Российской Федерации. При этом обеспечение энергетической безопасности во многих проявлениях представляет остро выраженный экологический характер.

Согласно Указу Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» к внутренним вызовам экологической безопасности относятся:

- преобладание ресурсодобывающих и ресурсоемких секторов в структуре экономики;
- высокая степень износа основных производственных фондов и низкий уровень технологической модернизации экономики;
- низкий уровень затрат на охрану окружающей среды;
- большое число опасных производственных объектов;
- неликвидированные объекты накопленного экологического ущерба.

Ключевыми задачами Энергостратегии-2035 являются:

- модернизация и развитие энергетики (комплексная модернизация нефтепереработки, Единой энергетической системы, развитие «умных сетей», децентрализованной генерации, комплексная модернизация теплоснабжения и др.);
- повышение энергетической эффективности экономики страны;
- развитие внутренних энергетических рынков (снижение степени монополизации, повышение эффективности регулирования, развитие конкуренции и биржевой торговли);
- повышение эффективности воспроизводства запасов, добычи и переработки ТЭР для удовлетворения внутреннего и внешнего спроса;
- повышение доступности (по цене, наличию и надежности) и качества энергетических товаров и услуг (за счет внедрения технологических стандартов,

снижения издержек компаний энергетического сектора, эффективного госрегулирувания, модернизации инфраструктуры);

— внедрение принципов устойчивого развития (социальной и экологической ответственности, использования и развития человеческого капитала для инновационного развития и энергоэффективности) в управление энергетическими компаниями и государственное регулирование развития энергетики* [Указ Президента РФ от 19.04.2017 N 176 "О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года"// СПС КонсультантПлюс].

Таким образом, если рассматривать энергетические проблемы в долгосрочной перспективе, перечисленные ключевые задачи Энергетической стратегии - 2035 можно одновременно назвать и ключевыми задачами экологии.

Однако, в Энергетической стратегии не нашли отражения необходимость использования новых технологий, изменение показателей качества жизни, экологическая безопасность, а также социальный аспект энергетики. Не получил отражения в данном документе и экологоориентированный подход, вбирающий в себя долгосрочное планирование. Необходимо концентрировать внимание не только на самом факте потребности в дешевой энергетике, но и долгосрочных экологических последствиях реализации энергопроектов, возможности предупреждения и профилактики потенциальных последствий нежелательных событий.

Также проблема состоит и в том, что ни в прошлых документах стратегического планирования, ни в Энергостратегии-2035 не отмечено, что ТЭК наносит основной ущерб здоровью нации и окружающей среде. Не отмечено, какая доля затрат на восстановление окружающей среды и ликвидацию прошлого ущерба лежит непосредственно на ТЭК и в какой пропорции эта доля возрастет к 2035 г. при условии реализации поставленных целей и задач. Новая Стратегия, как и предыдущие, не устраняет, но углубляет противоречия между критериями экологического развития, экологической безопасности, биоразнообразия, а также создания благоприятной окружающей среды. Данный документ хотя и включает раздел «Охрана окружающей среды», но не затрагивает основных проблем экологической безопасности, экологических технологий, «зеленой энергетики», тенденций по сокращению добычи природных ресурсов, рециклинга и других крайне важных вопросов* [Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Энергетическая стратегия - 2035: правовые проблемы инновационного развития и экологической безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №3 (67)]. К сожалению, следует заметить, что Энергостратегия-2035 отнюдь не затрагивает вопросы экономического механизма рационального природопользования и экологической безопасности, оставляя эту тему для специальных органов власти и управления.

Существенные пробелы имеются и в действующем законодательстве касемо требований по охране окружающей среды при строительстве и эксплуатации линейных объектов нефтегазового комплекса. Так, отдельные требования установлены в Земельном кодексе Российской Федерации* [Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СПС КонсультантПлюс] (в части установления охранных зон с особыми условиями использования земельных участков), в Федеральном законе «Об охране окружающей

среды»*[Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс] (в части установления общих требований к объектам транспортировки нефти, газа и продуктов их переработки), в Федеральном законе «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [Федеральный закон "О промышленной безопасности опасных производственных объектов" от 21.07.1997 N 116-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс] (в части требований к обеспечению промышленной безопасности опасных производственных объектов, к которым относятся линейные объекты нефтегазового комплекса), а также в ряде иных нормативных правовых актов.

Стоит отметить, что значительную роль в решении эколого-правовых проблем строительства и эксплуатации линейных объектов нефтегазового комплекса играет техническое регулирование, несмотря на то, что согласно ч. 4 ст. 1 Федерального закона «О техническом регулировании»* [Федеральный закон "О техническом регулировании" от 27.12.2002 N 184-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс] данный закон напрямую не регулирует отношения, связанные с разработкой, принятием, применением и исполнением требований в области охраны окружающей среды. Вместе с тем согласно Закону, техническое регулирование обеспечивается установлением, применением и исполнением обязательных требований технических регламентов, а также документов по стандартизации и оценки соответствия. Таким образом, совершенствование законодательства о техническом регулировании — непереносимое условие совершенствования природоресурсного законодательства в целом.

Правовое регулирование отношений в сфере охраны окружающей среды при строительстве и эксплуатации линейных объектов нефтегазового комплекса является недостаточно эффективным, что связано в первую очередь с отсутствием специального нормативного правового акта в области обеспечения экологической безопасности объектов нефтегазового комплекса. Отдельные требования по охране окружающей среды при строительстве и эксплуатации линейных объектов нефтегазового комплекса установлены в большом количестве нормативных правовых и инструктивно-методических актов, при этом специальные экологические нормы охраны объектов магистрального трубопроводного транспорта при транспортировке нефти и газа в Законе РФ «О недрах»* [Закон РФ "О недрах" от 21.02.1992 N 2395-1 (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс], а также в Федеральном законе «О континентальном шельфе Российской Федерации»*[Федеральный закон "О континентальном шельфе Российской Федерации" от 30.11.1995 N 187-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс] отсутствуют.

Подводя итог всему вышесказанному, следует сделать вывод о том, что комплексный анализ законодательства в сфере энергетики позволяет выделить несколько вопросов, необходимость решения которых тесно связана с пониманием сущности правового регулирования рассматриваемых отношений. Во-первых, российское законодательство в области энергетики очень многолико и разрозненно и представляет собой преимущественно отраслевую специфику, мало отражая комплексное воздействие энергетики на все сферы жизни страны.

Во-вторых, тесная связь между природопользованием и энергетикой хотя известна очень давно, все еще не носит органичного, комплексного характера. Здесь

усматривается необходимость создания базового, межотраслевого, комплексного законодательного акта, формирующего основы национальной политики в области обеспечения эколого-экономической эффективности и безопасности, не только адекватно регулирующего полномочия органов государственной власти, но и создающего условия и гарантии реальной защищенности личности и окружающей среды от отрицательных последствий энергетических проектов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Закон РФ "О недрах" от 21.02.1992 N 2395-1 (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СПС КонсультантПлюс
3. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
4. Федеральный закон "О континентальном шельфе Российской Федерации" от 30.11.1995 N 187-ФЗ (последняя редакция)
5. Федеральный закон "О промышленной безопасности опасных производственных объектов" от 21.07.1997 N 116-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
6. Федеральный закон "О техническом регулировании" от 27.12.2002 N 184-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс
7. Указ Президента РФ от 19.04.2017 N 176 "О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года" // СПС КонсультантПлюс
8. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 N 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // СПС КонсультантПлюс

Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Энергетическая стратегия - 2035: правовые проблемы инновационного развития и экологической безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №3

Альтернативный способ разрешения споров, возникающих при реализации проектов в сфере электроэнергетики: в ногу со временем

Монченко Ольга Владимировна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

АННОТАЦИЯ

Настоящая работа посвящена альтернативному способу разрешения споров в сфере электроэнергетики – Совета по разрешению споров (dispute review board). Автор обосновывает, что учреждение совета по разрешению споров на крупных энергетических проектах может стать инструментом, который позволит сэкономить материальные и временные ресурсы сторон и успешно реализовать проект. В работе даются практические рекомендации по созданию совета по разрешению споров и приводятся некоторые условия, которые должны быть включены в соглашения об их создании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Разрешение споров, Международная промышленная палата, DRB, Совет по разрешению споров, арбитраж, рекомендация совета по разрешению споров.

ABSTRACT

This paper is devoted to an alternative method of dispute resolution in the field of electric power industry - the Dispute review board. The author substantiates that the establishment of a dispute resolution council for large energy projects can become a tool that will save the material and time resources of the parties and successfully implement the project. The paper provides practical recommendations for the creation of a dispute resolution council and provides some conditions that should be included in the agreements on their creation.

KEYWORDS

Dispute Resolution, International Chamber of Industry, DRB, Dispute Resolution Council, arbitration, recommendation of the Dispute Resolution Council.

При реализации крупных проектов, в т.ч. проектов в сфере электроэнергетики, неизбежно возникают споры, связанные с исполнением договора. Они могут быть обусловлены различными обстоятельствами, но все они будут оказывать влияние на ключевые условия реализации проекта: стоимость и (или) сроки. В этой связи особую значимость приобретают сроки и качество рассмотрения споров, т.к. они напрямую влияют либо на удорожание стоимости реализации проекта, либо на сроки его реализации.

Учитывая особую значимость своевременного и качественного разрешения споров на проектах в сфере электроэнергетики, мы предлагаем рассмотреть существующие подходы к рассмотрению споров, сделав акцент на альтернативном способе разрешения, приобретающем популярность на зарубежных проектах с конца

XX века – совете по разрешению споров (Dispute review board, DRB, далее сокращенно – Совет). Данная проблематика актуальна не только с теоретической точки зрения (исследования форм и способов рассмотрения споров, юридической силы выносимых советом рекомендаций и т.д.), но также и с практической, т.к. сроки и стоимость выступают качественными показателями выполнения любого проекта.

В целом на проекте может быть реализовано два подхода к разрешению споров: первый – это рассмотрение и решение споров, в том числе связанных с увеличением стоимости реализации проекта и увеличением сроков, после его завершения. Второй – это рассмотрение всех споров по мере их возникновения при реализации проекта.

Первый подход, хотя и может обеспечить эффективность реализации проекта за счет направленности сторон на скорейшее достижение результата, вместе с тем, имеет ряд недостатков. Во-первых, некоторые вопросы, возникающие при исполнении проекта, требуют немедленного разрешения, следовательно, в чистом виде подход реализован быть не может. В качестве примера можно привести возможную необходимость переноса площадки: очевидно, что реализовывать проект по строительству атомной станции без определения границ площадки невозможно. Во-вторых, затруднения могут возникнуть в связи с длительными сроками реализации проектов и риском утраты доказательств с течением времени, что уменьшит шансы справедливого рассмотрения спора.

Альтернативой приведенному подходу выступает подход, в соответствии с которым споры рассматриваются по мере реализации проекта при их возникновении. В этом случае важно, чтобы спор был разрешен своевременно и эффективно, а результат его рассмотрения полностью устраивал стороны.

Такие споры рассматриваются в государственных судах или арбитраже (третейских судах в терминологии отечественного законодательства). При этом обращение в государственные суды на международных проектах – явление нечастое, более распространена практика обращения к рассмотрению дел именно в арбитраже.

Вместе с тем, рассмотрение спора в арбитраже также требует значительных материальных и временных затрат. Так, например, в соответствии с Правилами рассмотрения споров Международной торговой палаты (ICC Arbitration Rules [1]), на рассмотрение спора может уйти от полутора лет. Вместе с тем, как уже было указано выше, сроки являются критическим ресурсом для крупных проектов. В этой связи появилась необходимость разработки новой модели разрешения споров, которая, с одной стороны, не требовала бы значительных материальных и временных затрат, с другой стороны – могла обеспечить исполнимость вынесенного решения.

Тогда в практику был внедрен такой способ рассмотрения споров, как Совет по разрешению споров. Он предполагает создание панели арбитров, состав которой выбирается сторонами и зачастую назначается из лиц, которые имеют положительную репутацию в отрасли, известны способностью вынести беспристрастное решение и имеющие значительный опыт в релевантной сфере. При этом арбитрами при рассмотрении подобных споров выступают не только юристы; часто назначаются технические специалисты [2]. В целом стороны могут назначать любых лиц по своему выбору, но главным условием допустимости их участия является отсутствие аффилированности со сторонами спора.

Необязательный характер Совета по разрешению споров обусловлен тем, что данный инструмент разрешения споров является полностью контрактным. Так, законодательно, равно как и общим правом, деятельность DRB не регулируется. Процедура рассмотрения споров в DRB не попадает под международные конвенции, но в отличие от медиации спор должен решаться в соответствии с применимым правом и условиями контракта [4].

Как справедливо отмечается в научной литературе [3], Совет по разрешению споров не заменяет основные способы разрешения споров, но выступает вспомогательным органом, который призван разрешать споры между сторонами проекта в процессе его исполнения. Важно, что результатом рассмотрения спора советом по разрешению споров выступает рекомендация (recommendation), а не решение (resolution), что указывает на необязательный характер ее исполнения, а рекомендация сама по себе не является препятствием для обращения стороны в арбитраж. Вместе с тем, рекомендация Совета по разрешению споров часто используется сторонами как инструмент для проведения дальнейших переговоров по конкретному спору.

В свою очередь, необязательный характер рекомендации приводит к необходимости рассмотрения вопроса о том, почему, с одной стороны, исследуемый способ разрешения споров является популярным на настоящий момент, с другой – почему, в большинстве своем, стороны подчиняются вынесенной рекомендации в добровольном порядке.

Прежде всего, немаловажную роль играет авторитет вынесших решение арбитров. Как уже было указано выше, стороны самостоятельно выбирают членов панели, что означает, что каждая из сторон свободна в выборе и может выбрать лицо, которому она максимально доверяет и в опыте и беспристрастности которого она не сомневается.

Кроме того, стороны могут самостоятельно определять процедуру рассмотрения спора и устанавливать по собственному усмотрению сроки рассмотрения дела, порядок его рассмотрения и вносить любые изменения в существующие процедуры (например, стороны свободны применять Правила рассмотрения споров Международной торговой палаты только выборочно) в той степени, в которой они считают это необходимым. Возможность изначально договориться о формате процесса вырабатывает больше доверия к рекомендации совета, т.к. стороны могут изначально оценить объем спора, рассчитать, какое время им необходимо для подготовки документов, и договориться действовать по индивидуально выработанному ими графику, который подходит непосредственно под конкретный спор.

В свою очередь, это означает, что каждая сторона спора будет уверена в том, что у нее будет достаточно времени подготовить письменные документы и подготовиться к самим слушаниям, чтобы максимально корректно изложить свою позицию и, как следствие, будет считать итоговый документ более справедливым.

Кроме того, зачастую формирование Совета происходит еще до старта реализации проекта (хотя возможны и иные ситуации). В таком случае арбитром оказывается не только лицо, которое само по себе является компетентным техническим специалистом, способным вникнуть в детали реализации проекта в силу обладания

специальными познаниями в предметных областях, но также лицо, которое погружается в проект с самого начала, знает его особенности и тонкости реализации, знакомо с большинством документов и ориентируется в их содержании. Эти обстоятельства, безусловно, также являются немаловажными с точки зрения обеспечения исполнимости выносимых таким органом решений [4].

Рассмотрение споров советом традиционно воспринимается как некий пре-арбитраж. В случае, если на проекте был создан совет по разрешению споров, стороны могут обратиться к ним для рассмотрения спора и получения мнения в его отношении от независимых третьих лиц до обращения в арбитраж и оценить вероятностный исход дела при минимальных трудозатратах и стоимости. В большинстве случаев рассмотрение спора закончится с завершением рассмотрения спора в DRB, т.к. высока вероятность того, что арбитраж вынесет аналогичное решение.

Еще один аргумент в пользу необходимости создания специальных органов, функционирование которых ограничено одним проектом, заключается в уникальности последних. Как отмечают современные исследователи, в т.ч. П. Чапман, разнообразие проектов не позволяет нивелировать возможность возникновения споров путем включения в текст договоров унифицированных условий: практика в этом отношении значительно разнообразнее любой типовой договорки или формы [5].

Традиционно совет по разрешению споров создается посредством двух документов. Первый – непосредственно контракт, в который включается принципиальное согласие сторон на создание совета по разрешению споров, а также может содержать условия относительно квалификации арбитров и порядка их выбора, частоты регулярных заседаний, определять общий порядок проведения слушаний, устанавливать договоренности сторон относительно возможности дальнейшего использования рекомендации совета по разрешению споров в качестве доказательства в случае вынесения вопроса для рассмотрения в арбитраже.

Последний вопрос является особенно значимым с точки зрения процессуального права. Решение совета по разрешению споров, очевидно, не может быть применимо в качестве преюдициального. Вместе с тем, стороны должны самостоятельно решить, могут ли они использовать вынесенную рекомендацию в качестве дополнительного доказательства в споре, т.к. в том числе в процессе рассмотрения спора могут устанавливаться определенные факты, которые имеют значение для рассмотрения дела. То же самое относится и к вопросу возможности использования в качестве доказательства в арбитражном процессе документов, представленных сторонами при рассмотрении спора. Полагаем, что с практической точки зрения необходимо отдельно оговаривать возможность использования соответствующих документов в качестве доказательств.

Ценность рекомендации также заключается в том, что она может стать основой для разрешения и даже предотвращения будущих споров сторон. Например, нередко в рекомендации дается толкование контракта, обосновывается возможность или невозможность применения тех или иных условий к конкретным ситуациям. Вместе с тем, для того, чтобы вынесенная рекомендация была исполнена и использовалась сторонами для целей

разрешения спора, она должна быть аргументирована. Именно поэтому важно,

чтобы рекомендация Совета была качественно подготовлена.

Следует отметить, что у Совета по разрешению споров также есть определенные недостатки. Так, например, одна из сторон может сознательно затягивать процесс рассмотрения путем превращения процедуры в аналог арбитража, или спор может быть слишком объемный, и в таком случае аргумент об удешевлении процедуры не будет применим.

Полагаем, что Совет по разрешению споров должен активно внедряться в отечественное регулирование и может стать эффективной заменой более традиционным способам. Популяризация рассмотренного нами способа приведет к удешевлению и ускорению рассмотрения споров за счет более гибкой процедуры.

ЛИТЕРАТУРА:

1. <https://iccwbo.org/dispute-resolution-services/arbitration/rules-of-arbitration/>;
2. Harmon K. M. J. Effectiveness of dispute review boards // Journal of Construction Engineering and Management. – 2003. – Т. 129. – №. 6. – С. 674-679;
3. Harmon K. M. J. Dispute review boards: Elements of a convincing recommendation // Journal of Professional Issues in Engineering Education and Practice. – 2004. – Т. 130. – №. 4. – С. 289-295;
4. McMillan D. D., Rubin R. A. Dispute review boards: Key issues, recent caselaw, and standard agreements // Constr. Law. – 2005. – Т. 25. – С. 14.3
5. Chapman P. H. J. Dispute boards on major infrastructure projects // Proceedings of the Institution of Civil Engineers-Management, Procurement and Law. – 2009. – Т. 162. – №. 1. – С. 7-16.

К вопросу о посягательствах на объекты топливно-энергетического комплекса

Морозова Анна Александровна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Ввиду особого стратегического и экономического значения для Российской Федерации топливно-энергетического комплекса в статье анализируются уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления в сфере ТЭК, упомянута классификация объектов топливно-энергетического комплекса и, соответственно, дано определение таковым объектам. Автором рассмотрены ключевые меры по борьбе с преступностью, связанной с деятельностью ТЭК.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ТЭК, топливно-энергетический комплекс, преступление, энергетика, уголовная ответственность, объекты топливно-энергетического комплекса, хищение нефти.

ABSTRACT

In view of the special strategic and economic importance of the fuel and energy complex for the Russian Federation, the article analyzes the criminal law norms providing for responsibility for crimes in the fuel and energy sector, mentions the classification of fuel and energy complex objects and, accordingly, defines such objects. The author considers the key measures to combat crime related to the activities of the fuel and energy complex.

KEYWORDS

ТЭК, топливно-энергетический комплекс, преступление, энергетика, уголовная ответственность, объекты топливно-энергетического комплекса, хищение нефти.

Топливо-энергетический комплекс имеет особое значение для Российской Федерации, поскольку является одной из базовых и крупнейшей отраслей экономики страны, включающей в себя общественные отношения, возникающие в процессе разведки, добычи, производства, транспортировки, переработки, очистки, хранения, распределения, продажи и использования энергетических ресурсов (нефти, природного газа, угля, электричества, тепла и других энергоресурсов), связанные с эксплуатацией производственных и иных имущественных объектов.

Однако стоит обратить внимание на существующую проблему роста числа посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса, обусловленную прежде всего тем, что объекты в составе ТЭК крайне привлекательны для потенциальных преступников возможностью обогащения за счет реализации их продукции. К объектам ТЭК относятся объекты электроэнергетики, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, газовой, угольной, сланцевой и торфяной промышленности, а также объекты нефтепродуктообеспечения, теплоснабжения и газоснабжения, в том числе линейные объекты (электрические сети, магистральные газопроводы, нефтепроводы и нефтепродуктопроводы). Согласно ст. 5 Федерального закона от 21 июля 2011 г. N 256-ФЗ "О безопасности объектов топливно-энергетического

комплекса" такие объекты в зависимости от степени потенциальной опасности делятся на три категории

- 1) объекты высокой категории опасности;
- 2) объекты средней категории опасности;
- 3) объекты низкой категории опасности [1].

Следовательно, возникает следующая проблема: преступления в сфере ТЭК причиняют огромный ущерб экологии, имущественный ущерб энергетическим компаниям, а также ставят под угрозу экономическую безопасность страны. Так, в позапрошлом году в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) органами внутренних дел выявлено 124 преступления в сфере топливно-энергетического комплекса, размер материального ущерба превысил 1,6 млрд рублей. Рост преступности отмечен в Республике Коми, Вологодской и Ленинградской областях, продолжается хищение горюче-смазочных материалов, нефтепродуктов. Фиксируются факты преступных посягательств на денежные средства, поступающие от потребителей энергетических ресурсов [2].

Статьи, устанавливающие ответственность за посягательства на объекты ТЭК содержатся в разделе «Преступления в сфере экономики» и разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» Уголовного кодекса РФ.

Итак, самым заурядным посягательством в области ТЭК является «хищение нефти». Это норма, предусмотренная п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Объективная сторона данного преступления заключается в несанкционированном отборе нефти, нефтепродуктов и газа из трубопроводов. Действия, направленные на их хищение, потенциально влекут угрозу незапланированной утечки, возгорания, взрыва и т.д. Соответственно, можно говорить о дополнительном объекте данного состава преступления – общественной безопасности, т.к. в результате наступления данных общественно опасных последствий может пострадать неопределенный круг лиц. Общий объект – отношения собственности.

Федеральным законом от 29 июля 2018 года "О внесении изменений в статью 215.3 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" глава 24 «Преступления против общественной безопасности» УК РФ была дополнена статьей 215.3, предусматривающей уголовную ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо за разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние объектов трубопроводного транспорта, а также технологически связанных с ними сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных или хулиганских побуждений. В соответствие с этим нормативным положением хищения нефти и нефтепродуктов из нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, сопряженные с причинением вреда объектам трубопроводного транспорта (криминальные «врезки»), влекут ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и соответствующей частью ст. 215.3 УК РФ. Имеющийся метод учета на предприятиях, обслуживающих нефтепродуктопроводы, не позволяет определить

точный размер вреда, несмотря на имеющиеся разработанные формулы зависимости изменения давления в трубопроводе (нефть-сырец в процентном соотношении состоит из водной эмульсии, поэтому стоимость нефти сложно установить) [3]. По причине этого сумма ущерба зачастую определяется только на основании показаний самих обвиняемых или предоставленной потерпевшей стороной справкой о примерном количестве изъятого [4].

Как правило, прокуратуры субъектов Российской Федерации принимают следующие меры по укреплению законности в сфере ТЭК:

- пресечение и предупреждение нарушений закона в сфере ТЭК;
- обеспечение полноты и обоснованности учёта преступлений в сфере ТЭК;
- повышение эффективности уголовного преследования за совершение преступлений в сфере ТЭК, включая раскрытие преступлений, возмещение причинённого преступлением вреда и назначение виновным лицам законного и справедливого наказания при рассмотрении уголовных дел судами.

Повышенная уголовная ответственность за преступления, касающиеся объектов ТЭК, не останавливает рост преступности в этой сфере. И к сожалению, на сегодняшний день в государстве так и не сложилась единая концепция борьбы с топливными преступлениями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон "О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса" от 21.07.2011 N 256-ФЗ [Электронный ресурс]: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117196/ (дата обращения 09.10.2021 г.).
2. Патрушев посетовал на высокий уровень преступности в ТЭК на северо-западе РФ [Электронный ресурс]: URL: <https://www.interfax.ru/russia/712474> (дата обращения 09.10.2021 г.).
3. Гумаров И. А. К вопросу учета органами внутренних дел Российской Федерации краж нефти и горюче-смазочных материалов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4(22). С.112-117.

Приходько А. И. Общественно-опасные последствия посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Социально-политические науки. 2017. С.148.

Правовая природа электроэнергии: гражданско-правовой и уголовно-правовой аспекты
Мухарычин Семен Владимирович
Студент
Санкт-Петербургский юридический институт, филиал Университета
прокуратуры Российской Федерации

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен вопрос о месте электроэнергии в системе объектов гражданских правоотношений. Дана правовая характеристика электроэнергии и высказано мнение, что она является особым видом имущества. Проведено сравнение с уголовно-правовым пониманием электроэнергии, продемонстрирована правоприменительная проблема, имеющая место при существующем подходе, и предложено ее решение. Автор приходит к выводу, что в законодательстве необходимо подробно раскрыть понятие электроэнергии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Электроэнергия, законодательство, имущество, вещь, предмет, хищение.

ABSTRACT

The article considers the issue of the place of electricity in the system of objects of civil legal relations. The legal characteristic of electricity is given and the opinion is expressed that it is a special type of property. A comparison is made with the criminal-legal understanding of electricity, the law enforcement problem that occurs with the existing approach is demonstrated, and its solution is proposed. The author comes to the conclusion that it is necessary to disclose the concept of electricity in detail in the legislation.

KEYWORDS

Electricity, legislation, property, thing, object, theft.

Пожалуй, в любом государстве огромное значение имеют отношения в сфере электроэнергетики, поскольку их благосостояние во многом зависит от эффективного функционирования данной отрасли экономики. Не является исключением в этом плане и Российская Федерация, в которой на законодательном уровне закреплена значимость электроэнергетики. Так, Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» подчеркивает, что «электроэнергетика является основой функционирования экономики и жизнеобеспечения».

Вместе с тем, в науке и практике весьма актуальной является проблема правовой природы того, что лежит в основе данной отрасли экономики – электроэнергии. Полагаем, стоит обратить внимание на то, что хотя понятие «электроэнергия» довольно часто встречается в соответствующем законодательстве, ему не дано определения, которое бы позволяло получить представление о сущности электроэнергии именно с позиции законодателя. В настоящий момент лишь Таможенный кодекс Евразийского экономического союза вскользь отвечает на поставленный вопрос путем причисления электроэнергии к товарам – движимому имуществу (п. 45 ч. 1 ст. 2). Однако этого явно

недостаточно, и требуется некое обоснование, особенно если принять во внимание определение энергии, в толковом словаре: одно из основных свойств материи - мера ее движения, а также способность производить работу [12]. Каким образом свойство материи можно отнести к категории движимого имущества (товара)?

Если рассматривать электроэнергию с позиции гражданского права, то в настоящее время ряд ученых предлагают относить энергию (в том числе электрическую) к объектам вещных прав в противовес к традиционному подходу, согласно которому объектом вещного права являются вещи – данные природой и созданные человеком ценности материального мира, выступающие в качестве объектов гражданских правоотношений, то есть материальные предметы. Как замечает рассуждающая о позиции сторонников нового подхода В. М. Короткова, электроэнергия выступает предметом договора энергоснабжения, который в свою очередь рассматривается как разновидность договора купли-продажи [7, с. 42], в соответствии с которым одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Иными словами, он направлен на передачу права собственности, в том числе на такой специфический товар, как энергия. Необходимо, однако, отметить, что в договоре энергоснабжения к предмету помимо энергии относят также действия сторон по подаче энергии через присоединенную сеть на энергопринимающее устройство абонента, принятию энергии и ее оплате [3, с. 49].

Признавая электроэнергию объектом вещных прав, нам необходимо сделать ряд оговорок. Она не в полной мере подпадает под понятие собственно вещи. Еще в начале XX века Ю. С. Гамбаровым были определены признаки вещи, к которым он отнес телесность (вещь находится в пространстве, ограничивается пространством, воспринимается непосредственно нашими органами чувств), имущественная ценность, оборотоспособность и самостоятельность [1, с. 574]. Безусловно, электроэнергия обладает имущественной ценностью для потребителей в силу того, что она, во-первых, удовлетворяет ежедневные бытовые потребности граждан, во-вторых, обеспечивает деятельность предприятий и, как следствие, соответствующих физических и юридических лиц, ими владеющих. Электроэнергии свойственна оборотоспособность, поскольку она является предметом (одним из предметов) договора купли-продажи. В то же время самостоятельности электроэнергии говорить не приходится, поскольку, как мы указали выше, она не единственный предмет договора энергоснабжения, ибо невозможно передать ее и извлекать из нее пользу без соответствующих устройств. Электроэнергия не обладает материальной оболочкой. Может ли свойство материи обладать таковой в принципе? «То, что она существовала и была использована, фиксируется в показаниях приборов учета. Пока энергия находится в сети, она принадлежит тому, кто является собственником сети или источника, вырабатывающего энергию» - пишет Д. В. Головкина [3, с. 50]. Отсюда представляется справедливым и замечание, что в отношении электроэнергии невозможно применить вещно-правовые способы защиты, например, виндикационный иск [4, с. 79].

В связи с вышеуказанным в отечественной цивилистике высказано мнение, что электроэнергия не является вещью, а относится к функциональному аналогу вещи, поскольку она хоть и не обладает всеми необходимыми признаками, но выполняет

многие из выполняемых вещами функций: юридических (например, функции объекта права собственности) и фактических (производственных, бытовых и др.) [8, с. 60]. Нельзя отнести электроэнергию и к имущественным правам, поскольку, в отличие от последних, она не относится к плодам человеческого разума и не является абстракцией [8, с. 60].

Таким образом, в гражданском обороте, по нашему мнению, электроэнергию стоит причислить к особому виду имущества. Ее нельзя отнести ни к категории вещей, ни к категории имущественных прав в силу присущих ей специфических свойств, а потому электроэнергия, так же, как и другие виды энергии, должна выступать в качестве самостоятельной категории.

Несколько иначе обстоят дела при определении сущности электроэнергии в рамках уголовного права. Является ли электроэнергия имуществом с точки зрения уголовного права? Для прояснения сложившейся ситуации, полагаем, стоит обратить внимание на преступления против собственности, в том числе на кражу (статья 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также – УК РФ). Итак, статья 158 предусматривает ответственность за кражу, то есть тайное хищение чужого имущества. На сегодняшний день правоприменительная практика исходит из того, что электроэнергия не является имуществом, и не признает ее предметом хищения в виде кражи [2, с. 41]. Вместе с тем, особо квалифицированный состав кражи (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ), предусматривает уголовную ответственность за хищение из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Данные «предметы» тоже несколько выбиваются из привычного нам понимания вещей, однако их, по мнению законодателя, похитить реально. Что ж, ответить на указанный вопрос можно следующим образом: разграничительная линия проходит по тому, можно ли заключить соответствующий предмет в ограниченный объем, превратив его в вещь [5]. Газ, например, можно заключить в газовый баллон; аналогичные действия возможно проделать и с нефтью. Если газ и нефть можно измерить и поместить в какое-либо хранилище, то с электроэнергией названные действия совершить возможным не представляется.

То, что в обиходе называется «хищением электроэнергии», в настоящее время квалифицируется по статье 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием». Это следует из разъяснения, данного в пункте 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», по смыслу которого обман или злоупотребление доверием в целях получения незаконной выгоды имущественного характера могут выражаться, например, в несанкционированном подключении к энергосетям, создающем возможность неучтенного потребления электроэнергии [10]. Уголовная ответственность наступает за причинение такими действиями крупного ущерба собственнику (электроснабжающей или электросбытовой организации). При этом П. С. Яни, комментируя статью 165, замечает, что «понимание обмана в данном случае носит несколько фикционный характер» [6, с. 248]. О «фикционности» признака обмана рассуждает также В. И. Гладких, обращаясь непосредственно к судебной практике, в которой несанкционированное подключение к энергосетям квалифицируют по статье 165 в случаях, когда по обстоятельствам дела не усматривается признаков обмана или злоупотребления доверием, а есть лишь цель незаконного завладения

электроэнергией [2, с. 41]. Другими словами, на деяния, по своей сути представляющие собой кражу, из-за неопределенности правовой природы электроэнергии и непризнания ее имуществом квалифицируют по не совсем совместимой статье, вынужденно «натягивая» ее на «хищение электроэнергии».

Чтобы решить указанную проблему, В. И. Гладких и ряд других ученых предлагают признать электроэнергию и другие виды энергии имуществом – предметами хищения, так как энергия обладает определенной стоимостью, хоть и не имеет материальной оболочки [2, с. 41].

Таким образом, в российском праве в настоящее время налицо неопределенность в вопросе о сущности электроэнергии, которая, несомненно, подлежит разрешению. В науке что уголовного, что гражданского права высказаны предложения по признанию электроэнергии имуществом. По нашему мнению, необходимо на законодательном уровне учесть данные рекомендации и закрепить развернутое определение понятия электроэнергии, признав его имуществом, поскольку упоминания в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза явно недостаточно. Кроме того, мы полагаем, что в стоит признать электроэнергию в предметом хищения, а также рассмотреть вопрос о внесении в Уголовный кодекс Российской Федерации, в частности, в статью 158, положения, которые бы предусматривали ответственность за хищение электроэнергии в качествеотягчающего обстоятельства, ибо электроэнергетика, краеугольным камнем которой является электроэнергия, как мы уже выше отмечали, является одной из ключевых отраслей российской экономики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права: Часть Общая. Т. 1. – СПб., 1911. – 793 с.
2. Гладких В. И. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой анализ статьи 165 УК РФ // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2021. № 3. С. 39–44.
3. Головкина Д. В. К вопросу о предмете договора энергоснабжения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 49–54.
4. Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы Российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 76–93.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Г. А. Есакова. "Проспект", 2021. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/jelektrojenergiya_jeto_vesch/ (дата обращения 24.09.2021)
6. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / В. М. Лебедев [и др.] ; ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 371 с.
7. Короткова М. В. Объекты вещных прав в гражданском законодательстве России // Образование и право. 2020. № 4. С. 41–49.
8. Лукьянцева И. А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 60.
9. Об электроэнергетике : Федеральный закон от 26 марта 2003 № 35-ФЗ : текст с изм. и доп. на 1 июля 2021 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза : приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза : текст с изм. и доп. на 29 мая 2019 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Толковый словарь Ожегова онлайн. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36269> (дата обращения 23.09.2021).

Анализ законодательства, регламентирующего недропользование и охрану
окружающей среды в Арктической зоне Российской Федерации
Муштакова Екатерина Сергеевна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

С одной стороны, Арктика богата минерально-сырьевыми ресурсами, а с другой стороны, этот регион отличается хрупкостью и уязвимостью экосистем, слабо восстанавливаемой флорой и фауной. Эти и другие факторы обуславливают необходимость учета природно-климатических особенностей региона как при формировании правового регулирования хозяйственной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации, обеспечивающего применение технологий, оказывающих минимальное влияние на окружающую среду, так и при принятии решений, связанных с вовлечением месторождений полезных ископаемых в промышленное освоение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Арктическая зона РФ; разработка месторождений полезных ископаемых; охрана окружающей среды; специальное правовое регулирование.

ABSTRACT

On the one hand, the Arctic is rich in mineral resources, and on the other hand, this region is characterized by fragility and vulnerability of ecosystems, poorly restored flora and fauna. These and other factors make it necessary to take into account the natural and climatic features of the region both when forming the legal regulation of economic activity in the Arctic zone of the Russian Federation, ensuring the use of technologies that have a minimal impact on the environment, and when making decisions related to the involvement of mineral deposits in industrial development.

KEYWORDS

Arctic zone of the Russian Federation; development of mineral deposits; environmental protection; special legal regulation.

В условиях начинающегося активного освоения месторождений полезных ископаемых, расположенных в Арктической зоне РФ, для минимизации негативного антропогенного воздействия на её окружающую среду, необходимо оценить состояние законодательства, выявить недостатки и сформулировать предложения по формированию соответствующих правовых механизмов предоставления и использования недр для геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых с одновременным обеспечением охраны окружающей среды в этом регионе.

Методологически такой анализ весьма важно провести с учетом не только арктической специфики, но и экологического кризиса, о котором пишут многие специалисты. На протяжении XX в. развитие арктических пространств страны определялось, в основном, интенсивной добычей невозобновляемых природных ресурсов. При этом «в течение многих лет государство ставило только одну цель –

увеличение добычи ресурсов» [1]. Долгосрочных планов устойчивого развития Арктической зоны не существовало. В основном все планы строились на эксплуатации двух-трёх видов ресурсов, дававших наибольшую прибыль, а тот факт, что в результате ухудшалось общее социально-экономическое положение коренных народов, наносился ущерб окружающей среде, не принимался во внимание.

Причины нанесения такого экологического ущерба заключаются не только в нефтяных разливах, в радиоактивных захоронениях на дне морей, накоплениях отработавших ядерных реакторов подводных лодок и т.п., но и в промышленном освоении, которое не было «зелёным» с точки зрения охраны природы.

Автор соглашается с мнением ряда исследователей о том, что «интенсивное освоение Арктической зоны приводит к необходимости создания правовых и экономических условий для экологической реабилитации загрязнённых за длительный период военной и промышленной деятельности северных арктических территорий, ликвидации накопленного в результате данных видов деятельности негативного воздействия, экологического вреда, причинённого ими. В числе причин, которые в настоящее время существенно тормозят процесс ликвидации прошлого экологического ущерба, выделяются проблемы, связанные с несовершенством механизма законодательного регулирования указанных отношений, отсутствием специального законодательного акта в данной сфере» [2].

Так, из вышесказанного следует, что освоение значительных запасов полезных ископаемых в арктических районах обуславливает первостепенное значение проблемы сохранения окружающей среды в данном регионе.

В исследовании Д. Д. Богоявленского, Е. П. Мартыновой, О. А. Мурашко, Е. Н. Хмелевой, Ю. Я. Якель, О. А. Яковлевой [3] описанный практический случай касательно государственной экологической экспертизы показал не просто пагубное влияние деятельности по недропользованию на окружающую среду и в итоге на традиционный образ жизни коренных народов Севера, но также и недостаточную жесткость эколого-правовых требований при проведении работ, связанных с использованием недр в Арктической зоне России. Учитывая изложенное, не только состояние природы, но и прежде всего здоровье указанных народов, проживающих в зоне влияния работ, связанных с недропользованием, нуждается в особенно высокой степени правовой защиты со стороны государства.

Таким образом, в настоящее время важная задача государства (во избежание повторения прошлых ошибок), – это поддерживать баланс между развитием хозяйственной деятельности в Арктической зоне РФ, с одной стороны, и сохранением её окружающей среды – с другой.

По убеждению автора, поддерживать отмеченный баланс возможно только посредством соответствующего нормативно-правового регулирования. В первую очередь, это касается регламентации работ, связанных с использованием недр. Как верно отмечает И. А. Игнатьева, Арктика сегодня – это самостоятельный объект государственной политики [4].

Однако, в настоящее время в Российской Федерации нет специального закона, посвящённого правовому режиму Арктической зоны РФ и регламентирующего экологи-

правовые требования при проведении работ, связанных с природопользованием, в частности, с недропользованием в Арктической зоне РФ.

Попытки обсуждения и принятия такого Закона неоднократно осуществлялись. За период свыше десяти лет законопроект «Об Арктической зоне Российской Федерации» претерпел не одну редакцию. Однако на определенном этапе законотворческий процесс останавливался. «Основными контрдоводами являлись отсутствие необходимых финансовых, технических, организационных средств, непонимание специфики природных ресурсов Арктики по сравнению с другими регионами» [5]. «В настоящее время большая часть вопросов развития Арктической зоны решается в рамках традиционных отраслей отечественного права (конституционного, административного, гражданского и др.)» [6]. По этому вопросу учёными также отмечается, что «полноценные базовые законы, посвященные собственно вопросам развития данного региона Российской Федерации практически отсутствуют, а исключением здесь являются только законодательные акты, регулирующие статус и вопросы государственной поддержки коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, и также три закона, посвящённых гарантиям и компенсациям для лиц, которые работают и проживают в районах Крайнего Севера, а также в местностях, приравненных к ним, либо которые выезжают из этих местностей» [7].

В Российской Федерации принята Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Однако, в целом Российская Федерация отстаёт от других северных государств в части обеспечения эффективного специализированного правового регулирования и стимулирования арктической деятельности. В ряде государств существуют специальные законы по вопросам Арктики. Россия же, обладая самыми обширными арктическими пространствами, в отличие от других арктических государств, не сформировала особых механизмов правового регулирования для комплексного освоения, рационального использования и охраны окружающей среды, которые бы учитывали повышенные экологические риски.

«Действующее природоресурсное и природоохранное законодательство Российской Федерации, как правило, не содержит специальных норм, касающихся повышенной охраны арктической природы. На практике растительный и животный мир, воды Арктической зоны РФ деградируют от вредного воздействия плохо продуманной хозяйственной деятельности» [8]. Как справедливо отмечают специалисты, «в целом федеральное законодательство в этой области остаётся фрагментарным, а по отдельным вопросам – архаичным, не соответствующим тем вызовам, которые возникают сегодня в связи с задачами модернизации Арктической зоны в сфере распространения национальных интересов России» [9].

Так, на сегодняшний день в Российской Федерации отношения по охране окружающей среды в Арктической зоне преимущественно регулируются:

- нормами права, содержащимися в общих природоохранных и природоресурсных актах РФ [10],
- правовыми актами стратегического планирования, создаваемыми в рамках осуществления институционального государственного планирования [11].

Представляется важным проанализировать обе указанные сложившиеся тенденции развития отечественного законодательства в отношении Арктической зоны РФ: 1) общие законы; 2) специальные программы.

1) Содержание норм отмеченных актов говорит о том, что в них действительно с разной степенью детализации закрепляются экологические требования к осуществлению деятельности, которая может оказать негативное воздействие на окружающую среду: например, раздел «Рациональное использование и охрана недр» – в Законе РФ «О недрах»; раздел «Защита и сохранение морской среды, природных ресурсов континентального шельфа. Захоронение отходов и других материалов» – в ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации»; в частности, статья «Требования в области охраны окружающей среды при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию и эксплуатации объектов нефтегазодобывающих производств, объектов переработки, транспортировки, хранения и реализации нефти, газа и продуктов их переработки» – в ФЗ «Об охране окружающей среды» и т.д.

В современных нормативных правовых актах определены правовые средства охраны окружающей среды. Среди них выделяются такие как: нормирование, ОВОС и экологическая экспертиза, учет природных ресурсов и вредных воздействий, мониторинг, планирование, надзор и др. Эффективность их регулирования и реализация имеют главную цель – сохранить или восстановить благоприятную окружающую среду.

Все названные выше правовые меры обеспечения охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов имеют прямое отношение к исследуемой теме. Важно подчеркнуть, что некоторые из них должны регулироваться и применяться с учетом природно-климатической специфики Арктической зоны Российской Федерации.

На практике же все указанные эколого-правовые инструменты и требования законодательства по природопользованию и охране окружающей среды являются общими, универсальными, применимыми ко всем территориям, акваториям страны, не учитывающими повышенную уязвимость арктических экосистем.

В научной литературе по этому поводу утверждается, что, несмотря на то, что в арсенале российского экологического законодательства есть практически все известные лучшей международной, зарубежной практике инструменты эколого-правовой охраны, тем не менее, «к настоящему времени эффективный правовой режим охраны уязвимых арктических экосистем не сформировался. Обладающий высоким природоохранным потенциалом инструментарий современного экологического права играет зачастую второстепенную роль в решении задачи по созданию эффективной правовой модели регулирования общественных отношений, складывающихся в области охраны окружающей среды российской Арктики, обеспечивающей снижение негативного воздействия на неё хозяйственной и иной деятельности, возмещение вреда, причиненного уязвимым арктическим экосистемам, предотвращение необратимых негативных изменений природной среды этого региона» [12].

Принимая во внимание природные особенности Арктики, а также с учетом потребностей создания эффективной правовой модели регулирования природопользования и охраны природы в данном регионе, автору представляется, что в

Арктической зоне РФ должно быть специальное правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды.

2) Рассматривая акты стратегического планирования, программные документы, касающиеся Арктики, в первую очередь необходимо отметить Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [13], Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [14]. Важно отметить, что в них содержатся отдельные разделы, посвящённые охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, с детально расписанными мерами.

Достаточно продолжительное время границы Арктической зоны Российской Федерации оставались на уровне правовых актов не установленными. Однако, Указ Президента РФ № 296 от 2 мая 2014 года «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [15] определил южную границу Арктической зоны и уточнил, что иные границы зоны подлежат установлению в порядке, предусмотренном международным правом.

Важно отметить также Государственную программу РФ «Воспроизводство и использование природных ресурсов», утвержденную Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 322 [16], определяющую конкретные меры по изучению и добыче полезных ископаемых, в том числе в Арктической зоне РФ.

Рассмотренные выше документы стратегического планирования являются хорошим фундаментом для формирования специального правового регулирования на уровне федерального законодательства и подзаконных актов в целях упорядочивания общественных отношений по осуществлению хозяйственной деятельности, в том числе деятельности по добыче полезных ископаемых, в Арктической зоне РФ.

Таким образом, Российская Федерация отстаёт от ряда приарктических стран, в частности, таких, как Канада, Норвегия, США, – в области принятия и развития специального «арктического» законодательства.

В силу уникальности и повышенной чувствительности арктической природы к антропогенному воздействию, экологические отношения в Арктической зоне РФ нуждаются в эффективной правовой защите и специальном правовом регулировании. Этот вопрос особенно обостряется при использовании недр, в частности – для добычи полезных ископаемых, в силу известного негативного влияния такой деятельности на окружающую среду.

Проведенное исследование показывает необходимость формирования специального законодательства об Арктической зоне РФ, в котором следует уделить отдельное внимание формированию эффективного правового механизма использования участков недр для геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых с одновременным обеспечением вопросов охраны уязвимых арктических экосистем. Проведенный в работе анализ современного российского законодательства выявил недостаточный учёт при осуществлении регулирования географических, природно-климатических и иных уникальных особенностей Арктической зоны Российской Федерации.

На уровне нормативных правовых актов Российской Федерации не предусмотрено включение в содержание лицензий на пользование недрами для участков недр, расположенных в Арктической зоне РФ, специальных эколого-правовых требований при проведении работ по геологическому изучению, разведке и добыче полезных ископаемых. Такие требования должны выражаться в строгой регламентации вопросов охраны окружающей среды, учитывать особенности использования участков недр Арктической зоны, а также обеспечивать минимизацию вредного влияния деятельности, связанной с использованием недрами, на традиционный образ жизни и здоровье коренных народов Севера, проживающих в зоне влияния работ.

В этой связи, предлагается включить в статью 12 Закона РФ «О недрах» положение, обязывающее предусматривать в лицензиях на пользование недрами для участков недр Арктической зоны РФ специальные условия по обеспечению минимизации вредного влияния деятельности, связанной с использованием недрами, на традиционный образ жизни и здоровье коренных народов Севера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Исмаилова Э.Ю., Трунцевский Ю.В. Экологическое право: учебник. М.: ЮрИнфоР, 2008. 432 с.
2. Абрамова А.И., Авхадеев В.Р., Андриченко Л.В. [и др.] Указ. соч.
3. Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А. Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. 2002. 131 с.
4. Игнатьева И.А. Устойчивое развитие Арктической зоны Российской Федерации: проблемы правового обеспечения, 2013 // СПС КонсультантПлюс.
5. Боголюбов С.А. Особенности природопользования и охраны окружающей среды на российском Севере. Российская Арктика – территория права: альманах / Хабриева Т.Я., Кобылкин Д.Н., Емельянцева В.П. и др.; отв. ред. Хабриева Т.Я. М.: ИЗиСП; Салехард: Администрация Ямало-Ненецкого автономного округа; ИД «Юриспруденция», 2014. С. 209.
6. Абрамова А.И., Авхадеев В.Р., Андриченко Л.В. [и др.] Указ. соч.
7. Абрамова А.И., Авхадеев В.Р., Андриченко Л.В. [и др.] Указ. соч.
8. Абрамова А.И., Авхадеев В.Р., Андриченко Л.В. [и др.] Указ. соч.
9. Там же.
10. Абрамова А.И., Авхадеев В.Р., Андриченко Л.В. [и др.] Указ. соч.
11. СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1317.
12. СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.
13. СЗ РФ. 2014. № 18 (часть I). Ст. 2136.
14. СЗ РФ 05.05.2014. №18 (ч. III). Ст. 2168.

Нефтегазовый комплекс России: состояние и главные проблемы
Нгуен Тхи Тхюи Линь
Московский педагогический государственный университет

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется текущее состояние и аспекты нефтегазовой отрасли России. Узнайте о наиболее важных текущих месторождениях нефти в России, по которым оцениваются запасы нефти и газа, а также об уровнях добычи по годам. Особенно существующие проблемы и проблемы в нефтегазовой отрасли. Отсюда мы сможем лучше понять все аспекты этой отрасли, а также сможем найти решения и модели для развития российских ресурсов.

ABSTRACT

The article analyzes the current status and aspects of the oil and gas industry in Russia. Learn about the most important current oil fields in Russia, from which oil and gas reserves are estimated, as well as production levels by year. Especially existing problems and problems in the oil and gas industry. From here we will be able to better understand all aspects of this industry, as well as be able to find solutions and models for the development of Russian resources.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

нефтегазовый комплекс России; развития основная проблема; состояние; крупные месторождения нефти.

KEYWORDS

oil and gas complex of Russia; development; new paradigm; main problem; status; big oil fields.

Масштабность и значение нефтегазовой отрасли в любой стране мира просто неоспоримы, особенно в России. Благодаря богатым нефтяным ресурсам Россия долгое время была одним из крупнейших производителей и экспортеров нефти в мире. Топливные ресурсы служат источником энергии не только для всей промышленности нации, но и для всех сфер человеческой жизни.

Нефтегазовый комплекс - это собирательное название группы отраслей, которые добывают, транспортируют и перерабатывают нефть (нефтяная промышленность) и газ (газовая промышленность) и распределению продуктов их переработки.

Нефтегазовый комплекс - это быстрорастущий в России комплекс, который полностью обеспечивает потребности страны в газе, нефти и нефтепродуктах и формирует значительную часть бюджета. консолидация и валютная выручка. Отрасли нефтегазового комплекса занимают лидирующие позиции в экономике России. В настоящее время Российская Федерация обладает одними из крупнейших запасов нефти и газа в мире: более 23% мировых запасов природного газа и около 6% мировых доказанных запасов нефти находятся в России. Россия - одна из немногих стран в мире, которая имела возможность в течение длительного времени развивать

крупномасштабную нефтяную промышленность, полностью сосредоточившись на собственных природных ресурсах. Реализовано менее половины нефтяного потенциала России, и остаются значительные запасы для удовлетворения долгосрочных потребностей отрасли.

Нефтегазовый комплекс - это основа современной мировой экономики. Уровень его развития отражает социальный, научный и технологический уровень страны. Сложно представить нашу жизнь без топлива, энергии, света, связи, телевидения, транспорта и т.д.

В настоящее время в России большая часть этих ресурсов сосредоточена в восточных и северных регионах страны, а также на шельфе арктических и дальневосточных морей. Среди них выделяются следующие нефтегазоносные провинции: Западно-Сибирская, Тимано-Печорская, Волго-Уральская, Прикаспийская, Северо-Кавказско-Мангышлакская, Енисей-Анабарская, Лено-Тунгусская, Лено-Вилуйская, Охотская и нефтегазоносные области: Балтийская, Восточно-камчатская, Анадырская.

На территории Российской Федерации расположены три крупнейших и важнейших нефтегазовых провинции:

А) Западная Сибирь: это основная провинция РФ. Крупнейший нефтегазоносный бассейн в мире, включая территорию Тюменской, Томской, Новосибирской и Омской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также прилегающий шельф Карского моря, площадью около 3,5 млн. км². Добыча нефти ведется с 1964 г., когда почти одновременно были введены в разработку Трехозерное, Мегионское и Усть-Балыкское месторождения. Ханты-Мансийский автономный округ - богатейший нефтяной регион Западной Сибири и России в целом; он производит две трети нефти добываемой в стране, и имеет развитую инфраструктуру. В его пределах открыто 273 месторождения нефти, из которых 120 введены в эксплуатацию.

В Западной Сибири несколько десятков крупных шахт. В Тюменской области добывается более 220 миллионов тонн нефти, что составляет более 90% от всей добычи Западной Сибири и более 55% от общей добычи в России.

Важнейшей особенностью ресурсной базы нефти Западной Сибири является исключительно благоприятная структура доказанных запасов. Главный фактор - высокая концентрация запасов на самых крупных и крупных месторождениях.

Б) Волго-Уральская провинция: Вторая по величине нефтедобывающая провинция - Волго-Уральская провинция. Она расположена в восточной части европейской территории Российской Федерации.

Республика Татарстан и Башкортостан являются центрами нефтяной промышленности Урало-Поволжья, на них приходится 65% добычи нефти. Для обеспечения республики характерна высокая степень разработки месторождений и общая остаточная природа оставшихся запасов и ресурсов.

В) Тимано-Печерская провинция: это третья по значимости нефтяная провинция. Включает территорию Республики Коми, Ненецкого автономного округа, Архангельской области и округа, а также прилегающий шельф Баренцева моря.

Его площадь составляет около 350 тысяч квадратных километров. Географически Тимано-Печорский бассейн имеет треугольную форму: на востоке он ограничен Урало-

Пай-Хойским хребтом, на юго-западе - склоном Тимана, а на севере - Южно-Баренцовой впадиной. Успешное освоение нефтегазовых месторождений в этом районе поставило Тимано-Печору на третье место по запасам нефти в России после Западно-Сибирского и Волго-Уральского бассейнов (Западная Сибирь и Урало-Поволжье - 94%).

Нефтегазовый сектор экономики России - основа бюджетного формирования страны. Ее роль определяется значимостью в формировании экспортных и бюджетных доходов, а также большой кооперацией с другими секторами и отраслями национальной экономики. Но за последние 10 лет состояние ресурсов отечественного нефтяного комплекса серьезно ухудшилось. Это приводит к резкому удорожанию добычи нефти и, как следствие, наносит огромный ущерб бюджету страны. Стоимость российской валюты во многом зависит от мировой цены на нефть. В 2019 г. нефтегазовые доходы составляли около 7,924 руб/год, в 2020 г. - около 5,235 трлн руб/год. В 2020 г. доля нефтегазовых доходов бюджета России сократилась до 28% с 39,3% в 2019 г.

Согласно The Wall Street Journal, 2020 год был худшим годом для нефтяных компаний как минимум за десять лет. Только за первые девять месяцев года нефтедобывающие компании были вынуждены списать активы на сумму около 145 миллиардов долларов.

Массовое списание активов произошло из-за пандемии COVID-19, которая привела к падению спроса на энергию весной из-за массового прекращения производства по всему миру, а также ценовой войны между ОПЕК и Россией, что делает невозможным долгие месяцы договариваться о дальнейшем сокращении добычи нефти ради стабилизации цен на рынке.

Также это связано с введением санкций, нестабильностью цен на нефть, новыми инвесторами, которым наплевать на интересы страны, борьбой за потребителей. По вине инвесторов и новых владельцев за последние 10 лет прошлого века объем разведочного бурения сократился более чем в 4 раза, запасы нефти увеличились в 6,5 раза. Значительно сократились объемы разведочных географических исследований. Из-за снижения эффективности геологоразведочных работ увеличение запасов нефти с 1994 года уже не может даже компенсировать добычу. Добыча ведется в основном из активной части запасов.

В настоящее время нефтяная промышленность сталкивается с такими серьезными проблемами, как:

- + Используется устаревшее оборудование, что существенно влияет на дебит нефти;

- + Плохое использование нефтяного газа;

- + Увеличивает стоимость добычи нефти, тем самым замедляя темпы добычи.

- + Нефтяная промышленность в России находится в нестабильном состоянии (из-за высокой зависимости от мировых цен на нефть), что угрожает не только энергетической, но и экономической безопасности страны.

- + Большинство нефтедобывающих регионов России сегодня не имеют достаточных промышленных запасов нефти для поддержания высокого уровня добычи до 2030 года. Большая часть запасов ожидающих в стадии разработки, включая запасы газа, является низкорентабельной для освоения, готовится в отдаленных районах со слабой инфраструктурой.

В результате добыча нефти значительно снизилась. Точно так же большинство крупных компаний отказались от исследований. Несмотря на это, российская нефтяная промышленность по-прежнему производит высококачественную продукцию, которая может конкурировать на рынке [2, с. 295].

Ситуация усугубляется тем, что за последнее десятилетие использование современных методов увеличения нефтеотдачи (МУН) было практически ограничено, поэтому эффективное освоение запасов затруднено, а значит, и преодоление негативной тенденции снижения нефтеотдачи, принявшей уже угрожающий характер. По этим причинам текущая ситуация такова: Нет прироста запасов; Происходит снижение нефтеотдачи; Разработка происходит в основном из активной части запасов; Отечественные передовые методы увеличения нефтеотдачи не разрабатываются, а научные разработки не поощряются.

Вот лишь некоторые выдержки из отчета Минэкономики России той поры: «Продолжается ухудшение финансового состояния нефтедобывающих предприятий, сокращаются капитальные вложения, снижаются объемы эксплуатационного, разведочного бурения, число новых и простаивающих скважин... Общее состояние геологоразведочных работ в стране можно охарактеризовать как кризисное, начиная с 1991 года добыча нефти не компенсируется приростами запасов... На российских НПЗ функционируют около 1000 установок, большая доля из которых имеет срок эксплуатации, в два и более раз превышающий нормативный срок».

Самая острая проблема сегодня - это негативное воздействие на окружающую среду. Добыча любого полезного ископаемого оказывает негативное влияние на окружающую среду, недостаточное восстановление минерально-сырьевой базы, т.е. защищает объемы разведки и разведки новых месторождений полезных ископаемых от массово возрастающей эксплуатации соответствующего минерального сырья. Возобновление минерально-сырьевой базы - это поиск и разведка новых месторождений полезных ископаемых с запасами, достаточными для компенсации недостатка минерального сырья, которое может быть в полной мере извлечено из недр и дальше использовать хозяйственный комплекс.

Это одна из важных составляющих освоения и пополнения природных ресурсов. Особенно в отношении ресурса «Черного золота» - нефти, поэтому многие страны вкладывают огромные средства в повышение безопасности добычи и транспортировки нефти.

Есть много примеров крупных аварий при транспортировке нефтепродуктов, в результате которых был нанесен большой ущерб. Ярким примером является авария 2007 года: два нефтяных танкера были серьезно повреждены штормом в Керченском проливе. В результате большое количество нефтепродуктов ушло в море, что повлекло за собой серьезные последствия не только для страны, владеющей танкером, но и для всех прибрежных государств, и особенно непоправимый ущерб для окружающей среды. Поэтому добыча нефти - самый опасный природный ресурс.

Поэтому сейчас в России одним из важнейших вопросов является обеспечение экологической безопасности при реализации масштабных проектов, направленных на освоение нефтегазовых месторождений на шельфе арктического моря и на острове Сахалин, а также месторождений Каспийского и Балтийское море. Также следует

учитывать вопросы обеспечения экологической безопасности, последовательного ограничения нагрузки топливно-энергетического комплекса на окружающую среду, приближения к соответствующим европейским экологическим стандартам.

Если вовремя не изменить эту ситуацию, то в будущем мы столкнемся с трудноизвлекаемыми запасами и будем вынуждены использовать дорогостоящие зарубежные технологии. Это значительно увеличит стоимость отечественной нефти, и мы не сможем конкурировать с другими странами мира.

Последние несколько лет были довольно сложными для нефтяного сектора России. Однако, несмотря на это, благодаря своевременному вмешательству государства обновление политики помогло топливно-энергетическому комплексу продолжить развитие. Я верю, что состояние российской нефтяной промышленности с каждым годом улучшается, и в ближайшем будущем Россия вернется к своему золотому веку в этой отрасли, оцениваемой в миллиард долларов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. https://etpgpb.ru/posts/14708schetnaya_palata_rf_obyavila_o_padenii_obemov_i_doli_neftegazovyh_dohodov_byudzheta_2020_goda/
2. Нефтяная промышленность России: состояние и проблемы / А. С. Селиверстов, Д. Е. Митрофанов, А. А. Буцкая [и др.]. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 6 (140). — С. 295-297. — URL: <https://moluch.ru/archive/140/39453/> (дата обращения: 10.10.2021).
3. <http://www.gks.ru/> – Федеральная служба государственной статистики.
4. <http://www.oilru.com/> – Журнал «Нефть России»
5. <https://www.bestreferat.ru/referat-273384.html>

Государственное управление ресурсами нефти и газа в сфере ТЭК
Новичкова Полина Сергеевна, Лазарева Маруся Алексеевна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Статья раскрывает основные направления государственного управления нефтегазовыми ресурсами в топливно-энергетическом секторе. Особое внимание уделяется анализу основных документов, определяющих развитие нефтегазовой отрасли экономики страны в долгосрочной перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Нефтегазовый комплекс, нефтяная промышленность, газовая отрасль, государственное регулирование, модернизация.

ABSTRACT

The article reveals the main directions of state management of oil and gas resources in the fuel and energy sector. Special attention is paid to the analysis of the main documents determining the development of the oil and gas industry of the country's economy in the long term.

KEYWORDS

Oil and gas complex, oil industry, gas industry, state regulation, modernization.

Важность нефтяного комплекса для экономики России определяет полноценное участие государства в ее развитии. Направление развития комплекса сильно зависит от национальной энергетической политики и подкрепляется соответствующими документами стратегического значения. Федеральный закон №172 "О стратегическом планировании в РФ" от 20.06.2014 г. устанавливает правовые основы стратегического планирования в России, координирует государственное и муниципальное стратегическое управление, и бюджетную политику полномочия федеральных органов государственной власти и субъектов РФ, органов местного самоуправления. Регламентирует порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования.

Однозначно, Энергетическую стратегию России, можно назвать важным документом во комплексе стратегического планирования. Наша страна является одним из лидеров мировой энергетики. А ТЭК со всей его экспортной продукцией занимает ведущую роль в экономике России. В Российской Федерации в ТЭК формируется более четверти ВВП, это почти 30% нашего бюджета[4]. А в общем объеме инвестиций это составляет их четверть и более 2/3 от общего экспорта. Уровень работы ТЭК напрямую определяет положение уровня развития других отраслей экономики нашей страны и состояния окружающей среды.

Энергетическая стратегия России на период до 2035 года была принята 9 июня 2020 г. и сегодня, очевидно, что данная стратегия не совсем соответствует нынешним условиям развития экономики и энергетики мира и России, в частности.

Сегодня мировые энергетические рынки находятся в активном процессе изменений, связанных с изменениями рыночной конъюнктуры. Вопрос определения правильной стратегии, которая способна дать ответ на масштабные проблемы, видится максимальной волнующей для предприятий ТЭК нашей страны. Важным является и международное сотрудничество в этой сфере (решения ОПЕК, углеродное регулирование ЕС и др.)

Изменения мирового энергетического блока одна из самых волнительных сегодня тем, обсуждаемых на экономическом форуме 2019 года, где как раз на повестке дня главным было принятие Энергетической стратегии России до 2035 года.

В процессе формирования проекта Энергостратегии-2035 разработчики опирались на тот запас, который накопился в данной сфере. Поскольку ТЭК и вся экономика развивалась только за счет неизменного роста добычи на разрабатываемых месторождениях и за счет экспорта энергоресурсов, это перестает быть настолько актуальным. Следующее, Стратегия сфокусирована главным образом на развитие углеводородной энергетики, а сформулированных и понятных целей по их развитию в рассматриваемом документе не обнаруживается. Так же здесь наблюдается и шероховатости в главенстве развития отраслей ТЭК, базирующихся на использовании топливных ископаемых, прежде всего нефти и природного газа.

Энергостратегия - 2035 крайне важна и определяет цели и задачи, позволяет с эколого-правовых позиций дать долгосрочную оценку в перспективе развития ТЭК и определить энергетику как «локомотив» и становой хребет экономики России в следующем десятилетии.

В современных экономических условиях государство увеличивает обороты и играет все более важную роль в развитии нефтяной промышленности. Государство является не только регулятором экономических отношений, но и участником нефтяного сектора, участвующим в строительстве и модернизации, предоставляя необходимые ресурсы и инфраструктуру, а также предоставляя государственные гарантии для корпоративной торговли. Регулярные инвестиционные проекты поддерживают финансовую и экономическую стабильность крупных нефтяных компаний.

В то же время для освоения стабильного и возрастающего развития нефтяной отрасли и реализации равновесия интересов производителей и пользователей нефти и нефтепродуктов необходима координация действий большого круга сторон, вовлеченных в этот процесс (на государственном уровне).

Для осуществления стратегических целей продвижения нефтяной отрасли важным является решение следующие стратегических задач:

- проведение геологоразведочных работ с целью увеличения запасов и воспроизводства нефти, своевременно подготавливать к разработке зрелые нефтяные месторождения и новые нефтедобывающие площади;

- на базе сложных нефтегазовых месторождений, основная часть которых располагается в восточной части России на континентальном шельфе арктических и дальневосточных морей, формировать новый крупномасштабный нефтяной комплекс, который обеспечит условия для добычи нефти, утилизации попутного газа и нефти, разработку и развитие нефтехимии и газохимии;

- улучшение технологий добычи нефти, в том числе использование современных методов увеличения нефтеотдачи с целью увеличения нефтеотдачи;
- развитие транспортной инфраструктуры, включая трубопроводы, для повышения эффективности и диверсификации структуры и направления транспортировки нефти и нефтепродуктов;
- развитие нефтепереработки, увеличение глубины переработки нефти, улучшение качества рафинированной нефти;
- сэкономить ресурсы и снизить потери на всех этапах хранения, добычи, транспортировки и переработки нефти;
- большие инвестиции вложены в доразведку, разработку месторождений полезных ископаемых и строительство новой производственной инфраструктуры [4, стр. 15-16].

Не лишним будет отметить, что концепция многолетнего развития нефтяной отрасли благотворно влияет на ее продвижение и происходит это за счет инновационного развития, определения ключевых векторных движений и скрытых технологических разработок, необходимых для продвижения в развитии технологий добычи и транспортировки нефти. Целью переработки сырой нефти является оптимизация планов глубокой переработки, повышение энергоэффективности и снижение потерь на всевозможных технических уровнях нефтяной промышленности.

А какова роль государства и степень его регулирования ресурсами газа в сфере ТЭК? Нельзя не обратить внимание на перспективы развития отечественной газовой отрасли. Для этого сегмента экономики в России сформулирована Генеральная схема развития газовой отрасли до 2035 года. Это генеральный план, который представляет из себя комплексный проект, где взаимосвязаны все компоненты: геологоразведка, бурение, добыча, транспортировка, хранение природного газа и поставка углеводородов потребителям.

К важным проблемам рассматриваемой отрасли относятся: инфраструктурные лимиты на перегонку природного газа по трубам; большой риск экспорта полезного ископаемого в страны Европы; в недостаточной мере развитие переработки природного газа и химического машиностроения этого ресурса; а также недостаточно высокая оценка приемлемой цены на природный газ на внутреннем рынке.

В ходе совещания по Генеральной схеме развития газовой отрасли В.В. Путин отметил, что "...Газовая промышленность - это не простой в комплексе целостный механизм. И он включает в себя добычу, переработку, транспортировку и очищение природного ресурса как сырья. Сегодня перед отечественной газовой отраслью поставлены глобальные задачи. Все они сформулированы и сконцентрированы в одном документе. Одним словом, их можно обозначить как формирование долгосрочного планирования. Нельзя игнорировать тот факт, что спрос на природный газ неуклонно увеличивается. Кроме того, в не далеком будущем для природного газа замены просто не существует. Ничто и никто не может заменить этот природный ресурс в подобном энергетическом секторе, ни в промышленности, ни при оказании коммунальных услуг..."

Наши отечественные производители обязаны и, в общем-то, они способны удовлетворить возрастающий спрос на природный газ, организовать стабильные поставки российским потребителям, а также удержать и расширить свое влияние на

мировом рынке. Что бы реализовать перечисленные запросы, производителям необходимо увеличить добычу природного газа с 650 миллиардов кубометров в год, которые есть на сегодняшний день до 1 000 миллиардов кубометров в год. Как мы видим это увеличение добычи почти в 1,5 раза в год.

В планах заложено создание нового мощнейшего производственного центра. Обращается внимание на налоговые льготы для компаний, которые будут участвовать в подобных новых газовых проектах.

Россия нацелена на последующее развитие единой национальной системы газоснабжения. Необходимо распространить эту систему на новые центры добычи, переработки и потребления - всего будет проложено 25 тысяч километров новых газопроводов.

Главным условием является выполнение всех требований на высочайшем уровне, используя только современные, эффективные и экологически чистые технологии, ни в коем случае не забывая об условиях труда для людей, и что не маловажно сохранив при этом достойный уровень оплаты труда.

Прогрессивное развитие газовой отрасли обеспечивается своевременной заменой оборудования и трубопроводов в газотранспортной системе. При этом важно исключить занижение пропускной способности. Важным остается продолжать строительство региональных магистральных линий и газораспределительной инфраструктуры, а также развивать производство и экспорт сжиженного природного газа.

Все вышеперечисленное является разумным продвижением газовой, газоперерабатывающей и газохимической промышленности. Так же в эту группу можно определить использование ценных фракций углеводородов и попутного нефтяного газа.

Для осуществления генерального плана был рассмотрен не менее важный инвестиционный план, который включает в себя строительство и модернизацию уже имеющихся объектов транспортировки природного газа. Запланировано начать эксплуатировать от 116 до 146 компрессорных станций, что является ростом объектов более чем на 50%. Для этого, в смежных отраслях придется увеличить производство трубы необходимого диаметра с 530 до 1420 мм и примерно с 460 до 600 выхлопных систем.

Кроме того, генеральный план ещё учитывает создание шести центров переработки природного газа и газохимии, а также развитие уже существующих центров добычи природного газа.

В целом к 2030 году объем капитальных вложений в развитие газовой отрасли ожидается на уровне 12,3 или 14,7 трлн рублей согласно ценам от 1 ноября 2010 г. Скорость развития отрасли находится в зависимости от увеличения использования природного газа как в стране, так и в мире в целом. В комплексе на это влияет и конкурентоспособная стоимость российского природного газа, а также всевозможные диверсификации продуктов и направления поставок.

Реализация главных направлений в развитии газовой отрасли, которые определены в генеральном плане, обеспечивают географическую диверсификацию поставок природного газа в Россию; повышают стоимость добычи и доставки природного газа на традиционные потенциальные рынки на достойно конкурентном

уровне; формулируют ценовую политику экспортных цен для доставки конечному потреблению; позволяют производить продукты с более высокой добавленной стоимостью за счет увеличения объема глубокой очистки газа [8].

Для реализации функций государственного управления ТЭК созданы ряд государственных учреждений, таких как Федеральное агентство по энергетике Министерства промышленности и энергетики РФ, Министерство использования природных ресурсов, Федеральная комиссия по тарифам.

Все эти государственные органы призваны регулировать, управлять и решать ряд следующих задач, в том числе в сфере ТЭК:

- Обеспечить виды топлива и энергии для народного хозяйства и населения, а также их разумное и безопасное использование;
- Разрабатывать и реализовывать национальную энергетическую политику;
- Реструктуризировать топливно-энергетический комплекс;
- Обеспечивать эффективную и стабильную работу топливно-энергетической интегрированной организации;
- Провести экономические реформы, связанные с переходом на рыночные отношения.

Для решения поставленных задач государство обладает всеми необходимыми правами и полномочиями:

- прогнозирование социально-экономического развития ТЭК;
- осуществление полномочий по разрешению видов деятельности в ТЭК;
- участие в совершенствовании механизмов организации ТЭК;
- разработка предложений по законодательству и нормативным актам, которые так или иначе регулируют виды деятельности ТЭК.

Министерство природных ресурсов обладает полномочиями по оформлению разрешений на недропользование, подготовке и совершенствованию нормативно-правовой базы в области недропользования.

Сегодняшняя российская нефтяная промышленность выглядит так, как она была сформирована в 1990-е годы. Структура была выстроена в виде вертикально интегрированной нефтяной компании (ВИНК).

Таким образом выстроенная структура обеспечивает единство в производстве. Организация существует в рамках единой структуры собственности, которая обеспечивает процесс поиска, разведки, строительства нефтяных скважин, добычи, переработки нефти и газа, а также транспортировки и сбыта продукции.

В настоящее время в нефтяной промышленности России к таким структурам можно отнести ОАО «Лукойл», НК «Роснефть», НК «Сиданко», ЮКОС и ТНК, «Татнефть» и «Башнефть». Будучи акционерными обществами, созданными на базе ранее существующих управлений, все они находятся под контролем государства и полностью ему подчиняются. Дальнейшее усиление государственного регулирования нефтяным комплексом может осуществляться путем сокращения количества ВИНК.

Структурная перестройка газовой промышленности так же базируется на сохранении целостности уже созданной Единой системы газоснабжения - ОАО «Газпром». Помимо ОАО «Газпром» функционирует ряд независимых производителей, к числу которых относятся ИТЕРА, ЗАО «Пурнефтегазгеология», «Стимул», а также

производители газа, обеспечивающие газоснабжение в изолированных районах - «Норильскгазпром», «Якутгазпром» и «Сахалинморнефтегаз».

Кроме того, следует отметить, что освоение новых провинций и освоение трудноизвлекаемых запасов нефти и газа определяет необходимость создания национальной системы регулирования в части недропользования, налогообложения и технического надзора.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абалкин Л. Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 6.
2. Бессонова О.Э. Роль государства в современной экономике в контексте общей теории институциональных трансформаций // Регион: экономика и социология. 2008. № 3.
3. Концепция долгосрочного развития нефтяной промышленности России. М.: ИАЦ «Энергия», 2010.
4. Нефтяная промышленность России - сценарии сбалансированного развития. М.: ГУ ИЭС, 2010.
5. Петров А.М. Государственное регулирование химического комплекса России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 15(1).

[https://minenergo.gov.ru/sites/default/files/2016-07-](https://minenergo.gov.ru/sites/default/files/2016-07-05_Korrektirovka_generalnyh_shem_razvitiya_neftyanoy_i_gazovoy_otrasley_na_period_do_2035_goda.pdf)

[05_Korrektirovka_generalnyh_shem_razvitiya_neftyanoy_i_gazovoy_otrasley_na_period_do_2035_goda.pdf](https://minenergo.gov.ru/sites/default/files/2016-07-05_Korrektirovka_generalnyh_shem_razvitiya_neftyanoy_i_gazovoy_otrasley_na_period_do_2035_goda.pdf)

Правовые способы решения коллизионных ситуаций вокруг добычи полезных
ископаемых из материкового шельфа.

Озернов Максим Евгеньевич

Санкт-Петербургский Государственный Университет

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является анализ применения норм международного права при разрешении коллизионных ситуаций, возникающих при столкновении интересов государств, имеющих доступ к материковому шельфу. В данной статье предлагается рассмотреть проблему разрешения таких ситуаций, которая заключается в том, что такого рода разбирательства, как показывает практика, могут длиться десятилетиями, что в свою очередь влечёт очевидные издержки и возможное ухудшение дипломатических отношений. Данная статья поможет определить правовые основы принадлежности участка материкового шельфа к территории того или иного государства, претендующего на овладение ими с целью добычи полезных ископаемых.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовые основы добычи углеводородов, Международное право, Материковый шельф.

ABSTRACT

The purpose of this work is to analyze the application of the norms of international law in resolving conflict situations that arise when the interests of States with access to the continental shelf clash. In this article, it is proposed to consider the problem of resolving such situations, which lies in the fact that such proceedings, as practice shows, can last for decades, which in turn entails obvious costs and a possible deterioration of diplomatic relations. This article will help determine the legal basis for the ownership of a section of the continental shelf to the territory of a state claiming to own them for the purpose of mining.

KEYWORDS

Legal basis of hydrocarbon production, International law, Continental shelf.

В последнее время, в связи с изменениями климата в сторону потепления, упростилась добыча полезных ископаемых из материкового шельфа, что в свою очередь повлекло различные споры за обладание и контроль над территориями, которые раньше были покрыты толстым слоем льда, а теперь представляют из себя весьма прибыльные участки местности с содержанием полезных ископаемых. Открывшиеся перспективы разведки и добычи как нефти, так и других полезных ископаемых, разведка новых путей для мореплавания (в первую очередь связанного с доставкой полезных ископаемых на материк) привлекли значительное количество стран, заинтересованных в пополнении бюджета таким образом. Однако, это повлекло за собой и столкновение граничащих друг с другом государств за обладание такими территориями.

Для начала стоит определиться с понятиями, так, континентальный шельф является подводным продолжением материка, обладающим с ним общими

геологическими характеристиками. Помимо континентальных, существуют также и островные шельфы, образованные океаническими хребтами (Азорские, Гавайские и т.д.).

Однако, юридическое понятие шельфа не основывается лишь на географическом определении. Так, согласно п. «а» ст.1 Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 года, понятие «континентальный шельф» употребляется применительно к поверхности и недрам морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 метров или за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов.²⁹

Впервые претензии на континентальный шельф были выдвинуты США, в соответствии с положениями Декларации Трумэна 28 сентября 1945 года³⁰. Именно с этой точки начинается история споров между государствами за обладание и эксплуатацию континентального шельфа. В свою очередь, данная декларация не встретила осуждения мирового сообщества и в какой-то мере стала ориентиром для государств, имеющих выход к континентальному шельфу, по разведке и добыче полезных ископаемых.

Большинство национальных нормативно-правовых актов, принятых в 1945-1957 гг., в той или иной степени основывались на доводах, провозглашенных в вышеупомянутой прокламации³¹.

Далее, если мы обратимся к Конвенции 1982 года, то увидим, что она определяет шельф как морское дно, лежащее вплоть до внешней границы подводной окраины материка или на расстоянии 200 морских миль от исходных линий, когда внешняя граница подводной окраины не простирается на такое расстояние. Если внешняя граница подводной окраины выходит за пределы 200 морских миль, границы шельфа не должны находиться далее 350 миль от исходной линии³². Информация о границах шельфа за пределами 200 миль предоставляется прибрежными государствами в Комиссию по границам континентального шельфа, созданную в 1982 году Конвенцией по морскому праву. В компетенцию данной Комиссии входят рекомендации прибрежным государствам по установлению границ шельфа. В свою очередь, данные рекомендации, для стран-участниц Конвенции, считаются обязательными и окончательными.

Весьма показательным примером здесь служит спор, начавшийся ещё 80-х годах прошлого века, между Норвегией и на тот момент ещё СССР за право разведки арктического шельфа в районе архипелага Шпицберген. В 2009 году данный спор подошёл к кульминационному моменту, когда Комиссия признала права Норвегии на расширенный шельф в данном районе. В свою очередь, Россия всячески оспаривала данное решение.

По сути, разграничению подлежало огромное морское пространство между материковой частью России и Норвегии на юге, российскими архипелагами Новая Земля

²⁹ Конвенция о континентальном шельфе 1958г.

³⁰ Presidential Proclamation No. 2667 28th September, 1945 (Policy of the United States with Respect to the Natural Resources of the Subsoil and Sea Bed of the Continental Shelf) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.trumanlibrary.org>

³¹ Young R. The Legal Status of Submarine Areas Beneath the High Seas // The American Journal of International Law. – 1951. – Vol. 45, No. 2. – P. 228

³² Ст.76 Конвенции ООН по морскому праву

и Земля Франца-Иосифа на востоке и норвежским архипелагом Шпицберген на западе. В данный район почти полностью входит Баренцево море и часть Северного Ледовитого океана. Общая площадь данного участка составляет около 1,4 млн. кв. километров. Хотя и на данный момент большая часть района покрыта льдами, ввиду антропогенного фактора наблюдается значительное потепление, что в свою очередь влечёт за собой таяние льдов и открытие участков для разведки и добычи полезных ископаемых. Также в южной части данной территории осуществляются активное судоходство и рыболовство. Эта часть района разграничения, как полагают специалисты, перспективна в плане углеводородных ресурсов.

В 2007 году состоялось заключение соглашения о совместной разведке углеводородных ресурсов. Согласно данному договору, каждое месторождение углеводородов, пересекаемое линией разграничения, будет эксплуатироваться сторонами совместно, как единое целое. Однако, уже через три года понадобилось новое соглашение, которое регулировало данные спорные отношения более детально и по возможности обоюдно выгодно для стран-участниц данного договора. Норвегия предложила вариант о половинчатом разделении спорного участка, но российская сторона настаивала на секторальном разграничении территории и на том, что в соответствии с положениями договора от 1957 года, большая часть секторов должна отойти РФ, которая в свою очередь является общепризнанным правопреемником СССР.

Как итог, после долгих переговоров, был принят вариант, предложенный Норвегией. Также, чтобы достичь данной договорённости со стороны РФ была произведена делимитация 3,6 тыс. кв. километров северного участка спорной территории. Стоит сделать промежуточный вывод о том, что договорённость была достигнута путём взаимных уступок и пониманием того, что чем дольше будут проходить переговоры, тем позже будет произведена разведка весьма богатого углеводородными полезными ископаемыми участка материкового шельфа. Также, стоит отметить, что делегации стремились к заключению такого договора, который одномоментно был бы выгоден обеим сторонам, иначе была бы подготовлена почва для будущих долгих споров.

Однако, спор между Россией и Норвегией далеко не единственный в практике Комиссии о континентальном шельфе. По некоторым подсчетам было выявлено 29 ситуаций по всему миру (не считая Антарктики), где география морского дна может привести к коллизии правопритязаний прибрежных стран (которых насчитывается, как минимум, 55³³) на континентальный шельф за 200-мильным отстоянием. Наличие таких споров на данный момент является основной проблемой деятельности Комиссии. Учитывая перспективы по объёму добычи полезных ископаемых с глубин континентального шельфа, прибрежные страны максимально заинтересованы в скорейшей делимитации и предотвращению будущих споров. Как следует из положений Комиссии, её решения являются обязательными к исполнению, однако, как показывает практика, государства-участники предпочитают затягивание переговоров с целью извлечения наибольшей выгоды для своей стороны. Это вполне объяснимо, ибо как

³³ Colson D. A. The Delimitation of the Outer Continental Shelf between Neighboring States // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol. 97, No. 1, Jan. – P. 94

можно представить, речь идёт о многомиллиардной прибыли в бюджет государства, которой страны не намерены делиться с соседями. Но тут же встаёт вопрос: а насколько эффективна деятельность Комиссии в данном вопросе?

Целью данной работы не является поднятие вопроса о ликвидации Комиссии, а лишь оценка её эффективности, которая, как показывает практика, оставляет желать лучшего. Комиссия в каком-то роде является поистине уникальным международным органом. Как мне представляется, Комиссия наделена Конвенцией от 1982 г. полномочиями применения и толкования ст.76 Конвенции, что в свою очередь не означает, что данная комиссия наделена судебными функциями и не должна рассматриваться странами-участницами Конвенции в качестве стороннего арбитра. При этом Комиссия должна принимать разумное толкование прибрежного государства, изложенное в его представлении.

Прибрежное государство обладает суверенными правами на разведку и разработку ресурсов шельфа. Данные права производны от территориального суверенитета и поэтому не зависят от объявления или оккупации шельфа. Они являются исключительными. Они не затрагивают режим покрывающих вод и воздушного пространства и не должны препятствовать ограничению судоходства и других морских свобод³⁴. Как мне представляется, в случае возникновения спора о принадлежности континентального шельфа, добывающая сторона производит отчисления или взносы натурой, которые распределяются Комиссией между граничащими участниками Конвенции 1982 г. на основе критериев справедливости и учётов интересов развивающихся государств.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конвенция о континентальном шельфе 1958г.
2. Presidential Proclamation No. 2667 28th September, 1945 (Policy of the United States with Respect to the Natural Resources of the Subsoil and Sea Bed of the Continental Shelf) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.trumanlibrary.org>
3. Young R. The Legal Status of Submarine Areas Beneath the High Seas // The American Journal of International Law. – 1951. – Vol. 45, No. 2. – P. 228
4. Ст.76 Конвенции ООН по морскому праву
5. Colson D. A. The Delimitation of the Outer Continental Shelf between Neighboring States // The American Journal of International Law. – 2003. – Vol. 97, No. 1, Jan. – P. 94
6. Владимирова Е. Д. Деятельность Комиссии ООН по границам континентального шельфа (на примере заявки России на расширение арктического шельфа) // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (Москва, 2016 г.) — М.: Буки-Веди, 2016. — С. 171

³⁴ Владимирова Е. Д. Деятельность Комиссии ООН по границам континентального шельфа (на примере заявки России на расширение арктического шельфа) // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (Москва, 2016 г.) — М.: Буки-Веди, 2016. — С. 171

Договор коммерческой концессии: проблемы правового регулирования
Остапенко Оксана Юрьевна, Остапенко Вера Вадимовна.
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В рамках исследования авторы последовательно анализируют коммерческую концессию и франчайзинг. Недостатком действующего законодательства следует назвать отсутствие законодательного определения самого понятия коммерческой концессии. Кроме того, авторы акцентируют внимание на существенных условиях договора коммерческой концессии, в том числе коммерческий опыт правообладателя

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Договор, коммерческая концессия, франчайзинг, гражданское право

ABSTRACT

Within the framework of the study, the authors consistently analyze commercial concession and franchising. The disadvantage of the current legislation should be called the lack of a legislative definition of the concept of a commercial concession. In addition, the authors focus on the essential terms of the commercial concession agreement, including the commercial experience of the copyright holder

KEYWORDS

Contract, commercial concession, franchising, civil law

Франчайзинг как новое явление для России характеризуется рядом неопределенностей и спорных вопросов в правовом регулировании.

Общемировая практика свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве стран правоотношения по предоставлению франшизы регламентируются посредством заключения франшизного договора. Иная ситуация наблюдается в России, где регулирование данных правоотношений осуществляется иной договорной конструкцией – договором коммерческой концессии. Глава 54 ГК РФ, закрепившая нормы о договоре коммерческой концессии, не получила должного развития в иных нормативных актах.

Гл. 54 ГК РФ называется «Коммерческая концессия». Между тем, в правовой доктрине большинство исследователей придерживается мнения, что нормы гражданского законодательства регламентируют не коммерческую концессию, а франчайзинг.[1] Такое сужение понятийного аппарата приводит к сдерживанию развития института франчайзинга в нашей стране.

В этой связи дискуссионным представляется проведение соотношения между понятиями «коммерческая концессия» и «франчайзинг».

Франчайзинг представляет собой не только сделку по приобретению или продаже франшизы, а представляет собой комплекс правоотношений. Сущность франчайзинга, как отмечалось ранее, заключается в том, что крупная и успешная фирма, уже давно работающая на определенном рынке, предоставляет право другой мелкой фирме осуществлять предпринимательскую деятельность по уже налаженной и отработанной

технологии, использовать товарные знаки, получать помощь в обучении персонала, консультировании.

Таким образом, франчайзинг представляет собой совокупность различных разработанных средств и способов организации и ведения предпринимательской деятельности, которые образуют систему правоотношений посредством заключения соответствующего соглашения между лицом, которому принадлежит комплекс исключительных и иных прав (франчайзером), и лицом, которое изъявило желание приобрести данные права (франчайзи) в целях их использования в своей предпринимательской деятельности.

Недостатком действующего законодательства следует назвать отсутствие законодательного определения самого понятия коммерческой концессии.

Концессии являются формой приложения частного капитала в тесном и взаимном сотрудничестве с государством. Разновидностью такого договора можно назвать, например, соглашение о разделе продукции. Как правило, соглашение о разделе продукции представляет собой договор, заключенным между зарубежной добывающей компанией (подрядчиком) и государственным предприятием (государственной стороной), уполномочивающей подрядчика провести поисково-разведочные работы и эксплуатацию в пределах определённой области (контрактная территория) в соответствии с условиями соглашения.

В России отношения, возникающие в рамках соглашений о разделе продукции, регулируются Федеральным законом № 225-ФЗ от 30 декабря 1995 «О соглашениях о разделе продукции».

В качестве отличительной особенности между концессией и коммерческой концессией следует назвать субъектный состав сторон. Так, обязательным участником концессионного договора выступает государство.

Полагаем, что договор коммерческой концессии выступает только формой, в которую облекается содержание франчайзинговых правоотношений.

Наименование договора, содержащегося в гл.54 ГК РФ, с лексической точки зрения совпадает с конструкцией договора коммерческой концессии, используемой в зарубежном законодательстве (*contract de concession commercial*). Но его смысловое содержание является более широким по сравнению с зарубежной практикой. К.М. Муравьева отмечает, что в зарубежных странах по договору коммерческой концессии передается право на использование фирменного наименования и товарного знака в сфере торговли для перепродажи товара. В рамках исполнения же договора франчайзинга передается использование чужого фирменного наименования и других исключительных прав также в сфере производства аналогичного товара (работ или услуг) [2]. Ряд исследователей необоснованно предлагает исключить гл. 54 из текста ГК РФ, поскольку франчайзинг (коммерческая концессия) представляет собой обычное торговое правоотношение, не требующее специального правового регулирования[3].

Поэтому можно констатировать о соответствии содержания гл.54 ГК РФ понятию «франчайзинг».

Предметом договора коммерческой концессии выступают объекты интеллектуальной собственности, требующие повышенной правовой защищенности.

Нерешенным сегодня остается вопрос, связанный с признанием коммерческого обозначения как предмета договора коммерческой концессии ввиду следующих обстоятельств:

1) в § 4 гл. 76 ГК РФ не раскрывается понятие коммерческого обозначения. Из системного толкования положений ГК РФ не ясным является определение форм коммерческого обозначения, а также то, что может выступать в качестве коммерческого обозначения – исключительно фирменное наименование, что является не вполне верным, поскольку фирменное наименование подразумевает собой наличие организационно-правовой формы и его отдельные элементы или совершенно иной символ или обозначение;

2) неоднозначным решается вопрос, связанный с признанием наличия коммерческого обозначения за юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, и передачей данных интеллектуальных прав по соответствующему договору;

3) согласно положениям ст. 1539 ГК РФ коммерческое обозначение должно отвечать таким обязательным критериям как наличие достаточных различительных признаков, а также известность употребления коммерческого обозначения правообладателем на определенной территории. Поэтому исследователи считают неоправданным такое сужение действия коммерческого обозначения на определенной территории, масштаб которой в тоже время является неизвестным, что не соответствует норме, содержащейся в ч. 1 ст. 1538 ГК РФ. Правовая неопределенность заключается в том, что коммерческое обозначение согласно ч. 1 ст. 132 ГК РФ выступает особым средством, позволяющим индивидуализировать предприятие как объект недвижимости, а не саму деятельность предприятия, в качестве средства идентификации которого выступает товарный знак или знак обслуживания.

Среди объектов договора коммерческой концессии ч. 2 ст. 1027 ГК РФ называет деловую репутацию.

Согласно положениям гражданского законодательства нематериальные блага признаются в качестве самостоятельных объектов гражданских прав, не имеющих денежной оценки, являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, за некоторыми исключениями (например, в случае с деловой репутацией юридического лица).

Одними из основных нематериальных благ являются честь достоинство и деловая репутация. Однако, законодатель не раскрывает содержание понятий «честь», «достоинство», «деловая репутация», не выработана их устойчивая характеристика и в судебной практике, доказательством чему являются многочисленные судебные споры, связанные с защитой чести, достоинства и деловой репутации.

Можно выделить следующие характеризующие признаки, свойственные всем нематериальным благам: носят неотчуждаемый характер; не имеют имущественной оценки; неразрывным образом связаны с личностью их носителя; преследуют цель удовлетворения личных потребностей и интересов, направленных на обеспечение существования личности. Вместе с тем, следует обратить внимание на то обстоятельство, что некоторые исследователи отрицают невозможность существования денежной оценки у материальных благ, что, по их мнению, наглядно наблюдается со случаем деловой репутации юридического лица.

При определении деловой репутации во внимание принимаются имеющиеся и приобретенные у физического или юридического лица положительные качества, достоинства, относящиеся к его профессиональной деятельности, наличие навыков, умений распоряжения собственным опытом, приобретенным деловых качеств[3].

Ст. 152 ГК РФ говорит о том, что юридические лица обладают деловой репутацией.

В научной литературе спорным является вопрос о возможности выступать предметом договора коммерческой концессии деловой репутации ввиду неотчуждаемого характера нематериальных прав[4].

Полагаем, что деловая репутация, выступая разновидностью нематериальных благ, не может быть в полной мере отчуждена от ее правообладателя и передана третьему лицу в буквальном смысле. Деловая репутация обладает особыми признаками и характеристиками по сравнению с иными видами нематериальных благ, предполагающими возможность осуществления ее учета и оценки. Поэтому, если деловой репутации был причинен ущерб, то определение его размера предполагает использование методики оценки нематериальных активов. Так, в судебной практике стала формироваться позиция о допустимости применения норм гражданского законодательства о компенсации морального вреда к правоотношениям, связанным с защитой деловой репутации юридических лиц.

Согласно ч. 2 ст. 1027 ГК РФ наряду с комплексом исключительных прав и деловой репутации предметом договора коммерческой концессии может выступать коммерческий опыт правообладателя. Проблема заключается в том, что в действующем законодательстве не определено правовое положение коммерческого опыта как объекта гражданских прав, как и определение данного понятия, что порождает многочисленные споры среди исследователей относительно правомерности решения законодателя о причислении коммерческого опыта к предмету договору коммерческой концессии. Так, одни исследователи причисляют коммерческий опыт к объектам исключительных прав, другие придерживаются противоположной точки зрения [5]. Полагаем, что термин «коммерческий опыт» является близким к понятию «деловая репутация», но не тождественным ему. Под коммерческим опытом следует понимать совокупность приобретенных и накопленных хозяйствующим субъектом знаний, практических навыков, умений, способностей лица в успешном и эффективном ведении предпринимательской деятельности. Специальное выделение законодателем коммерческого опыта и деловой репутации обуславливается стремлением выделения экономической сущности договора коммерческой концессии, в рамках исполнения которого правообладатель делится с пользователем своим накопленным коммерческим опытом и позволяет использовать свою деловую репутацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еремин А.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: монография. М.: Юстицинформ, 2017. С. 18.
2. Муравьева К.М. Соотношение понятий «концессия» и «коммерческая концессия» // Законодательство и экономика. – 2007. – № 8. – С. 18-21.
3. Шаталин Е.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии в туризме //

Туризм: право и экономика. – 2017. – № 3. – С. 11 - 13.

4. Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 9 - 13.
5. Михалевич Е.В. Деловая репутация: субъекты гражданских правоотношений, имеющие право на ее защиту // Юрист. – 2012. – № 4. – С. 34 - 42.

Переход к углеродной нейтральности: миф или реальность?
Правовые основы углеродного регулирования в России и Европе

Павленко Светлана Петровна
ПАО «ГМК «Норильский никель»

Руководитель по направлению мониторинга налогового законодательства и управления регуляторными налоговыми рисками

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует международные документы, которые заложили основные параметры углеродного регулирования в современном обществе в контексте принятия Федерального закона «Об ограничении выбросов парниковых газов». При этом делается вывод, что данная область в нашем государстве находится на начальной стадии своего развития. Вследствие чего предстоит принятие большого количества актов, определяющих систему углеродного регулирования, популяризации необходимости перехода на низкоуглеродное развитие, трансформацию топливно-энергетического комплекса и повышению конкурентоспособности на международном рынке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Углеродное регулирование, декарбонизация, право, регулирование.

ABSTRACT

The author analyzes international documents that laid down the main parameters of carbon regulation in modern society in the context of the adoption of the Federal Law «On Limiting Greenhouse Gas Emissions». At the same time, it is concluded that this area in our state is at the initial stage of its development. As a result, it is necessary to adopt a large number of acts defining the system of carbon regulation, popularization of the need to switch to low-carbon development, transformation of the fuel and energy complex and increase competitiveness in the international market.

KEYWORDS

Carbon regulation, decarbonization, law, regulation.

Озабоченность мирового сообщества проблемами изменения климата связано не только с угрозами, которые несет данное природное явление, сколько с его влиянием на мировую экономику, поскольку последствия такого изменения являются катализатором разнонаправленных изменений во многих отраслях хозяйственной деятельности и имеют глобальный характер. В связи с этим решение проблем изменения климата, в том числе глобального потепления, вызванного увеличением парниковых газов в атмосфере, возможно только совместными усилиями стран, которые действуют в рамках международных программных документов, конвенций, соглашений и принятых в соответствии с ними обязательств каждого государства.

Основными международными документами, направленными на решение вопросов, связанных с изменением климата и углеродным регулированием, является

Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года, ратифицированная 197 государствами, и принятые в соответствии с ней в 1997 году Киотский протокол и в 2015 году Парижское соглашение.

Данные международные документы заложили следующие основные параметры углеродного регулирования в мире:

1. Установили необходимость постепенного ограничения уровня антропогенных выбросов парниковых газов до достижения уровня 1990 года.

2. Введенная Киотским протоколом система торговли квотами на выбросы показала свою эффективность и активно используется по всему миру.

По данным International Carbon Action Partnership (ICAP) в настоящее время функционируют 24 системы торговли квотами: в Европе, Америке, Азии, Новой Зеландии. На них приходится 54 % глобального ВВП и 16 % выбросов парниковых газов.[2]

Одной из самых известных систем торговли квот является Европейская система торговли квотами (EU Emissions Trading System (EU ETS), действующая в Евросоюзе с 2005 года. Она распространяется на выбросы углекислого газа тремя секторами: энергетикой, тяжелой промышленностью и коммерческой авиацией.

В Еврокомиссии эту систему называют успешной, подчеркивая, что благодаря ей европейские предприятия успешно модернизируются. Так, компании, занятые в отрасли электроэнергетики и тяжелой промышленности, снизили свои выбросы почти на 43 процента за последние 16 лет.

3. Введенные Киотским протоколом механизмы совместного осуществления и чистого развития, трансформировавшиеся в Парижском соглашении в механизм содействия сокращению выбросов парниковых газов и поддержки устойчивого развития, заложили основу взаимовыгодной многосторонней кооперации по вопросам углеродного регулирования между странами.

4. Предусмотренная Парижским соглашением необходимость установления на национальном уровне вкладов по сокращению выбросов парниковых газов сейчас активно реализуется в программных документах стран – участниц Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

5. Заявленный в Парижском соглашении переход на углеродную нейтральность к 2050 году стал основной задачей для многих стран.

Основным локомотивом в вопросе снижения уровня выбросов парниковых газов и перехода на безуглеродную экономику является Европа.

В развитие положений Парижского соглашения Европейский союз взял на себя амбициозную цель по сокращению выбросов парниковых газов до 55% к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года - эта промежуточная цель необходима для выполнения долгосрочной цели достижения климатической нейтральности к 2050 году, заложенной в Европейском зеленом курсе («European Green Deal»).

В июле 2021 года были опубликованы предложения соответствующего регуляторного пакета «Fit for 55», который содержит новые и пересмотренные регламенты, директивы и стандарты, охватывающие все сектора европейской экономики и обеспечивающие в комплексе достижение указанной цели к концу текущего десятилетия.

Следует обратить внимание, что руководство Евросоюза подходит к декарбонизации не просто как к набору методов сокращения выбросов, а как к комплексному процессу экономической трансформации, который должен предусматривать, в том числе, меры по технологической и структурной перестройке экономики, по изменению образа жизни людей и занятости населения. Например, в рамках этого курса предполагается существенное увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе, ускоренная декарбонизация транспорта, вплоть до отказа от продаж двигателей внутреннего сгорания к 2035 году и снижение энергопотребления зданий на 36% за счет модернизации зданий и инфраструктуры. Кроме того, декарбонизацию сопровождают мощные финансовые потоки в виде фондов, грантов, кредитных инструментов, по которым средства выделяются только на проекты, способствующие декарбонизации.

Весь этот процесс формирования институциональных рамок для полной декарбонизации в Евросоюзе идет высокими темпами, за счет этих мер уже созданы новые рынки – возобновляемых источников энергии, зеленых зданий, чистого транспорта, зеленого финансирования и пр.

Однако Европейский союз не только сам целенаправленно движется к углеродной нейтральности, но и заставляет это делать других.

Так, в рамках опубликованного Еврокомиссией 14 июля 2021 года комплексного пакета климатических мер «Fit for 55» содержится предложение по введению так называемого Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) - механизма пограничной углеродной корректировки или трансграничного углеродного регулирования, целью которого является противодействие «утечке углерода», то есть переносу действующих или планируемых производств с высокими выбросами парниковых газов из Европейского союза в другие юрисдикции с отсутствующим или менее жестким режимом регулирования выбросов парниковых газов и выравнивание условий конкуренции на европейском рынке для внутренних европейских производителей и внешних поставщиков.

Предполагается 2 этапа введения данного механизма:

I этап 2023-2025 гг. (переходный период):

- 1) регулирование распространяется на 5 продуктов: цемент, железо и сталь, удобрения, алюминий, электричество;
- 2) в регулирование попадают только прямые выбросы;
- 3) введение обязанности по представлению ежеквартальной отчетности.

На первом этапе введение цены на «углеродный след» не предполагается.

II этап 2026-2036 гг.:

- 1) распространение регулирования на 5 вышеуказанных продуктов, а также возможное расширение данного списка продуктов;
- 2) введение цены за «углеродный след» продукции, поставляемой в Евросоюз. Цена на диоксид углерода будет привязана к его цене в европейской системе торговли квотами (EU ETS) и будет определяться исходя из того, сколько тонн CO₂ будет приходиться на массу поставляемого в ЕС продукта. Обложение будет происходить через систему сертификатов (1 сертификат = 1 тонне CO₂), ежеквартально нужно приобретать сертификатов не менее 80% от уровня углеродного следа,

заложенного в поставляемой продукции, по итогам года в декларации определяются окончательные параметры углеродного следа и его обложение.

3) в регулирование попадают прямые выбросы, но возможно включение и косвенных выбросов. Данное решение Еврокомиссия примет после анализа результатов первого этапа;

4) обязательная верификация (подтверждение) выбросов или определение выбросов по 10 худшим показателям ЕС.

5) представление декларации ежегодно до 31 мая следующего года.

Предусмотрена процедура уменьшения цены за «углеродный след» продукции на сумму аналогичной цены, уплаченной вне Европейского союза.

По мнению автора, именно процессы, происходящее в Европе, привели в итоге к принятию в Российской Федерации 2 июля 2021 года Федерального закона «Об ограничении выбросов парниковых газов», который много лет «блокировался» как со стороны бизнеса, так и со стороны экспертного сообщества, однако, его окончательная редакция является очень «мягкой» по сравнению с первоначальной.

До принятия данного закона основные нормативные документы по вопросу углеродного регулирования носили или программный характер, или регулировали отдельные аспекты ограничения выбросов парниковых газов на уровне подзаконных актов.

Следует отметить, что именно внешние, а не внутренние стимулы привели к необходимости введения законодательных мер по ограничению выбросов парниковых газов, в том числе заставили задуматься о введении в нашей стране углеродного налога.

Основной причиной данной ситуации является возможность выполнения всех международных договоренностей об уменьшении выбросов парниковых относительно уровня 1990 года без принятия каких-либо дополнительных усилий, то есть в отсутствии явных стимулов к введению такого регулирования, поскольку значительное сокращение выбросов произошло еще в 90-х годах после распада СССР, спада производства и резкого сокращения количества промышленных предприятий.

Соответственно, те количественные ориентиры, которые поставлены в настоящее время программными документами в нашей стране, а также международными соглашениями уже давно фактически достигнуты.

Любая созданная при таких параметрах система регулирования выбросов будет выступать исключительно декоративным инструментом, а не регуляторным, так как минимизировать издержки достижения цели она не сможет: издержки уже равны нулю, [1] что в принципе и произошло при принятии Федерального закона «Об ограничении выбросов парниковых газов».

В заключении хотелось бы отметить положительную динамику Российской Федерации в вопросе углеродного регулирования, однако фактически указанное регулирование находится на начальной стадии своего развития, поэтому наша страна значительно отстает от многих других стран, в связи с этим в России предстоит еще огромная работа по настройке системы углеродного регулирования, популяризации необходимости перехода на низкоуглеродное развитие, трансформацию топливно-энергетического комплекса и повышению конкурентоспособности на международном рынке.

Литература:

1. И.А. Макаров, И.А. Степанов. Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России// Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2017. - № 6.
2. ICAP Status Report 2021// URL:
https://icapcarbonaction.com/en/?option=com_attach&task=download&id=723

Правовое регулирование перехода на водородную энергетику: опыт европейского союза, Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации
Петрович Бояна
Студент
Санкт-петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы основные нормативно-правовые акты, касающиеся развития водородной энергетики в ЕС, США и Российской Федерации. В настоящее время в мире наблюдается повышенное внимание к применению водорода в качестве топлива или энергоносителя, не имеющего углеродный след. Однако не существует унифицированной системы нормативного регулирования водородной энергетики, международных стандартов и сводов правил. Проблема правового регулирования водородной энергетики, как на национальном, так и на международном уровне, мало изучена и требует дальнейших исследований. Цель данной статьи – анализ нормативно-правовых актов, потенциала и тенденций в области развития водородной энергетики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Устойчивое развитие, водородная энергетика, стратегии развития, правовое регулирование.

ABSTRACT

The article analyzes the main regulatory legal acts concerning the development of hydrogen energy in the EU, the USA and the Russian Federation. Currently, there is increased attention in the world to the use of hydrogen as a fuel or energy carrier that does not have a carbon footprint. However, there is no unified system of regulatory regulation of hydrogen energy, international standards and codes of rules. The problem of legal regulation of hydrogen energy, both at the national and international level, has been little studied and requires further research. The purpose of this article is to analyze regulatory legal acts, potential and trends in the development of hydrogen energy.

KEYWORDS

Sustainable development, hydrogen energy, development strategies, legal regulation

На сегодняшний момент в мире существует множество способов и технологий получения водорода. Однако до сих пор не существует единого подхода в классификации данного вещества относительно способа его получения. Большинство ученых, говоря о классификации водорода с точки зрения его низкоуглеродных характеристик, применяют, так называемую классификацию по «цветам» в зависимости от способа получения. В таблице 1 приведена соответствующая классификация.

Таблица 1. Классификация водорода в зависимости от способа получения [1].

Классификация водорода	Способ получения
«зелёный»	Электролиз. Электроэнергия из возобновляемых источников.
«жёлтый»	Электролиз. Электроэнергия из атомных электростанций.
«коричневый»	Газификация бурого угля.
«серый»	Паровая конверсия метана без использования технологии CCS/CCUS на основе природного газа.
«голубой»	Паровая конверсия метана с использованием технологии CCS/CCUS на основе природного газа.
«бирюзовый»	Пиролиз метана. Электроэнергия из возобновляемых источников.

«Зелёная сделка» и «зелёный» водород Европейского союза

Принятие «Зелёного пакта для Европы» в декабре 2019 года стало еще одним способом достижения устойчивого развития, и импульсом декарбонизации энергосистемы ЕС. Для выполнения Парижского соглашения, а также Повестки дня на 2030, вышеназванным пактом декларирована цель: ноль выбросов парниковых газов к 2050 г., и именно водород объявлен приоритетным способом достижения «зелёной Европы» [2].

Для реализации «Зелёного пакта для Европы» 19 мая 2021 Европейский парламент принял «Водородную стратегию для климатически нейтральной Европы», согласно которой приоритетом для ЕС является использование возобновляемого водорода [3]. Ввиду того, что нынешнее развитие технологий и финансовые возможности стран Европы не позволяют на данном этапе полностью перейти на «зелёный» водород, ЕС установил переходный период (2020-2024 гг.), в рамках которого разрешено производство иных низкоуглеродных водородов, а ключевым условием является создание инфраструктуры. В связи с этим данная стратегия предлагает перепрофилирование или повторное использование частей существующей газовой инфраструктуры, и, следовательно, требует пересмотр «Правил TEN-E» («Trans-European Networks for Energy»). Особое внимание в стратегии уделяется международному сотрудничеству, как в рамках Европейского альянса за чистый водород (European Clean Hydrogen Alliance), так и в рамках институций ООН. Подчёркивается укрепление лидерства ЕС на международных форумах по критериям устойчивости, техническим стандартам, правилам и определениям по использованию водорода в качестве энергоносителя. Принимая во внимание физические взаимосвязи и технологическое развитие, стратегия провозгласила поощрение участия Западных Балкан и Украины в водородном сотрудничестве.

Об исключительности позиции ЕС по использованию «чистой энергии» говорит также введение углеродного сбора, который вступает в силу с 2023 г. [4]. Данная система предусматривает, что уровень «углеродного следа» в технологической цепочке товара зависит от самой основы получения водорода, а значит, чем более углеродно-нейтрален ресурс, тем меньше величина пограничного сбора. Введение углеродного сбора выступает внешним стимулом для стран, предприятия которых имеют существенный

«углеродный след» при производстве товаров и экспортируют эти товары на рынок ЕС, к приведению мер государственного регулирования в соответствие с глобальными тенденциями низкоуглеродного развития.

Приоритет перехода на альтернативные виды топлива в Соединенных Штатах Америки

Согласно «Закону об энергетической политике США 1992 г.» водород считается альтернативным топливом [5]. Правительство США признало потенциал водорода как топлива, обеспечивающего нулевые выбросы, что является важной частью политики США после того, как государство вновь присоединилось к Парижскому соглашению в январе 2021 г.

История правового регулирования водорода в США началась ещё в 1976 г., с принятия «Закона об исследованиях, разработках и демонстрациях электрических и гибридных транспортных средств». С тех пор было опубликовано множество актов, регулирующих получение и использование водорода. В настоящее время существенным в области правового регулирования водородной энергетики в США является «Водородная программа Министерства энергетики», которая принята в 2020 г. [6]. Данная программа обновляет и расширяет предыдущие версии, включая «План по водороду» («Hydrogen Posture Plan») и «План программы Министерства энергетики по водороду и топливным элементам» («DOE Hydrogen and Fuel Cells Program Plan»). Она предусматривает сотрудничество в области технологий, а также координацию по гармонизации правил, кодексов и стандартов в области водородной энергетики. Программа представляет скоординированный общий обзор мероприятий, связанных с развитием чистой, общедоступной и надежной водородной энергетики, являющейся неотъемлемой частью устойчивого развития.

В отличие от ЕС, США предусматривает использование и других видов водорода, кроме «зеленого», включая водород, полученный из ископаемого сырья (газ, уголь, нефть), биомассы и отходов, утверждая, что передовые технологии производства водорода позволят сначала уменьшить выбросы углекислого газа, а потом свести их к нулю, несмотря на источник получения водорода.

Водородный потенциал Российской Федерации

Преимущество Российской Федерации в области водородной энергетики заключается в близости к рынкам сбыта водорода в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, в значительном объеме ресурсов и в научно-технологическом потенциале в сфере производства, транспортировки и хранения водорода. Ещё в блокадном Ленинграде на автомобиле был установлен двигатель, работавший на водороде, а в 2003 г. Российская академия наук и ОАО «ГМК «Норильский никель»» подписали договор о проведении совместных работ в области водородной энергетики [7]. Однако со вступлением в силу Парижского соглашения для РФ 6 ноября 2019 г. вопрос производства энергии без углеродного следа преобразился в вопрос по укреплению и сохранению позиций России в мировой энергетике. Чтобы внести свой вклад в борьбу с изменением климата, РФ регулярно принимает нормативные правовые акты, например, Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ "Об ограничении выбросов парниковых газов". К тому же, «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года», принятая Распоряжением Правительства РФ №1523-р от 9 июня 2020 г.,

предусматривает разработку отечественных низкоуглеродных технологий производства водорода для достижения целей устойчивого развития. [8]. План реализации настоящей Стратегии разделен на 2 этапа: I этап - до 2024 года и II этап - 2025 - 2035 годы. Для обеспечения реализации I этапа Распоряжением Правительства РФ от 12 октября 2020 г. № 2634-р принят план мероприятий «Развитие водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года», который представляет собой пошаговую инструкцию по кварталам каждого года (2021-2024 г.)[9].

Для того чтобы дополнить и конкретизировать два предыдущих документа, Распоряжением Правительства РФ № 2162-р 5 августа 2021 г. была утверждена «Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации», которая предусматривает в период до 2035 г. производство низкоуглеродного водорода из ископаемого сырья, в том числе с применением технологий улавливания углекислого газа, на базе атомной энерготехнологической станции, методом электролиза воды, а также на базе мощностей возобновляемых источников энергии [10]. Кроме того, как и стратегии ЕС и США данная Концепция подчеркивает сущность технологии транспортировки и хранения водорода для низкоуглеродного развития мировой экономики. Понимая, что проблема энергетики по своей сути является интернациональной, Концепция предусматривает интенсификацию международного сотрудничества в области развития водородной энергетики, несмотря на дискриминацию российских организаций промышленности и топливно-энергетического комплекса на мировых рынках. Помимо этого, в концепции делается акцент на развитие национальной, межгосударственной и международной системы стандартизации, сертификации и классификации водорода, а также на совершенствование существующей нормативно-правовой базы РФ и созданию нормативно-правовой базы в области безопасности водородной энергетики.

Подводя итоги, можно заключить, что каждая из вышеупомянутых стратегии требует унификации систем правового регулирования водородной энергетики, международных стандартов и правил по использованию водорода в качестве энергоносителя. Учитывая актуальность и интернациональность проблемы перехода на водородную энергетику и декарбонизацию энергосистем, в ближайшем будущем можно ожидать расширение международного сотрудничества по нормотворческой деятельности в сфере водородной энергетики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ишмухаметов, Р. Устойчивое развитие глобального в России: Must know для юристов / Р. Ишмухаметов Панькова О., Маньшин К. – Текст: непосредственный // Legal Insight. – Санкт Петербург: ООО «ЛИГАЛ ИНСАЙТ». – 2021. – № 4. – С.57.
2. The European Green Deal / European Commission — Текст: электронный // ec.europa.eu/: [сайт]. — URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/european-green-deal-communication_en.pdf (дата обращения: 23.09.2021).
3. A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe / European Commission — Текст: электронный // ec.europa.eu/: [сайт]. — URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf (дата обращения: 23.09.2021).

4. Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a carbon border adjustment mechanism/ European Commission — Текст: электронный // EUR-lex: [сайт]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0564> (дата обращения: 23.09.2021).
 5. Background: Federal Support for Hydrogen and Fuel Cell R&D / U.S. Department of Energy— Текст: электронный // energy.gov: [сайт]. — URL: <https://www.hydrogen.energy.gov/background.html> (дата обращения: 24.09.2021).
 6. The DOE Hydrogen Program / U.S. Department of Energy— Текст: электронный // hydrogen.energy.gov: [сайт]. — URL: <https://www.hydrogen.energy.gov/pdfs/hydrogen-program-plan-2020.pdf> (дата обращения: 24.09.2021).
 7. Кузык, Б. Н. Россия и мир в XXI веке / Б. Н. Кузык. – Москва: Институт экономических стратегии, 2006. – С. 355 – 403.
 8. Распоряжение Правительства РФ №1523-р от 9 июня 2020 г. «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года». — Текст: электронный // Правительство России: [сайт]. —URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
 9. Распоряжение Правительства РФ от 12 октября 2020 г. № 2634-р «Развитие водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года». — Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/566069233> (дата обращения: 25.09.2021).
- Распоряжение Правительства РФ № 2162-р 5 августа 2021 г. «Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации. — Текст: электронный // Правительство России: [сайт]. —URL: <http://static.government.ru/media/files/5JFns1CDAKqYKzZ0mnRADAw2NqcVsexl.pdf> (дата обращения: 26.09.2021)

Правовое регулирование стратегического развития топливно-энергетического комплекса в арктической зоне российской федерации

Пищик Ксения Максимовна

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В данной статье обозначена роль топливно-энергетического комплекса в Арктической зоне Российской Федерации, проведён анализ правового регулирования стратегического развития нефтегазовой промышленности в данном регионе, а также проанализированы основополагающие нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность нефтегазовых компаний в Арктической зоне. Кроме того, в данной статье освещены основные принимаемые Российской Федерацией меры по развитию Арктического региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Арктика, Арктическая зона, топливно-энергетический комплекс, нормативно-правовое обеспечение, стратегическое развитие, экономика, экология.

ABSTRACT

This article outlines the role of the fuel and energy complex in the Arctic zone of the Russian Federation, analyzes the legal regulation of the strategic development of the oil and gas industry in this region, and analyzes the fundamental legal acts regulating the activities of oil and gas companies in the Arctic zone. In addition, this article highlights the main measures taken by the Russian Federation for the development of the Arctic region.

KEYWORDS

Arctic, Arctic zone, fuel and energy complex, regulatory support, strategic development, economy, ecology.

Арктика- это невероятно перспективный, но в то же время чрезвычайно сложный для освоения регион. Значение Арктической зоны в социально-экономическом развитии Российской Федерации обусловлено тем, что данный регион является стратегическим резервом развития минерально-сырьевой базы РФ, так как обеспечивает добычу более 80 процентов горючего природного газа и 17 процентов нефти в России, а континентальный шельф, по оценкам экспертов, содержит более 85,1 трлн. куб. метра горючего природного газа, 17,3 млрд. тонн нефти. Однако, как уже было сказано ранее, процесс освоения Арктических углеводородов вовсе не прост. Так, экстремальные природно-климатические условия, крайне низкий уровень развития транспортной инфраструктуры, высокая чувствительность экологических систем к внешним воздействиям- все эти факторы, действительно, усложняют деятельность топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Однако, запасы углеводородов в Арктике настолько велики, что нефтегазовые компании делают всё возможное для того, чтобы нивелировать все вышеперечисленные риски. Значимость Арктической зоны в российском топливно-энергетическом комплексе предполагает развитость законодательства в данной сфере,

поэтому в рамках данной статьи будет проведён анализ правового регулирования стратегического развития топливно-энергетического комплекса в Арктической зоне Российской Федерации. Данный вопрос является крайне актуальным, так как необходимым условием для изучения, разведки и эксплуатации природных ресурсов в хрупкой экосистеме Арктики, является строго регламентированное правовое регулирование данного вопроса и применение всех возможных мер для скорой и качественной реализации норм права на практике.

Итак, согласно Указу Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», целями государственной политики в данном регионе являются: повышение качества жизни населения, ускорение экономического развития территорий и увеличение их вклада в экономический рост страны, охрана окружающей среды в Арктике, осуществление взаимовыгодного сотрудничества и мирное разрешение всех споров, защита национальных интересов Российской Федерации [1]. Для того чтобы поставленные Президентом цели по развитию Арктической зоны были достигнуты 26 октября 2020 г. Указом Президента РФ № 645 была введена Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации до 2035 года. Данная Стратегия носит комплексный характер и включает в себя основные задачи, которые необходимо выполнить, для успешной реализации государственной политики в Арктическом регионе. Так, в Стратегии поставлена задача оказывать государственную поддержку предпринимательской деятельности, в том числе поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства в целях создания привлекательных условий для осуществления частных инвестиций и обеспечения их экономической эффективности [2]. Выполняя данную задачу, стимулируя экономическое развитие Арктической зоны, была принята следующая мера: Федеральным законом № 65 "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" от 18.03.2020 введены налоговые льготы в целях стимулирования разработки новых месторождений и добычи углеводородного сырья в Арктической зоне [3]. Так, согласно данному нормативно-правовому акту, не облагаются налогом на добавленный доход (НДД) участки недр, расположенных в границах Красноярского края, Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа при условии степени выработанности запасов нефти. Также вводится возможность введения субъектами РФ пониженной ставки НДД для организаций, владеющих лицензиями на пользование указанными выше участками недр, а также для налогоплательщиков, осуществляющих производство Сжиженного Природного Газа и продукции нефтехимии на новых производственных мощностях. Кроме того, Федеральный закон № 65 "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" ввел налоговую ставку на добычу полезных ископаемых (НДПИ) 0 процентов в отношении газа горючего, газового конденсата на участках недр, расположенных полностью севернее Северного полярного круга, полностью в границах Архангельской области, Ненецкого автономного округа, Республики Коми, Ямало-Ненецкого автономного округа, Красноярского края, Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа, используемого исключительно для производства Сжиженного Природного Газа и (или) нефтехимии на новых производственных с учетом условий по достижению объема добычи. Данные

поправки в Налоговый кодекс, безусловно, реализуют основные положения Стратегии и создают условия, способствующие стимулированию экономического развития Арктической зоны РФ.

К другим экономическим задачам Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» относит расширение участия частных инвесторов в реализации инвестиционных проектов на Арктическом шельфе. Тут также важно понимать, что инвестиционная привлекательность региона будет повышаться за счёт широкого использования Северного морского пути (СМП) для поставки грузов как на экспорт, так и для внутреннего потребителя, что даст колоссальный толчок для развития инфраструктуры Арктической зоны. Иными немало важными задачами в экономике Арктики является инфраструктурное обустройство минерально-сырьевых центров (Хасырейского, Баимского, Новопортовского и тд.), наращивание за счет государственных и частных инвестиций объемов геолого-разведочных работ, стимулирование разработки трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья, а также повышение коэффициентов извлечения нефти и газа, глубокой переработки нефти и производства сжиженного природного газа и газохимической продукции [1].

В продолжение Стратегии развития Арктической зоны 30 марта 2021 г. было принято Постановление Правительства РФ от № 484 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социально экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации" [5]. На реализацию положений документа в ближайшие три года будет направлено около 15 млрд рублей, из них в 2021 году – почти 3,5 млрд. К основным целям данной государственной программы можно отнести увеличение экономического вклада Арктической зоны в российскую экономику, обеспечение устойчивого развития региона, привлечение новых инвесторов. Добиться этого планируется за счёт снятия инфраструктурных ограничений, раскрытия потенциала территорий опережающего развития, предлагающих особые условия ведения бизнеса, совершенствования инструментов господдержки, в том числе связанных со статусом резидента Арктической зоны. Важно отметить, что в данной программе затрагивается вопрос стимулирования перехода к экономике замкнутого цикла, целью которой является создание технологических циклов с полным использованием поступающего сырья, не вырабатывающих отходов, выходящих за их рамки [6].

Наряду с экономическими вопросами Арктики особое внимание необходимо уделить экологическим аспектам. При столь масштабной деятельности, связанной с добычей, переработкой и транспортировкой углеводородов, законодательство в данной сфере должно идти на опережение и предвидеть будущие риски и угрозы, в частности чтобы не повторилась история с разливом нефтепродуктов в Норильске 2020 г. Основной целью экологической безопасности в Арктике, по мнению Ноговицына Р. Р. и Васильевой А. М., является сохранение и обеспечение защиты на этих территориях природной среды и ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата [7]. Отсюда вытекают меры по реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне, которые закреплены в Указе Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны

Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». Так, охрана окружающей среды осуществляется путем государственной поддержки деятельности в сфере обращения с отходами, выявления, оценки и учета объектов накопленного вреда окружающей среде и организации работ по его ликвидации, а также обеспечения рационального использования попутного нефтяного газа. Другими мерами по обеспечению экологической безопасности в Арктике являются: развитие единой системы государственного экологического мониторинга, минимизация выбросов при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, предотвращение негативных экологических последствий при освоении природных ресурсов, а также развитие единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в целях осуществления мероприятий по ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов [2].

До недавнего времени остро стоял вопрос об уточнении объектов государственной экологической экспертизы (ГЭЭ) в Арктике. Однако, благодаря активным действиям компаний-недропользователей и губернаторов Арктических регионов, 02.07.2021 был принят ФЗ № 341 «О внесении изменения в ст. 11 Федерального закона «Об экологической экспертизе», который существенно снял административные барьеры: исключил дублирование ГЭЭ в отношении проектной документации отдельных буровых скважин, что позволит исключить увеличение сроков проведения геологоразведочных работ (бурения), снизятся риски отступления от планируемых сроков ввода в промышленную эксплуатацию ранее открытых месторождений, а также ненадлежащее исполнение пользователями недр условий, включенных в лицензии на пользование недрами [4].

В заключении необходимо сказать, что правовое регулирование стратегического развития топливно-энергетического комплекса в Арктической зоне Российской Федерации, действительно находится на достаточно высоком уровне. Так, законодателем предусмотрены два основополагающих нормативно-правовых акта: Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» и Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», закрепляющих основные цели, задачи и меры по стратегическому развитию ТЭК в Арктической зоне РФ. Данные нормативные правовые акты носят комплексный характер и предполагают создание конкретизирующих законов и подзаконных актов, направленных на то, чтобы правильно «вписать» деятельность объектов топливно-энергетического комплекса в хрупкую экосистему региона, реализовать стратегические цели и задачи по развитию Арктической зоны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» Режим электронного доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/>
2. Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до

- 2035 года» Режим электронного доступа:
<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/>
3. Федеральный закон РФ от 18.03.2020 № 65 "О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации" Режим электронного доступа:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347932/
 4. Федеральный закон РФ от 02.07.2021 № 341 «О внесении изменения в ст. 11 Федерального закона «Об экологической экспертизе» Режим электронного доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389126/
 5. Постановление Правительства РФ от № 484 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социально экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации" Режим электронного доступа:
<https://base.garant.ru/400534977/>
 6. Бобылев С. Н, Соловьева С. В. «Циркулярная экономика и ее индикаторы для России». 15.04.2020г. Режим электронного доступа:
<https://cyberleninka.ru/article/n/tsirkulyarnaya-ekonomika-i-ee-indikator-dlya-rossii>
 7. Ноговицын Р.Р., Васильева А.М. «Обеспечение экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации» Режим электронного доступа:
<https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-ekologicheskoy-bezopasnosti-v-arkticheskoy-zone-rossiyskoy-federatsii>

Эффективность правового регулирования безопасности производства и труда на объектах ТЭК

Погосян Артем Александрович
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В статье производится попытка усомнения в эффективности запрета, как правового принципа в вопросах регулирования безопасности труда и производства на объектах ТЭК. Также производится анализ отраслевых принципов, регулирующих безопасность на объектах ТЭК и предлагается альтернативный вариант решения проблем безопасности в указанной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

безопасность производства, безопасность труда, технологии, запрет, запрещение, топливно-энергетический комплекс.

ABSTRACT

The article attempts to doubt the effectiveness of the ban as a legal principle in the regulation of labor safety and production at fuel and energy facilities. The analysis of industry principles regulating safety at fuel and energy facilities is also carried out and an alternative solution to security problems in this area is proposed.

KEYWORDS

Production safety, labor safety, technology, prohibition, prohibition, fuel and energy complex.

Там, где есть проблема, угрожающая жизни, здоровью человека, его интересам, а равно и интересам государства и всего общества в целом, по необходимости возникает нужда в правовом регулировании. Ведь нет необходимости в правовом регулировании того, что не вызывает проблемы, или того, что, хоть и вызывает проблемы, однако не угрожает вышеуказанным объектам. Это заключение следует из того факта, что человечество сталкивается с опасными обстоятельствами, от разрешения которых зависит выживание или комфортная жизнь.

Человечество орудует правом как инструментом для решения проблем, используя при этом определенные средства правового воздействия. Одним из таких средств является запрет или запрещение. Сущностной особенностью запрета является обязанность пассивного воздержания от того или иного поведения, либо обязанность воздержания от того или иного бездействия. Стоит указать, что право решает только те проблемы, которые порождаются действиями или бездействиями людей. Исходя из того, что у любой проблемы есть свой источник, в нашем случае - деятельность людей, то решение проблем кроется в познании причин проблемного поведения человека и последующем устранении такой причины.

Сфера энергетики, в силу своей значимости для общества с одной стороны, и в силу своей внутренней опасности как производственных мощностей, которые могут

принести ущерб целым городам и регионам, так и опасности труда конкретных людей, требует должного внимания и усилия для соблюдения безопасности.

Мы знаем, что имеем дело с крайне опасной сферой, и мы знаем, что у нас есть право, а именно запрет, как средство воздействия, при помощи которого мы должны, в силу необходимости, и способны сделать сферу энергетики более безопасной. Попробуем испытать данное утверждение. Человек - источник возникновения опасностей, не считая объективных источников, на которые невозможно правовое воздействие. Человек сооружает нефтедобывающие установки, человек строит нефтеперерабатывающие заводы, человек же устанавливает правила безопасной эксплуатации объектов производства. Невыполнение таких правил влечет угрозу наступления ущерба охраняемым законом объектам. Поэтому государство вводит императивно-властные установки - запреты, которые заставляют людей не нарушать правила безопасности под угрозой наказания. Однако, в таком случае из под внимания ускользает действенный разбор причины проблем. Посмотрим на конкретном примере. Типовая инструкция по охране труда для линейного трубопроводчика

ТОИ Р-112-30-96 в статье 3.25. устанавливает следующие запреты. При работе с грунтовыми и растворителями запрещается: хранить и транспортировать их в открытой таре (без герметичной закупорки); бросать заполненные емкости при погрузке и выгрузке; вывинчивать пробки и открывать крышки, ударяя по ним инструментом или предметами, высекающими искры; применять этилированный бензин и бензол. В данном примере ясно, что несоблюдение указанных запретов ведет к опасным последствиям, а источником таких последствий является неправомерное поведение человека.

Складывается интуитивное мнение, будто запрет, влияя на поведение человека, решает проблему с безопасностью производства. Однако при более глубоком рассуждении можно установить следующее: у неправомерного поведения человека есть причины, например, невнимательность, незнание правил, спешка, неудобство средств производства, сонливость, небрежность, безосновательная уверенность в том, что неблагоприятные последствия не наступят и т.д. Запрет не решает данные проблемы, он их изолирует, избегает. Этот феномен хорошо иллюстрируется всем понятным примером. У нас имеется трамвайная линия, которая в часы пик сильно загружается таким образом, что количество пассажиров в трамвае превышает допустимое. У трамваев есть внешняя подножка, на которой пассажиры, не нашедшие места внутри, проводят весь путь движения состава до нужной остановки.

При таких обстоятельствах, пассажиров на внешней подножке сбивают проезжающие мимо автомобили. Интуиция подсказывает нам ввести запрет на проезд на подножке. В таком случае, количество сбитых людей снизится, но не исчезнет, ведь всегда будут люди, которые сильно торопятся или по иным причинам залезают на подножку. На самом деле решение данной проблемы не правовое, а техническое или экономическое. Инженер предложил бы убирать подножку под состав перед отправлением так, чтобы ездить на подножке было физически невозможно, экономист-градостроитель предложил бы увеличить количество трамваев на линии, чтобы, увеличив пропускную способность линии сделать трамваи более свободными, устранив при этом необходимость перемещения на подножке. Используя технические или

экономические инструменты решения данной проблемы мы, во-первых действительно решаем проблему, во-вторых избавляем систему законодательства от излишних норм права и снимаем нагрузку с органов контроля и надзора.

Думается, что было бы логически и практически верным при решении каких-либо проблемных общественных отношений, приоритетную роль отдавать специалистам соответствующих сфер деятельности. В инструментарии юриста имеется только три средства: дозволение, предписание и запрет. Как выяснилось на примере, запрет изолирует проблему, но не решает ее. Учитывая, что большинство проблем безопасности сферы энергетики являются техническими, то и их решение должно быть соответствующим.

Возникает закономерный вопрос. Как, ничем не урегулированная деятельность по техническому решению проблем может быть эффективнее правового регулирования, использующего способ запрета? Ведь при запрещении ясно кто должен вести себя определенным образом, при каких обстоятельствах и какие последуют санкции за несоблюдение запрета. И снова интуиция подсказывает нам, что запрет эффективен, однако это не так. И именно сейчас, мы воспользуемся правом, в частности таким его средством, как предписание. Следует установить, особенно в сферах безопасности труда и производства на объектах ТЭК, принцип приоритета технологий при обеспечении безопасности труда и производства. Некая аналогия имеется в статье 3 ФЗ

«Об охране окружающей среды», которая устанавливает требование обеспечения снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в соответствии с нормативами в области охраны окружающей среды, которого можно достигнуть на основе использования наилучших доступных технологий с учетом экономических и социальных факторов. Но в статье 4 ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», которая посвящена принципам обеспечения безопасности, предлагаемого принципа нет.

Собрав существенные пункты этой статьи можно составить небольшую цепочку утверждений. Запрет не решает проблему по существу, а изолирует ее; проблему по существу решают специальные средства, например, технические; специальные средства эффективнее средств правовых в решении проблем; право должно стать регулятором, направляющим деятельность специалистов для решения проблем; правовым средством, которое было бы способно направлять деятельность специалистов, является предписание принципа приоритета технологий при обеспечении безопасности труда и производства. В таком случае, вполне разумно, рассматривать запрет, как временную меру обеспечения безопасности, в тот период, пока не будет установлено действительное решение проблемы безопасности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2011 г. , N 30 , ст. 4604 (Часть I);
2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г. , N 2 , ст. 133;
3. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования.

- М.: статут, 1999. - 710 с.

Экологическая экспертиза проектной документации недропользователей при истечении срока действия положительного заключения

Позднякова Полина Витальевна

ведущий юрист

Zharov Group

АННОТАЦИЯ

Проектная документация предприятий недропользователей обязательно проходит государственную экологическую экспертизу. Срок действия положительного заключения такой экспертизы составляет 3-5 лет. Однако недропользователи не всегда успевают построить все объекты, предусмотренные такой проектной документацией, в течение срока действия положительного заключения. Росприроднадзор рассматривает строительство за пределами срока как правонарушение, назначая штрафы и предписывая повторно пройти экспертизу. Такой подход не отвечает принципу баланса частных и публичных интересов и не в полной мере соответствует действующему законодательству. Для проектной документации ранее согласованных объектов предлагается вести повторное прохождение экспертизы только в части изменившихся экологических требований и сократить прохождение данной процедуры по сроку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Проектная документация, государственная экологическая экспертиза, строительство, недропользование, окружающая среда

ABSTRACT

The project documentation of the subsoil user enterprises necessarily passes the state environmental expertise. The validity period of a positive conclusion of such an examination is 3-5 years. However, subsoil users do not always have time to build all the facilities provided for by such project documentation during the validity period of a positive conclusion. Rosprirodnadzor considers construction beyond the deadline as an offense, imposing fines and ordering re-examination. This approach does not meet the principle of balance of private and public interests and does not fully comply with the current legislation. For the project documentation of previously agreed facilities, it is proposed to conduct a re-examination only in terms of changed environmental requirements and reduce the passage of this procedure by time.

KEYWORDS

Project documentation, state environmental expertise, construction, subsoil use, environment

Государственная экологическая экспертиза – это один из инструментов охраны окружающей среды от разрушительного, чрезмерного воздействия хозяйственной активности природопользователей, особенно, такого интенсивного как пользование недрами.

Закон о государственной экологической экспертизе [1] и административный регламент по оказанию услуги [2] устанавливают, что положительное заключение имеет срок действия. Закон также предусматривает основания утраты юридической силы положительным заключением, одним из которых является истечение такого срока.

Действующий административный регламент предусматривает, что срок действия положительного заключения устанавливается таким образом, чтобы природопользователь смог осуществить согласованную деятельность в период действия положительного заключения (п. 141.1 административного регламента). Однако предшествующее регулирование таких положений не содержало. Это порождало и порождает ситуации, при которых недропользователи не успевают построить предусмотренные проектной документацией объекты и ввести их в эксплуатацию, и продолжают осуществлять деятельность на основе положительного заключения с истекшим сроком.

Рассматривая такую деятельность как правонарушение, Росприроднадзор привлекает недропользователей к административной ответственности и выносит предписание о его устранении. Такое предписание может влечь фактическое приостановление деятельности недропользователя на год или полтора (в крайнем случае), то есть на срок, превышающий самую строгую меру административного наказания – административное приостановление деятельности (ч. 2 ст. 3.12 КоАП РФ), так как столько времени необходимо для прохождения государственной экологической экспертизы с учетом проведения оценки воздействия на окружающую среду.

Позиция природоохранных органов государственной власти по данному вопросу менялась с течением времени. Изначально Минприроды России высказывалось за недопустимость принуждать природопользователя повторно пройти государственную экологическую экспертизу реализуемого объекта при истечении срока действия положительного заключения [3]. Впоследствии подход изменился. Минприроды России уточнило список оснований для повторного прохождения экологической экспертизы, включив в него также истечение срока действия положительного заключения [4]. Аналогичное разъяснение дал и Росприроднадзор [5].

Такое толкование закона и правоприменение не вполне соответствуют законодательству. Одним из принципов государственной экологической экспертизы является обязательность ее проведения до принятия решения о реализации объекта государственной экологической экспертизы, другим принципом выступает презумпция потенциальной опасности планируемой хозяйственной деятельности (ст. 3 Закона о государственной экологической экспертизе). В случае, если недропользователь уже начал реализовывать объект в период действия положительного заключения, построил, получил разрешение на строительство части объектов, деятельность не может рассматриваться как планируемая, а значит, потенциально опасная. Верховный суд РФ признает получение разрешения на строительство в качестве факта реализации объекта [6]. Такая деятельность не подпадает под понятие экологической экспертизы, которая проводится в отношении намечаемой деятельности (ст. 1 Закона о государственной экологической экспертизе).

Чтобы оценить справедливость сложившейся в правоприменении тенденции, необходимо обратиться к четырем основополагающим правовым принципам и одной

концепции – принципам свободного осуществления экономической деятельности, социального государства, охраны окружающей среды, баланса частных и публичных интересов и концепции устойчивого развития.

Все эти принципы и концепция имеют конституционное основание. Принцип свободного осуществления экономической деятельности закреплен в ст. 8 Конституции РФ. Он предполагает, что недропользователь может разрабатывать недра, превращая результат пользования в экономические блага, и получать в связи с реализацией этих благ прибыль. Однако в свободном осуществлении недропользователем экономической деятельности заинтересован не только сам недропользователь, но и государство и общество.

Здесь важно вспомнить про принцип социального государства (ст.7 Конституции РФ). Данный принцип направлен на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека, защиты законных прав и интересов граждан в вопросах занятости, здравоохранения, социального обеспечения и иных.

Рост российской экономики зависит от благосостояния добывающей отрасли [7]. Недропользователи нередко являются крупнейшими налогоплательщиками [8], обеспечивая оказание государственных услуг, выполнение государственных функций и т.д. Помимо этого, предприятия недропользователей во многих случаях являются градообразующими для отдаленных от центра территорий (Камчатка, Сибирь, районы Крайнего Севера, Дальний Восток и иные). Такие предприятия создают рабочие места для местных жителей. Крупные предприятия осуществляют и социально-полезную деятельность, инвестируя в инфраструктуру. Следовательно, прекращение деятельности предприятия в связи с невозможностью продолжать ее без нового положительного заключения может негативно отразиться на социально-экономической обстановке в регионе, повышая социальную напряженность, что также должно быть учтено в регулировании.

Другой важный принцип – это принцип обеспечения благоприятной окружающей среды. Данный принцип охраняет право каждого на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ), и соответственно, публичный интерес в сохранении природной среды. Природная среда является основой жизни, поэтому ее качество влияет в том числе и на состояние здоровья граждан. Государственная экологическая экспертиза направлена на комплексную оценку воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, с учетом требований экологической безопасности (ст. 3 Закона о государственной экологической экспертизе). Так как любая планируемая хозяйственная деятельность предполагается опасной для окружающей среды, государственная экологическая экспертиза призвана оценить такую деятельность и согласовать порядок ее осуществления с наименьшими негативными последствиями для окружающей среды (ст. 1 Закона о государственной экологической экспертизе).

В данном вопросе взвешиванию подлежат частные интересы недропользователей в осуществлении хозяйственной деятельности и получении прибыли и публичные интересы в сохранении целостной природной среды, обеспечении свободного экономического развития и социальных прав граждан. Границы этих интересов определяются через принцип баланса частных и публичных интересов. Для сферы природопользования и охраны окружающей среды он воплощается в конституционной

концепции устойчивого развития [9]. Устойчивость в данной ситуации предполагает разработку такого механизма экологического контроля за соблюдением экологических требований в проектной документации, который не был бы непропорциональным ограничением деятельности недропользователя, но и не был бы обременительным для государства и общества.

Порядок проведения государственной экологической экспертизы мог бы быть следующим. Так как по истечении срока действия положительного заключения государственной экологической экспертизы экологические требования к деятельности недропользователя могли измениться, проектная документация подлежит проверке только в части изменившихся требований. При этом срок такой экспертизы проектной документации мог бы быть сокращен до 1 месяца.

Подведем итог. Деятельность, осуществляемая недропользователями, имеет важное значение для обеспечения устойчивого развития, поэтому предъявляемые к ней требования должны учитывать как публичные (охрана окружающей среды, гарантии социального государства, свободная экономическая деятельность), так и частные интересы (реализация проектов и получение прибыли). Именно поэтому регулирование повторного прохождения государственной экологической экспертизы должно быть сбалансировано с учетом интересов недропользователей, а также государства и общества как в продолжении первой деятельности, так и в охране окружающей среды. Обсуждение предлагаемых изменений законодательства о государственной экологической экспертизе в части сокращения объема проверки, а также срока прохождения экспертизы позволит оптимизировать работу недропользователей, контролирующих органов и вывести согласование деятельности при истекшем сроке положительного заключения экспертизы из тени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ. СПС «Консультант Плюс»
2. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 31 июля 2020 г. № 923 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования предоставления государственной услуги по организации и проведению государственной экологической экспертизы федерального уровня». СПС «Консультант Плюс»
3. Письмо Минприроды России от 14 декабря 2017 г. № 12-47/34910 «О разъяснении законодательства». СПС «Консультант Плюс»
4. Письмо Минприроды России от 18.10.2018 №12-47/26489. СПС «Консультант Плюс»
5. Разъяснения Росприроднадзора от 31.05.2019 №СР-04-05-32/14600 «О необходимости прохождения государственной экологической экспертизы». СПС «Консультант Плюс»
6. Определение Верховного суда РФ от 14.12.2020 № 307-ЭС20-17369 по делу № А56-107257/2019. СПС «Консультант Плюс»
7. Правда от Росстата: исчезнувший бум промпроизводства и признание роста сырьевой зависимости/ Forbes. 21.02.2020. URL:

<https://www.forbes.ru/biznes/393475-pravda-ot-rosstata-ischeznuvshiy-bum-promproizvodstva-i-priznanie-rosta-syrevooy>

8. Данные исследования РБК на 2017 год. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/08/2017/597724fd9a794714c9ac187c>
9. Должиков А.В. Концепция устойчивого развития и конституционный принцип соразмерности // Петербургский юрист. 2016. №1. С. 82.

Юридическая ответственность за незаконные врезки на трубопроводах нефти и нефтепродуктов

Пономарев Вадим Олегович

Студент

Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Несанкционированные врезки в трубопроводы (нефтепроводы и нефтепродуктопроводы) остаются одной из нерешенных проблем нефтяных компаний и правоохранителей. Они наносят не только вред энергетический и экономический, но и экологический, о чем свидетельствуют не только публикации в СМИ, но и судебная практика. В статье рассмотрены основные актуальные проблемы ответственности за незаконные врезки, приведена статистика преступлений, сделаны соответствующие выводы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Врезки, ТЭК, нефть, трубопроводы, нефтепроводы, нефтепродуктопроводы.

ABSTRACT

Unauthorized tapping into pipelines (oil pipelines and oil product pipelines) remains one of the unresolved problems of oil companies and law enforcement agencies. They cause not only energy and economic harm, but also environmental, as evidenced not only by publications in the media, but also by judicial practice. The article discusses the main current problems of responsibility for illegal tie-ins, provides crime statistics, and makes appropriate conclusions.

KEYWORDS

Tie-ins, fuel and energy complex, oil, pipelines, oil pipelines, oil product pipelines.

Нефтяная отрасль является одной из важнейших для бюджета Российской Федерации. Об этом свидетельствуют данные за 2020 год, согласно которым треть доходов пришлась на торговлю нефтью и газом [1]. Стабильное развитие нефтяной отрасли является основой обеспечения энергетической, экономической и экологической безопасности страны. В этом свете особенно остро встаёт проблема преступлений, связанных с нелегальными врезками в магистральные трубопроводы.

Согласно данным [2,3], общее число врезок в магистральные трубопроводы ПАО «Транснефти» с 2005 годом, когда был зарегистрирован пик незаконных врезок, сократилось с 1132 до 213, то есть на 81% (по состоянию на 2019 год). Число врезок в 2017-2019 годах являлось довольно стабильным. Такая положительная динамика является следствием улучшения систем обнаружения утечек, а также развития законодательной базы в области охраны важных стратегических предприятий и акционерных обществ. Так, например, был принят Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», закрепляющий такие базовые положения, как: паспортизация объектов, нормативы антитеррористической защиты,

требования к персоналу, обеспечение информационной безопасности систем [4]. В 2014 году Федеральным законом №75 от 20.04.2014 года указанный выше закон был дополнен статьей 9.1, закрепляющей за определёнными субъектами топливно-энергетического комплекса (в частности, за ПАО «Транснефть») право на создание ведомственной охраны; этим же законом были внесены изменения в ФЗ «Об оружии» и «О ведомственной охране», что позволило наделить ведомственную охрану субъектов ТЭК соответствующими правами [5]. Основываясь на имеющейся правовой базе, в 2014 году было создано ООО «Транснефть-Охрана» [6].

Кроме этого, изменилась география преступлений. Если до 2013 года лидировали южные и сибирские регионы (например, Республика Дагестан, Ханты-Мансийский АО, Иркутская область), то сейчас в списке лидеров центральные и северо-западные регионы [2,3]. Цель преступников также претерпела изменения. Если раньше врезки осуществлялись преимущественно в магистральные нефтепроводы, то сейчас основная доля врезок приходится на магистральные нефтепродуктопроводы.

Несмотря на уменьшение общего числа врезок, последние становятся всё более сложными, а убытки от них всё также велики [7]. Об этом свидетельствует значительно возросшее использование прокладки протяжённых отводов: до 2008 года доля врезок с отводами не превышала 20% от их общего числа, а уже в 2019 году данный показатель составил 78,7% (в 144 случаях из 183) [3]. При этом 32 отвода имели протяжённость более 1 километра. Отводы оснащаются измерительными приборами, электромагнитными клапанами систем удалённого дистанционного управления запорной арматурой, а также системами сглаживания волн давления [3]. Последний факт особенно примечателен ввиду того, что на покупку оборудования для квалифицированной врезки, а также на организацию сбыта необходимо несколько миллионов рублей [8]. Это делает небезосновательным тезис о том, что большая часть совершаемых врезок тесно связана с организованными преступными группировками, имеющими соответствующие ресурсы. Нередко такие группировки покрывают региональные власти, а также сотрудники правоохранительных органов. Так, например, по подозрению в управлении дизельными бутлегерами был задержан начальник отдела полиции по Киришскому району Тимченко, а также двое его сотрудников [9]. Кроме этого, отводы от врезок нередко ведут на легальные НПЗ, которые перерабатывают нефть и хранят нефтепродукты, но учёт её не ведут [10,11]. На основании вышесказанного можно заключить, что преступная деятельность, связанная с хищением нефти, тесно переплетена с легальной, так как последняя нередко служит лишь прикрытием, а значит невозможно выработать одного универсального средства для борьбы нефтяными преступниками. Вместе с этим, представляется, что именно правовые инструменты должны стать главной силой, оказывающей давление на криминальные элементы.

Несанкционированные врезки в магистральные нефтепроводы и нефтепродуктопроводы являются одной из аварийных разливов нефти. Согласно данным ПАО «Транснефть» за 2020 год, более 60% случаев разлива нефти и нефтепродуктов связано с криминальными врезками [7]. В 2018 году возле Сургута произошел разлив нефти на площади 8,6 тыс. кв. м. [12] В том же году в Республика Башкортостан в следствие несанкционированной врезки в реку вылилось 200 кг нефтепродуктов [13].

Видно, что криминальные врезки представляют серьёзную опасность для окружающей среды и как следствие здоровью и жизни граждан. В Уголовном кодексе можно выделить следующие основные экологические преступления, совершение которых должно повлечь санкцию в отношении врезчиков: ст. 247 (Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов); ст. 250 (Загрязнение вод); ст. 254 (Загрязнение почвы). И если инкриминирование по ст. 250 и 254 УК РФ [14] возможна только при непосредственном ущербе воде и почве, то состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 247 УК РФ, может вменяться в случаях, когда «производство запрещённых видов опасных отходов, транспортировка, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, создали угрозу причинения существенного вреда здоровью или окружающей среде», то есть при самом факте совершения врезки, которая привела в негодное для эксплуатации состояние нефтепровода. Под «иным обращением» следует понимать все остальные действия в отношении экологически опасных веществ и отходов, о которых говорилось выше (передача, продажа, выбрасывание, уничтожение и т.д.). В п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 18.10.2012 N 21 [15] сказано: «Создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (часть 1 статьи 247 УК РФ) означает возникновение такой ситуации, которая повлекла бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы они не были предотвращены вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица, нарушившего правила обращения с экологически опасными веществами и отходами. Такая угроза предполагает наличие конкретной опасности реального причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде». Предотвращение самовольного подключения к нефтепроводу обычно осуществляется охранными подразделениями компаний, а восстановление нормального функционирования трубопровода – специальными рабочими группами. Несомненно, что при самовольном подключении к трубопроводу имеется конкретная опасность причинения существенного вреда, представленного в виде разлива нефти или нефтепродуктопроводов. В том же Постановлении: «существенный вред здоровью человека выражается в тяжком или средней тяжести вреде здоровью хотя бы одного лица, а существенный вред окружающей среде – в ее загрязнении, отравлении или заражении, изменении радиоактивного фона до величин, представляющих опасность для здоровья или жизни человека, и т.п.». Из выше сказанного можно заключить, что при незаконной врезке в трубопровод по общему правилу должны подлежать вменению не только ст. 158 и 215.3, но и ст. 247 УК РФ. Вместе с этим, анализ судебной практики показывает, что суды игнорируют данную норму. Аналогичным образом поступает и следствие. Так, например, по факту нелегальной врезки в трубу «Сургутнефтегаза», приведшей к разливу нефти, было возбуждено уголовное дело лишь по признакам состава преступления, предусмотренного ч.3 ст. 30 и ч.3 ст. 158 Уголовного кодекса [17].

Проблемы с привлечением врезчиков касаются не только экологических преступлений. Помимо всего прочего, суды игнорируют и ст. 210 УК РФ в тех случаях, когда имеются все основания для её применения. Так, например, согласно Приговору № 1-301/2020 1-301К/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-301/2020 [16] преступники были

привлечены лишь по ст.ст.158 и 215.3. УК РФ, хотя действия группы лиц можно классифицировать как организация и участие в преступном сообществе (с учётом разъяснений, указанных в Постановлении Пленума Верховного Суда №12 от 10.06.2010г.).

Чем обосновывается такой подход судов не очень ясно, однако нет сомнений, что подобная правоприменительная практика является спорной, так как преступники не только не несут положенного наказания, но и создаётся ситуация, когда преступные группировки имеют возможность усилить свои позиции. Несмотря на это, стоит отметить, что по заявлению директора департамента безопасности ПАО «Транснефть» Александра Савина, ситуация в области привлечения осужденных к реальным срокам улучшается: «Несколько лет назад суды довольно мягко относились к преступникам, уличенным в изготовлении несанкционированных врезок и хищении топлива. Зачастую осужденные получали условные сроки. Например, в 2012 году к реальным срокам наказания было привлечено только 18% осужденных. И это совсем не способствовало профилактике подобных правонарушений – скорее наоборот. Несколько лет назад тенденция начала меняться. Уже в 2015 году процент получивших реальные наказания превысил 68% от числа осужденных» [18].

Отдельно стоит упомянуть о проблеме, которая связана со ст.215.3. УК РФ и которая уже рассматривалась определёнными учёными [19]. Во-первых, состав статьи 215.3. – разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние – является материальным. Ответственность будет наступать лишь в том случае, если врезка повлекла или могла повлечь нарушение нормальной работы трубопровода и была совершена из корыстных или хулиганских побуждений. А раз так, то за врезку, не повлекшую нарушение нормальной работы, становится сложно привлечь к ответственности по данной статье. Во-вторых, излишним является указание на «нарушение их нормальной работы», так как словосочетание «негодное для эксплуатации состояние» уже само подразумевает, что нормальная работа трубопровода нарушена [19].

Подводя итог выше сказанному, можно заключить, что несмотря на общее развитие законодательной базы в области охраны магистральных трубопроводов и изменение правоприменительной практики в сторону ужесточения наказания за несанкционированные врезки, вопросы охраны магистральных трубопроводов остаются актуальными и требуют пристального внимания. Во-первых, игнорируется вопрос о привлечении врезчиков по «экологическим» статья. Во-вторых, игнорируется вопрос о вменении группам врезчиков ст.210 УК РФ. Кроме этого, конструкция ст. 215.3. в ч. 3 УК РФ создаёт сложности для привлечения к уголовной ответственности лиц, причастных к врезкам. Представляется справедливым предложение установить уголовную ответственность за незаконное изъятие нефти из трубопровода в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» по аналогии со статьями 221 и 226, устанавливающими ответственность за хищение ядерных материалов и оружия соответственно [19].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Краткая информация об исполнении федерального бюджета // Министерство Финансов Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/> (дата обращения: 28.09.2021).
2. Сливной бизнес // Официальный сайт ПАО «Транснефть». URL: <https://www.transneft.ru/pressReleases/view/id/11871> (дата обращения: 28.09.2021).
3. Савин Е. Труба во всеоружии // Трубопроводный транспорт нефти. – март 2020. – С. 38-43. URL: ttn_03_2020.pdf (yandex.ru) (дата обращения: 27.09.2021).
4. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»: в редакции Федерального закона от 11 июня 2021 № 170-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу создания ведомственной охраны для обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса" № 75-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об организации: деятельность // Официальный сайт ПАО «Транснефть». URL: <https://security.transneft.ru/about/deyatelnost/> (дата обращения: 28.09.2021).
7. Ущерб «Транснефти» от криминальных врезок в 2020 г. превысил 600 млн руб. // Официальный сайт ПАО «Транснефть». URL: <https://www.transneft.ru/pressReleases/view/id/13131/> (дата обращения 28.09.2021).
8. Рыжкова Е.А. К вопросу о перспективах расследования незаконных врезок в нефтепровод // Bstudy.net. URL: https://bstudy.net/634234/pravo/voprosu_perspektivah_rassledovaniya_nezakonnyh_vrezok_nefteprovod (дата обращения 26.09.2021).
9. Полицию в Киришах обезглавили врезкой // Интернет-издание «47 новостей из Ленинградской области». URL: <https://47news.ru/articles/124347/> (дата обращения: 30.09.2021).
10. Лопатин Д.А. Основные криминологические аспекты современных покушений на нефтепроводы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kriminologicheskie-aspekty-sovremennyh-rokusheniy-na-nefteprovody> (дата обращения: 25.09.2021).
11. Характеристика преступлений, совершаемых на объектах добычи, переработки и реализации нефти и нефтепродуктов, расположенных в южном федеральном округе // Мудрый юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/30699-kharakteristika-prestuplenij-sovershaemykh-obektakh-dobychi-pererabotki-realizacii> (дата обращения: 26.09.2021).
12. Срочно! В Сургуте на площади 8,6 тысяч квадратных метров разлилась нефть // Интернет-издание «СургутинформТВ». URL: <https://sitv.ru/arhiv/news/srochno-v-surgute-na-ploshhadi-86-tysyach-kvadratnyx-metrov-razlilas-neft/> (дата обращения: 26.09.2021)
13. В Башкирии из-за незаконной врезки в трубопровод произошла утечка нефтепродуктов в реку // Интернет-газета «Реальное время». URL: <https://realnoevremya.ru/news/115250> (дата обращения 30.09.2021).

14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 6 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в редакции Федерального закона от 1 июля 2021 г. № 267-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 26 мая 2015 г. № 19; постановлением Пленума от 31 октября 2017 г. № 41, постановлением Пленума от 30 ноября 2017 г. № 49) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Приговор Коломенского городского суда г. Коломна от 22 июля 2020 г. по делу № 1-301/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/utpbtQCJMIdx/> (дата обращения 01.10.2021).
17. Попытка кражи. Следствие по факту нелегальной врезки в трубу «Сургутнефтегаза» продолжается // Интернет-издание «СургутинформТВ». URL: https://sitv.ru/arhiv/news/popytka-krazhi-sledstvie-po-faktu-nelegalnoj-vrezki-v-trubu-surgutneftegaza-prodolzhaetsya/?utm_source=sitv&utm_medium=samenews (дата обращения 01.10.2021).
18. Оноприук В. Неотвратимость наказания – лучшая профилактика криминальных врезок // Трубопроводный транспорт нефти. – декабрь 2019. –С. 49-53. URL: https://www.transneft.ru/u/journal_file/1063/ttn_12-2019_web_144dpi.pdf (дата обращения 02.10.2021).
19. Приходько А.И. Общественно-опасные последствия посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса (ТЭК) // Социально-политические науки. – 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-opasnye-posledstviya-posyagatelstv-na-obekty-toplivno-energeticheskogo-kompleksa-tek/viewer> (дата обращения 29.09.2021).

Проблемы развития «зеленой» микрогенерации
Прокофьева Анастасия Алексеевна.
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена анализу проблем установления, подключения и использования объектов микрогенерации на основе возобновляемых источников энергии. Центральной задачей исследования стали выявление проблем законодательного регулирования использования объектов микрогенерации и определение оптимальных способов их разрешения. Автор работы пришел к выводу о том, что необходимо продолжать законодательное реформирование перспективной сферы микрогенерации энергии, устраняя препятствия к эксплуатации данных объектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Углеродное регулирование, изменение климата, микрогенерация, возобновляемые источники энергии, солнечная энергетика, энергия, электроэнергия, цифровизация, сервитут.

ABSTRACT

The work is devoted to the analysis of the problems of establishing, connecting and using microgeneration facilities based on renewable energy sources. The central task of the study was to identify the problems of legislative regulation of the use of microgeneration facilities and to determine the optimal ways to resolve them. The author of the work came to the conclusion that it is necessary to continue the legislative reform of the promising sphere of microgeneration of energy, eliminating obstacles to the operation of these facilities.

KEYWORDS

Carbon regulation, climate change, microgeneration, renewable energy, solar energy, energy, electricity, digitalization, easement.

Современные научные исследования представляют убедительные доводы о причастности общества и его хозяйственной деятельности к влиянию на климат.^[35] Понимание осложненного положения привело к выработке и постановке первостепенных задач для замедления изменения климата: не только введение углеродного налога, разработка различных методик подсчета, отчетности и мониторинга выбросов парниковых газов,^[36] но и развитие альтернативных источников энергии. В долгосрочной перспективе переход на возобновляемые источники энергии должен

³⁵ Глобальный земельный новый курс [Электронный ресурс]: информационный портал. URL : http://greenlogic.by/content/files/GREENTRANSPORT/UNEP90_RUS.pdf (дата обращения 05.10.2021).

³⁶ Макаров И.А., Степанов И.А. Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России» // Вестник Московского университета. Сер.6. Экономика. 2017. № 6.

привести к становлению устойчивого базиса «зеленой» экономики с нулевым уровнем эмиссии парниковых газов.^[37]

Фундаментальные принципы Федерального закона "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности...",^[38] общие для всех отраслей энергетики, позволяют определить ключевую цель низкоуглеродной экономики – внедрение максимально сбалансированных по критериям эффективности и безопасности для окружающей среды технологий, способствующих рациональной и экологически безопасной выработке энергии из возобновляемых источников, а также требуемых нововведений организационных институтов, обеспечивающих правовое, экологическое и технологическое сопровождение энергетической деятельности. Конечным итогом должны стать усовершенствование известных возобновляемых источников энергии, появление новых альтернативных ресурсов, повышение уровня энергоэффективности, снижение антропогенного воздействия на компоненты окружающей среды, привлечение финансовых средств в разработку и производство «зеленых» технологий как со стороны государства, так и инвесторов, заинтересованных в перспективном капиталовложении, а также массовое распространение возобновляемых источников энергии в бытовом и хозяйственном потреблении физических и юридических лиц. Идея о необходимости разработки плана мероприятий по стимулированию развития генерирующих объектов микрогенерации на основе возобновляемых источников энергии обрела законодательное закрепление спустя 2 года после появления поручения Правительства Российской Федерации.^{[39],[40],[41]} Объекты микрогенерации, функционирующие на основе альтернативных источников энергии, приобрели ключевое значение в повсеместном внедрении экологически чистых технологий. Объектом микрогенерации признается объект по производству электроэнергии с уровнем напряжения до 1000 вольт и мощностью не более 15 киловатт, принадлежащий физическому или юридическому лицу в целях удовлетворения собственных бытовых или производственных нужд.^{[42],[43]} До

³⁷ Overland I., Bazilian M., Ilimbek Uulu T., Vakulchuk R., Westphal K. The GeGaLo index: Geopolitical gains and losses after energy transition // Energy Strategy Reviews. Now. 2019.

³⁸ Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 23 нояб. 2009 г. № 261-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. №48. Ст. 5711. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁹ Об утверждении плана законопроектной деятельности Министерства энергетики Российской Федерации на 2018 год [Электронный ресурс]: приказ Мин. энерг. РФ от 27 декабря 2017г. №1237// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁰ Поручение о стимулировании развития микрогенерации на основе возобновляемых источников энергии [Электронный ресурс]: федеральный портал. URL : <http://government.ru/orders/selection/401/26467/> (дата обращения 05.10.2021)

⁴¹ Заключение Правового управления Аппарата Совета Федерации от 13.12.2019 № 5.1-01/3329 [Электронный ресурс]: федеральный портал. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/581324-7#> (дата обращения 05.10.2021)

⁴² О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике" в части развития микрогенерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 дек. 2019 г. № 471-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. №52. Часть I . Ст. 7789. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴³ "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части определения особенностей правового регулирования отношений по функционированию объектов микрогенерации": постановление Правительства РФ от 2 марта 2021 г. № 299 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

введения Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 471-ФЗ регулирования по использованию объектов микрогенерации, данные источники возобновляемой энергии размещались автономно, без подключения в общую сеть. Стремление и мотивы законодателя принять меры поддержки и уточнить порядок их эксплуатации понятны, однако недостаточное и фрагментарное регулирование привело к проблемам использования объектов микрогенерации.

1. Базовой мерой поддержки является возможность реализации излишков сгенерированной электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации, которая не признается предпринимательской деятельностью, и, соответственно, не облагается налогом до 1 января 2029 года.^[44] Стимулирование установления объектов микрогенерации реализуется путем предоставления возможности потребителям получить не только удовлетворение бытовых нужд, но и прибыль от продажи невостребованной электроэнергии в общую сеть, на примере других стран. Вместе с тем, при эксплуатации объектов микрогенерации возникает ряд трудностей, которые сложно разрешить до 2029 года. Во-первых, невозможность постоянного использования солнечной и ветровой энергии в связи с временем суток или года и погодными условиями. В таком случае необходимо устанавливать вспомогательные объекты генерации электроэнергии или накопители электроэнергии для последующего ее использования, либо приобретать электрическую энергию из подключенной сети, что также влечет дополнительные расходы и издержки. Во-вторых, недостаточность апробирования на практике применения солнечной и ветровой энергии приведет к дефициту квалифицированного технического обслуживания объектов микрогенерации и повышению стоимости ремонтных работ. В-третьих, период окупаемости инфраструктуры, например микрогенерации на основе солнечной энергии, составляет в среднем около 10-12 лет.^[45] Данный срок превышает льготный период налогообложения, чем обременяет финансовое положение потребителя после окончания срока освобождения от налогообложения. В-четвертых, цена продажи электроэнергии гарантирующему поставщику ограничена средневзвешенной нерегулируемой ценой на электрическую энергию на оптовом рынке, которая не равна цене покупки электроэнергии: происходит продажа киловатт-часов по оптовой цене, а в розничную цену заложены расходы на передачу и сбыт, которые оплачивает потребитель. Однако следует отметить, что в некоторых субъектах Российской Федерации стоимость продажи электроэнергии выше стоимости покупки электроэнергии, например город Якутск.^[46] Данная ситуация выделяется из общемировой практики, в которой приобретение электроэнергии объектов микрогенерации происходит по более высокому тарифу, чем у иных субъектов рынка. Таким образом, интеграция объектов микрогенерации является перспективным направлением, между тем потребителю требуется проанализировать

⁴⁴ О внесении изменений в статью 217 части второй Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 дек. 2019 г. № 459-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. №52. Часть I. Ст. 7777. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁵ Ивановский Д.А. Оценка эффективности интеграции объектов микрогенерации на основе фотоэлектрических модулей в сети домохозяйств // Энергоэксперт. 2020. №1. Стр.72-75.

⁴⁶ Габдрахманова Т.С., Попел О.С. Результаты анализа конкурентоспособности фотоэлектрических систем микрогенерации в условиях Российской Федерации // Доклады Академии наук. 2019. №5. Т. 486. Стр. 543-546.

финансовую ответственность за эффективность эксплуатации объектов микрогенерации и оценить возможную проблему окупаемости приобретенного оборудования и подключения к сети домохозяйства.

2. На сегодняшний день установленное ограничение по мощности в 15 киловатт и точечная эксплуатация объектов микрогенерации не должны приводить к серьезным изменениям системы электроэнергетики, однако, после интенсивного развития сферы, децентрализованная генерация электроэнергии сможет повлечь серьезные изменения объемов передачи и операционных действий точек обслуживания, что усложнит процесс планирования розничного и оптового рынка электрической энергии. Для разрешения ситуации требуются механизмы по цифровизации операций и производства электрической энергии. Становление данной отрасли энергетики может быть обеспечено концепцией развития «Интернет Энергии». Концепция разработана в целях создания локальной энергетической инфраструктуры децентрализованной системы, в которую включаются производители и потребители энергии для свободного обмена энергией. Внедрение концепции также требует разработку необходимых программно-аппаратных комплексов с распределенной возможностью управления данными и процессами для функционирования энергосистемы. Особенностью преобразования является интеллектуальное управление потоками электроэнергии, осуществляемое за счет одноранговых энергетических транзакций. Таким образом, возникает акт взаимодействия между пользователями микроэнергосистемы, который состоит из трех слоев энергоинформационного обмена: финансово-договорного, информационно-управляющего и физического,^[47] поэтому оперативная разработка технологического обеспечения и распространение концепции позволит устранить трудности использования объектов микрогенерации.

3. Основным положением Постановления Правительства от 2 марта 2021 г. № 299 является возможность осуществления сальдирования за расчетный период, то есть 1 календарный месяц, поэтому не допускается использовать общую сеть как «виртуальный аккумулятор», который может выдать, например, в зимнее время сгенерированную летом электроэнергию. При проведении расчетов разницы продажи электроэнергии в летнее время и последующей ее покупки в зимнее время возникает ситуация нерационального использования электроэнергии.

4. Эксплуатация объектов микрогенерации требует определенных условий: для генерации электроэнергии из солнечной энергии требуется постоянный солнечный свет, в связи с чем могут возникнуть препятствия не только из-за погодных, временных и иных объективных обстоятельств, но и из-за поведения третьих лиц: солнечная батарея, установленная на крыше здания, может быть затемнена при возведении собственником соседнего участка здания или сооружения. В действующем законодательстве закреплена возможность установления сервитута – ограниченного вещного права на чужую вещь. Сервитут света, необходимый для урегулирования вышеуказанной ситуации, является отрицательным, то есть направленным на запрет совершения действий сервитутодателя, влекущих возникновение затемнения на господствующей вещи. Российский правопорядок прямо не регулирует процедуру установления подобного сервитута,

⁴⁷ Интернет энергии. MicroGrid. Малая распределенная энергетика. [Электронный ресурс]: информационный портал. URL : <https://www.tadviser.ru/a/508235> (дата обращения 05.10.2021)

однако судебная практика не запрещает его установление в добровольном порядке по соглашению сторон. Согласно п. 5 ст. 301 проекта изменений Гражданского кодекса Российской Федерации № 47538-6/5 от 2018 года виды сервитутов и порядок их установления определяется Кодексом, иные виды сервитутов не допускаются.^[48] Данная редакция содержания статьи проекта, хоть и допуская возможность установления отрицательных сервитутов, не перечисляет сервитут света в качестве возможных. Императивная норма п. 5 ст. 301 проекта блокирует применение данного сервитута даже по соглашению сторон, поэтому отразить данную конструкцию на правоотношения по поводу затемнения солнечных батарей вещью соседа нельзя. Таким образом, если проект изменений в Гражданский кодекс РФ, закрепляющих закрытый перечень ограниченных вещных прав и видов сервитутов, в которых отсутствует отрицательный сервитут света, будет принят в данной редакции, представляется возможным урегулирование данных правоотношений путем установления обязательства с отрицательным содержанием.

Недавно введенное направление микроэнергетики на основе возобновляемых источников энергии является перспективным и наиболее сбалансированным с точки зрения экологически рационального потребления, однако проблемы эксплуатации данных объектов, проявляющиеся с самого начала их введения, требуют нормативного урегулирования. Практическое воплощение концепций цифровизации, экономических и правовых инструментов стимулирования поможет ускорить распространение генерации энергии из альтернативных источников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
2. Федеральный закон от 27.12.2019 № 471-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике" в части развития микрогенерации»
3. Федеральный закон от 27.12.2019 № 459-ФЗ «О внесении изменений в статью 217 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»
4. Постановление Правительства РФ от 02.03.2021 № 299 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части определения особенностей правового регулирования отношений по функционированию объектов микрогенерации"
5. Приказ Министерства энергетики РФ ОТ 27.12.2017 № 1237 «Об утверждении плана законопроектной деятельности Министерства энергетики Российской Федерации на 2018 год»
6. Проект федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: https://privlaw.ru/wp-content/uploads/2020/05/Проект-ФЗ_вещные-права.docx
7. Заключение Правового управления Аппарата Совета Федерации от 13.12.2019 № 5.1-01/3329 URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/581324-7#>

⁴⁸ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект фед. закона №47538-6/5 // информационный портал. URL : https://privlaw.ru/wp-content/uploads/2020/05/Проект-ФЗ_вещные-права.docx (дата обращения 05.10.2021)

8. Макаров И.А., Степанов И.А., Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России. 2017.
9. Overland I., Bazilian M., Plimbek Uulu T., Vakulchuk R., Westphal K., The GeGaLo index: Geopolitical gains and losses after energy transition. 2019.
10. Ивановский Д.А., Оценка эффективности интеграции объектов микрогенерации на основе фотоэлектрических модулей в сети домохозяйств. 2020.
11. Габдерахманова Т.С., Попел О.С., Результаты анализа конкурентоспособности фотоэлектрических систем микрогенерации в условиях Российской Федерации. 2019.
12. Поручение о стимулировании развития микрогенерации на основе возобновляемых источников энергии URL: <http://government.ru/orders/selection/401/26467/>
13. Интернет энергии. MicroGrid. Малая распределенная энергетика URL: <https://www.tadviser.ru/a/508235>
14. Глобальный земельный новый курс URL: http://greenlogic.by/content/files/GREENTRANSPORT/UNEP90_RUS.pdf

Правовые вопросы регионального участия в финансировании муниципальных
концессионных проектов в отношении объектов электроэнергетики
Редичкина Александра Максимовна
Старший юрист
Versus.legal

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос о правовой возможности финансирования субъектом РФ расходов по созданию, эксплуатации, иных выплат по концессионному соглашению, заключенному в отношении объектов по производству, передаче и распределению электрической энергии, правовой квалификации соответствующих обязательств и перспективах реформирования законодательства о концессионных соглашениях в сфере электроэнергетики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Электроэнергетика, концессионное соглашение, инвестиционный проект, региональное софинансирование.

ABSTRACT

The article considers the issue of the legal possibility of financing by the subject of the Russian Federation the costs of creation, operation, and other payments under the concession agreement concluded in relation to facilities for the production, transmission and distribution of electric energy, the legal qualification of the relevant obligations and the prospects for reforming the legislation on concession agreements in the field of electric power.

KEYWORDS

Electric power industry, concession agreement, investment project, regional co-financing.

Масштабная модернизация электроэнергетики и перевод ее на новый технологический уровень - одно из важнейших направлений развития Российской Федерации в соответствии с государственной программой Российской Федерации «Развитие Энергетики» [1]. Важно отметить, что государственная программа одновременно ставит задачи по увеличению объема привлекаемых инвестиций и гарантированного обеспечения доступной электроэнергией потребителей, из чего следует, что увеличение объема инвестиций и окупаемость проектов не должны достигаться только за счет тарифов, потребуется софинансирование бюджетами бюджетной системы.

Наиболее распространенными способами модернизации объектов электроэнергетики с привлечением средств бюджета являются энергосервисные контракты [2] и концессионные соглашения [3]. Последние, как правило, требуют привлечения большего объема инвестиций так как преследуют более широкую цель комплексной реновации и эксплуатации инфраструктуры, не ограничиваясь энергосбережением и повышением энергетической эффективности использования

энергетических ресурсов, что порождает большую гибкость финансового структурирования проектов.

Несмотря на все преимущества концессионных соглашений к августу 2020 года в электроэнергетике было заключено только 44 концессионных соглашения, в то время как в теплоэнергетике количество соглашений составило более тысячи. Статистика послужила причиной начала реформирования концессионного законодательства, внесенные изменения в декабре 2020 года, закрепившие обязанность концедента принимать меры по обеспечению получения концессионером валовой выручки (дохода от реализации производимых товаров, выполнения работ, оказания услуг по регулируемым ценам (тарифам), определенной концессионным соглашением) в отношении объектов электроэнергетики (статьи 10, 20 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – Закон о концессиях), лишь незначительно повлияло на количество проектов в отрасли. Причина такой непопулярности связана с нахождением объектов электроэнергетики, как правило, в собственности муниципалитетов, которые, вступая в проект, не имеют достаточного финансового обеспечения, как для софинансирования создания объекта, так и для обеспечения возвратности средств инвестора в случае прекращения проекта, а также с одновременным нахождением полномочий по регулированию тарифов на уровне субъекта РФ.

Для разрешения аналогичной проблемы в сфере теплоснабжения с 2017 года субъектам Российской Федерации предоставлена возможность выступать стороной концессионного соглашения в целях принятия обязательств по установлению тарифов в соответствии с долгосрочными параметрами регулирования, закрепленными в концессионном соглашении, возмещением недополученных доходов, экономически обоснованных расходов концессионера, подлежащих возмещению за счет средств бюджета субъекта РФ в соответствии с нормативными правовыми актами РФ, утверждению инвестиционных программ, а также иных обязанностей, установленных нормативно-правовыми актами региона (часть 4 статьи 40 Закона о концессиях).

Предложенное законодателем регулирование получило широкое распространение и в значительной степени снизило остроту проблемы, связанную с необходимостью привлечения субъекта РФ для обеспечения исполнимости соглашений, в части установления долгосрочных параметров регулирования тарифа в теплоснабжении. Вместе с тем указанная в пункте 4 части 4 статьи 40 Закона о концессиях возможность («Субъект Российской Федерации, участвующий в концессионном соглашении, несет следующие обязанности по концессионному соглашению: <...> иные обязанности, устанавливаемые нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации, участвующего в концессионном соглашении») дает почву для толкования нормы в качестве допускающей софинансирование субъектом РФ инвестиционных проектов не только в части возмещения, связанного с тарифным регулированием, но и в целях софинансирования расходов на создание, эксплуатацию, иных выплат по концессионному соглашению, что так необходимо для финансовой возможности реализации проектов, привлечения проектного банковского финансирования.

Софинансирование субъектом РФ инвестиционного проекта, реализуемого на муниципальном уровне, не должно нарушать самостоятельность управления муниципальной собственностью органами местного самоуправления (статья 132 Конституции РФ), принцип самостоятельности бюджетов РФ, предусмотренный статьей 31 Бюджетного кодекса РФ, в соответствии с которым не допускается установление расходных обязательств одного бюджета, подлежащих исполнению за счет доходов и источников финансирования дефицитов других бюджетов, а также расходных обязательств, подлежащих исполнению одновременно за счет средств двух и более бюджетов. Как следствие, финансовое обеспечение субъектом РФ инвестиционных проектов на муниципальном уровне обеспечивается только за счет межбюджетных трансферт бюджету муниципалитета, который самостоятельно реализует полномочия по управлению собственностью, но межбюджетные трансферты, не являясь предметом регулирования концессионного соглашения, не создают необходимых гарантий для инвестора.

В пользу самостоятельности несения концедентом расходов на модернизацию инфраструктуры свидетельствует также, что в соответствии с частью 13 статьи 3 Закона о концессиях именно концедент принимает на себя часть расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения.

Вместе с этим при рассмотрении вопроса о финансовом участии субъекта РФ в исполнении обязательств по концессионному соглашению, реализуемому на муниципальном уровне, Минфин России письмом от 13 июля 2020 года № 09-05-05/61194 отмечает, что у субъекта РФ как участника трехсторонней концессии, не являющегося концедентом, отсутствуют основания для предоставления концессионеру средств из бюджета субъекта РФ в целях софинансирования мероприятий по созданию объекта концессионного соглашения, право собственности на который принадлежит муниципальному образованию. При этом ограничения статьи 31 Бюджетного кодекса РФ не препятствуют предоставлению субсидий концессионеру в соответствии со статьей 78 Бюджетного кодекса РФ.

Так вправе ли субъект финансировать создание объекта соглашения, если соответствующее финансирование осуществляется не в форме бюджетной инвестиции в соответствии со статьей 79 Бюджетного кодекса РФ, а как мера безвозмездной целевой поддержки в соответствии со статьей 78 Бюджетного кодекса РФ? Возможно ли софинансирование субъектом РФ иных обязательств по соглашению? В случае если запрет софинансирования субъектом расходов по инвестиционному проекту в силу конституционных положений и самостоятельности местного бюджета абсолютный, то возможность предоставления гарантий субъекта РФ, обеспечивающих финансирование субсидиарно к обязательствам муниципалитета в соответствии с частью 5 статьи 40 Закона о концессиях, также может быть поставлено под сомнение.

В теории и практике отсутствует сложившийся подход к содержанию и природе оформляемых посредством субсидирования в соответствии со статьей 78 Бюджетного кодекса РФ правоотношений. Финансирование субъектом проекта может рассматриваться (1) как гражданско-правовое обязательство, основанное на свободной воле получателя в ее принятии, обусловленное исполнением соглашения, а также с учетом совместного определения условий проекта сторонами соглашения при его

подготовке [4], (2) как публичные правоотношения по предоставлению безвозмездной, неэквивалентной, целевой поддержки, сведения о которой лишь информационно закрепляются в соглашении, (3) как особый публично-правовой механизм, отношения в рамках которого нуждаются в базовой публично-правовой регламентации при субсидиарном применении норм гражданского законодательства [5].

Важно, что в зависимости от правовой квалификации рассматриваемых отношений зависит их действительность, условия реализации. При этом ни один из вариантов не содержит прозрачное, понятное для инвесторов и финансирующих организаций регулирование механизма финансирования.

Так, квалификация в качестве гражданско-правового обязательства в большей степени соответствует интересам концессионера, получающего гражданско-правовую защиту от его неисполнения. При этом гражданско-правовое участие субъекта РФ нуждается в законодательном определении и регулировании его действительности в части разграничений с полномочиями муниципалитета, иное порождает неопределенность и риски, сказывающиеся на принятии решений об участии в проектах заинтересованными лицами. Представляется, что финансирование субъекта РФ в качестве гражданско-правового обязательства не является пожертвованием, характер обязательства близок по своей сути к вкладу участника инвестиционного товарищества, в данном в случае в целях реновации инфраструктуры, находящейся в том числе на территории региона и приносящей прямые и косвенные положительные эффекты для всей окружающей территории.

Квалификация правоотношения по софинансированию в качестве публично-правового лишает инвестора гражданско-правовых механизмов защиты. Субсидирование предполагает поддержку деятельности, осуществляемой инвестором в публичных целях, в целях достижения целевых публично-значимых показателей. При этом публичные цели в значительной мере совпадают с целями гражданско-правового концессионного соглашения (осуществление инвестиций в модернизацию инфраструктуры, создание объектов с заданными соглашением технико-экономическими параметрами). Отсутствие нормативной квалификации порождает неопределенность в последствиях принятия на себя субъектом РФ обязательств, а также их закрепления в соглашении.

Публично-правовое обязательство также требует дополнительных регуляторных механизмов по синхронизации с соглашением, в соответствии с которым реализуется проект (в части сроков (учитывая, что сроки соглашений часто превышают лимиты бюджетных обязательств), изменения размера при наступлении различных событий, например, в случае уменьшения стоимости строительства и в иных аспектах). Так, условия предоставления государственной поддержки муниципального проекта, не являющиеся условиями гражданско-правового договора, должны были бы требовать проведения переговоров, аналогичных предусмотренным в Законе о концессиях и вместе с ними.

В результате анализа делается вывод, что обязательство субъекта РФ будет обладать свойствами как публично-правового, так и частного. Действующее законодательство регулирует такие случаи точно, не предлагая комплексного подхода, даже в случае финансирования соглашения концедентом (например, специальные

правила предусмотрены частью 6 статьи 78 Бюджетного кодекса РФ). Существующая правоприменительная практика [6] часто относится негативно к принимаемым публично-правовым образованиям обязательствам, которые прямо не урегулированы законодательством, ссылаясь на принципы эффективности использования бюджетных средств, соблюдению бюджетных интересов.

Таким образом, финансовое участие субъекта РФ в муниципальных концессионных соглашениях - один из наиболее перспективных способов привлечения инвестиций в развитие инфраструктуры в сфере электроэнергетики. Действующее законодательство содержит предпосылки и возможности для его развития, однако, в силу неразрешенных противоречий действующих норм софинансирование субъектом РФ оказывается трудно реализуемым.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики»;
2. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
3. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»;
4. Ильин А.В. Предмет судебной деятельности и защита прав участников бюджетных правоотношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 16., Ильин А.В. Разрешение судами споров, возникающих по поводу распределения бюджетных средств. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 86.;
5. Кустова М.В. Договоры о предоставлении средств бюджета: проблемы природы и правового регулирования // Договор в публичном праве: Сб. науч. ст. / Под ред. Е.В. Гриценко, Е.Г. Бабелюк. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 246.; Кустова М.В. Проблемы правового регулирования субсидий как инструмента финансового обеспечения публично-частного партнерства // Закон. 2013. № 3;
6. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.09.2019 N Ф10-2758/2019 по делу № А64-6415/2017; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.05.2021 N Ф06-51025/2019 по делу № А65-19448/2018 и постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2021 № 11АП-16731/2020, 11АП-16732/2020 по делу № А65-19448/2018.

Актуальные проблемы развития нормативных актов в сфере развития минерально-сырьевой базы в РФ и перспективы принятия новых законодательных актов в этой области

Резяпова Диана Рафисовна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В работе проводится анализ современного развития минерально-сырьевой базы, раскрываются новые актуальные составляющие в сфере недропользования в Российской Федерации. Авторы выявляют несоответствия действующих нормативных и административных актов реалиям современного развития минерально-сырьевой базы в РФ и предлагают в перспективе внести изменения в действующее законодательство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Нормативные акты, минерально-сырьевая база, несовершенство нормативной базы, инвестиционная привлекательность, геологический фонд, стратегия развития Минерально-сырьевой базы.

ABSTRACT

The paper analyzes the current development of the mineral resource base, reveals new relevant components in the field of subsoil use in the Russian Federation. The authors identify inconsistencies of the current regulatory and administrative acts with the realities of the modern development of the mineral resource base in the Russian Federation and propose to amend the current legislation in the future.

KEYWORDS

Regulations, mineral resource base, imperfection of the regulatory framework, investment attractiveness, geological fund, strategy for the development of the Mineral resource base.

Вопросы развития нормативных актов в сфере недропользования -это несовершенство нормативной базы, которая не способствует поступательному движению нефтегазовой отрасли. Не принят ряд приоритетных законов, направленных на увеличение инвестиционной привлекательности недропользования, гарантирование воспроизводства минерально-сырьевой базы, рационального использования и защиты недр [1]. Не четко регламентированы вопросы, связанные с лицензированием, оценкой прогноза ресурсов, включая углеводороды и их систематизацией. Еще один сдерживающий фактор - слабый приток собственных вложений компаний в геологическое изучение недр, особенно на ранних стадиях разведки. Инвесторов останавливает неопределенность и результативность экономических результатов и излишне длительное получение разрешительной документации для геологического изучения недр, которое составляет от 180 до 300 дней. Не способствует инвестиционной привлекательности недропользования также недостаточная достоверность геологической информации. Большое количество геологических докладов и отчетов,

выполненных в советское время, остается закрытой при том, что их содержание в настоящее время востребовано. Кроме того, материалы геологических изысканий, выполненных до 2005 года, хранятся в геологическом фонде в основном на бумажных носителях и требуют перевода в цифровой формат. В то же время, не смотря на трудности, в целом объем финансирования геологических изысканий и воспроизводства минерально-сырьевой базы в последнее время увеличивается [2].

В 2015-2019 годах он составил 1,8 трлн. руб., т.е. объем финансирования за этот период увеличился в 1,2 раза. Причем 90 % финансирования - это средства недропользователей, которые вкладываются преимущественно в разведку месторождений на перспективных участках с легко извлекаемыми запасами. Серьезные затраты на стадиях геологической разведки возлагает на себя государственный бюджет. В результате проведенного анализа 197 участков из 228, который проводился старыми методами рекогносцировки, выявляется картина, по которой, оценка запасов компаниями не финансировалась. На данном фоне постоянно увеличивается объем невыполненных, мероприятий, предусмотренных для воспроизводства минерально-сырьевой базы.

Основой законодательной базы, регулирующей правоотношения в сфере недропользования, считается принятый в 1992 году Закон о недрах. Несмотря на внесенные в него многочисленные изменения и дополнения, регуляторная основа по геологическому изысканию и становления минерально-сырьевой базы (далее - МСБ) не отвечает задачам, поставленным Стратегией развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года (далее - Политика развития МСБ). На сегодняшний день ставится вопрос о внесении поправок в Закон о недрах к началу 2022 года (январь-февраль) .

На решение задачи по воспроизводству МСБ на базе повышения геологической изученности недр Российской Федерации, ее континентального шельфа в Арктике, Антарктике и акватории Мирового океана ориентирована содержание госпрограммы Российской Федерации «Воспроизводство и исследование природных ресурсов» (далее - ГП ВИПР, Госпрограмма). Мониторинг Госпрограммы показывает ее недостаточную подготовку и несоответствие Стратегии развития МСБ.

Не принят ряд приоритетных законов, направленных на увеличение инвестиционной привлекательности разведочной отрасли, гарантирование воспроизводства МСБ, рациональное использование и охрану недр. При этом необходимо внести изменения в законодательные и нормативные акты законодательного регулирования системы лицензирования, оценки прогнозных ресурсов необходимых ископаемых, стимулирования вовлечения в освоение трудно извлекаемых запасов старых и законсервированных месторождений.

Разработка прогнозов развития геолого-разведочных работ (далее - ГРР) затрудняется отсутствием нормативов обеспеченности запасами основных видов минерального сырья с позиции сырьевой и экономической безопасности Российской Федерации. Прейскурант основных видов редкого минерального сырья, важный для определения основных направлений развития МСБ недостаточных видов необходимых полезных ископаемых, с 1999 года не пересматривался. Необходимо обозначить, что Стратегией развития МСБ этот недостаток устранен.

Заинтересованность бизнеса в инвестировании в геологоразведку зависит от степени изученности недр, их геолого-экономической оценки, единственная методика которой до настоящего времени не установлена. При этом существующая Спецификация запасов и прогнозных ресурсов старых месторождений, не позволяет использовать результаты государственной экспертизы запасов, и ограничивает доступ к иностранному финансированию и выход на интернациональные биржевые площадки. Принимая это во внимание, понадобится создание обновленной Систематизации трудно извлекаемых запасов и прогнозных ресурсов полезных ископаемых, учитывающей современные способы извлечения и разработки и в связи с этим соответствующей проектной документацией.

Приписывание к классу прогнозных ресурсов (основной запас для воспроизводства МСБ) с возможностью подтверждения минимально допустимых 25-35 % запасов и перспективой перевода в экономически недорогие методы апробации прогнозных ресурсов старых неэксплуатируемых месторождений приводит к беспочвенному завышению производительности труда, даже после получения дотаций федерального бюджета, не показывает объективную картину разведочных работ для открытия новых месторождений. Положение ГРР в данное время затруднено продолжительным оформлением соответствующей разрешительной документации. Такое положение особенно злободневно при претворении в жизнь геологического изыскания недр, рекогносцировки и добычи на старых месторождениях. Настоятельно необходима регламентация вопроса выделения других категорий наиболее охраняемых природных земель регионального и районного значения на участках, в отношении коих уже оформлены совмещенные лицензии на право использования участками недр для геологического исследования недр, разведки и добычи нужных ископаемых. Недоступность нормативного урегулирования в предоставленном вопросе на практике приводит к абсолютной остановке ГРР.

Система мер финансового стимулирования ГРР необходима и требует улучшения. До 2012 года воспроизводство МСБ обеспечивалось за счет мотивированных отчислений недропользователей, доля которых зачислялась в федеральный бюджет и подлежала применению строго мотивированным образом для финансирования ГРР в рамках муниципального заказа, а доля оставлялась недропользователям для автономного финансирования геологоразведочных работ.

С 2002 года обозначенные отчисления отменены. В настоящее время 50 % отчислений предусмотрены в ставке налога на добычу нужных ископаемых (далее - НДС), другие 50 % оставлены добывающим фирмам для автономного финансирования ГРР поисковой и разведочной стадий без установления какой-либо ответственности за рациональное использование выделенных денежных ресурсов. В итоге ГРР исполняются большей частью большими компаниями, другие, ввиду того, что не располагают собственными средствами для финансирования этих работ, не инвестируют поисково-разведочных работы, отдача от которых вероятно лишь через 10-15 лет. Принимаемые меры по внедрению «заявительного характера» пока еще не привели к нужным итогам. Не открыто всего 90 новых месторождений по 19 видам твердых полезных ископаемых (ТПИ).

Привлечение частных вложений в целях воспроизводства МСБ осложнено излишним формализмом доступа к первичной и интерпретированной информации о недрах, которая аккумулируется в федеральном и территориальных фондах геологической информации. Отмена необходимости получения разрешения Роснедр на доступ к геологической информации, в отношении которой отсутствуют лимитирования по допуску (такие как государственная тайна, платная тайна), позволит ликвидировать лишние административные препятствия в сфере геологического исследования недр. По сведениям Государственного реестра работ по геологическому исследованию недр, в 2016-2020 годах 35,7 % геологических докладов не переданы в федеральный фонд геологической информации его территориальные фонды в установленные сроки. Федеральная и муниципальная информационная система «Единый фонд геологической информации о недрах» (далее - ФГИС ЕФГИ) мало информативна, например, как не заполнена архивными геологическими материалами, оказавшимися в хранилищах ФГБУ «Росгеолфонд». Системы хранения ФГБУ «Росгеолфонд» заполнены больше чем на 90 %, а материалы геологических исследований, переданные до начала 2000 года, хранятся в основном на бумажных носителях и нуждаются в переводе на цифровой формат. Поэтому последующее накопление, классификация и предложения по предоставлению достоверной геологической информации затруднительны.

Привлечение инвестиций для разведки месторождений стратегических видов полезных ископаемых затрудняют процесс лимита, связанный с секретностью сведений о размерах балансовых запасов в недрах государства, добычи (производства), передачи или уже разработки обозначенных видов требуемых ископаемых. До настоящего времени не сняты грифы «Секретно» и «Совершенно Секретно» на значительную часть геологических докладов, выполненных в советское время, содержание которой в настоящее время необходима для проведения работ [3].

Вызывает озабоченность прекращение, начиная с 2013 года, государственного финансирования прикладных научных исследований в сфере геологии, а также технологическое отставание РФ в ряде научных направлений, связанное с отсутствием российской приборостроительной базы. Это относится к изотопной геологии, дистанционным и геофизическим изучением, цифровым технологиям сбора, обобщения и анализа геолого-геофизической информации с построением функциональных массовых, информационных систем.

В данной связи одной из задач Стратегии становления минерально-сырьевой базы до 2035 года считается создание и внедрение современных технологий ГРП, замещение импортных технологий и предложений отечественными, не уступающими зарубежным аналогам.

Для этого потребуется разработка новых нормативных актов для российских прогнозно-поисковых систем и преодоление критичной зависимости геологической отрасли государства от иностранных поставок научного, испытательного и производственного оснащения, программных и компьютерных средств вычислительной техники.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В.Д. Мельгунов. Теоретические основы горного права России. М.: Проспект, 2016.328 с. [Электронный ресурс]: URL: <https://arxiv.gaugn.ru/> (дата обращения 09.10.2021 г.)
2. Распоряжение Правительства РФ от 22 декабря 2018 г. № 2914-р О стратегии развития минерально-сырьевой базы РФ до 2035 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.mnr.gov.ru/docs/> (дата обращения 09.10.2021 г.)
3. Справка -отчет Министерства природных ресурсов РФ Счетной палате за 2015-2020г.
[Электронный ресурс]: URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/open_ministry/report/
(дата обращения 09.10.2021 г.)

Правовое регулирование защиты атмосферного воздуха от воздействия морской
индустрии

Рогалева София Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье отражены некоторые аспекты современной трансформации морской индустрии, которая является одной из самых неэкологичных, в том числе в связи с использованием для утилизации «грязного» топлива. Рассмотрены будут основные модернизирующие положения, в части регламентации обеспечения охраны окружающей среды, в рамках которых выявлены основные пробелы нормативного пласта и предложены соответствующие решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Морская индустрия, атмосферный воздух, загрязнение окружающей среды, сжиженный природный газ, цели корпоративной ответственности.

ABSTRACT

This article reflects some aspects of the modern transformation of the marine industry, which is one of the most unecological, including in connection with the use of "dirty" fuel for recycling. The main modernizing provisions regarding the regulation of environmental protection will be considered, within the framework of which the main gaps in the regulatory layer are identified and appropriate solutions are proposed.

KEYWORDS

Marine industry, atmospheric air, environmental pollution, liquefied natural gas, corporate responsibility goals.

Морская индустрия – один из крупнейших источников загрязнения. В 2012 году ИМО провело оценку выбросов углекислого газа и вывели их возрастание на 50-250% к 2050 году [1,38]. А правила ограничения выбросов до 2050 года разработали в апреле 2018 года [2].

Влияние загрязнений масштабно: на состояние экологии, в которой заинтересованы морские организации; государства, из-за влияния на качество жизни граждан; на состояние экономики, так как требует больших затрат на соблюдение соответствующего законодательства и на нейтрализацию последствий уже совершенного вредного воздействия.

Понятие атмосферного воздуха (далее – воздух) закреплено в ст. 1 ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [3]. В отношении правового статуса наиболее перспективна теории связи статуса с отраслью права [4,46]: в морском праве прямо не упоминается термин воздух, однако существует обязанность недопущения загрязнения не только морской среды, но и воздушной [5].

Прямую зависимость загрязнения моря и воздуха подтверждают природные процессы [6,25]. В связи с чем рассмотрим пласт актов, регламентирующих смежное

загрязнение – водной среды. Среди них, Конвенция по морскому праву 1982 года [7], Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г., а также принятый к ней Протокол 1978 г. (МАРПОЛ), и наиболее применимый к исследуемому предмету регулирующий документ – Приложение VI МАРПОЛ.

Серьезный шаг в морское экологическое развитие сделали Правила ИМО 2020, вступившие в силу 01.01.2020. В них отражены международные ограничения по содержанию серы: максимум 0,5% в судовом топливе [8]. В связи с необходимостью приводить суда в соответствие требованиям по подсчетам логистов компании Маринэк общая емкость мирового флота уменьшилась примерно на 20% [9]. Перед судовладельцами стоял выбор: установить скрубберы или резервуары сжиженного природного газа (Далее – СПГ), строить новые суда, выведя из эксплуатации или «утилизируя» старые, поскольку суда старше 20 лет не предполагают установки очистительных насосов. Такие меры принуждают к постановке более высоких тарифов на доставку и конечный продукт, которые к тому же приводят к инфляции и увеличению банковских ставок.

В 2011г. была запущена программа стимулирования производителей к модернизации нефтеперерабатывающих заводов под выпуск низкосернистого топлива, но в середине 2020 года даже мировое производство такого топлива составляло около 15% от требуемого [10]. По заявлениям специалистов для выхода на нужные показатели потребуется не менее 15 лет, а от инвесторов – более \$200 млрд [11,58].

В России активно ведется производство СПГ-бункеровщиков, первый из которых представила компания Газпром-нефть во второй половине 2021 г. и обеспечила бункеровку судов СПГ в акватории Финского залива и Балтийского моря с российской стороны [12].

Для реализации экологической политики Объединенная программа технического сотрудничества в приоритетных направлениях двухгодичной программы (2022-2023гг.) по защите морской среды указала сокращение атмосферных выбросов с судов и в портах [13].

Помимо публичных способов регламентации, в настоящий момент набирает популярность корпоративная политика «Зеленое судоходство», заключающаяся в создании проформ соглашений о международной морской перевозке с природоохранными положениями [14].

Зеленая политика зачастую является основой объединения корпораций в союзы. В настоящее время выделяют: Sustainable Shipping Initiative («инициатива по устойчивому судоходству») и Clean Cargo Working Group («рабочая группа по чистым грузам»). В рамках политики существуют цели социальной ответственности, например, «нулевые отходы», «углеродный нейтралитет» и «100-процентная энергетическая эффективность» [15].

Достижение «нулевых отходов» морским транспортом рассматривается в перспективе. В настоящий момент наиболее перспективный план – использование жидкого биотоплива. Он не является абсолютно чистым, но в продуктах сгорания биотоплива на 8–10 % меньше окиси углерода, почти на 50 % меньше сажи и в десятки раз меньше содержание серы (0,005%).

ИМО активно продумывает способы становления биотоплива более доступным к 2030 году. Уже тестируется электрификация на основе возобновляемого водорода. Но его получение – это довольно сложный, непроработанный, ресурсозатратный процесс поэтому его практическое применение возможно лишь в будущем, а в современном варианте развития доступно лишь теоретическое изучение.

А выявленная взаимосвязь между эффективностью развития экологических отраслей (как, например, биотопливо) и заинтересованностью ими у бизнеса допускает оперативное развитие водородного топлива.

Однако соблюдение экологического законодательства требует огромных финансовых затрат, в связи с чем необходимо рассмотреть возможности перераспределения денежного потока. В качестве одного из вариантов решений предлагается рассмотреть изменения статьи Налогового кодекса Российской Федерации [16]: в статью 381 «Налоговые льготы» добавить пункт: «Освобождаются от налогообложения: «...» 29) организации - судовладельцы, обладающие планом по реализации экологического законодательства и отметки в уставной документации о соблюдении принципов Зеленой политики, в том числе работа только по соглашениям, содержащим природоохранные положения».

Проект поправок к Приложению VI (Защита атмосферного воздуха от загрязнений с судов) Конвенции МАРПОЛ касаются обязательных мер по снижению углеродоемкости международных перевозок и освобождению беспилотных несамоходных барж от требований к обследованию и сертификации, которые были распространены в соответствии со статьей 16(2)(а) МАРПОЛ [17].

Кроме того, правки отражают инициативы государств по различным параметрам. К примеру, Финляндия предложила ввести поправочные коэффициенты для судов ледового класса. Россия, руководствуясь мнением, что особенности конструкции и гидродинамические характеристики уменьшают эффективность судов полярных вод, активизировало выделение более 275 тысяч долларов на проведение оценок состояния от Правительств Кипра, Дании, Франции, Германии, Нидерландов и Норвегии.

Греция предложила руководство по контролю за выбросами в воздух с судов, транспортирующих СПГ. В этом руководстве представлены два способа контроля за парами: установить специальную ёмкость для подготовки выпарного газа для дальнейшего использования в двигателях, сжигания в котлах или утилизационных установках, или установить регазификацию СПГ, где происходит испарение и подогрев газа для использования в двигателях. Что позволяет приблизиться к цели «нулевых отходов», при котором пары не выбрасываются, а используются повторно.

При разработке указанных поправок среди существенных недостатков контроля – отсутствие полного набора данных для определения стандартизированного подхода к оценке воздействия. Следует определить дополнительные сведения. А пробел, в отношении перечня информации, необходимой для эффективного и качественного контроля за выбросами и иным негативным воздействием на окружающую среду со стороны морской индустрии можно решить посредством заседания комитета ИМО по защите морской среды, где совместно с профильными экспертами возможно выработать подобный перечень.

Результаты проведенного исследования показали востребованность изучения данной темы. Поскольку проблема правового регулирования защиты атмосферного воздуха – проблема мирового масштаба.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Greenhouse Gas Emissions from Global Shipping // The International Council on Clean Transportation. – October, 2017. – С. 38
2. Hip pollution linked to 400K premature deaths per year. — April 20, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theweathernetwork.com/news/articles/global-ship-pollution-urgency-for-greener-shipping-international-maritime-organization-united-nations-agency-greenhouse-gas-emissions-2050-clearer-burning-oil-fuels-2020-environmental-premature-death-health-risks/99883>. – Дата доступа: 30.04.2021.
3. Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» (ред. от 08.12.2020) // "Российская газета" от 13 мая 1999 г. № 91.
4. Ряд теорий представлен в книге Габитова, Р.Х. Правовая охрана атмосферы Земли. / Р.Х. Габитов, Л. Н. Чолтян. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2000. – 46 с.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 года.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 декабря 1997 г., - № 48, - ст. 5493.
6. Миннекаева, Д.Р. Международно-правовые аспекты охраны атмосферного воздуха / Д.Р. Миннекаева, Л. Н. Чолтян. – Казань, 2005. – 25 с.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 года.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 декабря 1997 г., - № 48, - ст. 5493.
8. Новые требования Международной морской организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gumrf.ru/news/1/news_130120_3.html. – Дата доступа: 02.12.2020
9. ИМО 2020: как снизить уровень серы в судовом топливе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://seacomm.ru/dokumentacija/14324/>. – Дата доступа: 02.12.2020.
10. Письмо МИНТРАНСА РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ibicon.ru/novosti/news_post/pismo-mintransa-rf-o-vstuplenii-trebovanij-po-ispolzovaniyu-sudovogo-topliva-s-soderzhanie-sery-do-0-5. – Дата доступа: 02.12.2020.
11. Коробченко, А. Чистый выход / А. Коробченко // Сибирская нефть. – 2017. – Т. 10, № 147. – С. 56–60.
12. Развитие рынка сжиженного природного газа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-december/2206441/>. – Дата доступа: 03.12.2020.
13. МЕРС 76/11 – Technical cooperation activities for the protection of the marine environment [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <https://docs.imo.org/Search.aspx?keywords=MEPC%2076%2F11>. – Дата доступа: 06.06.2021.
14. Флагман «зеленого» судоходства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.morvesti.ru/analitika/1689/79938/>. – Дата доступа: 13.12.2020.
 15. Каково влияние транспорта на окружающую среду в 2020 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tsk-eko.ru/problemu-i-voprosy/ekologicheskie-problemy-morskogo-transporta-2.html>. – Дата доступа: 12.12.2020.
 16. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.11.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.12.2018) // Собрание законодательства РФ. - 07.08.2000. - № 32. - ст. 3340.
 17. MEPC 76/3 – Considerate and adoption of amendments to mandatory instruments [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.imo.org/Search.aspx?keywords=MEPC%2076%2F3>. – Дата доступа: 08.06.2021.

Нормативно-правовое регулирование газоснабжения в России
Ролдугина Дарья Александровна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Автором предпринята попытка проанализировать систему нормативного регулирования газоснабжения в Российской Федерации. Помимо традиционных проблем, стоящих перед газовой отраслью – износа оборудования, непрозрачной тарификации и др., появляется комплекс задач, связанный с цифровизацией данной области. Автор констатирует необходимость разработки новых правовых регуляторов, которые отвечали бы принципу опережающего воздействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровизация, газоснабжение, регулирование, опережающее регулирование.

ABSTRACT

The author attempts to analyze the system of regulatory regulation of gas supply in the Russian Federation. In addition to the traditional problems facing the gas industry - equipment wear, opaque pricing, etc., a set of tasks related to the digitalization of this area appears. The author states the need to develop new legal regulators that would meet the principle of proactive impact.

KEYWORDS

Digitalization, gas supply, regulation, advanced regulation

Россия занимает лидирующее место по добыче газа. Газ – важнейший ресурс, который играет ключевую роль в промышленности страны. Данная популярность обусловлена невысокой стоимостью добычи газа, в отличие от нефти и угля. Стоит отметить, что в Российской Федерации газовая отрасль считается одна из самых молодых, потому что технологии по добыче газа около века назад. В связи с этим стоит отметить, что Правительство РФ утвердило Энергетическую стратегию до 2035 года, в которой прописаны задачи и сроки их выполнения, в том числе и для данной отрасли.

Целью развития энергетики Российской Федерации является, с одной стороны, максимальное содействие социально-экономическому развитию страны, а с другой стороны, укрепление и сохранение позиций Российской Федерации в мировой энергетике, как минимум, на период до 2035 года.

Достижение данных целей невозможно без:

- ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, совершенствование механизмов государственной поддержки инновационных проектов, в том числе проектов в области внедрения «сквозных» и цифровых технологий (в том числе платформенных решений) в отраслях топливно-энергетического комплекса;

• обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере - формирование системы управления, координации и мониторинга цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса, внедрение цифровых технологий в государственное управление и контрольно-надзорную деятельность в отраслях топливно-энергетического комплекса, реализация пилотных проектов по внедрению цифровых технологий и отраслевых платформенных решений.[1]

Поэтому возникает вопрос, как молодая отрасль может справиться с такими серьезными целями и задачами? Несмотря на то, что технологии очень быстро развиваются, весь сегмент ТЭК очень сложен, ведь чтобы все работало слажено, необходимо понять какие есть угрозы и какие способы преодоления проблем.

К актуальным проблемам промышленности можно отнести:

1. Необходимость модернизации технических и технологических процессов. Новые технологии и новая техника - это основной ключ к победе над существующими проблемами. Чем выше технологический прогресс в промышленности, тем эффективнее все производство и весь промышленный комплекс;

2. Слабое финансирование промышленного комплекса. В данном случае идет прямая взаимосвязь между экономикой и промышленностью. Зачастую должное финансирование не может быть направлено в одну отрасль, поэтому нехватка средств ведет к замедленному развитию.

3. Недостаток внимание вопросам научного и исследовательского цикла. Промышленность не сможет быть эффективной без научных инноваций и решений. Научный прогресс способен двигать все промышленные направления, исследовательские центры позволяют получать новые идеи для разработки более эффективных путей решений проблем промышленных комплексов.

Одни из способов преодоления данных проблем являются:

1. Финансирование и обновление инфраструктуры промышленности.

2. Внедрение цифровых технологий во всю систему топливно-энергетического комплекса.

Подробнее хотелось бы остановиться на втором пункте. Ведущие энергетические компании мира, начавшие широким фронтом внедрять цифровые технологии в начале XXI века, уже получили значительную фору на конкурентном рынке. Поэтому смело можно сказать, что цифровые технологии позволяет решать задачи быстрее, экономичнее и с меньшими рисками. Цифровизация – задача, стоящая перед государством, которая должна распространяться на все отрасли топливно-энергетического комплекса.

Структуру мира, в том числе промышленного, меняет концепция intelligent enterprise (IE) – набор технологических инноваций, включающий искусственный интеллект (artificial intelligence (AI)), интеллектуальную автоматизацию (intelligent automation (IA)), Интернет вещей (Internet of things (IoT)).

Согласно оценке MGI (McKinsey Global Institute) в ближайшие несколько десятилетий до 50 % рабочих операций в мире будут автоматизированы главным образом посредством повсеместного внедрения технологии Интернета вещей IoT. Интернет вещей представляет собой экосистему устройств, подключенных к единой сетевой инфраструктуре и способных взаимодействовать друг с другом

Основное назначение IoT — решать сложную задачу быстрого массового сбора технологических данных с большого количества производственных объектов нефтегазовой компании. Умные устройства должны организовать оперативную и безопасную передачу, долговременное хранение и корректную визуализацию технологических параметров для всех заинтересованных служб и подразделений.

Умные датчики сами собирают данные, обмениваются ими, анализируют и при возникновении внештатных ситуаций передают предупреждающие сигналы в управляющий или диспетчерский центр. Настроенные алгоритмы анализируют технологические данные и определяют зависимости между ними. Это позволяет контролировать работу всего парка оборудования и техники на предприятии или месторождении, прогнозировать его технологическое состояние и организовать безопасную эксплуатацию, а также удаленно отслеживать самочувствие персонала и оперативно реагировать на его критичные изменения.

Важное преимущество IoT — исключение человеческого фактора в быстром принятии решений при типовом функционировании технологических процессов в заданных граничных условиях. Если технологические процессы существенно отклоняются от заданных условий, IoT передает информацию об этом специалистам, отвечающим за управление процессом и предлагает варианты решения проблем. [2]

При компрессии описанных выше процессов на базе цифровых технологий особое внимание стоит уделить безопасности данных технологий, а именно:

- безопасное ПО: разработка проекта с учетом требований безопасности, безопасная интеграция третьих лиц, тестирование безопасности ПО и выпуск обновлений.
- безопасный дизайн систем: безопасные каналы для взаимодействия с системами, безопасность интерфейсов между системами, правильная организация доступа к системам, авторизация, аутентификация и управление идентификационной информацией пользователей
- безопасное соединение для удаленной поддержки третьих лиц и безопасное администрирование сетей и тд.

Таким образом, в России, где использование цифровых технологий в газовой отрасли становится особенно важным в современных условиях, цифровые решения могут помочь добиваться ощутимого снижения стоимости освоения запасов. У нас в стране есть все предпосылки для успешной реализации этого потенциала: успехи соотечественников на международных конкурсах по программированию, робототехнике и математике говорят сами за себя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондаренко А.Б. Состояние и перспективы правового регулирования отраслей ТЭК России // Энергетическое право, 2015, № 2, С.15-20
2. Kevin Ashton. That «Internet of Things» Thing. In the real world, things matter more than ideas // RFID Journal, 2009

Предлагаемая модель классификации договоров портфельных игроков сжиженного
природного газа

Рыкова София Максимовна.^{1,2}

ООО «Квартал Риэлти»¹

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина²

АННОТАЦИЯ

Потребление сжиженного природного газа имеет устойчивую тенденцию роста как на европейском, так и на азиатском рынках. Согласно подведенным Федеральной таможенной службой итогам в первом полугодии 2020 года объем российских экспортных поставок СПГ увеличился на 11,8% в сравнении с аналогичным периодом 2019 года. В стране реализуется несколько новых проектов по сжижению, значит, рост экспорта продолжится. Для того чтобы российским компаниям обеспечивать потребителей стабильными поставками ресурса необходимы не только технические средства сжижения и доставки газа, но и эффективные юридические конструкции, снижающие потенциальные риски хозяйственной деятельности.

Исследована специфика гражданско-правового регулирования отношений, объектом которых является СПГ; проанализированы тенденции договорного регулирования сделок на рынке СПГ; определены особенности договоров, обеспечивающих производство и реализацию СПГ; выделены виды договоров, объектом которых может являться СПГ.

Предложена модель классификации договоров портфельных игроков СПГ. Проведен сравнительный анализ реализации природного газа ведущих российских производителей через призму договорного регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сжиженный природный газ, портфельные игроки, тенденции договорного регулирования, модель классификации договоров, стадии производства, долгосрочные контракты, биржевые сделки.

ABSTRACT

The consumption of liquefied natural gas has a steady growth trend in both the European and Asian markets. According to the results summed up by the Federal Customs Service in the first half of 2020, the volume of Russian LNG exports increased by 11.8% compared to the same period in 2019. Several new liquefaction projects are being implemented in the country, which means that export growth will continue. In order for Russian companies to provide consumers with stable supplies of the resource, not only technical means of gas liquefaction and delivery are needed, but also effective legal structures that reduce potential risks of economic activity.

The specifics of civil law regulation of relations, the object of which is LNG, are investigated; the trends of contractual regulation of transactions in the LNG market are analyzed; the features of contracts ensuring the production and sale of LNG are determined; the types of contracts, the object of which may be LNG, are highlighted.

A model of classification of contracts of LNG portfolio players is proposed. A comparative analysis of the sale of natural gas by leading Russian producers through the prism of contractual regulation is carried out.

KEYWORDS

Liquefied natural gas, portfolio players, contractual regulation trends, contract classification model, production stages, long-term contracts, exchange transactions

Время течет, отношения во всех сферах усложняются новыми институтами. На газовых рынках появились портфельные игроки: французская Total, американская Shell, английская BP и малазийская Petronas. Эти компании заключают весь спектр договоров, объектом которых является сжиженный природный газ (далее – СПГ), подбирая максимально выгодные условия.

На фоне глобализации мирового хозяйства происходит постепенная демонополизация газовой индустрии, проявляются количественные и качественные изменения в структуре физического рынка и международной торговле газом. Растет роль альтернатив природному газу в энергетическом балансе, следовательно, расширяются возможности договорных отношений.

В сложных экономических условиях «механизмом ускоренного развития экономики России может стать модернизация нефтегазового комплекса»⁴⁹. Современные технологии по сжижению и регазификации сделали газ намного мобильнее, а значит более привлекательным для торговли. СПГ рассматривается как приоритетный продукт импорта энергетического рынка целым рядом стран, включая Бельгию, Испанию, Францию и Южную Корею. Самый крупный потребитель СПГ – Япония, где практически 100% газовых потребностей удовлетворяются импортом сжиженного углеводорода.

Еще десятилетие назад рынок газа был фрагментированным и региональным – голубое топливо поставлялось в основном в соседние страны или в пределах одного региона по трубопроводам. Поставки регулировались долгосрочными контрактами, в которых были прописаны жесткие условия – от привязки цены газа к цене нефти до запрета передавать газ другим покупателям. Сегодня общая тенденция во всех договорах, объектом которых является сжиженный природный газ, стремление к гибкости в условиях договоров. Это проявляется в снижении объема контракта и его длительности, уменьшении договоров с фиксированным пунктом назначения и условием поставки DES, при которых невозможна дальнейшая перепродажа СПГ.

«Портфельные игроки обеспечивают комплексные поставки СПГ от различных производителей и поставщиков и его последующую перепродажу различным потребителям в соответствии с их требованиями. Готовность портфельных игроков увеличивать гибкость поставок и принимать на себя риски позволяет им наращивать долю на рынке»⁵⁰.

⁴⁹ Мартынов В.Г. Политика занятости в современных условиях структурного реформирования экономики на примере нефтегазового комплекса России – М, 2003. – С.136.

⁵⁰ Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, М: - 2015. – С. 115.

Для осуществления своих долгосрочных контрактов, либо для законтрактования излишков, не вошедших в долгосрочные контракты, либо для поиска новых покупателей к портфельным игрокам обращаются производители. Примерами таких компаний являются американские Chevron, ExxonMobi. К портфельным игрокам также обращаются компании-трейдеры, такие как швейцарско-нидерландская Vitol, швейцарская Glencore International AG, сингапурская Franfigura. Зная, за сколько трейдер приобрел газ, просчитывается порог, ниже которого его перепродажа не будет являться интересной, ищется наиболее подходящий рынок сбыта, в итоге заключается контракт с самыми максимально выгодными ценовыми условиями. Завершающая группа лиц, которая обращается к портфельному игроку за услугами, – это сами покупатели газа: азиатские и европейские энергокомпании, например, французские Electricite de France, Engie, немецкая E.ON, южнокорейская Korea Gas Corporation, китайская Jera.

Таким образом, обладая огромными договорными возможностями и колоссальными ресурсами в виде газа, техники, технологий и высококвалифицированных кадров, портфельные игроки сами выступают в качестве производителей, трейдеров и покупателей. Так же, они помогают всем остальным участникам рынка покупать, продавать или перепродавать СПГ. Кроме этого, портфельные игроки являются инвесторами в СПГ-проекты других компаний: инвестируют либо сами обустраивают инфраструктуру с рассрочкой.

Приведем модель классификации договоров, объектом которых является СПГ. Все они входят в диверсифицированный портфель портфельного игрока⁵¹.

Рисунок 1. Виды договоров относительно рынка

Классификация сделок – на внешние и внутренние необходима для определения уровня законодательства, регулирующего рассматриваемые правоотношения: национальный или международный. В свою очередь, разделение на экспортные и импортные контракты способствует выбору конкретных групп правовых норм в таможенном, налоговом и других отраслях.

⁵¹ Рыкова С.М. Система договоров СПГ // Сборник тезисов 73-й Международной молодежной научной конференции «Нефть и газ – 2019». – 2019. – С. 59.

Рисунок 2. Виды договоров относительно стадии производства и реализации

Анализ договоров относительно стадий производства и реализации позволяет выбрать наиболее подходящий для сторон контракт и выбрать условия, максимально защищающие права сторон.

Рисунок 3. Виды договоров относительно степени законтрактованности мощностей

Разделение договоров относительно степени законтрактованности мощностей обеспечивает рациональное распределение контрактов данной классификации внутри одного субъекта.

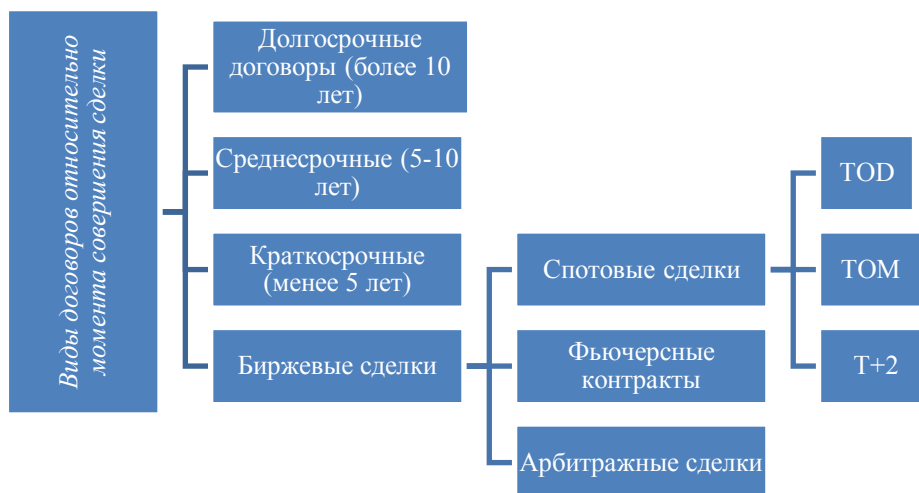

Рисунок 4. Виды договоров относительно срока и момента совершения сделки

Упорядочивание договоров относительно срока и момента совершения сделки позволяет компаниям сбалансировано выстроить свою деятельность.

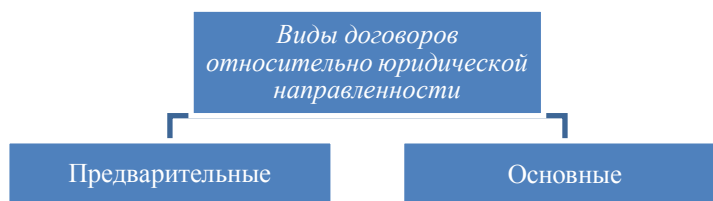

Рисунок 5. Виды договоров относительно юридической направленности

Разделение на предварительные и основные договоры дает возможность последовательно распределять экономические риски при выстраивании деятельности компании, начиная с поиска партнеров и проектирования инфраструктуры, и заканчивая реализацией уже готовой продукции.

Рисунок 6. Виды лизинговых договоров или договоров аренды при производстве и реализации СПГ относительно объекта

Виды лизинговых договоров демонстрируют обширный ряд возможных объектов, что значимо для увеличения количества участников рынка и дальнейшего развития отрасли СПГ.

Российские газовые компании пока не могут считаться полноценными портфельными игроками из-за низкой доли договоров по приобретению и дальнейшей перепродаже газа сторонних производителей⁵². При изучении газовых правоотношений ПАО «НОВАТЭК» и ПАО «Газпром» проявляются серьезные отличия в правовом положении компаний, из которых вытекают разные стратегии по реализации газа. Однако по реализации СПГ ПАО «НОВАТЭК» на данный момент использует более эффективный вариант контрактных цепочек в сравнении с ПАО «Газпром». К такому результату привело: стремление компании к использованию гибких условий договоров, которые соответствуют современным тенденциям развития рынка; оказание услуг по всем стадиям жизненного цикла СПГ, от производства до его реализации; развитие института перепродажи газа; сочетание в своей деятельности как долгосрочных, так и краткосрочных контрактов, уделяя особое внимание биржевым договорам.

Таким образом, в условиях увеличения торговых оборотов СПГ, классификация договоров выступает обязательным условием в выборе и исполнении оптимального варианта производства, реализации и закупки СПГ. При современной нестабильной и непростой экономической, политической, социальной и духовной обстановке развитие портфельных игроков, выстраивающих гибкие цепочки контрактов в глобальном масштабе, становится главным направлением развития рынка СПГ. Все участники рынка могут стать клиентами портфельных игроков, т.к. те могут оказать весь спектр услуг, связанный с заключением договоров, объектом которых является СПГ. Увеличение спроса на СПГ рождает рост предложения. Качественный и количественный показатели по договорам, объектами которых является СПГ – повышаются. Классификация договоров необходима для поиска максимально рационального варианта выстраивания жизненного цикла СПГ от его производства до потребителя при помощи договорного регулирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон Рос. Федерации от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 1995 г. // Рос. газ. - 1996. - 6 февраля.
3. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 апр. 1999 г. № 81-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос.

⁵² Ластовская М.Р. Позиции России на мировых нефтегазовых рынках: учебно-методическое пособие / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Высшая школа инновационного бизнеса. - Москва : МАКС Пресс, 2017. – С.63.

- Федерации 31 марта 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22 апр. 2001 г. // Рос. газ. – 1999. – 1 апр.
4. О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «Об экспорте газа»: федер. Закон Рос. Федерации от 24 апреля 2020 №35-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 апреля 2020 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 апреля 2020 г. // Рос. газ. – 2020. – 28 апреля.
 5. О международных договорах: федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 июня 1995 г. // Рос. газ. – 1995. – 21 июля.
 6. Об утверждении Положения о регистрации товарной биржей внебиржевых сделок с биржевым товаром, в том числе долгосрочных договоров поставки, а также о ведении реестра указанных сделок и предоставлении информации из реестра: постановление правительства: постановление Правительства от 10 февраля 2011 г. №65 // Рос. газ. – 2011. – 14 февраля.
 7. Развитие энергетики: гос. программа Рос. Федерации: утв. постановлением Правительства от 15 апреля 2014 года №321 // Рос. газ. – 2014. – 24 апреля.
 8. Мартынов В.Г. Политика занятости в современных условиях структурного реформирования экономики на примере нефтегазового комплекса России – М, 2003. – С.136.
 9. Рыкова С.М. Система договоров СПГ // Сборник тезисов 73-й Международной молодежной научной конференции «Нефть и газ – 2019». – 2019. – С. 59.
 10. Эволюция мировых энергетических рынков и ее последствия для России // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, М: - 2015. – С. 115.

Анализ правового регулирования российского законодательства в области возобновляемой энергетики на примере договоров о предоставлении мощности
Савченко Елизавета Викторовна
НИУ «Высшая школа экономики»

АННОТАЦИЯ

В статье проведен правовой анализ области возобновляемой энергетики на примере договорного регулирования (договоров о предоставлении мощности). Отличительно, что сегодня, сфера договорного регулирования в сфере использования возобновляемых источников энергии, остается недостаточно изученной, в этой связи необходимо проведение правовых исследований в данной области. В статье автором представляется анализ развития этапов правового регулирования возобновляемых источников энергии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Возобновляемые источники энергии, возобновляемая энергия, договорное регулирование, энергетическое право.

ABSTRACT

The article provides a legal analysis of the field of renewable energy on the example of contractual regulation (contracts for the provision of capacity). It is distinctive that today, the sphere of contractual regulation in the use of renewable energy sources remains insufficiently studied, in this regard, it is necessary to conduct legal research in this area. In the article, the author presents an analysis of the development of the stages of legal regulation of renewable energy sources.

KEYWORDS

Renewable energy sources, renewable energy, contractual regulation, energy law.

Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в качестве топлива и для производства электричества можно охарактеризовать как относительно новую сферу российской юриспруденции, находящуюся на начальном этапе своего развития. Россия преимущественно заинтересована в установлении приоритета альтернативной энергии перед традиционными источниками вследствие сокращения запасов горючих полезных ископаемых, а также адаптации экономики под новые энергетические реалии с целью сохранения лидирующего положения в области энергетики на международной арене [1].

В 2013 году законодателем был принят новый механизм поддержки квалифицированных генерирующих объектов, функционирующих на основе использования ВИЭ на оптовом рынке на основе платы за мощность [2]. Данный подход закрепляет осуществление государственной поддержки при помощи договоров о предоставлении мощности (ДПМ), согласно которым инвесторы имеют право на получение различных выгод от регулируемых цен, устанавливаемых в соответствии с мощностью генерирующих объектов [3]. Таким образом, государством гарантируется

возмещение затрат инвесторов за счёт повышенной стоимости продаваемой мощности взамен на обязательства по строительству, реконструкции и вводу в эксплуатацию объектов генерации ВИЭ. Развитие технологий ВИЭ в России стимулируется также путём законодательного установления условия локализации. Государственная поддержка осуществляется только тем инвесторам, проекты которых предполагают использование отечественных технологий в установленном процентном соотношении. При этом механизм ДПМ закрепляет довольно строгие санкции за неисполнение или несвоевременное исполнение обязательств по поставке мощности и вводе генерирующих объектов в эксплуатацию. Это обусловлено прежде всего стремлением развития «зелёной» энергетики и энергетической безопасности, создания условий, направленных на освобождение добросовестных инвесторов от ответственности за нарушения, вызванные действиями третьих лиц, а также установления возможности вносить поправки в дату начала поставки мощности, не подвергаясь при этом санкциям со стороны государства [4].

Однако подобные нормы имеют и негативные последствия. Наряду с проблемой достижения определенного процента локализации оборудования, инвесторы несут значительные риски в случае невыполнения такого условия: к ним применяются штрафные коэффициенты к расчетной величине платы за мощность. Это серьезно ухудшает финансовую составляющую проектов и ведет к потере средств инвесторов. Приведенные выше меры государственной поддержки имеют более сложную правовую конструкцию в отличие от зарубежных аналогов и уже недостаточны для широкого внедрения ВИЭ: установленные требования по локализации достаточно высокие, а мощности, выставяемые на конкурсы, в разы ниже, чем в других странах. Сложившаяся ситуация вынуждает как внутренних, так и внешних инвесторов нести ответственность за необоснованно высокие риски развития ВИЭ в России. Это, в свою очередь, ведёт к росту финансирования проектов, связанных с ВИЭ, в государствах, адаптирующих свою систему законодательства и экономику под новые энергетические реалии использования ВИЭ и использующих более выгодную стратегию поддержки [5].

Так, деятельность рынка мощности в Великобритании, с которого во многом заимствована нынешняя российская модель, приостановлена с лета 2018 года в связи с расследованием Европейской комиссии о соответствии правил рынка требованиям ЕС по оказанию государственной поддержки развития энергетики и нарушению принципов свободной конкуренции. Также стоит отметить, что в соответствии с ожидающими принятия новыми Правилами единого рынка ЕС будут запрещены любые выплаты за мощность для новых станций с января 2020 года и существующих станций – с июля 2025-го [6].

Таким образом, Россия находится на начальном этапе развития правового регулирования ВИЭ, имея огромный потенциал, необходимые природные ресурсы и территорию для этого. Законодателю необходимо совершенствовать систему государственной поддержки «зелёной» отрасли, учитывая опыт ведущих зарубежных стран, где сам рынок будет задавать темп внедрения возобновляемой энергетики, минимизируя регулятивные и процедурные барьеры для будущих инвесторов. Создание прозрачных, понятных механизмов стимулирования производства энергии из возобновляемых источников и мер по стимулированию разработки и внедрения

соответствующих технологий выступит катализатором дальнейшей интенсивной модернизации отрасли, обладающей большим мультипликативным эффектом: строительство и эксплуатация подобных объектов, а также производство оборудования и машиностроение для возобновляемой энергетики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Козлов С.В. Возобновляемая энергетика в России и Германии: состояние и перспективы правового регулирования // Юридический вестник молодых ученых. 2015. №1. — С. 31 — 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozobnovlyаемая-energetikav-rossii-i-germanii-sostoyanie-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 28.09.2021).
2. Постановление Правительства РФ от 28.05.2013 N 449 (ред. от 12.07.2021) "О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности" (вместе с "Правилами определения цены на мощность генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии") // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2019. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та. (дата обращения: 28.09.2021).
3. Сони́на Е. А. Инвестиции в возобновляемую энергетику // Молодой ученый. 2015. №10. — С.800-806. URL: <https://moluch.ru/archive/90/18992/> (дата обращения: 29.09.2021).
4. Пимениди К. ДПМ: меры ответственности, принципы расчета штрафов, освобождение от ответственности // Энергетика и право. 2014. №2. — С. 28 – 32. URL: <https://www.vegaslex.ru/mobile/analytics/publications/78578/> (дата обращения: 29.09.2021).
5. Каланов А. Возобновляемая энергетика в России: стоять на месте или сделать первый шаг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/342905-vozobnovlyаемая-energetika-v-rossii-stoyat-na-meste-ili-sdelat-pervyy-shag> (дата обращения: 29.09.2021).
6. Дзюбенко В. Мощность как «особый товар» на энергорынке себя не оправдала [Электронный ресурс]. URL: <https://peretok.ru/opinion/20735/#sdfootnote6sym> (дата обращения: 29.09.2021).

Правовое регулирование геологического изучения, разведки и добычи
трудноизвлекаемых полезных ископаемых
Садовский Владислав Александрович
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В настоящее время объём трудноизвлекаемых полезных ископаемых в мире становится всё больше. Добыча традиционных (легкоизвлекаемых) полезных ископаемых уменьшается. Остаются всё более «трудные» для добычи ископаемых месторождения. Автор отмечает, что для получения общей картины понимания «трудноизвлекаемых полезных ископаемых», их необходимо разделить на две группы, а именно: трудноизвлекаемые запасы углеводородного сырья, трудноизвлекаемые (забалансовые) запасы твёрдых полезных ископаемых. Однако, для добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых нужно иметь правовые основания для получения участка недр, содержащего такие ископаемые. В российском праве только начали развиваться правовые нормы, посвящённые этому. Возникновение нового вида пользования недрами «разработка технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых», правовые основания выделения участка для этих целей, образование научно-технологического полигона и т.д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Трудноизвлекаемые полезные ископаемые, трудноизвлекаемые запасы углеводородного сырья, трудноизвлекаемые (забалансовые) запасы твёрдых полезных ископаемых, правовые основания, вид пользования недрами, научно-технологический полигон.

ABSTRACT

Currently, the volume of hard-to-recover minerals in the world is becoming more and more. The extraction of traditional (easily recoverable) minerals is decreasing. There are more and more «difficult» deposits for mining. The author notes that in order to get a general picture of the understanding of «hard-to-recover minerals», they must be divided into two groups, namely: hard-to-recover hydrocarbon reserves, hard-to-recover (off-balance sheet) reserves of solid minerals. However, for the extraction of hard-to-recover minerals, it is necessary to have legal grounds for obtaining a subsoil plot containing such minerals. In Russian law, legal norms devoted to this have just begun to develop. The emergence of a new type of subsurface use «development of technologies for geological study, exploration and extraction of hard-to-recover minerals», the legal grounds for allocating a site for these purposes, the formation of a scientific and technological landfill, etc

KEYWORDS

Hard-to-recover minerals, hard-to-recover hydrocarbon reserves, hard-to-recover (off-balance sheet) reserves of solid minerals, legal grounds, type of subsoil use, scientific and technological landfill.

В российской нормативно-правовой базе и специальной литературе нет единого определения и терминологии связанных с трудноизвлекаемыми полезными ископаемыми. В мировом масштабе нет единства с определением ТРИЗ. Однако, введение единого понятия «трудноизвлекаемые полезные ископаемые», положит основу к развитию, как нормативно-правовой базы, так и практической составляющей данной отрасли. Также, по мнению, Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых, ключом к развитию нефтяного сектора станет введение понятия трудноизвлекаемых запасов.

Следует отметить, что для получения общей картины понимания «трудноизвлекаемых полезных ископаемых», их необходимо разделить на две группы, а именно:

- трудноизвлекаемые запасы углеводородного сырья
- трудноизвлекаемые (забалансовые) запасы твёрдых полезных ископаемых.

Если затрагивать тему и говорить о понятие трудноизвлекаемых запасов, то впервые оно появилось в советской промышленности, примерно в 70-х годов прошлого века. Первые, можно сказать, «трудные» месторождения были открыты отечественными геологами в 1960-х годах — тогда появилось понятие запасов баженовской, абалакской и фроловской свит Западной Сибири [1]. Определения трудноизвлекаемые полезные ископаемые отсутствует в нормативно-правовых актах. Единственное упоминание, косвенно связанное с определением «трудноизвлекаемые», есть в Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции», согласно которому к трудноизвлекаемым полезным ископаемым можно отнести находящиеся в сложных горно-геологических условиях значительные по объёму запасы полезных ископаемых, разработка которых требует использования специальных высокочрезвычайных технологий [2]. В научной же литературе понятие «трудноизвлекаемые полезные ископаемые» существует, однако, оно сформулировано применительно к углеводородному сырью. Под ТРИЗ понимались запасы углеводородного сырья залежей или частей залежи, отличающиеся условиями, которые являются неблагоприятными для извлечения геолого-физическими характеристиками и условиями залегания [3].

Из сказанного выше, следует сделать вывод, что трудноизвлекаемыми могут быть не только углеводородные полезные ископаемые, но и твёрдые полезные ископаемые. Следовательно, понятие, предложенное Э.М. Халимовым и Н.Н. Лисовским можно расширить. Так, трудноизвлекаемыми полезными ископаемыми являются запасы залежей углеводородного сырья и забалансовые запасы твёрдых полезных ископаемых, которые отличаются неблагоприятными для извлечения геологическими условиями залегания и которые в настоящее время экономически не рентабельны по кондиции, мощности, а также в связи с сложностью их разработки и переработки, но в дальнейшем могут стать объектом промышленного освоения.

Если обратиться к Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года, то в ней приоритетной задачей ставится наращивание добычи полезных ископаемых. Стратегия определяет, что необходимо обеспечивать стабильную ежегодную добычу нефти и газового конденсата.

В настоящее время добыча, так называемых, легкодоступных или традиционных запасов уменьшается в силу того, что они иссекают. Вот поэтому для выполнения задач

Энергетической стратегии необходимо наращивание добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых. В последние годы в Российской Федерации возрастает необходимость освоения более сложных месторождений, в том числе трудноизвлекаемых запасов полезных ископаемых. Это влечет за собой потребности в новых российских технологиях добычи, особенно в условиях внешних экономических санкций. Одним из основных направлений стимулирования разработки промышленных технологий по геологическому изучению, разведки и разработки запасов трудноизвлекаемого углеводородного сырья и дальнейшего внедрения их в промышленную эксплуатацию является развитие научно-технологических полигонов в России. Законодательством данный термин не определяется, однако, если обратиться к научной литературе, то получаем следующее. В соответствии с предлагаемым АО «Росгеология» определением технологическим полигоном в сфере добычи нефти и газа следует считать специально отведенный и оборудованный в установленном порядке участок недр в пределах распределенного фонда на действующих или отработанных месторождениях нефти и газа либо в пределах нераспределенного фонда недр, который предназначен для испытаний инновационных технологий, методов и способов, разрабатываемых в сфере изучения и освоения труднодоступных полезных ископаемых [4].

Как известно из законодательства, что для всех заинтересованных компаний-пользователей недр предполагается два варианта лицензий:

- разработка технологий, геологического изучения, разведка и добыча трудноизвлекаемых полезных ископаемых на основе конкурса предоставляется из участков недр нераспределённого фонда.
- подача заявки в Роснедра для отработки технологий на участке недр распределённого фонда – путём выделения участка недр, содержащего трудноизвлекаемые полезные ископаемые.

Если обратиться к пояснениям Министерства природных ресурсов и экологии РФ, участок недр для разработки технологий, геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, будет предоставляться исключительно для осуществления научной (научно-исследовательской), научно-технической и инновационной деятельности по разработке новых или апробации существующих технологий, которая не предполагает дальнейшего перехода к промышленной эксплуатации и добыче. Однако, компаниям всё же будет доступна минимальная добыча полезных ископаемых. Во втором же случае, когда подаётся заявка в Роснедра для отработки технологий на участке недр распределённого фонда - возможно создание и эксплуатация научно-технического полигона с последующей промышленной добычей. Не смотря на перспективность научно-технологические полигоны имеют проблемы в процессе их развития в России. Во-первых, в законодательстве не определено чёткое определение технологического полигона, его правовой статус. Во-вторых, отсутствует полноценное правовое регулирование таких аспектов, как организация и функционирование полигонов. В-третьих, нет чёткого представления о сроках пользования таким полигоном. В-четвёртых, нормативно-правовые актах не содержат оснований для прекращения функционирования научно-технологического полигона.

Хочется отметить, что при выделении участка недр из уже существующего, исходя из анализа законодательства, предполагается двухступенчатая процедура выделения участка недр для целей разработки технологий ТРИЗ:

- 1) на первом этапе пользователем недр подается заявка на выделение участка недр
- 2) на втором этапе пользователем недр подается заявка на предоставление права пользования выделенным участком недр.

Введение данной двухступенчатой процедуры предоставления права пользования недрами представляется дополнительным административным барьером, который может привести к затягиванию сроков предоставления права пользования недрами для разработки технологий трудноизвлекаемых полезных ископаемых. При этом ещё одним административным барьером может стать наличие у пользователя недр двух лицензий, так у него будет лицензия на основной участок и на выделенный из него участок недр, содержащий ТРИЗ.

У недропользователя завершающим этапом по второй лицензии, которая предполагает разработку технологий геологического изучения, разведку и добычу трудноизвлекаемых полезных ископаемых – возможны три варианта дальнейших действий:

- 1) Недропользователь разработал технологии, позволяющие осуществлять добычу трудноизвлекаемых полезных ископаемых и желает начать их промышленную добычу;
- 2) Недропользователь разработал технологии, но не желает осуществлять промышленную добычу трудноизвлекаемых полезных ископаемых;
- 3) Недропользователь не разработал технологии геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых.

Все эти основания должны быть закреплены и предусмотрены нормативно-правовыми актами, так как возникает ряд правовых вопросов начиная с механизма исключения выделенного участка из собственности, заканчивая регистрацией исключительного права на разработанную технологию.

Второй же случай предоставления права пользования участком недр из нераспределённого фонда для разработки технологий геологического изучения, разведки и добычи ТРИЗ не менее интересен. Исходя из законодательства, получить такой участок можно посредством победы в конкурсе на право пользования участком, содержащего трудноизвлекаемые ископаемые. На данный момент основным критерием победителя конкурса являются научно-технический уровень программ для проведения работ по разработке технологий ТРИЗ, опыт, квалификация участников и предложения о предоставлении доступа заинтересованным лицам к результатам работ [5]. Критерии выявления победителя конкурса на право пользования недрами сформулированы таким образом, что предоставляют значительную свободу для принятия уполномоченным федеральным органом исполнительной власти субъективных решений. Например, совершенно непонятно, что понимается под «предложениями о предоставлении доступа заинтересованным лицам к результатам работ», учитывая, что результаты работ будут относиться к результатам интеллектуальной деятельности и защищаться исключительными правами. Кроме того, в случае создания полигона будет достаточно проблематичным оценить на момент подачи заявки на получение права пользования

недрами технический уровень программ проведения работ по разработке технологий ТРИЗ, так как на дату подачи заявки будет отсутствовать непосредственно перечень технологий, которые планируется разрабатывать.

Стоит уделить внимание тому, что с 1 января 2022 года в законодательстве будут изменения. Эти изменения, в частности, коснутся предоставления права пользования участком недр. Все торги по продаже лицензий на пользование недрами будут проводиться исключительно в электронном виде и только в форме аукциона. Значит, что любое заинтересованное лицо, предложившее больший размер разового платежа, сможет получить участок, содержащий трудноизвлекаемые полезные ископаемые и разрабатывать технологии для их геологического изучения, разведки и добычи, не имея нужной квалификации для этого.

После завершения разработки технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, пользователю недр необходимо будет так же предоставить геологическую информацию о недрах в фонд геологической информации. При этом, помимо геологической информации пользователь недр обладает интеллектуальными правами, а именно технологиями геологического изучения, разведки и добычи ТРИЗ. Не понятно каким образом будет регулироваться исключительное право на обладание технологией, ведь законодательством установлен закрытый перечень результатов интеллектуальной деятельности, которым предоставляется правовая охрана. При этом не известно, как правообладатель будет распоряжаться своим исключительным правом, потому что обладателем геологической информацией и технологией, исходя из законодательства будет Российская Федерация. Так же не известно, как третьи заинтересованные лица смогут получить право использовать результаты интеллектуальной деятельности по технологиям геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых.

Таким образом добыча трудноизвлекаемых полезных ископаемых являются одним из перспективных направлений в недропользовании. На законодательном уровне уже сделаны первые предпосылки для развития института права по развитию технологий геологического изучения, разведки и добычи ТРИЗ. Однако, законодателю необходимо дальше развивать данный институт права. Необходимо проработать многие пробелы в праве. Например, установить чёткое определения «трудноизвлекаемые полезные ископаемые»; уделить внимание не только углеводородному сырью, но и твёрдым полезным ископаемым; разработать подходы к определению перечня видов трудноизвлекаемых полезных ископаемых; проработать вопрос нормативного закрепления требований, предъявляемых к участкам недр, которые могут быть предоставлены в пользование из нераспределенного фонда недр; закрепить прав правообладателя и заинтересованных лиц на результаты интеллектуальной деятельности и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пётр Шмелёв. ТРИЗ как объективная реальность // Сибирская нефть. 2018. №149. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-march/1489610/> (дата обращения: 25.09.2021).

2. «О соглашениях о разделе продукции» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Москва. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2021)
 3. Халимов Э.М. и Лисовский Н.Н. О классификации трудноизвлекаемых запасов. // Вестник ЦКР Роснедра. 2005, №1. С.17 -19.
 4. Амирагян А.С. Научно-технические полигоны в нефтегазовой отрасли как механизм апробации инновационных технологий// Нефть, Газ и Право. 2016. №2. С.29
- «О недрах» [Электронный ресурс]: Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Москва. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2021)

Перспективное регулирование и применение автономных летательных аппаратов для
технического обслуживания объектов ТЭК

Сараф Дмитрий Ярославич

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ

В Российской Федерации активно развиваются новые технологии, и в их числе – искусственный интеллект и автономный транспорт. Применение технологий искусственного интеллекта в нефтегазовом комплексе позволит обеспечить отраслевым компаниям качественно новый уровень эффективности деятельности. Один из вариантов применения новых технологий – использование беспилотных и автономных летательных аппаратов для мониторинга и анализа состояния промышленных объектов. В работе рассмотрена применимость действующего российского законодательства к массовому внедрению дронов и проанализирован зарубежный опыт на примере соответствующего регулирования в Соединенных Штатах Америки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мониторинг промышленных электроэнергетических объектов, беспилотные летательные аппараты, автономные летательные аппараты, законодательное регулирование

ABSTRACT

New technologies are actively developing in the Russian Federation, including artificial intelligence and autonomous transport. The use of artificial intelligence technologies in the oil and gas complex will provide industry companies with a qualitatively new level of efficiency. One of the options for the application of new technologies is the use of unmanned and autonomous aircraft for monitoring and analyzing the condition of industrial facilities. The paper considers the applicability of the current Russian legislation to the mass introduction of drones and analyzes foreign experience on the example of the relevant regulation in the United States of America.

KEYWORDS

Monitoring of industrial electric power facilities, unmanned aerial vehicles, autonomous aircraft, legislative regulation

Одной из основных характеристик четвертой промышленной революции (Industry 4.0) является появление и внедрение искусственного интеллекта [1].

В России для поддержки перспективных научных исследований, разработки и развития автономных технологий в сферах здравоохранения, транспорта, сельского хозяйства, в топливно-энергетическом комплексе и обрабатывающих отраслях промышленности был создан федеральный проект «Искусственный интеллект» [2]. В результате для каждого из обозначенных секторов экономики создаются продукты и

услуги, основанные преимущественно на отечественных технологиях искусственного интеллекта, которые будут внедряться отраслевыми компаниями и помогут обеспечить им качественно новый уровень эффективности деятельности, а также ведется разработка комплексной системы соответствующего правового регулирования.

В компаниях топливно-энергетического комплекса одним из множества возможных применений технологий искусственного интеллекта является использование программно-аппаратных комплексов, включающих беспилотные летательные аппараты, для распознавания дефектов высоковольтных линий и участия в обслуживании промышленных объектов путем регулярных инспекций и осмотров [3].

Стоит подчеркнуть, что применение подобных систем не ограничивается полетами и фотосъемкой промышленных объектов с высоты. Использование беспилотных летательных аппаратов позволяет обеспечить постоянный мониторинг оборудования и сооружений. Благодаря тепловизионному изображению, полученному с дрона, и обнаружению аномалий путем анализа системой искусственного интеллекта, программно-аппаратный комплекс способен обнаруживать широкий спектр неисправностей, например, утечки и аномальные температуры [4].

Следует отметить, что добыча полезных ископаемых производится в регионах с суровым климатом. Дроны способствуют более быстрому реагированию и способны оценивать места чрезвычайных ситуаций практически в любых погодных условиях, что может помочь соответствующим службам определить, как наилучшим образом справиться с кризисом. В результате уровень безопасности труда увеличивается, т.к. сокращается потребность использования труда сотрудников в опасных местах и ситуациях, например, при работе на большой высоте.

Несмотря на очевидные преимущества использования дронов и соответствующих технологий искусственного интеллекта, экономический эффект их применения остается низким, так как для его достижения требуется массовое внедрение автономных летательных аппаратов.

Сегодняшнее регулирование беспилотных летательных аппаратов требует «пилота», т.е. оператора системы, а каждый полет должен быть согласован соответствующими государственными органами. Тем самым нивелируется потенциальный эффект применения данной технологии, например, значительное сокращение фонда оплаты труда.

Внедрению же полностью автономного летательного аппарата, осуществляющего регулярные полеты с заданной периодичностью, пока препятствует отсутствие специального законодательства, однако и действующие регулирование содержит барьеры, не позволяющие обеспечить широкое применение дронов.

В настоящий момент в пункте 5 статьи 32 Воздушного кодекса РФ закреплено понятие «беспилотного воздушного судна», под которым понимается воздушное судно, управляемое пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешним пилотом или оператором) [5].

Стоит отметить, что общеупотребимые термины «дрон» и «беспилотный летательный аппарат» не закреплены в законодательстве. В рамках данных терминов автор будет понимать именно «беспилотное воздушное судно» в том смысле, в котором этот термин используется в Воздушном кодексе РФ.

Анализируя определение, введенное в действующее законодательство, можно сделать вывод о том, что оно не охватывает беспилотные воздушные суда с полностью или частично автономным управлением. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что существующее законодательство, направленное на регулирование беспилотных воздушных транспортных средств, не будет распространяться на данный вид разработок и имеет значительные правовые пробелы.

Непосредственно полеты беспилотных летательных аппаратов требуют подготовки плана полета воздушного судна и разрешения на использование воздушного пространства в соответствии с пунктом 52 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 г. № 138 [6], с некоторыми исключениями, определенными пунктом 52.1 указанных правил, касательно выполнения визуальных полетов дронов массой до 30 кг, осуществляемых в светлое время суток на высотах менее 150 метров поверхности, вне диспетчерских зон аэродромов и над местами проведения публичных мероприятий.

В целях выработки оптимального перспективного регулирования предлагаем обратиться к зарубежному законодательству, в частности, к опыту Соединенных Штатов Америки.

На текущий день применение автономных летательных аппаратов в США ограничено Частью 107 «Малые беспилотные авиационные системы» Правил Федерального управления гражданской авиации США (далее - Правила) [7] и возможно лишь с помощью специального разрешения на отступление от Правил или путем прохождения сложной процедуры сертификации согласно Части 135 Правил [8].

В настоящее время существует несколько компаний, получивших подобные разрешения для проведения регулярных инспекционных проверок и задач по техническому обслуживанию для железнодорожной, электротехнической, нефтегазовой и коммуникационной отраслей. Но подобный подход к регулированию не являются по-настоящему масштабируемыми или экономически жизнеспособными в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В июне 2021 года Федеральное управление гражданской авиации США объявило о начале работы нового Комитета по разработке авиационных правил BVLOS (Beyond Visual Line of Sight) – правил приборного полета. Данные правила относятся к таким беспилотным полетам, которые выполняются за пределами видимости пилота, в отличие от полетов по правилам визуального полета, выполняемом в зоне видимости пилота.

Новое регулирование откроет возможности к созданию масштабных сетей автономных летательных аппаратов, которые будут доставлять посылки, осматривать линии электропередач, солнечные фермы, вышки сотовой связи и мосты, включая полностью автономный мониторинг наиболее опасных и сложных объектов.

Тем не менее, существующее в этой сфере законодательство продолжает развиваться.

В апреле 2021 года Федеральное управление гражданской авиации США выпустило два новых правила – Правило удаленной идентификации [9] и Правило

использования в местах скопления людей [10]. Каждый из этих документов конкретизирует существующее законодательное регулирование.

Удаленная идентификация имеет решающее значение для того, чтобы множества беспилотных летательных аппаратов могли работать в воздухе одновременно, не причиняя вреда друг другу, людям, инфраструктуре и окружающей среде. Правило удаленной идентификации требует постоянно транслировать информацию об идентификаторе беспилотного летательного аппарата, его координатах, высоте, скорости, а также координаты и высоту станции управления. Данное правило нацелено на увеличение безопасности воздушного пространства, т.к. беспилотные летательные аппараты не будут мешать другим воздушным судам.

Правило использования в местах скопления людей позволяет сертифицированным моделям беспилотных летательных аппаратов летать в местах скопления людей. Ранее каждый подобный случай применения должен был заранее одобрен контролирующими органами в рамках длительного процесса подтверждения безопасности, несмотря на то, что аналогичная модель беспилотного летательного аппарата уже могла быть одобрена для аналогичного применения.

Несмотря на то, что в сфере правового регулирования беспилотных летательных аппаратов в России уже были предприняты определенные шаги, их нельзя признать достаточными для повсеместного использования автономных летательных аппаратов, что также влияет и на электроэнергетический сектор. Для достижения существенного экономического эффекта внедрение технологий искусственного интеллекта в отраслевые компании топливно-энергетического комплекса должно стать повсеместным, что на текущий день невозможно в связи с отсутствием соответствующего регулирования, и, как следствие, неопределенностью в сопутствующих вопросах, например, страхования ответственности и сертификации.

Подход Соединенных Штатов Америки основывается на эволюционном развитии соответствующего законодательства путем вовлечения экспертного сообщества в процесс выработки регулирования применения беспилотных летательных аппаратов. На текущий день уже определены правила полетов дронов над скоплениями людей, в городах и населенных пунктах, вблизи аэропортов, сформулированы требования к идентификации беспилотников.

Полагаем, что отечественный законодатель должен учитывать опыт США в сфере правового регулирования беспилотных летательных аппаратов для разработки наиболее эффективного законодательства в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов А.В. Четвертая промышленная революция и формирование новой системы производительных сил: концепции и интерпретации // Страны Азии и Африки в XXI веке: Экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию Виктора Георгиевича Растяникова. –М.: ИВ РАН, 2018, с. 94.
2. «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС Консультант Плюс

3. Вытовтов А.В., Разиньков С.Ю. Перспективы использования БПЛА для обеспечения пожарной безопасности линейных объектов нефтегазовой отрасли / А.В. Вытовтов, С.Ю. Разиньков // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. - 2015. - Т.1. - № 1 (6). - С. 19-21.
4. Лебедев Ю.М., Разиньков С.Ю., Вытовтов А.В., Шумилин В.В. Зарубежный опыт использования микрокамер в инфракрасном диапазоне на БПЛА для обнаружения огня / Ю.М. Лебедев, С.Ю. Разиньков, А.В. Вытовтов, В.В. Шумилин // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. - 2015. - Т.1. - С. 28-33.
5. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.03.1997, № 12, ст. 1383
6. Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс
7. PART 107 - SMALL UNMANNED AIRCRAFT SYSTEMS – Federal Aviation Administration URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-14/chapter-I/subchapter-F/part-107> (дата обращения 08.10.2021)
8. 14 CFR Part 135 Air Carrier and Operator – Federal Aviation Administration Certification URL: https://www.faa.gov/licenses_certificates/airline_certification/135_certification/ (дата обращения 08.10.2021)
9. RemoteID Final Rule | Federal Aviation Administration (faa.gov) URL: <https://www.faa.gov/newsroom/remoteid-final-rule> (дата обращения 08.10.2021)
10. Operations Over People General Overview (faa.gov) URL: https://www.faa.gov/uas/commercial_operators/operations_over_people/ (дата обращения 08.10.2021)

Низкоуглеродная энергетика России
Семенович Кристина Сергеевна
Директор исследовательского центра
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

Климатическая повестка и новый энергоповорот влекут за собой переориентацию структуры энергопотребления. Трансграничным вызовом, поставленным перед энергетической безопасностью России, становится развитие технологий использования возобновляемых источников энергии и масштабный переход к генерации энергии за счет нетрадиционных ресурсов. В настоящей статье автор анализирует формирующийся правовой фундамент низкоуглеродной экономики страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Климатическая повестка, энергетическая стратегия, возобновляемые источники энергии, водородная энергетика.

ABSTRACT

The climate agenda and the new energy cycle entail a reorientation of the structure of energy consumption. The cross-border challenges facing Russia's energy security are the development of renewable energy technologies and a large-scale transition to energy generation at the expense of unconventional resources. In this article, the author analyzes the emerging legal foundation of the country's low-carbon economy.

KEYWORDS

Climate agenda, energy strategy, renewable energy sources, hydrogen energy.

Постановлением Правительства РФ от 21.09.2019 № 1228 [1] принято Парижское соглашение по климату [2] от 12.12.2015, нацеленное на принятие мер по недопущению повышения температуры более чем на два градуса по Цельсию по сравнению с доиндустриальным уровнем, в том числе, путем снижения использования ископаемого топлива. Способы, применение которых приведет к достижению обозначенных целей, определяются каждой страной-участницей Соглашения самостоятельно, но превалирует расширение «зеленой» энергогенерации на основе альтернативных источников энергии.

Как подчеркивается в Доктрине энергетической безопасности России [3], Российская Федерация занимает лидирующие позиции в мире по запасам углеводородного сырья, объемам производства и экспорта энергоресурсов, а также по развитию, использованию и экспорту технологий атомной энергетике. Применение нетрадиционных энергетических ресурсов, в основном, согласно Энергетической стратегии на период до 2035 года [4] (далее – Стратегия до 2035 года), выражается в выработке электроэнергии за счет энергии вод – гидроэнергетики. Доля гидроэлектростанций в системе генерирующих мощностей составляет порядка 20 процентов с планируемым увеличением к 2035 году до 30 процентов. Однако в складывающихся условиях функционирования отрасли существуют ряд правовых

проблем, в том числе – неурегулированность правового статуса водохранилищ для целей гидроэнергетики, а главное, закрепленный в статье 40 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [5] фактический запрет строительства гидроэлектростанций на реках равнинной части территории страны и установление нецелесообразности такого строительства при наличии иных энергогенерирующих объектов.

Использование прочих возобновляемых источников энергии в Российской Федерации Стратегией до 2035 года признается недостаточно экономически конкурентноспособным по сравнению с иными технологиями генерации. В то же время, в Стратегии до 2035 года в качестве базового года для определения показателей энергетики страны использован 2018 год, в связи с чем приведенные в ней параметры не могут в полной мере иллюстрировать состояние отрасли, а также имеющуюся на 2021 год нормативно-правовую базу. Так, Постановлением Правительства РФ от 29.08.2020 № 1298 «О вопросах стимулирования использования возобновляемых источников энергии <...>» [6] внесены изменения в Основы ценообразования в области тарифов в электроэнергетике [7] и Основные положения функционирования розничных рынков электроэнергии [8], направленные на стимулирование использования возобновляемых источников энергии. Корректировки направлены на переход от принципа регулирования цен (тарифов) на электрическую энергию к принципу установления предельных максимальных уровней цен (тарифов) на электрическую энергию, производимую на генерирующих объектах, функционирующих на возобновляемых источниках энергии, и продаваемую сетевым организациям в целях компенсации потерь в сетях. Также изменен порядок заключения сетевыми организациями договоров купли-продажи электроэнергии, выработанной на указанных генерирующих объектах.

Согласно Федеральному закону от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [9], к возобновляемым источникам энергии, помимо энергии вод, относятся также энергия солнца, энергия ветра, геотермальная энергию, биомасса, биогаз и прочий газ неископаемого происхождения. Относительно широкое применение на сегодня получили только энергия солнца и энергия ветра. В России, например, ПАО «Фортум» [10], в 2018 году введена в эксплуатацию первая в стране Ульяновская ветряная электростанция (ВЭС-1), установленной мощностью 35 МВт. ПАО «Т Полус» [11] в 2018 году запущена в эксплуатацию Сорочинская солнечная электростанция (СЭС «Уран») мощностью 60 МВт, площадью в 120 гектар, которая характеризуется, как самый мощный объект фотовольтаики, построенный в России. Однако использованию солнечной и ветрогенерации присущи прерывистость, невозможность накопления и нерегулируемая нагрузка на сети. И именно из-за неспособности покрытия данными источниками энергии базовой нагрузки, солнечная и ветряная энергия не способны заменить иные энергетические ресурсы.

Парижское соглашение прямо не запрещает использование атомной энергии. В законодательстве подчеркивается [12], что атомный энергопромышленный комплекс является высокотехнологичной и конкурентноспособной на мировом рынке отраслью и во многом определяет развитие других отраслей экономики страны. При генерации на атомных электростанциях отсутствуют прямые выбросы CO₂, что отвечает целям декарбонизации экономики и дает возможность поставить атомную энергетику на один

уровень с альтернативной энергетикой, как, например, происходит в Китае. Но несмотря на строящиеся Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» энергоблоки за рубежом – в Бангладеш, в Турции, в Финляндии и т.д., укрепляются тенденции отказа от использования атома, в связи с имеющимся риском аварийности, радиационной опасностью урановых отходов. Необходимость удовлетворения растущих потребностей потребления энергии, которую может покрывать генерация на атомных электростанциях, в ближайшем будущем, в свете отказа от ископаемого топлива, возможно, повлечет рост производства атомной энергии.

В постпарижском мире оформляется новая отрасль топливно-энергетического комплекса, впервые нашедшая свое место в российском законодательстве в Стратегии до 2035 года – водородная энергетика, функционирующая на основе использования водорода. Водород, это пожаровзрывоопасный газ, используемый в ряде отраслей промышленности. На сегодня, при прогнозируемой водороду роли перспективного источника энергии, наличии планов по развитию экспорта водорода к 2024 году до 0,2 млн. тонн, к 2035 году до 2 млн. тонн., все правовое оформление пока заключается в Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации [14] (далее - Концепция), документе стратегического планирования, не имеющем нормативного характера. Концепция определяет фундамент и «лицо» отрасли, но не задает направлений для установления особенностей правового режима обращения водорода, понятийного аппарата отрасли, требований к энергообъектам, системы взаимоотношений поставщиков и покупателей, не обозначает правовой статус сфер деятельности в сфере водородной энергетики, открытыми остаются вопросы налогообложения и ценообразования и т.д.

Ожидаем, что формирующееся нормативно-правовое регулирование водородной энергетики станет удачной базой для кардинального преобразования альтернативной энергетики в России и декарбонизации экономики. А новая отрасль получит прочный фундамент для функционирования и развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Постановление Правительства РФ от 21.09.2019 № 1228 «О принятии Парижского соглашения» // [Электронный ресурс]: доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 04.10.2021).
2. Парижское соглашение (Париж, 12.12.2015) // [Электронный ресурс]: доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 04.10.2021).
3. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.05.2019. № 20, ст. 2421. ИПС «Консультант Плюс».
4. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 15.06.2020. № 24. ст. 3847. ИПС «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. № 2. ст. 133. ИПС «Консультант Плюс».

6. Постановление Правительства РФ от 29.08.2020 № 1298 «О вопросах стимулирования использования возобновляемых источников энергии, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 36. ст. 5617. ИПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 4. ст. 504. ИПС «Консультант Плюс».
8. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. ст. 3008. ИПС «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства РФ. 31.03.2003. № 13. Ст. 1177. ИПС «Консультант Плюс».
10. О нас. Fortum.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.fortum.ru/> (дата обращения: 04.10.2021).
11. Т Плюс запустила крупнейшую солнечную электростанцию. ПАО «Т Плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.tplusgroup.ru/press/news/single/t-pljus-zapustila-krupneishuju-solnechnuju-ehlektrostantsiju/> (дата обращения: 04.10.2021).
12. Постановление Правительства РФ от 02.06.2014 № 506-12 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» // Собрание законодательства РФ. 16.06.2014. № 24, ст. 3092. ИПС «Консультант Плюс».
13. Строящиеся АЭС. Госкорпорация «Росатом». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/> (дата обращения: 04.10.2021).
14. Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 04.10.2021).

Нормативно-правовое регулирование гендерного представительства в ТЭК
Серегина Антонина Александровна
¹Доцент, ²Директор проекта
¹Дипломатическая академия МИД России, ²ФГБУ «РЭА» Минэнерго России

АННОТАЦИЯ:

Установление гендерного равенства (паритета полов) провозглашается в качестве одной из наиболее важных задач, стоящих на международной повестке при принятии программ развития человеческого потенциала (Цель устойчивого развития ООН № 5). Достижение гендерного равенства и борьба с дискриминацией по половому признаку рассматривается как необходимая предпосылка для реализации естественных прав человека на равный доступ к труду в сфере энергетики и других отраслях экономики. Доля женщин в мировом ТЭК сегодня составляет 26% (данные Boston Consulting Group). В Российской Федерации этот на 2021 год показатель варьируется по отраслям ТЭК: нефтегазовая отрасль – около 27,7%; угольная отрасль – около 25,7%, электроэнергетика – около 25,2% (по данным совместного исследования ФГБУ «РЭА» Минэнерго, Минэнерго России, Skolkovo).

Принцип гендерного равенства закрепляется в ряде международных договоров и отражается в законодательных актах государств с наиболее прогрессивными правовыми практиками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Топливо-энергетический комплекс, гендерное равенство, право на труд, права человека, регулирование

ABSTRACT

The establishment of gender equality (gender parity) is proclaimed as one of the most important tasks on the international agenda when adopting human development programs (UN Sustainable Development Goal No. 5). The achievement of gender equality and the fight against gender discrimination is seen as a necessary prerequisite for the realization of natural human rights to equal access to work in the energy sector and other sectors of the economy. The share of women in the global fuel and energy sector today is 26% (data from Boston Consulting Group). In the Russian Federation, this indicator for 2021 varies by fuel and energy sectors: the oil and gas industry - about 27.7%; the coal industry - about 25.7%, the electric power industry - about 25.2% (according to a joint study of the Federal State Budgetary Institution «REA» of the Ministry of Energy, the Ministry of Energy of Russia, Skolkovo).

The principle of gender equality is enshrined in a number of international treaties and is reflected in the legislative acts of States with the most progressive legal practices.

KEYWORDS

Топливо-энергетический комплекс, гендерное равенство, право на труд, права человека, регулирование

В целях осуществления реформы отраслевого законодательства и имплементациях (внедрении) гендерной проблематики в сферу функционирования энергетического права и смежных областей законодательные инициативы проходят следующие этапы:

1. *Уяснение гендерной проблематики в энергетическом праве.* Здесь анализируется то, как планируемый или разрабатываемый закон учитывает имеющиеся различия гендерных групп в ТЭК. Определяются критерии оценки правоприменения в последующих стадиях реализации закона и мониторинга за его исполнением. Оценивается имеющееся статус-кво с правами женщин в сфере энергетики, изучаются их неудовлетворенные практические и стратегические потребности. Законодатель осуществляет предварительный сбор данных из доступных источников, проводит консультации с заинтересованными сторонами (профсоюзы предприятий ТЭК, феминистские организации, представители уязвимых или стигматизированных меньшинств, органы государственной власти, масс-медиа, научно-экспертное сообщество, правозащитные и гражданские силы и т.д.), проводит оценку качественной полноты и достоверности полученных данных об имеющихся гендерных дисбалансах. Законодателю рекомендовано проводить юридико-гендерный анализ существующей в энергетическом праве проблемы в троичном срезе: последствия для индивидуума; последствия для институтов и задач национальной энергетической политики; эффекты для политики государства вообще.

2. *Проведение оценки влияния принимаемого закона на гендерные группы, представленные в энергетике.* На данном этапе законодатель определяет группы выгодоприобретателей от проводимой гендерно-нейтральной правовой реформы и измеряет его потенциальное воздействие на выравнивание дисбалансов в энергетической отрасли в кратко- средне- и долгосрочной перспективе. Рассматривается, как трансформация закона скажется на представительстве женщин в ТЭК, какого ресурсного обеспечения она потребует, как будет способствовать претворению в жизнь международных стандартов гендерного равноправия. Ставится вопрос о том, как принимаемый закон повлияет на принятие решений на предприятиях ТЭК, изменение экономического положения женщин-сотрудниц, облегчение их трудовой деятельности, доступность для них специального технического и инженерного образования, состояние здоровья и возможности воспитания детей, производственную безопасность, сферу досуга, корпоративный климат и условия труда.[1]

3. *Принятие гендерно-нейтральных мер в законопроекте.* На данном этапе законодателю важно прежде всего определить, в какой степени гендерная реформа в энергетическом праве может сказаться на смежных отраслях. Если таковое воздействие прогнозируется как существенное, необходима межотраслевая гармонизация законодательства, когда новые регуляции ТЭК приводятся в соответствие с положениями трудового, бюджетного, пенсионного, семейного, налогового законодательства. Принимаемый закон для большей эффективности исполнения должен минимально затрагивать смежные отрасли права, будучи направленным только на ликвидацию имеющихся гендерных проблем в сфере энергетики: обеспечении равенства мужчин и женщин в доступе к ресурсам и одинаковым льготам, адекватном

распределении функционально-трудовых задач и ответственности, преодолении гендерно-ориентированных стереотипов о роли полов в ТЭК и т.п.

4. *Принятие системы показателей для измерения «силы» гендерной реформы.* Наконец, законодатель должен разработать индикативные параметры для определения качественной глубины, всеохватности и эффективности проводимой в энергетическом праве гендерной реформы. На финальном этапе принимаются критерии для мониторинга исполнения внедряемого закона и коррекции правоприменительной практики.

Решение задачи достижения оптимального гендерного баланса путем реформирования законодательства, предполагает следующее:

- определение проблем формирования гендерно-сбалансированного состава ТЭК страны и принятие пакета конкретных мер по достижению гендерного разнообразия в энергетическом секторе;

- внедрение политики равных возможностей при осуществлении кадровой мобильности, в которой учитывается гендерная проблематика.

- ввод гендерных индикаторов в информационные системы менеджмента энергетических проектов.

- создание корпоративной культуры и гендерно-нейтрального публичного образа ТЭК, побуждение компаний ТЭК к большей социальной ответственности.

- максимальное уменьшение угроз и отрицательных явлений, проистекающих из гендерных дисбалансов и дискриминации по признаку пола в проектах ТЭК и энергетической инфраструктуре.

- формирование ведомственного инструментария по соблюдению гендерного равенства и равных возможностей для представителей обоих полов, как это определено национальным законодательством.

- включение наиболее эффективных достижений зарубежной правоприменительной практики в сфере гендерно-нейтральных решений в энергетическом секторе при разработке программ повышения квалификации задействованного в ТЭК персонала.

В феврале 2016 г. Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин вынес постановление по делу №60/2013, в котором критиковалось само существование предусмотренного российским трудовым законодательством списка запрещенных для женщин профессий. В мотивационной части эксперты комитета отметили, что данный список «отражает стойкие стереотипы, касающиеся роли и обязанностей женщин и мужчин в семье и обществе, которые консервируют традиционные представления о женщине как жене и матери и подрывают ее социальный статус и перспективы образовательного и карьерного роста». [2]

Поскольку в настоящий момент рекомендации Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин остаются по существу не востребованными отечественным законодателем, законодательство еще будет нуждаться в дальнейшем пересмотре и послаблении барьерных ограничений для работниц различных отраслей энергетики. Уже сейчас Министерству энергетики Российской Федерации рекомендовано осуществление следующих правовых инициатив, которые бы способствовали преодолению отраслевых гендерных проблем:

- Проведение гендерных экспертиз законодательных инициатив по реформированию рынка труда и системы социальных пособий с привлечением консультантов из числа энергокомпаний. Для этого требуется принять законопроект «Об обеспечении равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», одной из новелл которого является внедрение в российское законодательство эффективных моделей гендерной экспертизы.

- Усиление контроля за соблюдением законов и норм в сфере политики занятости, запрещающих дискриминацию при трудоустройстве в ТЭК с отсылкой к барьерным нормам, а равно повышение эффективности инструментов правовой защиты трудовых интересов женщин в случаях их нарушения. Необходимо внесение поправок в ст. 3 Трудового кодекса РФ, [3] которой достаточно абстрактно определяется, не являются дискриминацией установление исключений, предпочтений и ограничение прав работниц, если они обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите.

- Внесение изменений в трудовое законодательство, в т.ч. таких положений Трудового кодекса РФ, которые предусмотрены п. 3 ст. 99 ТК РФ (запрет привлекать женщин на сверхурочную работу); ст. 70 (запрет на проведение испытания при приеме на работу беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет); ст. 90 (требование обязательного медицинского заключения для работы женщин в ночное время).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доклады и меморандумы Министерства Социальных дел и здравоохранения Хельсинки. 2016. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0012/389667/php-4-4-pp1-rus.pdf
2. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин. 2016. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201474/90367a9599b81f5f000f37564148399c5f92f5de/
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021) / Статья 3. Запрещение дискриминации в сфере труда. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

Оценка экономической безопасности электроэнергетической отрасли как способ
выявления угроз ее функционирования
Ситяева Ольга Сергеевна
Сибирский Федеральный университет

АННОТАЦИЯ

Обоснована необходимость проведения оценки экономической безопасности электроэнергетики в разрезе производственной, финансовой, инновационной, инвестиционной и трудовой проекций. Проведен анализ статистических данных и расчетных показателей с пороговыми значениями, на основании чего был сделан вывод о наличии угроз экономической безопасности сектора, общей низкой степени эффективности ее функционирования, в результате чего, особо подчеркнута необходимость в повышении стабильности сектора в сжатые сроки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Электроэнергетика, экономическая безопасность, показатели, проекции оценки.

ABSTRACT

The necessity of assessing the economic security of the electric power industry in the context of production, financial, innovation, investment and labor projections is substantiated. The analysis of statistical data and calculated indicators with threshold values was carried out, on the basis of which it was concluded that there are threats to the economic security of the sector, the overall low degree of efficiency of its functioning, as a result of which, the need to increase the stability of the sector in a short time was emphasized.

KEYWORDS

Electric power industry, economic security, indicators, assessment projections.

Обеспечение эффективного функционирования энергетической системы государства является приоритетной задачей не только для развития промышленности, но и для реализации важнейших социально-экономических задач, позволяющих гарантировать стабильность и устойчивость системы национальной безопасности. В связи с этим, представляется важным оценить степень имеющихся в электроэнергетической отрасли угроз, способных нанести существенный вред экономике государства, опираясь на показатели, при помощи которых можно оценить существующее положение дел. Для получения наиболее точного и структурированного результата предлагается проведение анализа показателей экономической безопасности в разрезе проекций: производственной, финансовой, инновационной, инвестиционной и трудовой [1].

Таблица 1 – Показатели оценки уровня экономической безопасности отрасли [2;3]

Наименование показателя	Пороговое значение	2020	2019	2018	2019/2018
1. Производственные показатели					
Степень износа основных фондов, %	40%	45,7	45,7	45,6	0,1%
Уровень использования среднегодовой производственной мощности*, %	70%	42,5	40,7	40,2	2,3%
Индекс производства**, в % к предыдущему году	Сравнение в динамике	97,9	100	102,2	X

* уровень использования установленной мощности электростанций по ЕЭС России и отдельным ОЭС [2]

**Индекс промышленного производства - агрегированный индекс производства по виду деятельности "Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха".

Одним из важнейших производственных показателей, способных охарактеризовать техническое состояние отрасли, является степень износа основных фондов. В целом, по отрасли, наблюдается рост значений показателя – на 0,1% за 2 года, что проявляется, в значительной степени, в снижении КПД и росте потерь энергии при ее распределении и передаче. Большой срок полезного использования, вкуче со значительной суммой расходов на полную или частичную замену устаревших производственных фондов (турбины, генераторы, ЛЭП и др.), а также существующее в секторе экономики мировоззрение, обусловленное некоторыми «спинофами» СССР, приводит, больше, к проведению внеочередного ремонта оборудования, чем к действительно необходимой замене деталей, узлов или основного средства в целом. Фокус российской энергетики смещен на гарантию процесса надежного энергоснабжения, нежели на модернизацию генерирующих мощностей или развитие всей электроэнергетической отрасли, что и приводит к подобному превышению порогового значения показателя.

Стоит отметить, что для повышения точности анализа, в силу специфики отрасли, вместо уровня использования среднегодовой производственной мощности предлагается рассматривать уровень использования установленной мощности электростанций по ЕЭС России и отдельным ОЭС. Тем не менее, отрасль в целом характеризуется относительно низкой эффективностью использования основных фондов, что, в целом, подтверждает высказанную ранее мысль. Так, на взгляд автора были существенно переоценены потребности во вводе новых мощностей по ГОЭЛРО-2 [4], из-за чего, на данный момент, более половины основных фондов являются не востребованными.

Нельзя забывать и об индексе производства, характеризующим изменение масштабов производства в сравниваемых периодах. Так, стоит отметить относительно неизменный уровень выработки в 2019 году, оставшийся на уровне 2018, однако, показатель 2020 года говорит о снижении более, чем на 2% по сравнению с 2019, что

связано, скорее, с выводом из эксплуатации устаревшего генерирующего оборудования [3].

Анализ финансовых показателей предлагается начать с расчета отношения индекса сальдированного финансового результата к индексу производства.. Индекс производства, в среднем, менялся незначительно, благодаря чему можно сделать вывод о том, что увеличение рассматриваемого финансового показателя – на 17% за 3 года, в значительной степени, связано с приростом сальдированного финансового результата предприятий отрасли, возникшим в результате роста тарифов на электроэнергию, преимущественно, для промышленных предприятий и крупных инфраструктурных проектов.

Таблица 2 – Показатели оценки уровня экономической безопасности отрасли [2]

Наименование показателя	Пороговое значение	2020	2019	2018	2019/2018
2. Финансовые показатели					
Отношение индекса сальдированного финансового результата к индексу производства	Сравнение в динамике	1,28	1,23	1,11	17%
Рентабельность продаж, %	>инфляци и на 3-5%	11,9	12,1	13,2	-1,3%
<i>Инфляция, %</i>		<i>4,9</i>	<i>3,05</i>	<i>4,27</i>	
Затраты на 1 рубль продукции (работ, услуг), коп.	Сравнение в динамике	92,2	92,1	92,4	-0,2%
Удельный вес убыточных организаций в общем числе организаций, %	Сравнение в динамике	26,8	27,9	33,6	-6,8%
Соотношение дебиторской и кредиторской задолженностей	≈1	1,24	1,27	1,11	13%

Такой показатель, как рентабельность продаж, изменился в незначительной степени – на 1,3% в 2020 по сравнению с 2018, однако, стоит отметить, что в рассматриваемом периоде наблюдается тенденция к снижению значений показателя, что позволяет говорить о возможности недополучения финансового результата генерирующими организациями, что, также, можно связать с высоким уровнем затрат на 1 рубль продукции – более 92 копеек в период 2018-2020 гг. Подобные процессы можно объяснить тем, что с увеличением объема производства электроэнергии на электростанциях (электроцентралях) наблюдалось увеличение расхода электроэнергии на собственные, производственные и хозяйственные нужды, так и высокой общей степени износа оборудования.

Следует обратить внимание, также, на удельный вес убыточных организаций в общем числе организаций отрасли, т.к. становится возможной, хоть и приближенная, оценка степени эффективности функционирования электроэнергетической сферы производства. В рассматриваемом контексте, можно отметить, что, несмотря на то, что за 2 года доля убыточных предприятий сократилась чуть менее, чем на 7%, средний вес организаций подобного рода представляет значительную угрозу как для энергетической, так и для экономической безопасности, т.к. именно от способности электроэнергетики выработать достаточные для обеспечения бесперебойной работы других отраслей и потребительского сектора объемы электроэнергии зависит устойчивость всей экономической системы государства.

Важно также отметить, что соотношение дебиторской и кредиторской задолженностей в период 2018-2020 гг. позволяет говорить о существовании возможности покрытия обязательств средствами дебиторской задолженности. В целом, значение показателя за 2 года возросло на 13%, ввиду одновременного увеличения размеров дебиторской и сокращения кредиторской задолженности, что было вызвано, скорее ростом тарифов на электроэнергию и покрытием обязательств и убытков прошлых лет.

Тем не менее, стоит отметить, что сложившаяся в отрасли ситуация, с точки зрения анализа финансовых показателей, представляется неоднозначной в силу противоречивости проанализированных данных, что однако, объясняется рассмотрением их в совокупности с производственными, играющими преобладающую роль для данного вида экономической деятельности.

Таблица 3 – Показатели оценки уровня экономической безопасности отрасли [2]

Наименование показателя	Пороговое значение	2020	2019	2018	2019/2018
3. Показатели инновационной деятельности					
Доля затрат на технологические инновации в объеме инвестиций в основной капитал, %	Сравнение в динамике	1,81	1,83	1,82	-0,01%
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, %	10-15%	0,87	0,9	0,4	0,47%
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %	Сравнение в динамике	11,2	9,3	7,7	3,5%

Показатели инновационной деятельности для оценки энергетической отрасли отражают существующую специфику сектора:

- выработка ресурса основных частей и узлов электрооборудования происходит за срок, преимущественно, превышающий 20 лет;

- вложенные в обновление или замену оборудования значительные средства окупаются в течение довольно продолжительного времени, что также ставит вопрос и о наличии угроз экономической безопасности отрасли со стороны инвестиционных вложений.

Важно понимать, что вышеизложенные особенности, подтверждающие высказанное автором соображение, в существенной степени, объясняют, как нежелание организаций вкладываться в технологические инновации – не более 2% от общего объема инвестиций, так и относительно малый их процент, все же занятый осуществлением НИОКР – около 8-11%. Однако, нельзя забывать и о том, что генерируемая энергия, также, практически не относится к инновационной продукции, в связи с чем значение такого показателя, как удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, за весь период не превышает 1%.

Особое значение для электроэнергетической отрасли, ввиду высокой необходимости в модернизации и замене используемой инфраструктуры, имеет объем инвестиций в основной капитал. Прирост показателя на 110,5 млн.рублей связан, как с введением в эксплуатацию крупных генерирующих мощностей, так и с модернизацией уже имеющихся.

Таблица 4 – Показатели оценки уровня экономической безопасности отрасли [2]

Наименование показателя	Пороговое значение	2020	2019	2018	2017	2019/2018/2017
4. Показатели инвестиционной деятельности						
Доходность финансовых вложений организаций, %	Сравнение в динамике	-	5,2	5	5,1	-0,2%
Объем инвестиций в основной капитал, млрд.руб.	Сравнение в динамике	1108,4	1054,2	1013	943,7	95,4
Сумма, полученных организациями дивидендов, процентов по ценным бумагам, млн.руб.	Сравнение в динамике	-	81279	79605	52185	29094

Тем не менее, несмотря на увеличение суммы полученных организациями дивидендов, процентов по ценным бумагам более чем на 29 млрд.руб., доходность по ним, хоть и незначительно, но снизилась, что говорит о превышении величины затрат, произведенных в начале операции инвестирования, над величиной совокупного дохода инвестора, который он получил в результате владения ценной бумагой, тем самым, ставя под вопрос инвестиционную привлекательность отрасли в целом.

Таким образом, рассмотренные инновационные и инвестиционные показатели оценки уровня экономической безопасности электроэнергетической отрасли лишь

подтверждают наличие угроз, способных, в значительной степени, повлиять не только на энергетический сектор, но и на экономическую систему в целом.

Таблица 5 – Показатели оценки уровня экономической безопасности отрасли [2]

Наименование показателя	Пороговое значение	2020	2019	2018	2020/2018
5. Трудовые показатели					
Заработная плата к средней по экономике, %	больше 1	103,53	105,39	108,59	-5,06%
Коэффициент текучести кадров	Сравнение в динамике	13,4	12,8	19,2	-5,8%
Доля сотрудников, прошедших обучение, получивших дополнительное образование, %	Сравнение в динамике	26,8	27,3	25,4	1,4%

Трудовые показатели оценки, также, можно трактовать двояко: с одной стороны, заработная плата энергетиков, несмотря на снижение показателя на 5,06% в рассматриваемом периоде, превышала среднее значение по экономике, доля сотрудников, получивших дополнительное образование, также представляется довольно высокой - около трети по отрасли, но с другой стороны, значение коэффициента текучести кадров, в особенности в 2018 году, позволяет говорить, о наличии, пусть пока и незначительной, но угрозы экономической безопасности отрасли со стороны трудовых ресурсов. Тем не менее, объяснением служат существующие в секторе условия труда, т.к. несмотря на очевидную направленность на снижение вероятности получения производственной травмы, внешние факторы (температура, вибрация, запыленность, шум и пр.), в своей совокупности, оказывают негативное влияние на здоровье персонала, становясь причиной возникновения профессиональных заболеваний, вынуждающих работников покидать место работы.

В целом, на основе вышеизложенного, можно сделать вывод о наличии существенных угроз экономической безопасности отрасли со стороны каждой из рассмотренных проекций, в связи с чем возрастает необходимость в разрешении указанного вопроса в как можно более сжатые сроки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/.
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>
3. Системный оператор Единой Энергетической Системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://so-ups.ru/>. - Загл. с экрана.
4. Министерство энергетики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/>.

Аварийные разливы нефти и нефтепродуктов: понятие, причины и виды

Старцева Екатерина Дмитриевна

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Аварийные разливы нефти и нефтепродуктов представляют собой серьезную угрозу уже на протяжении нескольких десятков лет. Аварии на опасных производственных объектах случаются по различным причинам, начиная с отсутствия систем оперативного оповещения о произошедшем разливе, заканчивая коррозионными процессами оборудования и конструкций объектов топливно-энергетического комплекса. Автор анализирует основные причины аварийных разливов нефти и нефтепродуктов и их виды, проводится исследование понятийного аппарата вышеуказанной тематики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Аварийный разлив нефти и нефтепродуктов, правовое регулирование, аварии на объектах топливно-энергетического комплекса.

ABSTRACT

Emergency oil and petroleum product spills have been a serious threat for several decades. Accidents at hazardous production facilities occur for various reasons, starting with the lack of operational notification systems about the spill, ending with corrosion processes of equipment and structures of fuel and energy complex facilities. The author analyzes the main causes of emergency oil and petroleum product spills and their types, conducts a study of the conceptual apparatus of the above topics.

KEYWORDS

Emergency spill of oil and petroleum products, legal regulation, accidents at the facilities of the fuel and energy complex.

Разливы нефти в мировом океане стали серьезной экологической проблемой еще в 1960-х годах, главным образом в результате повышения уровня разведки и добычи нефти на континентальном шельфе и использования супертанкеров, способных транспортировать более 500 000 метрических тонн нефти.

Ежегодно регистрируются тысячи мелких и несколько крупных разливов нефти, связанных с выбросом углеводородного сырья из нефтедобывающих скважин, поврежденных танкеров и нефтепроводов. Все это приводит к тому, что количество нефти, ежегодно сбрасываемой в Мировой океан, превышает один миллион метрических тонн. В сочетании с естественной утечкой со дна океана, а также с эксплуатационными загрязнениями, все это ведет к попаданию нефти в мировые водные пути со скоростью от 3,5 до 6 миллионов метрических тонн в год.

Затраты, связанные с ликвидацией аварийных разливов, а также последующим восстановлением поврежденной экологии значительны как с экономической, так и с экологической точки зрения. Нефть на поверхности океана вредна для многих форм

водных организмов, поскольку препятствует проникновению достаточного количества солнечного света на поверхность, а также снижает уровень растворенного в воде кислорода. Данное углеводородное сырье нарушает изоляционные и водонепроницаемые свойства перьев и меха животных, что в свою очередь приводит к смерти покрытых нефтью птиц и морских обитателей в результате переохлаждения и недостатка кислорода.

Кроме того, нефть, нефтепродукты и ее летучие компоненты при попадании в живые организмы вызывают высокий уровень интоксикации, а повреждение среды их обитания и репродуктивной способности может замедлить долгосрочное восстановление популяций животных от краткосрочного ущерба, причиненного самим разливом. Ущерб разливами нефти наносится и растениям. Загрязнение пляжей и населенных береговых линий может серьезно сказаться на туризме и торговле, а также на электростанциях и других коммунальных предприятиях, которые используют морскую воду. Одна из отраслей, наиболее пострадавших от разливов нефти, - это рыболовство. За крупными разливами нефти часто следует немедленное прекращение коммерческого рыболовства, для предотвращения вылова и продажи рыбы или моллюсков, которые могут быть токсичны.

Помимо вышеуказанного вреда, аварийные разливы непосредственно несут угрозу и человеку, потребляющему в еду растения, культуры, рыбу и морепродукты, а также других животных, отравленных разлитым углеводородным сырьём.

Раскрывая понятие «разлив нефти и нефтепродуктов» важно обратить внимание на то, что есть достаточно схожее понятие, такое как «нефтяное загрязнение».

Аварийным разливом нефти и нефтепродуктов признается попадание углеводородного сырья в результате аварийной ситуации на опасном промышленном объекте в окружающую среду и его дальнейшее распространение, влекущее за собой угнетение экологии на определенной территории, животного мира в целом.

Нефтяное загрязнение – понятие более широкое. Н. Г. Жаворонкова подразумевает под ним любое загрязнение окружающей среды, связанное с добычей, переработкой, транспортировкой и другой деятельностью в сфере нефтедобычи. В данное понятие также включаются эксплуатационные загрязнения, разливы и утечки [1].

По данным Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору существует две основные группы причин, влекущих за собой аварийные ситуации и, впоследствии, загрязнение окружающей среды нефтью [2]:

Первой группой признаются технические причины.

К данной группе относятся различные повреждения оборудования и конструкций опасных производственных объектов. Повреждения могут быть вызваны различными причинами. Одной из самых популярных повреждений считаются коррозионные процессы, оказывающие влияние, как на технические, так и на технологические свойства объекта или же оборудования.

Коррозия – естественный физико-химический процесс. Скорость ее возникновения зависит от факторов окружающей среды, оказывающих влияние на свойства металлических конструкций того или иного объекта. Как правило, коррозии подвержены объекты, расположенные в болотистых местностях, где окислительные процессы проходят намного быстрее, чем на засушливых территориях.

По причине коррозии произошло достаточное большое число крупных аварий. Как пример можно привести одну из первых крупнейших аварий на территории РФ, произошедшую летом 1994 года в Республике Коми. Причиной аварийного разлива нефти послужило повреждение нефтепровода. Данный нефтепровод был поврежден как раз под воздействием коррозионных процессов, в результате которых в нефтепроводе образовались прорезы, через которые нефти и попадала в окружающую среду. Авария привела к выбросу в окружающую среду нефти в объеме 94 тысячи тонн, загрязнив при этом территорию в 270 гектаров [3].

Еще одной частой технической причиной является **износ оборудования**. У каждого оборудования, конструкции или же объекта есть свой срок годности, оборудования и объекты, используемые при работе с углеводородным сырьем, не являются исключением. Совсем недавно, в октябре 2020 года произошел разлив 2 500 тонн мазута. Произошла авария в бухте Находка Приморского края. Причиной аварии послужил износ цистерны, в которой находился данный мазут, что привело к ее повреждению и дальнейшему разрыву.

Низкое техническое оснащение оборудованием, в том числе и для постоянного автоматического мониторинга состояния и работоспособности объектов, также является частой технической причиной аварий.

11 мая 2021 года произошла авария на Ошском месторождении, принадлежащем ПАО «ЛУКОЙЛ». В результате аварии по приблизительным подсчетам в окружающую среду вылилось около 90 тонн нефтепродуктов. Причиной аварии послужила разгерметизация трубопровода, обнаружить которую удалось лишь в течение месяца.

1. Второй группой причин возникновения аварийных ситуаций являются организационные проблемы.

Несмотря на, казалось бы, серьезность и неоспоримость негативного влияния на деятельность предприятия технических причин, организационные проблемы являются не менее важной группой причин, по причине появления которых происходят аварийные разливы нефти и нефтепродуктов.

Эта группа причин идет в тесной взаимосвязи с существующей эффективностью технологических процессов на определенном месторождении или другом объекте, осуществляющей деятельность, связанную с работой над углеводородным сырьем.

К данным причинам следует отнести низкую квалификацию персонала, плохую проработку рисков на опасном производственном объекте, оптимизацию процессов за счет уменьшения уровня безопасности, отсутствие систем оперативного оповещения и другие.

Говоря о видах аварийных разливов нефти и нефтепродуктов, стоит обратить внимание на наиболее популярную классификацию – в зависимости от количества нефти и нефтепродуктов, попавших в окружающую среду в результате утечки. Согласно данной классификации, аварийные разливы делаются на три уровня: **локального уровня, регионального уровня и федерального.**

Наиболее легкой с точки зрения последствий аварией признается разлив локального уровня, при котором объем разлитого углеводородного сырья не превышает 500 тонн. При авариях регионального уровня объем разлитой нефти и нефтепродуктов

не должен превышать 5 000 тонн. Самые серьезные аварии – аварии федерального уровня, объем разлива при возникновении которых превышает 5 000 тонн [4].

Таким образом, аварийные разливы нефти и нефтепродуктов – серьезная экологическая проблема уже на протяжении нескольких десятков лет. Анализируя произошедшие за историю нефтяного промысла аварии и их причины, можно сделать вывод о необходимости дальнейшей работы над оптимизацией, как организационных процессов, так и технических решений. Внедрение наилучших допустимых технологий, повышение уровня автоматических систем мониторинга за состоянием оборудования, привлечение квалифицированных сотрудников и налаживание организационных процессов в целом будет оказывать достаточно серьезное влияние на снижение аварийности нефтедобывающих и транспортирующих объектов.

Важным представляется и наиболее подробная регламентация обязанностей эксплуатирующей организации в действующем законодательстве с целью снижения риска возникновения вышеуказанных причин.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жаворонкова Н.Г. Правовые проблемы обеспечения экологической безопасности при нефтяных загрязнениях // Нефть, газ и право. 2011. N 1. С. 29.
2. Официальный сайт Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gosnadzor.ru/>. Дата обращения: 07.10.2021 г.
3. Владимиров В. А. Разливы нефти: причины, масштабы, последствия // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. №1.
4. Соромотин А. В. Аварийные разливы нефти и нефтепродуктов. Ликвидация последствий разливов // IACJ. 2021. №1.

Проблемы правового регулирования института единых недвижимых комплексов в
нефтегазовой сфере

Стулов Артем Андреевич

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

Использование всех возможных с точки зрения законодательства Российской Федерации способов усовершенствования процесса управления множеством имущественных объектов способно вывести нефтегазовую отрасль на более качественный уровень. Конструкция единого недвижимого комплекса способна упростить собственникам ряда имущества процесс управления им, а также принести значительную финансовую выгоду при осуществлении процедуры государственной регистрации прав собственности на подобные объекты. Однако несовершенство нормативно-правового регулирования затрудняет процесс использования подобных комплексов, за счёт отсутствия необходимой гибкости и мобильности. Автором проанализирована правовая конструкция единого недвижимого комплекса, а также выявлены проблемы, которые привели к невостребованности в гражданском обороте подобных объектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Единый недвижимый комплекс, недвижимое имущество, нефтегазовая сфера, имущественные правоотношения.

ABSTRACT

The use of all possible ways from the point of view of the legislation of the Russian Federation to improve the management process of a variety of property objects can bring the oil and gas industry to a higher quality level. The construction of a single real estate complex can simplify the management process for the owners of a number of properties, as well as bring significant financial benefits in the implementation of the procedure for state registration of ownership rights to such objects. However, the imperfection of regulatory regulation complicates the process of using such complexes, due to the lack of necessary flexibility and mobility. The author analyzes the legal structure of a single immovable complex, and also identifies the problems that led to the lack of demand for such objects in civil circulation.

KEYWORDS

Unified immovable complex, immovable property, oil and gas industry, property relations.

Топливо-энергетический комплекс является одной из важнейших основ экономики Российской Федерации, гарантом энергетической независимости и безопасности, а также взаимосвязан с различными отраслями народного хозяйства. Для целей эффективного функционирования нефтегазовой отрасли важным становится вопрос наиболее рационального управления имуществом компаний, осуществляющих свою деятельность в данной сфере. В этой связи необходимо применение новых

подходов к процессу управления и реализации различного рода имущества, используя при этом все доступные в соответствии с законодательством Российской Федерации конструкции и модели имущественных правоотношений. Подобной относительно новой конструкцией является «единый недвижимый комплекс».

Появление конструкции такого комплексного объекта недвижимости стоит связывать с вступлением в действие с 1 октября 2013 года Федерального закона №142 "О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации", который внёс в соответствующий кодекс статью 133.1 «Единый недвижимый комплекс». В соответствии с ней под подобным комплексом необходимо понимать недвижимую вещь, участвующую в обороте как единый объект, то есть совокупность объединённых единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь [1].

Важнейшая особенность единого недвижимого комплекса заключается в том, что к такому объекту применяются правила о неделимых вещах, установленные статьёй 133 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Данная статья в пункте 1 устанавливает, что вещи, которые не могут быть разделены в натуре без их разрушения, повреждения, либо изменения их назначения, а также выступающие в обороте в качестве единого объекта вещных прав, являются неделимыми вещами, при условии если они имеют составные части. Данное положение основано на естественных свойствах вещей, имеющих определённое предназначение, и раздел которых физическим способом приведёт к значительным изменениям их назначения, либо целостного состояния. Вследствие неделимого характера единого недвижимого комплекса, процедура раздела, выдела объектов недвижимого имущества из состава данного комплекса не предусмотрена в российском законодательстве [2].

Из приведённого ранее определения можно вывести ряд признаков, присущих единому недвижимому комплексу, которые характеризуют его как самостоятельный объект гражданских правоотношений. Во-первых, единый недвижимый комплекс признаётся недвижимой вещью, выступающей в обороте в качестве единого объекта. На основании этого можно сделать вывод о том, что объекты, входящие в состав подобного комплексного объекта недвижимости, по отдельности не имеют собственной юридической судьбы. Во-вторых, единый недвижимый комплекс является совокупностью определённых объектов, к которым стоит относить здания, сооружения и другие вещи, в частности объекты, имеющие линейный характер, то есть линии электропередач, железные дороги, различного рода трубопроводы. Исходя из смысла статьи 133.1 ГК РФ перечень подобных объектов не является закрытым. В-третьих, составные части единого недвижимого комплекса должны быть объединены единым предназначением. В-четвертых, объекты линейного характера могут являться составными частями единого недвижимого комплекса, если они объединены физической и технологической связью. В-пятых, объекты, входящие в состав единого недвижимого комплекса, могут находиться в пределах одного или нескольких земельных участков. В-

шестых, единый недвижимый комплекс признаётся таковым только в случае, если право собственности на совокупность объектов, входящих него, зарегистрировано в Едином государственном реестре недвижимости в качестве одного объекта недвижимости. В-седьмых, единый недвижимый комплекс образуется на основании волеизъявления собственника ряда объектов. В-восьмых, участок земли, на котором располагается единый недвижимый комплекс, не может быть его составной частью. Подобное суждение вытекает из анализа статьи 133.1 ГК РФ, а также Письма Федерального агентства по управлению государственным имуществом от 30 декабря 2015 №АЧ-18/56045 "О единообразии учета в реестре федерального имущества сведений о едином недвижимом комплексе" [3].

В соответствии со статьёй 46 Федерального закона "О государственной регистрации недвижимости" существуют два основания осуществления государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав в отношении единого недвижимого комплекса: при создании недвижимых объектов в случае, когда предусматривается в проектной документации их эксплуатирование в качестве единого недвижимого комплекса; при объединении ряда уже зарегистрированных соответствующим образом объектов недвижимости.

Использование конструкции единого недвижимого комплекса на первый взгляд может быть выгодным для нефтегазовых компаний, поскольку имеет ряд преимуществ перед множественностью объектов недвижимости. Это позволяет объединить в один объект недвижимости линейные объекты, которые по своей природе являются многосоставными комплексами, состоящими из большого количества отдельно взятых элементов, но в совокупности предназначены для выполнения одного технологического процесса. Объединение ряда имущества в единый недвижимый комплекс позволяет собственнику управлять не сотнями или тысячами объектов, а несколькими или несколькими десятками. Стоит отметить и финансовую выгоду для собственника, поскольку при государственной регистрации прав собственности на единый недвижимый комплекс собственнику придётся один раз уплатить государственную пошлину, которая составляет 22000 (двадцати двух тысяч) рублей, в случае с юридическим лицом. Проведение подобных процедур в отношении множества объектов недвижимости многократно увеличивает затраты на пошлину пропорционально числу регистрируемых объектов. Однако утверждение о том, что объединение ряда объектов в единый недвижимый комплекс усовершенствует и упростит систему управления имуществом нефтегазовых компаний является крайне дискуссионным, в связи с наличием определённого ряда проблем в нормативно-правовом регулировании самого института единых недвижимых комплексов.

Основополагающей проблемой является применение к единым недвижимым комплексам правил о неделимых вещах. Применение подобных правил делает конструкцию подобного объекта недвижимости менее мобильной и гибкой с точки зрения управления и реализации имущества. Отсутствует процедура вычленения составных частей комплекса, их преобразования в каком-либо другом виде в сторону уменьшения. В случае, если компании необходимо каким-либо образом реализовать отдельно взятый объект, входящий в состав единого недвижимого комплекса, то такая возможность у неё отсутствует. Так же проблема возникает при необходимости

осуществить реконструкцию хотя бы одной составной части единого недвижимого комплекса, поскольку это будет признаваться реконструкцией комплексного объекта в целом, вследствие отсутствия у отдельного элемента комплекса самостоятельной юридической судьбы. На практике это приводит к значительному увеличению затрат на проведение проектных работ, а также увеличивает время проведения государственной экспертизы в ФАУ Главгосэкспертиза, если комплекс в целом будет признаваться опасным производственным объектом, и получения разрешения на реконструкцию в Минстрое России, если объект выходит за пределы одного субъекта Российской Федерации. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что конструкция одинакового недвижимого комплекса не является гибкой моделью недвижимого имущества, что зачастую отталкивает крупных собственников имущественных объектов, таких как нефтегазовые компании. О низкой востребованности подобного комплекса недвижимого имущества в рамках гражданского оборота констатирует и Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, приводя при этом соответствующую статистику [4].

Также несомненной проблемой института единого недвижимого комплекса стоит выделить возможность двойного толкования статьи 133.1 ГК РФ, связанную с наличием формулировки «и иные вещи». Результатом её становится возникновение крайне дискуссионного вопроса: могут ли движимые вещи являться составными частями единого недвижимого комплекса? Среди авторов, которые изучают данный вопрос мнения противоположны. Одни считают, что движимые вещи, несомненно, могут являться элементами единого недвижимого комплекса, вследствие отсутствия на то запрета в законодательстве Российской Федерации [5]. По нашему мнению, верной является противоположная позиция. Так, большое количество авторов приходит к выводу о том, что включение движимой вещи в состав единого недвижимого комплекса противоречило бы Федеральному закону "О государственной регистрации недвижимости", поскольку им не предусмотрена процедура регистрации движимых вещей в составе подобного комплексного объекта [6]. Помимо этого, в Единый государственный реестр недвижимости вносятся сведения об объектах, входящих в состав единого недвижимого комплекса, которые являются сами по себе объектами недвижимости, а следовательно нельзя осуществить регистрацию движимой вещи в качестве недвижимой. Также технический план единого недвижимого комплекса должен содержать в себе подробное описание всех входящих в него объектов, но нормативно-правовой базой не предусмотрен порядок описания движимых вещей в качестве элемента подобного комплексного объекта недвижимости. Веденин А.А. высказывает позицию о том, что движимая вещь может являться составной частью объекта недвижимости, который в свою очередь входит в состав единого недвижимого комплекса, но при этом сам движимый объект не может признаваться его отдельно взятым элементом [7].

Востребованность конструкции единого недвижимого комплекса в большей степени зависит от дальнейшей модернизации норм гражданского законодательства, которая придаст ей необходимую гибкость и сделает более привлекательной для участников гражданского оборота. На наше взгляд, необходимо отойти от применения в отношении единых недвижимых комплексов правил о неделимых вещах, позволить

собственникам самостоятельно определять юридическую судьбу как всего комплекса, так его составных частей, производить их вычленение с целью дальнейшего управления или реализации, преобразовывать в несколько подобных комплексных объектов. Помимо этого, целесообразным представляется уточнение перечня объектов, которые могут входить в состав единого недвижимого комплекса, с целью устранения возможности двойного толкования статьи 133.1 ГК РФ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301
2. <Письмо> ФГБУ "ФКП Росреестра" от 16.01.2019 N 10-0023/19 "Для сведения и учета в работе" (вместе с <Письмом> Минэкономразвития России от 23.11.2018 N Д23и-6307 "О рассмотрении обращения") // СПС КонсультантПлюс
3. <Письмо> Росимущества от 30.12.2015 N АЧ-18/56045 "О единообразии учета в реестре федерального имущества сведений о едином недвижимом комплексе" // СПС КонсультантПлюс
4. Проект Федерального закона "О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования законодательства о недвижимом имуществе" (подготовлен Росреестром) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.12.2020) // СПС КонсультантПлюс
5. Коваленко Артем Алексеевич, Павлова Инесса Павловна, Автушенко Константин Васильевич Эффективность применения конструкции «Единый недвижимый комплекс» в гражданском обороте. Анализ комплекса проблем кадастрового учета и регистрации прав // Экономика и экология территориальных образований. 2017.
6. Макарова Ксения Олеговна "ФАКТИЧЕСКИЙ" ЕДИНЫЙ НЕДВИЖИМЫЙ КОМПЛЕКС КАК ОБЪЕКТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПО НАЛОГУ НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИЙ. // Налоги и налогообложение. 2021.

Веденин А.А. Сравнительно-правовой анализ понятий «Единый недвижимый комплекс», «Предприятие как имущественный комплекс» и «Комплекс имущества» // Вестник Московского университета. Серия 11. Право.

Российское нормативно-правовое регулирование после введения трансграничного
углеродного налога в европейском союзе
Таджетдинова Амалия Наилевна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

В июле 2021 года Европейская комиссия представила проект трансграничного углеродного регулирования, который внесет изменения в традиционную двустороннюю торговлю между Россией и странами Европейского союза. Являясь одним из крупнейших экспортеров продукции, Россия вынуждена адаптироваться к новым правилам на европейском рынке с целью минимизации рисков в поставках энергоресурсов. Помимо внедрения дополнительных инвестиций в новые климатические проекты, государство сталкивается с необходимостью своевременной гармонизации национального законодательства в соответствии с европейскими стандартами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Европейский союз, Россия, трансграничное углеродное регулирование, гармонизация норм права, нормативно-правовое регулирование, система торговли квотами на выбросы, декарбонизация

ABSTRACT

In July 2021, the European Commission presented a draft cross-border carbon regulation, which will make changes to the traditional bilateral trade between Russia and the countries of the European Union. Being one of the largest exporters of products, Russia is forced to adapt to the new rules on the European market in order to minimize risks in the supply of energy resources. In addition to the introduction of additional investments in new climate projects, the state faces the need for timely harmonization of national legislation in accordance with European standards.

KEYWORDS

European Union, Russia, cross-border carbon regulation, harmonization of legal norms, regulatory regulation, emissions trading system, decarbonization

Глобальное изменение климата вследствие увеличения выбросов парниковых газов антропогенного происхождения рассматривается как одна из наиболее острых проблем современности. В таких условиях страны Европейского союза осознают необходимость принятия мер для перехода к низкоуглеродной экономике. В качестве одного из инструментов декарбонизации европейские страны рассматривают трансграничный углеродный налог (Carbon border adjustment mechanism - CBAM) [1] в рамках общеевропейского проекта Green Deal («Зеленая сделка»), который предполагает установление барьеров на ввозимую углеродоемкую продукцию с 2023 года. Основной целью налога является уравнивание мер климатического законодательства в отношении

внутренних и внешних производителей продукции для продажи на территории Европейского союза с целью минимизации «утечки углерода».

На данный момент в список товаров, облагаемых налогом, входят алюминий (включая сплавы), железо и сталь, а также изделия из них, удобрения, цемент и электроэнергия. Нефть и нефтепродукты пока не фигурируют в этом списке, однако Европейская комиссия до сих пор не исключает возможности расширения и уточнения товаров, на которых будет распространяться действие налога. Окончательное решение отсутствует, в частности, в отношении водорода, аммиака и продуктов нефтепереработки.

Для покрытия углеродного следа продукции, импортеры будут приобретать сертификаты, стоимость которых будет определяться рыночной ценой углекислого газа в рамках системы торговли квотами на выбросы (European Union Emissions Trading System - EU ETS). Поскольку Россия экспортирует в страны Европейского союза почти половину производимой продукции, [2] введение трансграничного углеродного регулирования потенциально окажет дополнительную финансовую нагрузку. Во избежание двойного налогообложения импортеры могут учитывать уплаченную стоимость углекислого газа в рамках национальной системы учета выбросов. В России собственное углеродное регулирование, аналогичное EU ETS, пока отсутствует, что является дополнительным стимулом для ускоренной гармонизации национального нормативно-правового регулирования в соответствии с европейскими стандартами.

Российское правительство осознает необходимость в принятии соответствующих мер. Так, в июне 2021 года был принят Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов», [3] устанавливающий основы углеродного регулирования. Документ предполагает введение национального учета выбросов парниковых газов и формирование соответствующего кадастра. Регулируемые организации будут обязаны представлять ежегодную отчетность о выбросах, что позволяет закрепить границы регулируемой деятельности в разрезе секторов экономики. В то же время закон не предполагает установления размера целевого показателя сокращения выбросов и возможности приведения к мировым стандартам системы определения объемов выбросов. [4]

Более жесткое регулирование в виде системы торговли квотами на выбросы найдет отражение в рамках эксперимента по установлению специального регулирования выбросов и поглощения парниковых газов в Сахалинской области. Федеральный закон о введении экспериментального углеродного регулирования, [5] целью которого является достижение углеродной нейтральности региона к 2025 году, будет принят до конца 2021 года. Проект носит региональный характер, тем не менее, инициатива имеет потенциал к расширению на общероссийском уровне. Сахалинский эксперимент позволит активизировать международное сотрудничество по климатическому направлению и стать основой для обсуждения с европейскими странами возможности снижения нагрузки на российские компании вследствие введения трансграничного углеродного налога.

Однако необходимость в оперативной адаптации к европейским нововведениям стимулирует предпринимать меры не только на федеральном уровне, но и на уровне компаний. Тренд на сокращение углеродного следа продукции и привлечение

дополнительных инвестиций в климатические проекты, целью которых является генерация «чистой» энергии или частичное использование низкоуглеродных технологий, становится все более заметным. Российские энергетические компании проводят верификацию отчетности на соответствие требованиям национальных и международных стандартов. [6] В начале 2021 года ПАО «Татнефть» присоединилась к международной инициативе SBTi (Science Based Targets initiative) на платформе «Амбициозные корпоративные действия по недопущению превышения температуры планеты выше 1,5 градусов по Цельсию» (Business Ambition for 1.5 C). [7] Следуя трендам устойчивого развития, ПАО «Газпром» осуществляет политику энергосбережения и энергоэффективности в рамках системы экологического менеджмента. [8] Трансграничный углеродный налог способен оказать существенный эффект на бизнес, и российские компании, экспортирующие продукцию в Европейский союз, не могут это недооценивать, поэтому уделяют повышенное внимание климатической повестке и проблеме декарбонизации.

Для минимизации рисков от введения европейского трансграничного углеродного налога Россия нуждается в гармонизации норм углеродного регулирования в соответствии с международными стандартами, а также в осуществлении низкоуглеродных проектов на территории России, которые позволили бы модернизировать топливно-энергетический комплекс страны. В полной мере налог будет действовать лишь с 2035 года, поэтому у России есть время адаптироваться к европейским нововведениям.

В настоящий момент для России целесообразным представляется консолидировать усилия стейкхолдеров энергетических отношений в лице федеральных органов исполнительной власти и заинтересованных компаний во взаимодействии с представителями Европейского союза и других крупнейших торговых партнеров ЕС. В том числе необходимо обратить внимание на важнейшие аспекты, определяющие величину вводимого европейскими партнерами налога, такие как возможность учета реализуемых компаниями климатических проектов и вопросы верификации данных. [9] Именно активное отстаивание государственными органами переговорной позиции, сформированной при участии бизнес сообщества, позволит сократить негативные последствия от изменений в европейском нормативно-правовом регулировании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Proposal for a regulation of the European parliament and of the council establishing a carbon border adjustment mechanism https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/carbon_border_adjustment_mechanism_0.pdf
2. Риски углеродного регулирования ЕС – влияние на российский бизнес // KPMG. С.6 [gaexpert.eu/files/Риски_углеродного_регулирования_ЕС__влияние_на_российский.pdf](https://www.kpmg.com/au/issuesandinsights/articlespublications/risks-of-carbon-border-adjustment-to-russian-business.pdf)
3. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020031>

4. Трансграничное углеродное регулирование: вызовы и возможности // Энергетический бюллетень №98. С.16. ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2021/бюллетень_№_98.pdf
5. Проект Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования выбросов и поглощения парниковых газов в Сахалинской области» // <https://regulation.gov.ru/projects#npa=114717>
6. Bureau Veritas верифицировала утверждения по парниковым газам ПАО «НОВАТЭК» по стандарту ISO 14064 // BUREAU VERITAS. Режим доступа: <https://www.bureau-veritas.ru/newsroom/bureau-veritas-verificirovala-utverzhdeniya-po-parnikovym-gazam-pao-novatek-po-standartu> (дата обращения: 02.10.2021)
7. «Татнефть» - среди лидеров глобальной климатической повестки // Татнефть. Режим доступа: <https://www.tatneft.ru/press-tsentr/press-relizi/more/8303?lang=ru> (дата обращения: 02.10.2021)
8. Охрана природы // Газпром. Режим доступа: <https://www.gazprom.ru/nature/> (дата обращения: 02.10.2021)

Трансграничное углеродное регулирование – что думают в Европе, а не в Брюсселе? // Институт проблем естественных монополий <http://ipem.ru/news/publications/2076.html>

Сравнение моделей налогообложения крупнейших стран отрасли по добыче нефти
Тимофеева Валерия Эдгаровна
Санкт-Петербургский Государственный Университет

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются различные налоговые режимы нефтедобывающей отрасли стран мира. Анализируются модели налогообложения в Казахстане, США, Норвегии и Российской Федерации. Выделяются преимущества различных налоговых инструментов и анализируются их недостатки. Рассмотрены вопросы налоговых вычетов и льгот в разных государствах. Показана тенденция расширения сферы НДС, его применение в России. Произведен анализ налоговой реформы в Российской Федерации в 2020 году, ее целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Налогообложение, роялти, налог на добычу полезных ископаемых, соглашения о разделе продукции, налог

ABSTRACT

The article discusses various tax regimes of the oil industry in the countries of the world. The models of taxation in Kazakhstan, the USA, Norway and the Russian Federation are analyzed. The advantages of various tax instruments are highlighted and their disadvantages are analyzed. The issues of tax deductions and benefits in different states are considered. The trend of expanding the scope of NDT, its application in Russia is shown. The analysis of the tax reform in the Russian Federation in 2020 and its goals has been carried out.

KEYWORDS

Taxation, royalties, mineral extraction tax, production sharing agreements, tax

Вопросы налогообложения и выбора наиболее оптимального режима особо остро стоят у стран, специализирующихся на недропользовании и нефтегазовых отраслях, поскольку именно на этих налогах зиждется планирование бюджета. На данный момент в мировой практике не существует единой модели налогообложения, подходящей каждому крупному государству, активно развивающемуся в направлении добычи полезных ископаемых. Оптимальный налоговый режим создается путем учета социальных, экономических особенностей стран-участников рынка, результатов переговоров с инвесторами, общих принципов и задач отрасли: привлечение частных корпораций для финансирования крупных проектов; поддержание баланса интересов частных лиц и государства-собственника, тем самым обеспечивая совместное эффективное взаимодействие. [13]

Выделяют два основных налога в нефтегазовой отрасли: 1) нефтяное Роялти⁵³; 2) НДС⁵⁴. Также среди развивающихся стран распространены специальные налоговые

⁵³ Налог на право разработки запасами-рассчитывается как процент от валового дохода производителя.

⁵⁴ Налог на добычу полезных ископаемых

режимы, основывающихся на соглашениях о разделе продукции, например, в России, Нигерии, Индонезии, Ираке, и налог на сверхприбыль – Казахстан, Туркменистан.

Особенности налогообложения нефтедобывающей отрасли в Казахстане.

Рентабельность добычи природных ресурсов определяет действующие налоги в Казахстане. Если объемы добываемого сырья увеличиваются, то повышается налоговая ставка и наоборот. В том числе на модель налогообложения влияет способ реализации добытых нефти и газа: экспорт или внутренний рынок. В основе налога на сверхприбыль лежат реально добытые ископаемые. Такая материализация может колебаться от 0 до 60 % чистого дохода в отчетном периоде. Налог уплачивается по прогрессивной шкале. Прибыльность добычи нефти и газа без применения налогообложения составляет 20 %.[1,5]

Инвесторы, частные фирмы, заключая договоры, могут рассчитывать на индивидуальные ставки налога на добычу полезных ископаемых от государства. Льготные условия применяются при осуществлении работ по поиску новых недр и их разработке. Минимальная ставка составляет 0,5 % и не может опускаться ниже установленной планки. В каждом контракте она рассчитывается по усредненной стоимости реализации продукта. Однако расходы на доставку не учитываются. Таким образом, государство стремится обеспечить экономический рост в отрасли, поэтому поощряет инвестиции и частные инициативы. [1,5]

Особенности налогообложения нефтедобывающей отрасли в США.

В Соединенных Штатах Америки существует двухуровневая система налогообложения: налоги на федеральном уровне и платежи, сборы самих штатов, а в некоторых случаях во втором уровне выделяется еще и третий – налоги муниципалитета. Следовательно, каждый штат может самостоятельно влиять на роялти, сборы на выдачи лицензий, на бурение, ренту.

Если у компаний достаточно высокая прибыль от осуществляемой ими деятельности по добычи нефти и газа, то штатом с них дополнительно в том числе может взиматься и подоходный налог (0-12 %). На процент влияют такие факторы, как прибыль и затраты на всех стадиях добычи, которые несут компании. [3,6]

Размер роялти в США зависит от местонахождения сырья. В областях добычи на суше ставка изменяется в пределах 12-20 %. Значение ставки для добычи на водных территориях, отнесенных к юрисдикции США, составляет 18,5 % ; в случае , если месторождения выработанные , то для них ставка - 12,5 %.

Из всех налогов самая высокая ставка у налога на прибыль – 35 %. [3,6]

Особенности налогообложения нефтедобывающей отрасли в Норвегии.

В Норвегии нефте- и газодобывающая промышленность регулируется совокупностью общих законов о налогах. В этот перечень включен закон «О налогообложении нефти» от 13 июня 1975 г. No 35, «О налоге на выброс CO₂ в ходе нефтяных работ на континентальном шельфе» от 21 декабря 1990 г. No 72, «О нефтяных работах» от 29 ноября 1996 г.

Особенно актуален закон «О налоге на выброс CO₂ в ходе нефтяных работ на континентальном шельфе», поскольку при соответствии производства указанным в нем

стандартам на выброс CO₂ компаниям предоставляются налоговые льготы, которые могут достигать до 50 % вычета.

Корпорациям могут предоставляться и иные вычеты, зависящие от убытков, налоговой базы в целом, цен на нефть, других видов деятельности бизнеса. [3,6,11]

Несмотря на существующую систему льгот, налог на прибыль обладает фиксированной ставкой, составляющей 28 %, и она не может быть уменьшена, хотя все же ниже, чем в США.

Особенности налогообложения нефтедобывающей отрасли в Российской Федерации.

В 2020 году, осенью, в России была проведена налоговая реформа, повлиявшая на нефтедобывающую отрасль. В.В. Путиным был подписан закон, отменяющий многие льготы, охватывающие экспортные пошлины, НДС, а также изменяющий НДС (налог на дополнительный доход)⁵⁵. Последний налог достаточно новый для Российской Федерации. Его применение зависит от географического расположения недр и их выработанности. Именно налоги, поступающие в бюджет Российской Федерации из нефтедобывающей отрасли, составляют его основу. [7,9,10]

Во время реформы была произведена отмена пониженной ставки для сверхвязкой нефти; отмена льгот для нефти с особенностями физико-технического характера (это коснулось 15 месторождений). [10]

По поводу формирования отдельной группы по НДС, в которую вошли бы выработанные месторождения, с целью компенсации негативных последствий новых налоговых ставок ведутся дебаты. С одной стороны, с 1 января 2024 года лица, занимающиеся добычей ресурсов на выработанных месторождениях, смогут получить инвестиционный налоговый вычет. Минэнерго активно поддерживает расширение перечня участников, к которым может применяться НДС. Это реализуется для оптимизации данного сектора экономики, поддержки корпораций. Только процесс должен быть постепенным, нельзя произвести расширение за один момент. Под действие НДС уже попали недр, расположенные в Самарской, Сахалинской, Оренбургской областях, а также недр Северо-Кавказского федерального округа. С другой стороны, против этой идеи выступает Минфин, аргументируя тем, что компаниям придется платить больше по НДС, чем по НДС. Выделение третьей группы, по мнению замминистра финансов РФ не кажется целесообразным. [4,8]

Помимо произведенной в 2020 году реформы, есть и иные ключевые факторы, влияющие на объемы налоговых поступлений, а именно взаимосвязь с трудно извлекаемыми углеводородами, динамикой цен на сырье и иные ресурсы, а также с продукцией переработки. [7]

У НДС есть главное преимущество – это простота администрирования. Однако имеются и существенные недостатки. Например, твердая ставка, связь с мировыми ценами на нефть, следовательно, не учитывается разница условий каждого отдельного региона по добыче сырья.

Упомянутые ранее соглашения о разделе продукции также занимают значимое место в Российской Федерации. В нашей стране они активно применяются к двум

⁵⁵ Взимается с выручки от продажи нефти за вычетом расходов на ее добычу и транспортировку.

регионам: Харьяги и Сахалин. Именно в этих областях расположены трудно извлекаемые месторождения. Стоит отметить, что на данный момент в экономике России не существует удовлетворительной модели расчета таких соглашений, что затрудняет привлечение значительных инвестиций в часть отрасли. Однако учеными была разработана альтернативная схема с целью выявления эффективности проектов и инвестирования в них.[2, 11, 12] Единственный минус – минимальные доходы у государства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аманиязова Г.Д. Перспективы многовекторности развития нефтегазовой отрасли республики Казахстан // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. Т. 1. Вып. 3. С. 20–26.
2. Богаткина Ю.Г., Пономарева И.А., Еремин Н.А. Применение информационных технологий для экономической оценки нефтегазовых инвестиционных проектов: монография. М.: Макс Пресс, 2017. 148с.
3. Богаткина Ю.Г., Еремин Н.А., Лындин В.Н. Проблемы налогообложения в нефтегазодобыче // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2018. No1. С.7-11.
4. Выработанные месторождения могут быть включены в отдельную группу НДС. [Электронный ресурс]: финансовый портал «Финанз». – Режим доступа: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/vyrobotannye-mestorozhdeniya-mogut-byt-vklyucheny-v-otdelnuyu-gruppu-ndd-1030430009> (дата обращения: 01.10.2021)
5. Егоров О.И., Чигаркина О.А., Баймуханов А.С. Нефтегазовый комплекс Казахстана: проблемы развития и эффективного функционирования / Алматы: Атымура, 2003. 535 с.
6. Журавлев Я.А. Анализ опыта ряда зарубежных стран в сфере налогообложения добычи нефти и газа // Актуальные вопросы современной науки. Санкт-Петербург: Научно-издательский центр «Открытие», 2017. No7. С 236.
7. Каширина М.В., Большаков В.В. Проблемы налогообложения и налогового администрирования нефтяных компаний (на примере ПАО «Нефтяная компания «Роснефть») // Московский экономический журнал. 2019. No2. С. 253-269.
8. Минфин выступил против включения выработанных месторождений в отдельную группу НДС. [Электронный ресурс]: интернет-издание «ТАСС». – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11463579> (дата обращения: 01.10.2021)
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021).
10. Путин подписал закон о реформе НДС для нефтяной отрасли с 2021г. [Электронный ресурс]: интернет-издание «Интерфакс». – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/731658> (дата обращения: 01.10.2021)
11. Юшкова О. Международная практика взимания платежей при добыче полезных ископаемых на примере Канады, США, Великобритании и Норвегии // Сб. науч. тр. VII Междунар. науч.-практич.конф. «Наука и просвещение». М. 2017. С. 149-150.
12. KlevJ. A comparison of various governance and tax models// ECON Oil&gas. Oslo, 2015.P. 15. URL: <http://www.wgei.org/wp-content/uploads/2015/09/12-Comparison-of-Various-Governance-and-Tax-Models.pdf> (accessed 01.10.2021).

13. Hallmark T. Political Risk: Assessing dangers in international exploration, development
// Offshore Magazine. - 1991. - No5. - 27-34 p.

Правовое регулирование стабильного и устойчивого развития топливно-энергетического комплекса в условиях цифровизации и экологизации
Токмакова Елена Петровна
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В статье приведено описание современных глобальных тенденций в мировой экономике. Был проведен анализ правового регулирования Европейского союза, Российской Федерации в условиях цифровизации и экологизации на основе законодательства Европейского союза, Российской Федерации, научных статей и научно-практических публикаций. Были предложены рекомендации по стабильному и устойчивому развитию топливно-энергетического комплекса, его правовому регулированию и управлению природными ресурсами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовое регулирование, экологическое право, энергетическое право, информационное право, экологизация, цифровизация, устойчивость, стабильность, управление природными ресурсами

ABSTRACT

The article describes the current global trends in the world economy. The analysis of the legal regulation of the European Union, the Russian Federation in the conditions of digitalization and greening on the basis of the legislation of the European Union, the Russian Federation, scientific articles and scientific and practical publications was carried out. Recommendations were proposed for the stable and sustainable development of the fuel and energy complex, its legal regulation and management of natural resources.

KEYWORDS

Legal regulation, environmental law, energy law, information law, greening, digitalization, sustainability, stability, natural resource management

Отличительными чертами современной мировой экономики являются следующие ключевые тенденции: цифровизация, автоматизация, глобализация, экологизация, демографические изменения, сетевое общество, ускорение технологических и социальных изменений [4].

Цифровизация является технологическим шоком для экономики, который оказывает влияние на такие важные показатели экономической деятельности, как конкуренция, производительность [1]. Цифровые технологии оказывают влияние на поведение учреждений, фирм, государственное управление и бизнес управление [1]. В будущем ожидается, что цифровизация экономики будет продолжаться, расширяться и углубляться, что будет способствовать увеличению таких показателей, как производительность, эффективность, уровень социально-экономического развития [6].

Экологизация экономики является мировым трендом по достижению устойчивого развития [2]. Модель зеленой экономики учитывает экологические и

социальные внешние факторы [2]. В экологической модели экономики рост ВВП не рассматривается как конечная цель [2]. основополагающими принципами модели зеленой экономики являются эффективность использования ресурсов и природный капитал [2]. Согласно модели зеленой экономики ухудшение состояния окружающей среды ослабляет долгосрочный экономический рост [2].

Европейский союз уже утвердил и находится в процессе усовершенствования курса на внедрение цифровизации и экологизации. В 2015 году в Европейском союзе была принята Стратегия единого цифрового рынка для Европы [7]. Впоследствии в Европейском союзе были приняты законодательные меры, регулирующие цифровой контент, которые формируют европейское законодательство и национальные законодательства в данной сфере [7]. Речь идет о следующих законодательных актах: Директива о цифровом контенте (COM/2015/0634 final - 2015/0287 (COD)), Директива о правах потребителей (Directive 2011/83/EU), Директива об электронной торговле (Directive 2000/31/EC), Положение о трансграничной переносимости услуг онлайн контента на внутреннем рынке (Regulation (EU) 2017/1128). В 2019 году были обновлены Директива о цифровом контенте (Directive (EU) 2019/770), Директива о правах потребителей (Directive (EU) 2019/2161). 15 декабря 2020 года Европейской комиссией были внесены законодательные предложения по улучшению законодательного регулирования единого рынка цифровых услуг в ЕС (COM(2020) 825 final — 2020/0361 (COD)) и о конкурентных и справедливых рынках в цифровом секторе (Закон о цифровых рынках) (COM/2020/842 final - 2020/0374(COD)).

Экологизация экономики активно проводится в Европейском союзе. В Европейском союзе действует Европейский зеленый курс (The European Green Deal), направленный на превращение Европы в климатически нейтральный регион. В рамках данного курса приняты Целевой план по климату на период до 2030 года (COM/2020/562 final), Европейский климатический закон (Regulation (EU) 2021/1119).

В России цифровизация экономики активно реализуется. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется в России согласно Указу Президента РФ от 07.05.2018 N 204, Указу Президента РФ от 21.07.2020 N 474. В состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» входят федеральные проекты, такие как «Нормативное регулирование цифровой среды», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление», «Искусственный интеллект» и т.д.

Экологизация российской экономики находится в процессе развития. Регулирование охраны окружающей среды закреплено в Конституции Российской Федерации, Федеральном законе «Об охране окружающей среды», Федеральном законе «Об охране атмосферного воздуха», и других законодательных актах РФ, актах Правительства РФ, стандартах.

Описанные процессы цифровизации и экологизации оказывают влияние на все отрасли экономики и топливно-энергетический комплекс не является исключением.

Перед государствами стоит задача по обеспечению с помощью правого регулирования стабильного и устойчивого развития отраслей экономики в условиях цифровизации и экологизации. Устойчивое государственное управление экономикой означает создание экономической системы, способной восстанавливаться после сбоев и

нарушений системы [3]. «Устойчивым экономическим ростом» согласно ОЭСР является экономический рост, который учитывает экономические, социальные и экологические вопросы [5]. России рекомендуется гармонизировать экологические показатели со странами, в которые она экспортирует свою продукцию [8].

Предприятиям, формирующим топливно-энергетический комплекс, особенно предприятиям, поставляющим продукцию на экспорт, необходимо адаптировать управление непрерывностью бизнеса согласно изменениям в законодательстве, экономике и окружающей среде, соблюдать социально-экологическую ответственность бизнеса и корпоративную социальную ответственность [9, 10].

На основе проведенного исследования были получены следующие выводы. Цифровизация и экологизация относятся к современным глобальным тенденциям в мировой экономике. Европейский союз уже утвердил и находится в процессе усовершенствования курса на внедрение цифровизации и экологизации. Россия активно проводит цифровизацию и экологизацию экономики. Актуальной задачей государств является правовое регулирование стабильного и устойчивого развития отраслей экономики в условиях цифровизации и экологизации. Указанные процессы оказывают влияние на все отрасли экономики и топливно-энергетический комплекс не является исключением. Предприятиям, формирующим топливно-энергетический комплекс, необходимо адаптировать управление непрерывностью бизнеса согласно изменениям в законодательстве, экономике и окружающей среде.

ЛИТЕРАТУРА:

1. European Central Bank. (2018). Economic Bulletin, Issue 7 / 2018.
2. European Commission. (2018). Tools and Methods Series, Reference Document № 25. The inclusive green economy in EU development cooperation. An innovative approach at the intersection of the EU's Planet, People and Prosperity objectives.
3. Linkov I., Trump B.D. (2019). The Science and Practice of Resilience. Risk, Systems and Decisions. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04565-4_5
4. Loshkareva, E., Luksha, P., Ninenko, I., Smagin, D., & Sudakov, D. (2017). Skills of the Future. How to Thrive in the Complex New World. Global Education Futures and WorldSkills Russia.
5. OECD. (2011). OECD work on Sustainable Development.
6. OECD. (2017). Key Issues for Digital Transformation in the G20.
7. Schulze, R., Staudenmayer D. (2020). EU Digital Law: Article-by-Article Commentary.
8. Егорова С.Е., Богданович И.С., Кистаева Н.Н. (2020). Экологические показатели как инструмент сбалансированного развития экономики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Т. 13, № 6. С. 7–19. DOI: 10.18721/JE.13601
9. Копытова Е. Д. (2017). К вопросу о социально-экологической ответственности бизнеса // Вопросы территориального развития. №4 (39).
10. Петухов К. А. (2014). Экологические инициативы российских компаний в сфере корпоративной социальной ответственности // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. №5 (37).

Проявление кибератак на объектах ТЭК и меры их противодействия
Химич Алексей Александрович
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина

АНОТАЦИЯ

В статье анализируется сущность понятия «кибератака», его значение в современное время, а также формы и примеры проявления. Рассматривается кибербезопасность структуры объектов ТЭК, а также предусматриваются меры противодействия угрозам инфраструктуры объектов топливно-энергетического комплекса. Производится анализ нормативно-правовых актов, обеспечивающих безопасность ТЭК, а также приводится международный и отечественный опыт, включая различные средства защиты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Кибератака, кибербезопасность, ТЭК, цифровизация, средства защиты.

ABSTRACT

The article analyzes the essence of the concept of "cyberattack", its meaning in modern times, as well as forms and examples of its manifestation. The cybersecurity of the structure of fuel and energy complex facilities is considered, and measures to counter threats to the infrastructure of fuel and energy complex facilities are also envisaged. The analysis of regulatory legal acts ensuring the safety of the fuel and energy complex is carried out, as well as international and domestic experience, including various means of protection, is given.

KEYWORDS

Cyberattack, cybersecurity, fuel and energy, digitalization, means of protection.

В настоящее время процесс ускорения цифровизации энергетической инфраструктуры принес значительный вклад в получении многих экономических выгод. Однако данный этап развития способствовал увеличению риска кибератак, когда вредоносное программное обеспечение (ПО) может воспользоваться преимуществами растущей оцифровки энергетического оборудования.

По мнению Буз С.И. «киберпреступность (кибератака) - это любое преступление, совершенное с помощью информационных технологий или в информационном пространстве» [3, с.78]. Информационные технологии в данном случае относятся как к техническим средствам (персональные компьютеры, ноутбуки, смартфоны), так и к самой информации и ее носителям. Под информационным пространством понимаются информационные телекоммуникационные сети (например, Интернет). Особенность места преступления основана на необходимости использования специальных инструментов (информационных технологий), что уже является основной характеристикой кибератаки.

Зарубежные специалисты отмечают: «По мере того, как цифровизация в современном обществе развивается, кибербезопасность становится все более важной проблемой, затрагивающей почти все сектора и виды деятельности» [6, с.11].

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) медленно интегрируются в энергетическую инфраструктуру. Данная оцифровка позволила значительно повысить эффективность за счет оптимизации цепочки поставок благодаря анализу сложных данных и удаленному контролю.

Организации топливно-энергетического комплекса (ТЭК) обеспечивают работу промышленных и оборонных предприятий, а также других стратегических объектов. Отрасль энергетики способствует обеспечению жизнедеятельности городов, включая социально значимые объекты. Прекращение подачи энергии к данным объектам (больницы, телекоммуникации) может привести к дестабилизации ситуации в отдельных городах или даже в целой стране. Аварии и чрезвычайные ситуации на топливно-энергетических установках всегда вызывают широкое общественное обсуждение, а также они могут привести к экологическим катастрофам и гибели людей.

Деструктивное воздействие на инфраструктуру и промышленный шпионаж - главные цели для киберпреступников, атакующих ТЭК. Для проведения этих операций злоумышленникам требуются высокие технические навыки и правильная организация.

Следует отметить, что атаки на компьютерные сети энергокомпаний начались практически сразу после массового распространения компьютеров. Среди наиболее значимых атак можно отметить взлом в 2008 году серверов нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан. В 2012 году национальная нефтяная компания Саудовской Аравии подверглась нападению хакеров, в результате чего было повреждено около 30 000 компьютеров. В 2015 году в результате масштабной хакерской атаки были попытки вывести из строя серверы «Роснефти».

Совсем недавно эксперты по кибербезопасности обнаружили новую хакерскую группу под названием ChamelGang. Целями атак были отечественные компании топливно-энергетического комплекса и авиационной отрасли. Как минимум две атаки были успешными. Эксперты не раскрывают названия организаций, атакованных ChamelGang.

В настоящее время кибератаку можно разделить на 4 этапа:

1. Подготовка к атаке;
2. Проникновение в систему;
3. Распространение;
4. Акт вмешательства.

Подготовка к атаке:

Подготовка к кибератаке включает в себя определение конкретного объекта ТЭК (АЭС, ТЭЦ, ГРЭС), поиск как можно большего количества информации о ней, выявление слабых мест в системе безопасности. Затем разрабатывается стратегия, выбираются инструменты проникновения из ранее созданных или создаются новые и специализированные инструменты, которые затем тестируются на моделях.

Проникновение в систему:

На этом этапе злоумышленник внедряет троянский червь (вирус) в частный сервер объекта ТЭК, который может нанести непоправимый ущерб оборудованию. В этом случае вредоносный код внедряется в закрытую сеть.

Распространение:

Принимаются попытки максимально распространить свою программу внутри устройства, уделяя особое внимание важным моментам - запущенным серверам.

Акт вмешательства:

Этот этап является ключевым моментом, когда удаляются важные файлы, производятся манипуляции с устройствами, мониторинг и шпионаж, а также нейтрализация электрического оборудования. Создателей подобных кибератак отличает высокая квалификация и глубокое понимание промышленных систем управления и протоколов связи в электроэнергетике. Данные атаки могут осуществляться не только конкретными лицами, а целыми группами, действующими в интересах любого предприятия или государства.

Для того, чтобы предотвратить вышеперечисленные этапы кибератак, применяются специальные меры их противодействия.

Одной из основных задач, обозначенных в документе «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года» (Распоряжение Правительства от 9 июня 2020 года № 1523-р), является обеспечение безопасности государства, общественности и информации в сфере энергетики [1].

Комплекс ключевых мер, направленных на решение данной проблемы, включает в себя:

1. пресечение деятельности служб и специальных организаций зарубежных стран, террористических организаций и экстремистов, направленных на нанесение ущерба инфраструктуре и объектам топливно-энергетического комплекса;
2. осуществление федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса путем защиты от совершения актов незаконного вмешательства.

«Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации», ранее утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 216 от 13 мая 2019 г., дает направление развития кибербезопасности и импортозамещения в системах технологического управления энергетического комплекса, объекты которого относятся к критическим информационным инфраструктурам и устраняют следующие риски на законодательном уровне: [2]

1. незаконное использование информационных и телекоммуникационных технологий, в том числе осуществление компьютерных атак на объекты информационной инфраструктуры и сетей связи, которые могут привести к сбоям в работе объектов топливно-энергетического комплекса (ТЭК);
2. Несоответствие технологического уровня российских топливно-энергетических организаций современным мировым требованиям и чрезмерная зависимость их деятельности от импорта отдельных видов оборудования, технологий, материалов и услуг, программного обеспечения, усугубляемая монополией их поставщиков.

По мнению Антона Семейкина, директора Департамента экономической безопасности в ТЭК Минэнерго РФ, «при построении систем защиты ТЭК от кибератак приоритетное внимание следует уделять российским IT-технологиям и оборудованию» [5].

В декабре 2020 года, согласно информационному агентству Neftegaz.RU, Российское энергетическое агентство при Министерстве энергетики России планировало создать центр промышленной кибербезопасности в ТЭК. Ожидалось, что отраслевой Центр кибербезопасности ТЭК поможет координировать усилия по предотвращению кибератак, позволит создать «общие точки знаний и опыт в области компьютерных атак и уязвимостей для энергетической отрасли». [4].

Однако на сегодняшний день никакой информации по поводу функционирования данной организации нет.

Основными средствами защиты от целевых атак сегодня являются средства обнаружения всевозможных аномалий (кода, команд, поведения и т.д.). Принято выделять такие средства защиты, как FireEye, CheckPoint, McAfee и т.д. Это компании, специализирующиеся на создании ПО для обеспечения антивирусной безопасности и защиты компьютерных систем для предприятий и домашних пользователей. На объектах ТЭК также существуют центры мониторинга информационной безопасности, которые комплексно анализируют состояние атакуемой системы, а также своевременно оказывают сопротивление на текущие атаки, путем удаления вредоносных файлов.

Что же касается российских технологий, то нельзя не упомянуть про компании «Доктор Веб», «Лаборатория Касперского», а также «Аваст», которые нацелены на компьютерную безопасность и защиту от вредоносных программ, шпионского ПО и троянов, а также от других типов киберугроз, включая рекламное ПО, червей и фишинг. Если они не могут справиться с проблемой, то в этом случае привлекаются специалисты по мониторингу информационной безопасности ТЭК, которые делают все возможное для предотвращения утечки данных, а также для предотвращения вмешательства в информационную систему топливно-энергетического комплекса.

Таким образом, в заключение необходимо отметить, что кибератаки в настоящее время играют ключевую роль при обеспечении кибербезопасности на объектах ТЭК. Для реализации наиболее эффективного подхода к отражению кибератак необходимы новые независимые структуры, которые наблюдают за возможным внедрением новых вредоносных программ во все производственные системы, а также проверяют установленные системы безопасности. Необходимо также подчеркнуть актуальность международного сотрудничества, которое желательно развивать на основе взаимного укрепления коллективной технологической безопасности, организации многосторонней региональной защиты международных и внутренних трубопроводов, а также привлечения экспертов из разных стран для прогнозирования и предотвращения многих надвигающихся угроз.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1523-р «Об утверждении энергетической стратегии РФ на период до 2035 года». URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 04.10.2021)
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации». URL:

- <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72140884/> (дата обращения: 04.10.2021)
3. Буз С.И. «Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика» // Юрист – Правоведь, 2019, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupleniya-ponyatie-suschnost-i-obschaya-harakteristika> (дата обращения: 03.10.2021)
 4. Шевченко А. «При Минэнерго может появиться отраслевой центр кибербезопасности в ТЭК» // Энергетическая политика. ИА Neftegaz.RU. 18.12.2020. URL: <https://neftgaz.ru/news/tsifrovizatsiya/655338-pri-minenergo-mozhet-poyavitsya-otraslevoy-tsentr-kiberbezopasnosti-v-tek/> (дата обращения: 04.10.2021)
 5. Сайт Министерства энергетики РФ. «Директор Департамента экономической безопасности в ТЭК Минэнерго России Антон Семейкин принял участие в оценке защищенности объектов критической информационной инфраструктуры ТЭЦ-25 ПАО «Мосэнерго», 11.12.2020. URL : <https://minenergo.gov.ru/node/19638> (дата обращения: 05.10.2021)
- Arnault Barichella, «Cybersecurity in the Energy Sector: A Comparative Analysis between Europe and the United States», Études de l'Ifri, Ifri, February 2018. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/barichella_cybersecurity_energy_sector_2018.pdf (дата обращения: 04.10.2021)

Актуальные проблемы правового регулирования опционных конструкций
Хомяк Виктория Михайловна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В 2015 г. в российском праве появилось два института – опцион на заключение договора и опционный договор. Данное событие привело к неоднозначной реакции, так как во многих зарубежных странах, как правило, регламентирован лишь один из названных институтов. Объясняется это тем, что для регулирования соответствующих отношений, по мнению ученых, достаточно и одного института.

Несмотря на это, российский законодатель посчитал разумным внедрение в российскую правовую систему именно двух этих институтов. Тот факт, что опционные конструкции регулируются гражданским законодательством совсем недлительное время, вызывает интерес и, вместе с тем, определенные затруднения практического применения соответствующих норм права. В связи с этим, всесторонний анализ различных проблем, возникающих в сфере применения опционных конструкций следует считать актуальным и необходимым в современное время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Опционные конструкции, актуальные проблемы, опционный договор, опцион на заключение договора, правовое регулирование, правовые проблемы, приобретение товара в будущем, обязанная сторона, обязанность исполнения.

ABSTRACT

In 2015, two institutions appeared in Russian law – an option to conclude a contract and an option contract. This event led to an ambiguous reaction, since in many foreign countries, as a rule, only one of these institutions is regulated. This is explained by the fact that, according to scientists, one institution is enough to regulate the relevant relations.

Despite this, the Russian legislator considered it reasonable to introduce these two institutions into the Russian legal system. The fact that optional constructions are not regulated by civil legislation for a very long time causes interest and, at the same time, certain difficulties in the practical application of the relevant legal norms. In this regard, a comprehensive analysis of various problems arising in the field of application of optional structures should be considered relevant and necessary in modern times.

KEYWORDS

Option constructions, current problems, option contract, option to conclude a contract, legal regulation, legal problems, purchase of goods in the future, obligated party, obligation of performance.

Опционные конструкции в гражданском законодательстве России урегулированы относительно недавно. Это приводит к тому, что в практической деятельности возникают определенные трудности в применении соответствующих норм права. Поэтому важно понимать, какие именно проблемы препятствуют распространению и

увеличению интенсивности использования опционных конструкций на практике. Эти проблемы могут быть связаны, прежде всего, с особенностями формулирования норм права, регламентирующих соответствующие отношения.

Рассмотрим некоторые проблемы применения опционных конструкций.

Первая проблема оказывает существенное влияние на предпринимательскую деятельность. Эта проблема связано с возможностью заключать опционные договорные конструкции в целом в отношении товара, которым на момент заключения обязанная сторона не обладает. В. В. Ралько считает, что в целом заключение таких соглашений при таких обстоятельствах, учитывая п. 2 ст. 455 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), вполне правомерно⁵⁶.

Думается, данное мнение верно отчасти. Так, в соответствии с п. 2 ст. 455 ГК РФ, стороны имеют право на заключение договора купли-продажи товара, который продавец будет приобретать в будущем. При рассмотрении данной правовой очень важно учитывать ее системную взаимосвязь со ст. 454 ГК РФ и ст. 209 ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 454 ГК РФ, по договору купли-продажи товара первая сторона (продавец) обязана осуществить передачу вещи (товара) в собственность второй стороне (покупателю). В свою очередь, покупатель обязан принять данный товар и осуществить выплату определенной денежной суммы (цены) за этот товар. Соответственно, обязательство купли-продажи подразумевает то, что продавец должен распорядиться товаром.

Следует отметить, что в рамках предпринимательской деятельности опционный договор, содержащий условие о потестативном исполнении, применяется преимущественной в корпоративных отношениях. Например, применение такого договора характерно при требовании реализовать принадлежащие миноритариям долей в уставном капитале или акциях, которое считается заявленным мажоритарным участником общества (акционером) в случае, когда коммерческая организация достигла соответствующий уровень рентабельности.

Наряду с корпоративными отношениями, рассматриваемая конструкция может быть применена и в биржевой торговле, в рамках которой стороны договариваются реализовать или приобрести основной базисный актив, стоимость которого в определенный момент достигает оговоренной стоимости.

Далее отметим, что в п. 1 ст. 209 ГК РФ определено то, что собственник обладает правом владеть, пользоваться и распоряжаться соответствующим имуществом. Соответственно, продавец имеет право на распоряжение товаром, который ему принадлежит, только в том случае, когда он обладает на него правом собственности или имущественными правами, позволяющими получить такой товар в будущем.

Наряду с этим, в п. 2 ст. 455 ГК РФ указано на приобретение товара в будущем, то есть на реализацию продавцом определенного права принять товар, который выступает в качестве предмета договора купли-продажи.

Кроме того, обязанная сторона при заключении договора купли-продажи товара с элементами опционной конструкции, в обязательном порядке должна обеспечить на

⁵⁶Ралько В.В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве //Нотариус. 2016. № 5. С. 38-44.

момент заключения соответствующего договора или наличие необходимого товара, или имущественные права на получение такого товара в будущем. В ином случае можно уверенно говорить о том, что такой договор был бы ничтожным, т.е. опционное обязательство о передаче товара по требованию тоже было бы ничтожным. Объясняется этом тем, что в таком случае обязанная сторона не обладает правом распоряжения на необходимый в рамках их соглашения со второй стороной товара.

Учитывая специфику предпринимательской деятельности, другой подход к таким договорам привел бы к тому, что товарный рынок изменился бы на рынок имущественных обязательств, которые не обеспечены реальным товаром или правами на то, чтобы получить его в будущем.

Вместе с тем, следует учитывать недопустимость ограничения предпринимательской инициативы. При готовности субъектов предпринимательской деятельности заключать опционные договоры при условии отсутствия на этот момент товара не следует их ограничивать. Это подтверждается тем, что данные субъекты обладают правом на заключение такого договора в соответствии с принципом свободы договора. При этом, очевидно, необходимо соблюдать публичные интересы. В этих целях возможно применение императивного запрета, что не является наиболее разумным. Наиболее предпочтительным можно считать разработку механизма обязательного имущественного страхования ответственности субъекта предпринимательства, который выступает в опционном договоре в качестве обязанной стороны.

Соответственно, несмотря на различные трудности применения опционных договорных конструкций, они обладают рядом особенностей, которые обеспечивают субъекту предпринимательской деятельности возможность значительного расширения условий заключения договоров и детализации их в соответствии с собственными экономическими и частноправовыми интересами.

Другая проблема связана с существованием, как было отмечено ранее, особенностей опционных договорных конструкций, которые приводят к невозможности замены прямого волеизъявления стороны-акцептанта на заключение договора теми или иными действиями, которые могут истолковываться как подобное волеизъявление. То есть, существует проблема установления волеизъявления стороны-акцептанта.

Данная проблема заключается в большей степени в том, что в ч. 3 ст. 438 ГК РФ законодатель предоставил участникам гражданских правоотношений возможность замены действительного и бесспорного волеизъявления соответствующей стороны в виде акцепта направленной оферты действиями, которые сторона-оферент вправе истолковывать в качестве согласия на заключение основного договора. В ч. 3 ст. 438 ГК РФ прямо говорится о том, что совершение лицом, которое получило оферту в оговоренный договором срок акцепта действий по выполнению соответствующих условий (отгрузить товары, предоставить услуги, выполнить работы, уплатить определенную сумму), является акцептом в случае, если иное не предусмотрено действующим законодательством или не определено в оферте. При этом список действий, которые можно истолковывать как акцепт направленной оферты не является закрытым.

Недопустима подмена фактического волеизъявления толкованием конклюдентных действий в случае, если субъект предпринимательской деятельности испытывает неопределенность при принятии решения о приобретении соответствующего товара.

Учитывая организационный характер опционных договорных конструкций, сторона акцептант, которая испытывает неопределенность при заключении договора, имеет право на совершение ряда организационных действий, которые направлены на то, чтобы в дальнейшем осуществить приемку результата исполнения основного договора. Например, возможно указание отгрузочных реквизитов, произвести предварительную оплату стоимости товара, которые поставяется в рамках соответствующего договора. Осуществление таких действий не подразумевает, что сторона-акцептант пришла к определенности заключения основного договора. Учитывая наличие существенного риска в предпринимательской деятельности, как акцепт направленной в рамках опционного соглашения оферты возможно рассматривать исключительно волеизъявление, направленное конкретно стороне-оференту при условии однозначности такого волеизъявления. То есть в данном случае волеизъявление не может направляться иным лицам, хоть они являются контрагентом любой из сторон договора.

Такая же ситуация возникает и в рамках исполнении опционного договора. Этому не препятствует даже то, что в данной опционной конструкции не применяется институт акцепта направленной оферты. Факт заключения конкретно опционного договора, а не договора поставки, например, обусловлен именно неопределенностью цели предпринимательской деятельности в форме получения результата исполнения по требованию для обязывающей стороны. Соответственно, в данном случае обязывающая сторона также в случае неопределенности принятия решения имеет право на совершение определенных действий, направленных на своевременное принятие исполнения от обязанной стороны в рамках заключенного между ними опционного договора.

Таким образом, главным является то, что обязанная сторона может быть освобождена в рамках соответствующего опционного договора от принятия обязательств по совершению определенных действий только при наличии такого условия в договоре. Это находится в полном соответствии с п. 1 ст. 407 ГК РФ.

Во всех случаях для того, чтобы погасить принятые обязательств и в опционном договоре, и в опционном соглашении в связи с истечением срока заявления требования или истечением срока для акцепта направленной оферты заинтересованной стороне отсутствует необходимость принимать какие-либо активные действия. Подобные обязательства погашаются помимо воли заинтересованных сторон соответствующих опционных договорных конструкций.

Таким образом, опционные договорные конструкции отличаются наличием ряда особенностей их заключения и исполнения. Анализ законодательства, регламентирующего указанные отношения, показывает, что для правильного исполнения обязательств в рамках таких договорных конструкций необходимо четко понимать все особенности правового регулирования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
 2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Российская газета, № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996.
 3. Карапетов А.Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.
 4. Кухаренко А. С. Понятие и правовая природа опционного договора в российском праве // Право. № 5. 2021. С. 50-54.
- Ралько В. В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве // Нотариус. 2016. № 5. С. 38-44.

Правовое регулирование проекта «Северный поток-2»: политический аспект
Чугунов Глеб Павлович
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

Эта статья содержит информацию и аналитику относительно правовых основ строительства газопровода «Северный поток-2». После многих попыток видоизменить право в области энергетики, Европейскому Союзу все-таки удалось охватить трубы газопровода, пролегающие на дне Балтийского моря. Однако основным движущим механизмом этих изменений является не столько экономический, сколько политический фактор.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Северный поток-2, газопровод, ЕС, Набукко, Южный поток, Европейская Комиссия, третий энергетический пакет.

ABSTRACT

This article contains information and analysis on the legal basis for the construction of the Nord Stream-2 gas pipeline. After many attempts to modify the law in the field of energy, the European Union still managed to cover the gas pipeline pipes running at the bottom of the Baltic Sea. However, the main driving mechanism of these changes is not so much the economic as the political factor.

KEYWORDS

Nord Stream-2, gas pipeline, EU, Nabucco, South Stream, European Commission, third energy package.

Проект СП-2 частично регулируется энергетическим законодательством ЕС – в частности, Третьим энергетическим пакетом (далее – ТЭП) от 2009 г. [1] Существует два основных аспекта относительно адресности законодательства Евросоюза (далее – ЕС) в этом вопросе: распространение ТЭП на сухопутную часть газопровода, а также распространение энергетического законодательства ЕС на морскую часть проекта.

Что касается продолжения «Северного потока-2» на суше, очевидно, что оно полностью регулируется законодательством ЕС в области энергетики. Однако по мнению некоторых аналитиков, правила ТЭП должны охватывать ту часть газопровода, которая пролегает непосредственно в море. [2] В этом случае главную роль играет юридическая коннотация газопровода, как и его природа. Если рассматривать те трубы, которые прокладываются по дну Балтийского моря и дополняют мощности первого «Северного потока» с точки зрения компании Nord Stream AG, они являют собой импортный газопровод, функция которого сводится лишь к передаче газа на границу внутреннего рынка. Соответственно, СП-2 нельзя отнести к виду транспортной инфраструктуры, и, как следствие, на него нельзя распространить ТЭП. Скорее, его можно будет сравнить с теми трубопроводами, которые точно также транспортируют газ из стран, не входящих в ЕС, в Европу.[3] Существует прецедент, доказывающий тот

факт, что импортные газопроводы не входят в зону действия энергетического законодательства ЕС. Законодательство ЕС в сфере энергетики, т.е. ТЭП, требование по разукрупнению (unbundling) и проч. не распространялось на такие газопроводы как «Зеленый поток», газопровод Магриб-Европа, «Медгаз», «Трансмед», «Галси» (все перечисленные газопроводы соединяют Европу с Северной Африкой). [4]

В Директиву Третьего энергетического пакета 2009/73 включены три базовых аспекта, на которых зиждется вопрос эксплуатации газовой инфраструктуры. Первый – требование о разделении, или же разукрупнение (unbundling), которое подразумевает, что право на эксплуатацию и право на владение трубопроводом будет находиться в распоряжении у разных лиц, компаний. Второй аспект - доступ третьих сторон (third-party access), правило, предполагающее предоставление доступа к эксплуатации газопровода какому-либо из конкурентов. Третий – безопасность поставок, что подразумевает аспект сертификации операторов с участием компаний, не функционирующих в рамках ЕС (т.н. «оговорка Газпрома», 11 статья Газовой Директивы).

(однако в случае с СП-2 этот не вызывает вопросов и противоречий ни у одной из сторон.) По мнению многих европейских политиков проект СП-2 должен соответствовать этим требованиям без каких-либо оговорок.

Тем не менее, существует полностью противоположная модель, при которой ЕС может сделать ряд исключений для тех проектов, которые оказались ей наиболее приемлемыми. Одна из статей Газовой директивы, а именно 36, включает в себя возможность освобождения от требования о доступе третьих сторон, а также от требования о разукрупнении для крупных инфраструктурных проектов ЕС или же тех проектов, которые могли бы существенно повысить пропускную способность европейской инфраструктуры.

Предпосылкой для такого решения может послужить тот факт, что проект может также повысить уровень и степень энергетической безопасности поставок газа, повысить уровень рыночной конкуренции. В 36 статье подчеркивается, что юридическое или физическое лицо, которому принадлежит та или иная инфраструктура, с правовой точки зрения должно быть не связано с системными операторами, которые будут отвечать на процесс строительства. Требования о разделении участников, а также требование о разукрупнении должны быть реализованы с помощью определенного национального регулятора при сертификации оператора. Однако в конечном итоге решение о том, одобрить проект или нет стоит за Европейской Комиссией (далее – ЕК), что дает ей финальное слово в этом вопросе. [5]

В случае с проектом СП-2, он отвечает критериям энергобезопасности и является одним из ключевых проектов по энергоснабжению Европы. Текст поправок к Газовой Директиве, разработанный ЕК, ссылается на 194 статью Лиссабонского договора.[6] Согласно тексту самой директивы, политика ЕС в области энергетики должна обеспечивать и модернизировать функционирование энергетических рынков, безопасность поставок, энергоэффективность, энергосбережение, развитие новых ВИЭ и способствовать объединению энергетических сетей (energy grids). К сожалению, текст поправки к Газовой директиве не содержит информации о том, как вышеперечисленные условия и требования должны быть реализованы за счет этой самой поправки. Сама

Комиссия особо не распространяется о том, как эта поправка должна повлиять на улучшение состояния энергетического рынка ЕС. Напротив, тот факт, что проект «Северный поток-2» отвечает ряду требований 194 статьи Договора о функционировании ЕС, да еще и куда лучше, нежели существующая ныне газотранспортная сеть, находящаяся на Украине, просто игнорируется. По сути, надежность поставок газа в страны-члены ЕС повысится благодаря обеспечению трубопроводом новых транспортных мощностей, в то время как транзит топлива через территорию Украины останется.

Как и в случае с «Северным потоком», в газопровод-"преемник" будет поступать газ из полуострова Ямал, где находятся крупнейшие разрабатываемые запасы газа в России. Маршрут, предусмотренный проектом СП-2 будет экономить примерно 2000 км по сравнению с тем газопроводом, который идет до границы с Украиной. [7] Прежде всего, это более выгодно экономически. Более того, это потребует значительно меньшего по количеству сжигания природного газа, что лучше с точки зрения экологии. Помимо этого, новый газопровод более энергоэффективен, а также более долгосрочен и не будет нуждаться в ремонте еще долгие годы, в то время как многие бывшие советские газопроводы уже превысили планируемый срок эксплуатации и, соответственно, подвержены риску в высокой степени. Реконструкция украинской ГТС, которая планировалась еще с 2008 г. началась лишь в 2018 г.

Для обеспечения энергобезопасности в регионе совершенно не обязательно препятствовать реализации проекта СП-2. Напротив, по очевидным экономическим и энергетическим причинам проект важен для Европы - он отвечает критериям энергобезопасности и является одним из ключевых проектов по энергоснабжению региона.

Тем не менее, Еврокомиссия предприняла ряд попыток по изменению законодательства ЕС с целью усложнения условий для реализации проекта. Согласно официальной позиции Еврокомиссии, газопровод будет эксплуатироваться в т.н. «правовом вакууме», т.е. в противоречии с законодательством ЕС. По мнению ЕК в законодательстве Союза существует некоторая «правовая лазейка», которую необходимо ликвидировать. На самом деле, это всего лишь служит обоснованием для проведения ряда мер со стороны ЕК в этой области. [8]

Дело в том, что по мнению ЕК дать разрешение на эксплуатацию газопровода можно было лишь в том случае, если использование СП-2 будет соответствовать условиям «Третьей Директивы о газовом рынке» от 2009г. (т.е. ТЭП). Как уже было указано выше, согласно условиям этой Директивы, компания, эксплуатирующая трубопровод и компания, поставляющая газ должны быть независимы друг от друга. Более того, по условиям третьей Директивы доступ к половине труб газопровода должен быть предоставлен для других газодобывающих компаний. Что касается первого условия, в случае с СП-2, компанией-эксплуататором и компанией-поставщиком является Газпром. Второе из вышеназванных условий противоречит правилам экспорта российского газа (Газпром – единственная компания, имеющая право на экспорт российского природного газа с 2006 г.). По мнению ЕК, Газпрому необходимо будет передать право собственности на СП-2 какой-либо независимой компании (к примеру, для российской НОВАТЭК) для выполнения требования о разделении собственности

между добычей и транспортировкой (third-party access). В свою очередь, российская законодательная власть должна будет, по мнению ЕК, изменить правила относительно монополии добычи газа в стране, лишив права на эту монополию Газпром. ЕК еще в 2012 г. инициировала антимонопольное расследование в отношении концерна, однако к 2018 г. сторонам удалось достичь мирового соглашения.

Именно поэтому ЕК предприняла ряд шагов в попытке расширения зоны действия третьей газовой Директивы с тем, чтобы Директива стала охватывать прокладку труб и эксплуатацию СП-2 юридически. В феврале 2016 г. ЕК обратилась к собственной юридической службе для того, чтобы расширить зону действия Директивы и устранить некие «правовые лазейки». Поскольку ЕК было отказано в претензии, она предприняла новую попытку, отправив запрос в Совет ЕС обращение с просьбой о получении мандата на переговоры с Россией относительно распространения юрисдикции ЕС на СП-2. В заключении от 27.09.2017 юридическая служба Совета ЕС отвергла эту просьбу, тем самым опровергнув факт распространения юрисдикции ЕС в области газа на третьи страны-поставщики. Во-первых, Еврокомиссии было отказано в обоих случаях лишь по одной причине – проект СП-2 (строительство газопровода, его дальнейшая эксплуатация) регулируется Конвенцией ООН по Морскому праву от 1982 г., в основе которой лежит принцип свободы морей. В тех частях Балтийского моря, которые являются «исключительными экономическими зонами» прибрежных государств, их континентальных шельфов, должны быть учтены исключительные интересы прибрежных государств. В их территориальных водах (в радиусе 12 миль) на строительство газопровода распространяются дополнительные национальные регламенты прибрежных государств. Разумеется, о распространении Газовой Директивы на СП-2 в этом случае не может быть и речи.

Тем не менее, в ноябре 2017 г. ЕК представила очередной проект поправки к 3 Газовой Директиве, которая расширила зону действия на газопроводы из третьих стран. Теперь Газовая Директива также распространяется на морскую часть СП-2.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Third energy package [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/energy/topics/markets-and-consumers/market-legislation/third-energy-package_en, 2019 (Дата обращения: 05.09.2021)
2. Riley A. Nordstream 2: Too Many Obstacles, Legal, Economic, and Political to be Delivered?, Washington, DC: Atlantic Council, 2015.
3. Goldthau Andreas Assessing Nord Stream 2: regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK. The European Centre for Energy and Resource Security (EUCERS), Department of War Studies & King's Russia Institute Strategy Paper 10 [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/306013591_Assessing_Nord_Stream_2_regulation_geopolitics_energy_security_in_the_EU_Central_Eastern_Europe_and_the_U, July 2016 (Дата обращения: 20.03.2021)
4. Pirani, Simon, and Katja Yafimava Russian Gas Transit Across Ukraine Post-2019: pipeline scenarios, gas flow consequences, and regulatory constraints, Oxford: Oxford Institute for Energy Studies. OIES Paper: NG 105. 2016

5. Goldthau Andreas Assessing Nord Stream 2: regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK. The European Centre for Energy and Resource Security (EUCERS), Department of War Studies& King's Russia Institute Strategy Paper 10 [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/306013591_Assessing_Nord_Stream_2_regulation_geopolitics_energy_security_in_the_EU_Central_Eastern_Europe_and_the_U, July 2016 (Дата обращения: 20.03.2021)
6. Consolidated Reader-Friendly Edition of the Treaty on European Union (TEU) and the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU) as amended by the Treaty of Lisbon (2007) [Электронный ресурс] URL: <http://en.euabc.com/upload/books/lisbon-treaty-3edition.pdf>, 2009 (Дата обращения – 02.05.2021)
7. Газпром. Новый экспортный газ в Европу // [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazprom.ru/projects/nord-stream2/> 2017 (дата обращения: 02.05.2021)
8. Götz Roland The Nord Stream 2 Dispute: Legal, Economic, Environmental and Political Arguments Russian, Analytical Digest No. 221 Berlin, 2018 [Электронный ресурс] URL: <https://css.ethz.ch/en/publications/rad.html> (Дата обращения: 25.03.2021) S.7-10
9. ТАСС Антимонопольное расследование Еврокомиссии против "Газпрома" закрыто [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/5230784>, 2018 (Дата обращения: 03.04.2021)
10. Götz Roland Die Lex Nord Stream 2 RUSSLAND-ANALYSEN NR. 354, 04.05.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://www.laender-analysen.de/russland-analysen/> (Дата обращения: 05.03.2021)

Особенности рассмотрения судами споров в электроэнергетике
Шалак Дарья Геннадьевна
Санкт-Петербургский государственный университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье описывается проблема рассмотрения арбитражными судами споров на розничном рынке, связанных с электроэнергетикой. Проводя анализ судебной практики, можно прийти к выводу о том, что подобные споры, зачастую, требуют специальных знаний, которые возможно получить только путем проведения экспертизы, без них, спор решается только опираясь на нормы права, которые уже не отвечают действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Электроэнергетическое право; оптовый рынок электроэнергии; розничный рынок электроэнергии; проблемы назначения экспертизы в электроэнергетическом праве; доказывание в арбитражном процессе; потребители электроэнергии; гарантирующие поставщики; электросбытовые (энергоснабжающие) организации.

ABSTRACT

This article describes the problem of arbitration courts considering disputes in the retail market related to the electric power industry. Analyzing judicial practice, one can come to the conclusion that such disputes often require special knowledge, which can only be obtained by conducting an examination, without them, the dispute is resolved only based on the norms of law, which no longer correspond to reality.

KEYWORDS

Electric power law; wholesale electricity market; retail electricity market; problems of appointment of expertise in electric power law; proof in arbitration; consumers of electricity; guaranteeing suppliers; electric utility (energy supply) organizations.

Субъектами правоотношений в электроэнергетике, согласно ст. 3 ФЗ № 35 «Об электроэнергетике», являются лица, осуществляющие деятельность в сфере электроэнергетики, в том числе производство электрической, тепловой энергии и мощности, приобретение и продажу электрической энергии и мощности, энергоснабжение потребителей, оказание услуг по передаче электрической энергии, оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике, сбыт электрической энергии (мощности), организацию купли-продажи электрической энергии и мощности.

В данном определении не упомянуты потребители электрической энергии и мощности, об этом Городов О.А. говорит, что, не смотря, на их отсутствие в понятии субъектов электроэнергетики, они являются субъектами оптового и розничного рынков электроэнергии [8]. Для потребителей характерно приобретение электрической энергии и мощности для собственных бытовых и (или) производственных нужд [2].

Как было упомянуто Городовым, в законодательстве об электроэнергетике рынки делятся на две категории – оптовый и розничный [2], которым присущи определенные виды потребителей.

Оптовый рынок представляет собой сферу обращения электрической энергии и мощности в рамках Единой энергетической системы России. В данной системе принимают участие крупные потребители, для которых характерно присоединение к электрическим сетям в особом, установленном нормами порядке, и соответствие показателям потребления электроэнергии, превышающим минимально допустимые значения, определенные правилами оптового рынка (критерии крупных потребителей устанавливаются Правительством Российской Федерации), и лица, получившие статус субъекта оптового рынка в Ассоциации «НП Совет рынка». В качестве регулирования оптового рынка используется Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» и Правила оптового рынка электрической энергии и мощности (постановление Правительства Российской Федерации от 27.12.2010 №1172).

Потребители, не попадающие под критерии оптового рынка, относятся к розничному и регулируется, кроме уже упомянутого ФЗ об электроэнергии, Постановлением Правительства Российской Федерации от 04 мая 2012 года №442. На данном рынке реализуется электрическая энергия, приобретённая на оптовом рынке или поставляемая генерирующими компаниями, не являющимися участниками оптового рынка.

Уникальным субъектом розничного рынка является гарантирующий поставщик, который обязан заключить договор электроснабжения с любым, кто желает перебрести электрическую энергию. Так, публичный договор и специфика рынка, определенная тем, что сбыт и потребление доступно всем лицам, отношения между которыми невозможно контролировать, свидетельствуют о том, что больше всего споров происходит между потребителями электрической энергии, гарантирующими поставщиками, энергосбытовыми (энергоснабжающими) организациями, производителями электрической энергии (не имеющими права на участие в оптовом рынке) территориальными сетевыми организациями и субъектами оперативно-диспетчерского управления.

Анализ судебной практики, связанной с электроэнергетикой, показывает, что чаще всего встречается споры между сетевыми компаниями и потребителями о технологическом присоединении; споры между гарантирующими поставщиками, энергоснабжающими организациями и потребителями об использовании ненадлежащего оборудования и отсутствия оплаты. У большинства из этих споров есть общая черта – отсутствие экспертизы, позволяющей суду получить специальные знания, необходимые для вынесения справедливого решения.

Например, Арбитражный суд Челябинской области, рассматривая спор по делу № А76-17627/2020 между ООО «Профит Центр Плюс» (Далее – Истец) и ООО «БИОника» о взыскании с ответчика убытков, был вынужден опираться только на противоречащие акты сторон.

Суть дела заключается в том, что между ответчиком (собственник) и истцом (транзитный потребитель) заключено Соглашение по вопросам электроэнергии от 01.01.2019 года (далее по тексту - Соглашение), которое вступило в силу с 01.01.2019 года и действует до настоящего времени. По указанному Соглашению, ответчик является

транзитным поставщиком электроэнергии, в перечень его обязанностей входит -не препятствовать получению истцом электроэнергии, нести бремя содержания приборов учета и иного оборудования, посредством которого электроэнергия поступает к хозяйствующим объектам, для своевременного и полного снабжения истца электроресурсами.

25.02.2020 года было зафиксировано самовольное отключение Ответчиком электроэнергии. Согласно одностороннему Акту об отключении электроэнергии, составленному Истцом без участия Ответчика, было установлено отсутствие фаз от силового шкафа до трансформаторной подстанции. При этом, инженер Истца проверив все оборудование, пришел к выводу, что оно все находится в удовлетворительном состоянии и пригодно для дальнейшей эксплуатации.

Ответчик, наоборот утверждает, что причиной отключения электроэнергии могла быть большая изношенность изоляции кабеля и как следствие короткое замыкание. В свою защиту он утверждал, что Директор ООО «Профит Центр Плюс» неоднократно был уведомлен о состоянии оборудования.

По мнению ответчика, утверждение истца о том, что ответчик намеренно отключал электроэнергию истцу, является ничем не подкрепленным домыслом.

Оценив представленные истцом доказательства, суд пришел к выводу, что они не свидетельствуют о причинно-следственной связи между виновными действиями (бездействием) ответчика и причинением истцу убытков в заявленном размере.

Следующий пример, дело № А68-12019/2019 о признании недействительными и незаконными актов о неучтенном потреблении электрической энергии и актов проверки приборов учета электрической энергии. Спор возник из-за поломки двух приборов учета электрической энергии, в состав которых входят трансформаторы тока 25.02.2019 г. Одним из аргументов истца является – неопределённость точной даты распломбировки, так как впервые лицо, узнавшее о поломке, обратилось к ответчику «с заявлением об опломбировке трансформаторов тока в связи с их заменой только 25.02.2019. В данном заявлении ничего не указано о якобы имевшей место 22.02.2019 (по мнению Истца) аварийной ситуации и мерах, принятых для ее устранения. Разумного и аргументированного объяснения своей позиции представитель Истца в судебном заседании привести не смог.

Таким образом, поскольку достаточной совокупности доказательств, подтверждающих возникновение аварийной ситуации и выход из строя трансформаторов тока истцом не представлено, а доводы истца о наличии 22.02.2019 аварийной ситуации не нашли своего объективного подтверждения, доказательств сообщения гарантирующему поставщику и сетевой организации о нарушениях в работе приборов учета не имеется» [7].

Рассмотрение судами дел, связанных с электроэнергетикой часто взаимосвязано с техническим оборудованием, например с его поломкой или неправильным присоединением, как правило установление таких фактов невозможно без специальных познаний в данной области науки. Неправильное определение каких-либо данных может повлечь за собой ненадлежащую защиту стороны, чье право нарушено, либо наоборот необоснованное улучшение ее положение по сравнению с тем, которое было изначально. Согласно ст. 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать

обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, но как видно из рассмотрения судебной практики, сами стороны не ходатайствуют о назначении экспертизы для доказывания своей позиции, так как не готовы нести расходы, а для вынесения справедливого решения суду необходимо получение специальных знаний, единственный способ достичь этого - назначение экспертизы.

Ст. 71 АПК РФ обязывает суд оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Ввиду отсутствия практических знаний, на которые можно было бы опираться при вынесении решения, он вынужден держаться только за нормы права, которые не всегда отражают всей действительности и устаревают, об этом Тарасов говорит, что «существующие особенности рассмотрения энергетических споров показывают, что некоторые из них являются результатом несовершенства законодательства и неразработанности теоретических основ соответствующих процессуальных конструкций» [6].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002 г. - N 30.
2. Федеральный закон "Об электроэнергетике" от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2003 г. - № 13. – ст. 1177.
3. Постановление Правительства РФ "О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии" от 04.05.2012 N 442 (ред. от 12.07.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2012, - N 23. - ст. 3008.
4. Постановление Правительства РФ "Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности" от 27.12.2010 N 1172 // Российская газета. - 05.04.2011.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О рассмотрении судами споров об оплате энергии в случае признания недействующим нормативного правового акта, которым установлена регулируемая цена" от 27.12.2016 г. N 63 // Российская газета. – 30.12.2016.
6. Решение Арбитражного Суда Челябинской области от 29 марта 2021 года по делу № А76-17627/2020 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие: система электронного документооборота для судов и участников судебного процесса. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/473f3db4-83b0-4a06-8858-054569fd992d/792ff4e4-fe99-4376-b22a-cd1e12ba3318/A76-17627-2020_20210329_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
7. Решение Арбитражного Суда Тульской области от 2 апреля 2021 года по делу № А68-12019/2019 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие: система электронного документооборота для судов и участников судебного процесса. URL:

https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cbe39fdb-0bef-4ce1-a734-c3f339f7a001/b3fecdea-68f6-48db-9d90-90fc9214455b/A68-12019-2019_20210402_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

8. Городов О. А. Введение в энергетическое право: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2015.
9. Кулаков А. Анализ судебной практики по спорам между субъектами бизнеса и органами государственного энергетического надзора // Административное право. - 2014. - №3.
10. Попондопуло В.Ф. Энергетическое право и энергетическое законодательство: общая характеристика, тенденции развития. Энергетика и право. - М.: Издательство «Юрист». - 2008.
11. Тарасов И.Н. Особенности обращения взыскания на электрическую энергию // Исполнительное право. - 2012. - №2.

К вопросу о правовом обеспечении управления топливно-энергетическим комплексом в
Российской Федерации
Штреблевская Полина Владимировна
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

АННОТАЦИЯ

В статье уделяется большое внимание топливно-энергетического комплекса как базовой отрасли экономики, раскрывается проблема правового регулирования топливно-энергетического комплекса. Анализируются основные нормативные правовые акты в области энергетического законодательства. Отмечается актуальность вопроса в сфере энергопотребления, энергосбережения, а также проблемы в сфере нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей промышленности. Отмечается, что соответствующая система подзаконных актов должна охватывать широкий круг вопросов, касающихся, в том числе нормативно-методических и нормативно-технических документов по вопросам развития и функционирования топливно-энергетической промышленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Энергетика, государство, комплекс, промышленность, право, законодательство, отрасль экономики.

ABSTRACT

The article pays great attention to the fuel and energy complex as a basic branch of the economy, reveals the problem of legal regulation of the fuel and energy complex. The main regulatory legal acts in the field of energy legislation are analyzed. The urgency of the issue in the field of energy consumption, energy conservation, as well as problems in the field of oil production, oil refining industry is noted. It is noted that the relevant system of by-laws should cover a wide range of issues, including regulatory and methodological and regulatory and technical documents on the development and functioning of the fuel and energy industry.

KEYWORDS

Energy, state, complex, industry, law, legislation, economic sector.

Топливо-энергетический комплекс в Российской Федерации (далее - ТЭК) успешно развивается в условиях санкций. Об этом на правительственном часе в Государственной думе Российской Федерации заявил министр энергетики Александр Новак. Как отметил министр, топливно-энергетический комплекс России, несмотря на неблагоприятную экономическую ситуацию, остается бюджетообразующей отраслью и дает более одной четверти валового внутреннего продукта (ВВП), две трети доходов от экспорта и четверть по объему инвестиций занимает всего в России [2].

Топливо-энергетический комплекс — усложненная межотраслевая система добычи и производства топлива и энергии, а также их транспортировка и целевое распределение. Эффективность государственного регулирования деятельности ТЭК во многом объясняет ее огромную значимость в развитии и правильном функционировании

страны в целом. Квалифицированное управление всегда исходит из грамотного правового обеспечения процессов и отношений, существующих в энергетической сфере.

С начала 90-х гг. XX столетия в России появилась настоятельная потребность в создании нормативно правовой основы в энергетической сфере, что было обусловлено интенсивным развитием рыночных отношений в таком важном секторе экономики, как энергетика, включающая в себя электроэнергетику, нефтегазовый комплекс, теплоэнергетику и другие значимые отрасли экономики. В связи с этим особая роль в решении вопросов развития указанных сфер, безусловно, отводится государству в рамках правового регулирования отношений.

В Российской Федерации система правового регулирования состоит из элементов общего и специального законодательства. К общему законодательству можно отнести Конституцию РФ, Бюджетный кодекс (БК РФ), Гражданский кодекс (ГК РФ), Земельный кодекс (ЗК РФ) и Таможенный кодекс (ТК РФ). Такое большое количество кодифицированных нормативных правовых актов регулирующих сферу ТЭК обусловлено, во-первых, сложностью правовых отношений в данной сфере, а во-вторых, тем, что ТЭК входит в часть экономики страны, а также содержит общие положения нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус субъектов топливно-энергетической отрасли. Например, к такому виду можно отнести Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 117-ФЗ «Об экспорте газа». В данном акте просматривается государственное регулирование экспорта газа, в чем отражается ее прямой характер энергетической сферы⁵⁷.

Регулятивные нормы сферы ТЭК содержатся в Постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 N 321 (ред. от 31.07.2021) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие энергетики", где содержатся подпрограммы, посвященные энергосбережению и повышению энергетической эффективности, реструктуризации угольной промышленности, развитию нефтяной и газовой отраслей, модернизации электроэнергетики, использованию возобновляемых источников энергии и др.⁵⁸.

Помимо этого, существуют и такие нормативные правовые акты, как: Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»; Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении»; Федеральный закон от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Федеральный закон от 31.03.1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации», законопроект «О добыче, переработке и транспортировке по магистральным трубопроводам нефтяного сырья и продуктов его переработки».

Главной целью законопроекта «О добыче, переработке и транспортировке по магистральным трубопроводам нефтяного сырья и продуктов его переработки» является создание правовых основ экономических отношений в сфере нефтедобывающей,

⁵⁷ Федеральный закон "Об экспорте газа" от 18.07.2006 N 117-ФЗ, режим доступа: pravo.gov.ru (дата обращения: 19.09.2021)

⁵⁸ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 321 (ред. от 31.07.2021) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие энергетики", режим доступа: pravo.gov.ru (дата обращения: 19.09.2021)

нефтеперерабатывающей промышленности, включая вопросы транспортировки по магистральным трубопроводам нефтяного сырья и продуктов его переработки.

Ключевым в части нормативного правового обеспечения ТЭК стало принятие Энергетической стратегии России от 13 ноября 2009 года № 1715-р. Целью энергетической политики России является максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций.

В ходе развития правоотношений в данной сфере распоряжение утратило свою законную силу, в связи с утверждением нового Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Энергетической стратегии РФ на период до 2035 года. Отметим, что при разработке Стратегии учитывалась принципиальная связь развития энергетики и обеспечения национальной безопасности, прежде всего энергетической безопасности. Направления развития энергетики согласованы с основными направлениями деятельности по обеспечению энергетической безопасности, определенными в Доктрине энергетической безопасности.

Исходя из вышесказанного, отметим, что грамотное правовое регулирование в сфере топливно-энергетического комплекса — это основа современной индустрии любого государства. В то же время, топливная промышленность — одна из главных загрязнителей природной среды. Для снижения негативного воздействия необходимо внедрять новые, более современные технологии, которые будут подкреплены усовершенствованным законодательством.

Таким образом, можно сделать вывод, что топливно-энергетический комплекс имеет колоссальное значение для России, как в экономике, так и в развитии страны. При этом, не менее важное значение имеет правовое регулирование управления топливно-энергетическим комплексом [1]. Регулирование исходит из большого количества нормативных правовых актов, как общего характера, так и специализированного содержания топливно-энергетической направленности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // ARS ADMINISTRANDI. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-zapadnye-upravlencheskie-modeli-sintez-new-public-management-i-good-governance> (дата обращения: 01.05.2021).
2. Коммерсантъ // Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/2745729> (дата обращения 10.10.2021 г.)

Процедуры контроля и надзора в топливно-энергетическом комплексе: новеллы и перспективы

Якубова Гульнур Фяритовна
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина

АННОТАЦИЯ

В статье автором рассмотрены вопросы относительно процедур контроля и надзора в топливно-энергетическом комплексе, освещены основные нормативно-правовые акты, регулирующие данную деятельность, определены полномочия Ростехнадзора как контрольно-надзорного органа в сфере энергетики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Контроль и надзор, энергетика, Ростехнадзор, топливно-энергетический комплекс, нормативные акты, энергетический надзор, Энергетическая стратегия.

ABSTRACT

In the article, the author considers issues regarding control and supervision procedures in the fuel and energy complex, highlights the main regulatory legal acts regulating this activity, defines the powers of Rostechnadzor as a control and supervisory authority in the energy sector.

KEYWORDS

Control and supervision, energy, Rostechnadzor, fuel and energy complex, regulations, energy supervision, Energy strategy.

Так как представить жизнь современного общества без энергетики невозможно, то данная отрасль является важнейшей для жизнедеятельности государства.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью рассмотрения процедур контроля и надзора в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации. При написании статьи были использованы труды отечественных учёных, это в частности: Е.Е. Леухиной и Л.А. Тихомировой и нормы действующего законодательства России.

Первоочередным документом в энергетической отрасли является принятая Правительством Российской Федерации, Энергетическая стратегия России на период до 2035 года, которая является фундаментальной основой всего энергетического комплекса, что подчёркивает первостепенную важность этой отрасли и необходимость её развития для государства.

Исследуя нормативно-правовые акты, которые устанавливают обязательные требования при осуществлении федерального государственного энергетического надзора, отметим следующие из них:

1. Федеральные законы: «Об особо охраняемых природных территориях», «Об электроэнергетике», «Об энергосбережении и повышенной энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также «Технический регламент о безопасности низковольтного оборудования» и «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».

2. Постановления Правительства Российской Федерации: «О мерах по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением особых условий использования земельных участков, расположенных в границах охранных зон объектов электросетевого хозяйства» и «О внесении изменений в положение о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию».

Кроме того в сфере государственного энергетического надзора имеются подзаконные нормативные акты, это приказы, инструкции и положения, при этом следует отметить, что в нашей стране полный перечень нормативно-правовых актов, которые были изданы органами законодательной и исполнительной власти составляет 45 единиц.

Указанное количество с одной стороны свидетельствует о том, что сфера топливно-энергетического комплекса крайне важна для страны, однако можно и констатировать о том, что правовая сторона отрасли не достаточна кодифицирована. С нашей точки зрения это можно объяснить разветвлённостью топливно-энергетической отрасли и деление её на составляющие подотрасли.

Необходимо отметить факт, что государственное управление в сфере энергетики осуществляется значительным количеством государственных органов, которые действуют в соответствии с установленными действующим законодательством полномочиями и согласно принципам государственного регулирования, закреплённым в энергетическом законодательстве. Одним из приоритетных направлений в энергетической отрасли является энергетическая безопасность, для обеспечения которой создана система специальных надзорных органов. [15, 62]

Так, на федеральную службу Ростехнадзор возлагаются полномочия по осуществлению полномочий в сфере контроля и надзора за топливно-энергетическим комплексом и нормативно-правовому регулированию в установленной сфере деятельности.

Таким образом, кроме контроля и надзора за отраслевой деятельностью энергетиков, важная функция принадлежит Ростехнадзору в сфере подготовки, издания и применения в своей деятельности нормативно-правовых актов на федеральном уровне. Относительно организация и проведение проверок, которые проводит Ростехнадзор, то данная деятельность осуществляется Управлением государственного энергетического надзора, который действует через сеть филиалов. [13, 77-80]

В настоящее время в рамках реформирования контрольно-надзорной деятельности изменены регламентирующие работу Ростехнадзора законодательные акты, в частности Президентом Российской Федерации 11 июня 2021 г. подписан Федеральный закон № 170 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»».

На основании вышеуказанного федерального закона в части компетенции Ростехнадзора внесены изменения, которые вступают в силу с 1 июля 2021 года. Указанные изменения затрагивают часть федеральных законов и Градостроительный кодекс. Изменениями уточнён предмет и определены особенности осуществления контрольно-надзорных мероприятий и мероприятий по профилактике нарушения

обязательных требований при осуществлении указанных видов государственного надзора.

В соответствии с частью 7 статьи 98 Федерального закона № 248 в 2021 году ранее запланированные плановые проверки будут проведены согласно ранее утверждённому ежегодному плану.

Указанные изменения в законодательстве существенно не внесли изменений в полномочия Ростехнадзора и не привели к изменению его регламентов, однако Федеральная служба проводит профилактические мероприятия по энергосбережению с учётом зарубежного опыта, что позволит решить вопрос об их рациональном использовании.

Отметим, что наша страна нуждается в более инновационных технологиях, применение которых позволит провести модернизацию существующих сетей и построении новых, более эффективных.

В этой связи контрольно-надзорная деятельность Ростехнадзора является приоритетной в сфере обеспечения существующих норм и технических регламентов в топливно-энергетической сфере.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Федеральный закон № 35 «Об электроэнергетике» от 26.03.2003;
2. Федеральный закон № 384 «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30.12.2009;
3. Постановление Правительства РФ № 401 «О Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору» от 30.07.2004;
4. Постановление Правительства РФ № 610 «О федеральном государственном энергетическом надзоре» от 20.07.2013;
5. Постановление Правительства Российской Федерации № 103 «О мерах по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением особых условий использования земельных участков, расположенных в границах охранных зон объектов электросетевого хозяйства» от 27.02.2010;
6. Постановление Правительства Российской Федерации № 235 «О внесении изменений в положение о составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» от 12.04.2010;
7. Приказ Министерства энергетики Российской Федерации № 229 «Об утверждении правил технической эксплуатации электрических станций и сетей Российской Федерации» от 19.06.2003;
8. Леухина Е.Е. К вопросу об организации надзора за обеспечением безопасности в сфере электроэнергетики – «Административное право и процесс» – № 5, 2015, стр.77-80;
9. Сайт Министерства энергетики РФ: <https://minenergo.gov.ru/node/15357>
10. Тихомирова Л.А. Технологический надзор в Российской Федерации: проблемы правоприменения – «СПС Консультант-Плюс», 2019, стр.62.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абдулкаюмов Ильдус Наилевич</i> Государственное регулирование цен на газ и тарифов на услуги по его транспортировке.....	3
<i>Акобян Арам Тигранович</i> Правовое обеспечение экологической безопасности при пользовании недрами континентального шельфа российской федерации.....	8
<i>Афонин Алексей Николаевич, Недорезков Сергей Вячеславович</i> Проблемы формирования углеродного рынка в Российской Федерации.....	16
<i>Афоница Екатерина Алексеевна</i> Международно-правовое и внутригосударственное регулирование добычи и транспортирования нефти.....	21
<i>Бесланеева Марьям Сергеевна</i> Правовые проблемы осуществления геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых, содержащихся в отходах недропользования.....	27
<i>Бикмаев Булат Римович</i> Микрогенерация: некоторые проблемы правового регулирования.....	33
<i>Бойченко Лада-Екатерина Вадимовна</i> Правовое обеспечение безопасности объектов ТЭК.....	38
<i>Борзенкова Екатерина Юрьевна</i> Налогообложение в сфере ТЭК – основные задачи совершенствования.....	42
<i>Бушан Ольга Сергеевна</i> Право собственности на нефть, протекающей в трубопроводе на территории Российской Федерации.....	47
<i>Вербенко Ксения Сергеевна</i> Предложения по порядку лицензирования отходов добычи через процедуру «формирование перечней объектов, предлагаемых для геологического изучения».....	54
<i>Виноградов Евгений Александрович</i> Предоставление права пользования недрами для целей разработки газовых месторождений.....	59
<i>Войтинская Вероника Владимировна</i> Интернет вещей в нефтегазовой отрасли: правовое регулирование.....	64
<i>Володин Дмитрий Алексеевич</i> Проблемы исполнения контрактов - ЕРС инжиниринга объектов нефтегазовой отрасли.....	68
<i>Вольных Алина Артёмовна</i> Некоторые проблемы поддержки нефтегазового комплекса России.....	74
<i>Гао Юй</i> Правовая реформа по обеспечению свободного доступа к газотранспортной системе Китая.....	79
<i>Геттих Нелли Павловна</i> Правовые аспекты развития атомной энергетики.....	84

<i>Гуськов Михаил Анатольевич, Круглов Владимир Васильевич, Молодова Анастасия Николаевна</i>	
Проблемы совершенствования нормативно правовой базы в области обеспечения безопасности транспорта природного газа.....	91
<i>Гутникова Юлия Михайловна, Ключач Ксения Георгиевна</i>	
Уголовно-правовые аспекты обеспечения безопасности топливно-энергетического комплекса России.....	94
<i>Данилов Иван Сергеевич</i>	
Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии.....	98
<i>Дерябин Кирилл Викторович</i>	
Цифровизация процедур контроля и надзора в топливно-энергетического комплекса.....	101
<i>Доцатов Антон Александрович</i>	
Национальная политика российской федерации в климатической сфере в эпоху цифровизации.....	105
<i>Дудченко Кирилл Александрович</i>	
Подходы к определению понятия и классификации объектов горного имущества.....	110
<i>Елисеев Виталий Игоревич</i>	
Интеллектуальная собственность в проектах цифровой трансформации.....	116
<i>Земцова Софья Николаевна, Зыкова Валерия Викторовна</i>	
Трансграничный углеродный налог.....	122
<i>Ивлюшкин Александр Сергеевич</i>	
Теоретические аспекты формирования документов стратегического планирования в области обеспечения информационной безопасности объектов топливно-энергетического комплекса в российской федерации.....	127
<i>Игнатьев Даниил Алексеевич</i>	
Место воспроизводства минерально-сырьевой базы в системе горного права.....	131
<i>Карапетян Арман Рафаелович</i>	
Правовое регулирование охраны водных объектов при пользовании недрами.....	136
<i>Кармова Лиана Аскерхановна</i>	
Посягательства на ресурсы Арктики.....	139
<i>Касаткин Андрей Владимирович</i>	
Правовые основы развития гидроэнергетики как отрасли экологического предпринимательства в республике таджикистан.....	141
<i>Касаткин Андрей Владимирович</i>	
Правовое регулирование охраны окружающей среды от разливов нефти.....	146
<i>Кварацхелия Лучия Закроевна</i>	
Защита коммерческой тайны в условиях цифровизации ТЭК.....	151
<i>Комова Мария Юрьевна</i>	
Обзор изменений законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации в вопросах регулирования ТЭК за 2020-2021 г.....	157
<i>Комольцева Мария Вадимовна</i>	

Подходы к установлению внешних границ континентального шельфа РФ в Арктике.....	162
<i>Конев Сергей Игоревич</i>	
Искусственный интеллект в топливно-энергетическом комплексе России: правовые аспекты.....	165
<i>Красноперова Ульяна Александровна</i>	
Деятельность топливно-энергетического комплекса в современных условиях.....	168
<i>Кужиль Александр Сергеевич</i>	
Основные проблемы, тенденции и предложения по развитию конкуренции на рынке нефти и нефтепродуктов.....	171
<i>Кузьмичева Галия Алимжановна</i>	
Энергетическая безопасность в условиях цифровой трансформации ТЭК.....	175
<i>Кумашов Данияр Жолдошбекович</i>	
Обеспечение правовой среды для использования и развития возобновляемых источников энергии в сфере ТЭК как вызов времени.....	180
<i>Куркина Алена Сергеевна</i>	
Правовые основы борьбы с углеродным следом.....	184
<i>Кушнерева Светлана Сергеевна</i>	
Правовое регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса в современных условиях.....	187
<i>Лаврентьева Татьяна Николаевна</i>	
Правовая квалификация договора об оказании услуг транспортировки газа по магистральным трубопроводам.....	189
<i>Логон Диана Теофиловна</i>	
Корпоративное управление на принципах устойчивого развития.....	194
<i>Люсый Анастасия Павловна</i>	
Правовые аспекты применения ИИ в ТЭК.....	197
<i>Мазур Екатерина Александровна</i>	
К вопросу о государственно-правовой защите топливно-энергетического комплекса от киберпреступлений в России.....	204
<i>Маньков Максим Александрович</i>	
Перерасчёт суммы налога на добычу полезных ископаемых при несвоевременном утверждении нормативов потерь углеводородного сырья – право налогоплательщика.....	210
<i>Марина Алиса Алексеевна</i>	
Цифровые технологии как инструмент декарбонизации в нефтегазовом комплексе: направления применения в российской федерации.....	216
<i>Марчукова Анастасия Витальевна</i>	
Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности ТЭК.....	220
<i>Монченко Ольга Владимировна</i>	
Альтернативный способ разрешения споров, возникающих при реализации проектов в сфере электроэнергетики: в ногу со временем.....	225
<i>Морозова Анна Александровна</i>	
К вопросу о посягательствах на объекты топливно-энергетического комплекса.....	230

<i>Мухарычин Семен Владимирович</i>	
Правовая природа электроэнергии: гражданско-правовой и уголовно-правовой аспекты.....	233
<i>Муштакова Екатерина Сергеевна</i>	
Анализ законодательства, регламентирующего недропользование и охрану окружающей среды в Арктической зоне Российской Федерации.....	238
<i>Нгуен Тхи Тхюу Линь</i>	
Нефтегазовый комплекс России: состояние и главные проблемы.....	244
<i>Новичкова Полина Сергеевна, Лазарева Маруся Алексеевна</i>	
Государственное управление ресурсами нефти и газа в сфере ТЭК.....	249
<i>Озернов Максим Евгеньевич</i>	
Правовые способы решения коллизионных ситуаций вокруг добычи полезных ископаемых из материкового шельфа.....	255
<i>Остапенко Оксана Юрьевна, Остапенко Вера Вадимовна</i>	
Договор коммерческой концессии: проблемы правового регулирования.....	259
<i>Павленко Светлана Петровна</i>	
«Переход к углеродной нейтральности: миф или реальность? Правовые основы углеродного регулирования в России и Европе».....	264
<i>Петрович Бояна</i>	
Правовое регулирование перехода на водородную энергетику: опыт европейского союза, Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации.....	269
<i>Пищик Ксения Максимовна</i>	
Правовое регулирование стратегического развития топливно-энергетического комплекса в арктической зоне российской федерации.....	274
<i>Погосян Артем Александрович</i>	
Эффективность правового регулирования безопасности производства и труда на объектах ТЭК.....	279
<i>Позднякова Полина Витальевна</i>	
Экологическая экспертиза проектной документации недропользователей при истечении срока действия положительного заключения.....	283
<i>Понамарев Вадим Олегович</i>	
Юридическая ответственность за незаконные врезки на трубопроводах нефти и нефтепродуктов.....	288
<i>Прокофьева Анастасия Алексеевна</i>	
Проблемы развития «зеленой» микрогенерации.....	294
<i>Редичкина Александра Максимовна</i>	
Правовые вопросы регионального участия в финансировании муниципальных концессионных проектов в отношении объектов электроэнергетики.....	300
<i>Резяпова Диана Рафисовна</i>	
Актуальные проблемы развития нормативных актов в сфере развития минерально-сырьевой базы в РФ и перспективы принятия новых законодательных актов в этой области.....	305
<i>Рогалева София Владимировна</i>	

Правовое регулирование защиты атмосферного воздуха от воздействия морской индустрии.....	310
<i>Ролдугина Дарья Александровна</i>	
Нормативно-правовое регулирование газоснабжения в России.....	315
<i>Рыкова София Максимовна</i>	
Предлагаемая модель классификации договоров портфельных игроков сжиженного природного газа.....	318
<i>Савченко Елизавета Викторовна</i>	
Анализ правового регулирования российского законодательства в области возобновляемой энергетики на примере договоров о предоставлении мощности.....	325
<i>Садовский Владислав Александрович</i>	
Правовое регулирование геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых.....	328
<i>Сараф Дмитрий Ярославич</i>	
Перспективное регулирование и применение автономных летательных аппаратов для технического обслуживания объектов ТЭК.....	334
<i>Семенович Кристина Сергеевна</i>	
Низкоуглеродная энергетика России.....	339
<i>Сергина Антонина Александровна</i>	
Нормативно-правовое регулирование гендерного представительства в ТЭК.....	343
<i>Ситяева Ольга Сергеевна</i>	
Оценка экономической безопасности электроэнергетической отрасли как способ выявления угроз ее функционирования.....	347
<i>Старцева Екатерина Дмитриевна</i>	
Аварийные разливы нефти и нефтепродуктов: понятие, причины и виды.....	353
<i>Стулов Артем Андреевич</i>	
Проблемы правового регулирования института единых недвижимых комплексов в нефтегазовой сфере.....	357
<i>Таджетдинова Амалия Наилевна</i>	
Российское нормативно-правовое регулирование после введения трансграничного углеродного налога в европейском союзе.....	362
<i>Тимофеева Валерия Эдгаровна</i>	
Сравнение моделей налогообложения крупнейших стран отрасли по добыче нефти.....	366
<i>Токмакова Елена Петровна</i>	
Правовое регулирование стабильного и устойчивого развития топливно-энергетического комплекса в условиях цифровизации и экологизации.....	371
<i>Химич Алексей Александрович</i>	
Проявление кибератак на объектах ТЭК и меры их противодействия.....	374
<i>Хомяк Виктория Михайловна</i>	
Актуальные проблемы правового регулирования опционных конструкций.....	379
<i>Чугунов Глеб Павлович</i>	

Правовое регулирование проекта «Северный поток-2»: политический аспект.....	384
<i>Шалак Дарья Геннадьевна</i>	
Особенности рассмотрения судами споров в электроэнергетике.....	389
<i>Штреблевская Полина Владимировна</i>	
К вопросу о правовом обеспечении управления топливно-энергетическим комплексом в Российской Федерации.....	394
<i>Якубова Гульнур Фяритовна</i>	
Процедуры контроля и надзора в топливно-энергетическом комплексе: новеллы и перспективы.....	397

